

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Смекалина Валентина Владимировна

Русские путешественники в Швейцарии во второй половине
XVIII – первой половине XIX в.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., проф. Андреев Андрей Юрьевич

Москва – 2014

Содержание:

Введение	4
Историография	10
Обзор источников	23
Краткие сведения о Швейцарии и ее связях с Россией в эпоху Просвещения.....	33
1. Знакомство России со Швейцарией. Первые швейцарцы в России.	33
2. «Мифы» швейцарской истории	37
Глава 1. Открытие Швейцарии русскими путешественниками (1750-е – начало 1790-х гг.).....	44
I. Первопроходцы, ставшие старожилками: братья Авраам и Федор Веселовские ..	44
II. Русские путешественники на берегах Женевского озера во второй половине XVIII в.....	53
II.1 Общий обзор путешествий	53
II.2. 1750-е – начало 1760-х гг.	59
II.3. Конец 1760-х – середина 1770-х гг.	88
II.4. 1780-е – начало 1790-х гг.	108
Глава 2. Русские путешественники в Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в.: общая характеристика.	118
I. Новая эпоха «русских путешествий» в Швейцарию и ее особенности	118
II. Подготовка к путешествию	125
III. Будни путешественников	134
IV. Маршруты и достопримечательности	138
V. Размышления о России в путешествиях по Швейцарии	156
Глава 3. «Швейцарский миф» и «воодушевление Альпами» в путевых заметках россиян в конце XVIII – первой половине XIX в.....	169
I. Увлечение Европы Швейцарией: истоки, пути распространения, воздействие	169
II. Процесс усвоения «швейцарского мифа» в русской традиции путешествий конца XVIII в.....	186
II.1 Граф Северный: русский принц в стране «патриархальной идиллии».....	186
II.2 Альпийское путешествие П.А. Строганова.....	191
II.3 Н.М. Карамзин и перенос «швейцарского мифа» на русскую почву.....	197
III. «Швейцарский миф» у русских путешественников первой половины XIX в..	216
IV. Пространство природы и Просвещения: «аристократическая идиллия» Ф.Г. Головкина	238
V. Итоги: «воодушевление Альпами» как квинтэссенция швейцарских впечатлений в путевых заметках русских путешественников	252
Заключение.....	264
ПРИЛОЖЕНИЕ:	268
Таблица русских путешественников в Швейцарии во второй половине XVIII - первой половине XIX в.....	268
Россияне, постоянно или временно проживавшие в Швейцарии в XVIII – первой половине XIX в.....	280

Русские студенты в Женевской Академии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.....	281
Русская дипломатическая миссия в Швейцарии в первой половине XIX в.	281
Список обработанных архивных фондов.....	282
Список источников.....	283
Список литературы.....	291
Справочная литература.....	300

Введение

Одним из важнейших факторов развития российской культуры в прошлом, настоящем и будущем был и остается диалог культур и их взаимное обогащение. Швейцария является одной из европейских стран, культурные взаимосвязи с которой стали особо плодотворным для России и русского общества. История российско-швейцарских отношений насчитывает по меньшей мере 300 лет, и основы этих связей были заложены в эпоху Просвещения. Одним из первых уроженцев альпийского региона в России стал сподвижник Петра Великого, женевец Франц Лефорт, за которым вскоре последовали и другие швейцарские специалисты, ученые, религиозные деятели, педагоги и путешественники. Все они несли с собой новую для России культуру, способствуя постепенному сближению двух, казалось бы, столь разных в своем историческом и политическом развитии и географическом положении стран. Однако эти различия совершенно не препятствовали интересу, который испытывали швейцарцы к России, а россияне к Швейцарии. От «пассивного» знакомства с альпийской республикой россияне, начиная с середины XVIII в., переходят к «активному» ее освоению: в Швейцарию отправляются первые русские путешественники. Их путешествия носили разноплановый характер – от поездок учебных, образовательных до вояжей с культурной, познавательной целью, поездок на лечение и служебных командировок. Невозможно недооценить значение этих путешествий в процессе складывания и укрепления культурных взаимоотношений двух стран. Во многом благодаря издававшимся в России путевым журналам, дневникам и мемуарам путешественников (значительная часть из них публиковалась в ведущих периодических изданиях) русская публика открывала для себя совершенно незнакомый ей доселе мир швейцарской культуры, швейцарской повседневности. Из уст соотечественников-очевидцев перед русским читателем являлись описания высоких снежных швейцарских Альп, их

ледников и крутых склонов, идиллической картины жизни альпийских пастухов... Путешествия россиян служили весомым вкладом и в саму русскую культуру, обогащая ее опытом диалога с чуждым ей доселе народом. Сами же путешественники, оказавшись на чужбине, намного острее чувствовали свою связь с Россией, что способствовало более четкому осознанию ими своей причастности к русской культуре.

В настоящей работе **объектом** исследования являются русско-швейцарские историко-культурные связи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. как важная составная часть развития русской культуры этого времени. **Предметом** исследования служат непосредственно русские путешественники, посетившие Швейцарию в рассматриваемый период. При этом изучаются как внешние условия совершенных россиянами путешествий, их подготовка, маршруты, предпочитаемые регионы, длительность пребывания и т.д., так и «внутренние» аспекты путешествий – впечатления путешественников, в первую очередь восприятие ими различных сторон швейцарской действительности – исторической, социальной, культурной, природной.

Нижняя хронологическая граница исследования определяется временем первого знакомства россиян со Швейцарией, которое падает на середину XVIII в., поэтому первые описания альпийских впечатлений в русской культуре тесно связаны с эпохой Просвещения и довлевшими на ее излете литературными стилями сентиментализма и раннего романтизма, где был выработан жанр *сентиментального путешествия*. **Верхней хронологической рамкой** исследования выбрана середина XIX в. – период, когда в эпоху Великих реформ выезд россиян за границу был значительно облегчен, что положило начало эпохе «массового русского туризма»¹, немедленно затронувшего Швейцарию – в этих новых условиях поездки

¹ О значительном упрощении и удешевлении с 1856 г. процедуры выезда за границу и о больших изменениях в связи с этим в количественном составе отъезжающих см., например: Иванов А.Е. Русское академическое зарубежье XVIII – начала XX века (к постановке научной проблемы) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX – XX вв. М., 1997; Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX в. М., 2008. С.24.

туда, в целом, перестали осмысляться в категориях культурного диалога и служить материалом для создания литературных текстов (хотя отдельные такие примеры, естественно, встречались и во второй половине XIX в.), а приобрели традиционные и до сегодняшнего дня черты индустрии отдыха и развлечений.

Цель работы – проследить эволюцию образа Швейцарии в русской культуре второй половины XVIII – первой половины XIX в. и тот вклад, который внесли в этот образ записки русских путешественников. В связи с этим были поставлены следующие задачи исследования:

1) выявить по возможности наиболее полный состав русских путешественников в Швейцарии второй половины XVIII – первой половины XIX в. и связанные с ними тексты – литературные описания путешествий, дневники, письма и воспоминания;

2) раскрыть причины зарождения традиции «русских путешествий» в Швейцарию и представить картину пребывания первых россиян в Швейцарии, соотнеся ее с системой связей дворянской аристократии за границей, характерной для второй половины XVIII в.

3) исследовать принцип организации «русских путешествий» в Швейцарию в первой половине XIX в.: подготовку к поездке, выбор маршрутов, собственно обстоятельства путешествия и проч.

4) раскрыть вызревшие в Швейцарии культурные явления, которые оказали значительное влияние на восприятие этой страны русскими путешественниками;

5) установить влияние «швейцарского опыта» предшественников на последующие поездки русских путешественников и культурную преемственность этих путешествий;

6) выявить общие для большинства русских путешественников ведущие темы в восприятии Швейцарии.

В первой главе настоящей работы, охватывающей период с 1750-х гг. до конца XVIII в., материал изложен в соответствии с хронологическим

принципом, вторая и третья главы, посвященные «русским путешествиям» в Швейцарию в конце XVIII – первой половине XIX в., организованы в соответствии с проблемным принципом.

В настоящем исследовании важно дать четкие определения используемым в нем терминам, к которым относится сам термин «русский путешественник», а также понятие о «швейцарском мифе», употребляемое во второй и третьей главах. **Русскими путешественниками** мы будем считать тех жителей Российской империи (за исключением остзейских губерний, Литвы и Царства Польского), которые приезжали в Швейцарию на ограниченный период времени с образовательными, познавательными или лечебными целями и фиксировали впечатления от своего пребывания в Швейцарии в письмах, дневниках, путевых журналах, записках (заметках) о путешествии, мемуарах (часто *с целью последующей публикации своих сочинений*²). Помимо собственно русских путешественников на протяжении изучаемого периода можно также выделить такие категории россиян в Швейцарии, как:

- *Обучающиеся* (студенты в широком смысле этого слова) – россияне, проходившие обучение в Академиях Женевы или Лозанны, имена которых зафиксированы в академических матрикулах, а также россияне, бравшие частные уроки в названных городах (как правило, у преподавателей этих Академий):
- *Сопровождающие* – гувернеры, слуги;
- *Временно проживающие* в Швейцарии россияне³;
- *Сотрудники российской дипломатической миссии* в Швейцарии.

² Разумеется, этому правилу есть и исключения: так, например, кузены Ланские, Г.Г. Орлов, В.П. Кочубей, великая княгиня Екатерина Павловна не оставили записок о своем пребывании в Швейцарии, однако у нас имеются достаточно подробные свидетельства третьих лиц об их путешествиях. Также к разряду русских путешественников мы будем причислять тех россиян, про которых известно из источников, что они находились в Швейцарии некоторый ограниченный период времени (иногда это спутники или встреченные в Швейцарии знакомые тех русских путешественников, которые оставили заметки о своем путешествии: И.М. Борн, граф П.А. Шувалов с супругой, С.А. Соболевский, кн. М.А. Нарышкина, П.Г. Редкин, кн. П.И. Мещерский с семьей, С.Н. Карамзина, кн. Н.Г. Репнин-Волконский с супругой, А.П. Теслев, кн. В.Н. Максудов). Полный список русских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX в. см. в Приложении.

³ Подробнее см. Приложение.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. среди приезжавших в Швейцарию россиян еще пока не выделяются политические эмигранты как отдельная категория (они появляются в Швейцарии только во второй половине XIX в.). Однако нескольких «эмигрантов» все же можно назвать: это братья Веселовские в XVIII в. и В.С. Печерин в XIX в.

Подробнее упоминающиеся в работе россияне, посетившие Швейцарию в изучаемый период времени, распределены по вышеназванным категориям в Приложении. «Русскими путешествиями» в Швейцарию мы будем обозначать поездки россиян, пролежавшие через территорию Швейцарии, памятуя об основополагающем сочинении Н.М. Карамзина – «Письма русского путешественника».

Понятие «**швейцарский миф**» будет употребляться для обозначения поликомпонентного культурно-политического идеологического конструкта, оформившегося в XVIII в. на территории современной Швейцарии и способствовавшего культурно-политической консолидации швейцарцев, а также оказавшего решающее влияние на восприятие европейцами Швейцарии. Подробнее это понятие будет рассмотрено в третьей главе диссертации.

Отметим, что работа не претендует на полноту представления *всех* россиян, побывавших в Швейцарии в рассматриваемый период. Безусловно, их было больше, чем те, о ком имеются сведения в исследованных источниках. Однако интерес для темы диссертации представляет, прежде всего, складывание традиции «русских путешествий» в Швейцарию, а также образ Швейцарии в русской культуре, оформившийся благодаря этим путешествиям. Поэтому среди всех посетивших Швейцарию русских в настоящей работе предметом исследования служат именно те, кто оставил впечатления от своего пребывания в Швейцарии.

Новизна настоящего исследования определяется особенностями его методологической и источниковой базы. Впервые в российской историографии путешествия россиян в Швейцарию рассматриваются в

контексте аналогичной европейской традиции путешествий, сложившейся в XVIII в., что потребовало привлечения обширной базы иностранных источников. В работе на примере «русских путешествий» в Швейцарию показано усвоение российской культурой европейских научных, культурных и литературных тенденций. Путем анализа путевых заметок россиян впервые раскрыты место и образ Швейцарии в русской культуре второй половины XVIII – первой половины XIX в. Источниковая база исследования включает в себя широкий круг отечественных и зарубежных источников, а также архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Отдельные рассматриваемые в настоящей работе явления русской культуры (прежде всего, *Alpenbegeisterung* - «воодушевление Альпами», и его отражение в русской «литературе путешествий») выявлены впервые, и их комплексное изучение служит новым вкладом в изучение проблем культурного обмена России и Европы в отечественной исторической науке.

Историография

В историографию данной темы входят как общие работы по истории «большого путешествия» – Гран Тур (Grand Tour)⁴, т.е. традиций образовательных путешествий европейцев, в рамках которых в XVII в. началось «открытие» Швейцарии, так и работы, посвященные отдельным русским путешественникам, а также исследования культурологического характера, рассматривающие путешествия в Швейцарию в литературном и имагологическом контекстах.

В последние десятилетия XIX в. в европейской исторической науке возникает интерес к истории путешествий в Швейцарию в целом⁵ и издается библиография литературы путешествий по Швейцарии (на немецком языке)⁶, а в отечественных работах рассматриваются различные аспекты европейских, в том числе и швейцарских, поездок россиян. Исследования российских путешествий в это время носят прежде всего литературоведческий характер и связаны с внутренней критикой самих текстов записок путешественников⁷. В начале XX в. на важность изучения «дорожных записей» русских путешественников XVIII в. указывал **К.В. Сивков**, собравший в своей работе отрывки из записок русских вояжеров XVIII столетия, от «Статейного списка посольства Бориса Петровича Шереметьева» - до «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина⁸. На примере изменений в структуре и тематике источников Сивков прослеживает эволюцию восприятия Европы россиянами.

⁴ Grand Tour – путешествие по Европе, предпринимавшееся молодыми европейскими дворянами как завершающий этап получения ими образования. Как правило, в Grand Tour входило посещение Нидерландов, Франции, Италии, Германии и Швейцарии и ознакомление с культурой и искусством, а также достопримечательностями стран. Традиция Grand Tour шла из Англии, период ее расцвета - 1600-1840е гг. Впервые этот термин был употреблен в «Оксфордском словаре» в 1670 г. (Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. N.- Y., 1914. P. 411).

⁵ Peyer G. Geschichte des Reisens in der Schweiz. Basel. 1885.

⁶ Landes- und Reisebeschreibungen: Ein Beitrag zur Bibliographie der schweizerischen Reiseliteratur. Bern, 1899.

⁷ См., напр., Сиповский В.В. Николай Михайлович Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

⁸ Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

XX век принес целую волну исследований, посвященных истории Grand Tour – как в культурологическом, так и в микроисторическом плане. Английский ученый **В. Э. Мид** (Mead) одним из первых посвятил свою работу именно рассмотрению образовательных путешествий англичан как основоположников традиций Grand Tour, указав на резкий взлет популярности «большого путешествия» в XVIII в.⁹ Мид заметил, что помимо посещения Франции, Нидерландов, Италии и Германии обязательным пунктом маршрута англичан была Швейцария, куда путешественники заезжали «по пути в Италию или из нее»¹⁰, и привел отдельные отрывки из заметок английских путешественников о Швейцарии. Общим обыкновением было «пересечь часть Швейцарии, или, по крайней мере, некоторые горы Альпийской цепи», однако, отмечает Мид, до середины XVIII в. поездки в горы предпринимались англичанами крайне неохотно: «эта (*швейцарская* – В.С.) часть путешествия, в той мере, насколько она касалась поездок в горы, рассматривалась как неприятная необходимость»¹¹, поскольку англичане первой половины века были более склонны наслаждаться видом зеленеющих лугов и тихих озер, нежели дикими пейзажами Альп; горы в те времена внушали ужас¹². Привыкшие восторгаться готической архитектурой и геометрически подстриженными деревьями англичане «с трудом могли представить себе, что разумный человек полез бы на гору, если только его не вынудили к этому обстоятельства»¹³. Тем не менее на протяжении XVIII в. интерес к швейцарским Альпам неуклонно рос, и если в XVII в. те немногие англичане, которые прибывали в Швейцарию, останавливались, как правило, в городах¹⁴, то в XVIII в. эта тенденция коренным образом изменяется - в первую очередь благодаря литературе. «Возвращение к природе» века восемнадцатого несло с собой и «новый взгляд на красоту дикого горного

⁹ Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. N.-Y., 1914. P. 2.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P. 255-256.

¹³ Ibid. P. 257.

пейзажа»¹⁵, - пишет исследователь. «Альпы» Галлера Мид характеризует как «настоящее откровение для мира» и «предвестие всех поэтических восхищений Альпами в девятнадцатом веке», а также отмечает определяющую роль сочинения В. Кокса¹⁶ для популяризации путешествий в Швейцарию¹⁷.

Изучению английского Grand Tour в свете его места в культуре и истории образования и путешествий Великобритании посвящен также целый ряд работ 1950-60-х гг., в которых поездки в Швейцарию рассматриваются как органичная составляющая «большого путешествия» англичан¹⁸.

Второе и третье десятилетия XX в. отмечены продолжением наметившегося с последней трети предыдущего столетия¹⁹ интереса к изучению восприятия Альп как одного из образующих элементов европейской культуры. Как правило, исследователи начинали с анализа выделившейся в особый жанр «альпийской литературы» - посвященной Альпам или созданной в Альпах; в некоторых случаях история этого жанра литературы была тесно связана с развитием альпийских и альпинистских обществ²⁰. **Рихард Вайсс** формулирует в своем труде понятие *Alpenerlebnis* (нем.) - «переживание Альп» - как личностное эмоциональное восприятие гор, связанное с «переживанием природы» в целом. Важнейшими вехами складывания «переживания Альп» в европейской литературе Вайсс считает творчество А. фон Галлера и Ж.-Ж. Руссо, а также указывает на роль, которую в этом процессе сыграли путешествия в Альпы (и, в частности, говорит о резком увеличении числа путешествий немцев в швейцарские

¹⁴ Ibid. P. 259.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Coxe W. Travels in Switzerland. V. 1-3. London, 1789.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ См.: Stoye J. W. English Travellers Abroad, 1604–1667: Their Influence in English Society and Politics. London, 1952; Brauer G. C. The Education of a Gentleman. Theories of Gentlemanly Education in England, 1660 - 1775. N. -Y., 1959; Trease G. The Grand Tour. London, 1967; Hibbert Ch. The Grand Tour. London, 1969.

¹⁹ Frey J. Die Alpen im Lichte verschiedener Zeitalter // Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, 12. Serie, 274. Berlin, 1877; Jenny H. E. Die Alpendichtung der deutschen Schweiz. Bern, 1905.

²⁰ Weiss R. Das Alpenerlebnis in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts // Wege zur Dichtung, XVII, 1933; Engel C.-E. La littérature alpestre en France et en Angleterre aux XVIII et XIX siècles. Chambéry, 1930; von Greyerz O. Alpendichtung. Die Alpen in der schönen Literatur, besonders der Schweiz und der östlichen deutschen

Альпы с 1760-х гг.²¹). «Переживание Альп» становится неотделимо от увлечения путешественников Швейцарией, считает Эдуард Циен, впервые сформулировавший понятие «воодушевление Швейцарией» - *Schweizerbegeisterung* (нем.) - применительно к путешественникам из Германии, посетившим альпийскую республику в 1750-1815 гг.²² У истоков «воодушевления Швейцарией», пишет Циен, стоял Галлер; на протяжении всего XVIII в. в немецкоязычной литературе формировался образ Швейцарии как страны свободы и демократического правления, обители первозданной, нетронутой природы и неиспорченного человечества. По аналогии с «воодушевлением Швейцарией» увлечение швейцарскими горами получит название «воодушевление Альпами» (*Alpenbegeisterung*). Своего пика идеализация Швейцарии достигает в драме Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (1804)²³. Говоря о радиусе и потенциале влияния путевых заметок, Циен отмечает, что на рубеже XVIII и XIX вв. именно записки о путешествиях были одним из любимых жанров европейской публики.

В 1970-е гг. начинается исследование «литературы путешествий» в филологическом, культурологическом и социологическом контексте, который, забегая вперед, отметим, позднее выйдет на уровень имагологического анализа. Пока же в 1972 г. выходит работа Урса Камбера «Для кого удивительна Швейцария?»²⁴, в которой автор связывает рост числа путешествий в Швейцарию с господствовавшими литературными тенденциями, и, в частности, со знаменитым «Назад, к природе!» Руссо. Речь в работе Камбера идет преимущественно о путешествиях конца XIX в., он отмечает значительный подъем «литературы путешествий», не в последнюю очередь связанный с ростом популярности подобных сочинений. Вневременную актуальность же записок вояжеров Камбер рассматривает не

Alpenländer // von Greyerz O. Sprache-Dichtung-Heimat. Bern, 1933; Dreyer A. Geschichte der alpinen Literatur : ein Abriss. München, 1938.

²¹ Weiss R. Das Alpenerlebnis... S. 50.

²² Ziehen E. Die deutsche Schweizerbegeisterung in den Jahren 1750-1815. Frankfurt-am-Main, 1922; ders. Philhellenismus. Marburg, 1925.

²³ Ziehen E. Die deutsche Schweizerbegeisterung... S. 132-133, 144.

²⁴ Kamber U. Für wen ist die Schweiz merkwürdig? Basel, 1972.

столько как результат развития туризма (начавшегося со второй половины XIX в.), сколько как литературно-исторический и литературно-общественный феномен.

Семидесятые годы XX в. отмечены обращением к литературному аспекту путешествий и в отечественной науке. Развитие филологической мысли шло по пути исследования путевых записок россиян (очерков, дневников и пр.) как жанра²⁵, что в конечном итоге привело к началу изучения места самих путешествий в русской культуре в 1980-е годы. Велика роль в этом **Ю.М. Лотмана**, который предложил новые методы прочтения источников подобного характера. На примере «Писем русского путешественника» Карамзина Лотману удалось вписать такое конкретное явление, как путешествие частного лица, во весь спектр русской культуры второй половины XVIII – начала XIX в. Лотману принадлежит заслуга изучения «путевых писем» в самых разных аспектах, куда входит как обширная внутренняя критика источника, так и рассмотрение познавательной, общекультурной, философской, художественной и даже историко-политической сторон сочинения Карамзина²⁶. В отношении же «швейцарской» части «Писем» Карамзина Лотман признает, что альпийская республика рисовалась Карамзину «в тонах поэмы Галлера «Альпы» как патриархальная идиллия»²⁷. Заметим, что интерес к Галлеру не угасал и на Западе, и в 1980-е гг. были опубликованы работы, отдававшая дань вкладу Галлера в развитие культуры и науки своего времени²⁸, что в очередной раз свидетельствовало о непреходящем влиянии швейцарского поэта и ученого.

²⁵ См., напр.: Михельсон В.А. Русский путевой очерк XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972; его же, «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974; Гумилинский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979 и др.

²⁶ См.: Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. // XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 102 -131; его же, «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М.Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525-606; его же, Сотворение Карамзина. М., 1987; его же, Карамзин. СПб., 1997.

²⁷ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 82.

²⁸ The natural philosophy of Albrecht von Haller. Ed. Shirley A. Roe. N.-Y., 1981; Kempf F. R. Albrecht von Hallers Ruhm als Dichter. New York; Bern; Frankfurt-am-Main, 1986.

С конца 1970-х гг. в зарубежной исторической науке, в продолжение изучения места Альп в европейской культуре, отмечается рост интереса к истории открытия Альп человеком во всех смыслах – географическом, психологическом, литературном, материальном... Основательный обзор истории проникновения людей в Альпы (начиная от отступления ледников и позднего неолита) и культурного контекста этого процесса дает **Пол Бернард**²⁹. Различные аспекты освоения человеком Альп, от времен римского владычества до наших дней, и особенности изучения и представления Альпийских гор в культуре рассматриваются в двухтомном издании «История и цивилизации Альп», вышедшем в 1980 г.³⁰ С 1980-х гг. начинается новый виток интереса к альпийским текстам в филологии, выразившийся в исследовании образов Альп в европейской литературе XVIII - XIX вв.³¹

Важной вехой в истории изучения русско-швейцарских связей, прежде всего литературных, но также и культурных, стал труд **Р.Ю. Данилевского** «Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII – XIX вв.», вышедший в 1984 г. В нем исследователь детально проследил судьбу литературного взаимовлияния России и Швейцарии в указанную эпоху и помимо прочего обратился к изучению дорожных заметок отдельных «русских путешественников». Заслугой Данилевского стало также сведение воедино значительного объема данных о культурных контактах двух стран, что позволило наглядно продемонстрировать всю широту этих контактов и их протяженность во времени. Данилевский касается и особенностей восприятия россиянами Швейцарии, указывая на важность изучения влияния Геснера, Галлера и некоторых других швейцарских авторов, говорит об «идилличности» образа Швейцарии в глазах «русских путешественников»:

²⁹ Bernard P. P. Rush to the Alps. New York, 1978.

³⁰ Histoire et Civilisations des Alpes. I. Destin historique. II. Destin humain. Lausanne, 1980. Publié sous la direction de Paul Guichonnet.

³¹ Lacoste-Veysseyre C. Les Alpes romantiques. Le thème des Alpes dans la littérature française de 1800 à 1850. Genève, 1981 ; Reymond E. L'Alpe romantique. Grenoble, 1988; La haute montagne. Vision et représentations // Le monde alpin et rhodanien, N 1-2, 1988. Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Grenoble, 1988. Revue régionale d'ethnologie.

так, Карамзину и Жуковскому Швейцария представляла «почти как идеал общества»³². В отношении «Писем русского путешественника» Карамзина Данилевский указывает на политическое значение «мифа о швейцарской идиллии», который «требовался Карамзину для того, чтобы указать на недостатки революционной Франции и феодальной России»³³.

В середине 1980-х гг. исследователи вновь обращаются к проблеме Grand Tour, помещая данный вопрос в более широкий общеевропейский культурный контекст³⁴. Уделяется внимание и проблеме возникновения «образов» посещаемых стран у путешественников; сам же «образ» характеризуется как «совокупность представлений о других странах, заимствованных в процессе литераризации, но также и социализации» вояжеров³⁵. Отметим важность этого замечания, ибо «литературный багаж» путешественников играл немалую роль как в подготовке к встрече с незнакомой страной, так и в восприятии ее реалий. В вышедшем в 1986 г. издании, посвященном «романтическому путешествию», подчеркивается постоянное стремление к перемещению человека эпохи Романтизма: «путешествие, которое было отражением радости жизни, становится одновременно символом и отдушиной тенденции к нестабильности»³⁶.

В середине и конце 1980-х гг. швейцарский филолог-славист **Петер Бранг** публикует статьи, посвященные изучению «мифа о Швейцарии» в *русской литературе*³⁷, особенно обращая внимание на важность альпийской природы и швейцарской «вольности»³⁸ в образе Швейцарии, созданном русской классической литературой в середине – второй половине XIX в. В

³² Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX вв. Л., 1984. С. 145.

³³ Там же. С. 106.

³⁴ См., напр., Black J. The British and the Grand Tour. London, 1985; Sehen und Beschreiben. Europäische Reisen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Eutin, 1990.

³⁵ Pageaux D.-H. Une perspective d'étude en Littérature comparée : l'imagerie culturelle // Synthesis, VIII. Bucarest, 1981. P. 135.

³⁶ Claudon F. Le voyage romantique. Des itinéraires pour aujourd'hui. Paris, 1986. P. 10.

³⁷ Brang P. „Mein Erstaunen schwand...“. Zum Schweiz-Mythos in der russischen Literatur. In: Neue Zürcher Zeitung, Zürich., 206. Jg., 1985, 9./10.3.(N. 57), S.66 (Wiederabdr. In: Schweiz-Russland. Beziehungen und Begegnungen. Zürich. 1989. S. 127-133). См. также: Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 237-280.

1989 г. выходит в свет сборник посвященных Швейцарии текстов русских путешественников, переведенных на немецкий язык³⁹.

В 1990-е гг. начинается активное исследование проблемы имагологии как в швейцарской литературе⁴⁰, так и в литературе о Швейцарии⁴¹: данная тема привлекает сперва внимание преимущественно ученых-филологов, однако вскоре к ней обращаются и историки-культурологи⁴². В 1991 г. под редакцией **Петера Бранга и Карстена Гёрке** (Carsten Goerke) выходит сборник статей, посвященных русско-швейцарским культурным контактам, сложившимся в результате путешествий россиян в Швейцарию и швейцарцев в Россию⁴³. Акцент в издании делается на создаваемые в записках путешественников культурные образы России и Швейцарии, исследуется типология, мотивы, социальная окраска путешествий и их вклад в культурное развитие страны. В одной из статей сборника, анализируя впечатления русских писателей XIX - XX вв. от швейцарских Альп, Р.Ю. Данилевский вновь указывает на существование «русского мифа о единственной в своем роде идеальной стране чудес», подчеркивает мифологический характер и большую протяженность во времени образа «Швейцарии как новой Аркадии»⁴⁴.

Литературоведческому исследованию путевых записок как жанра посвящен ряд работ западных исследователей 1990-х гг.⁴⁵ Анализу

³⁸ См. также: Brang P. Les russes et le mythe suisse. In: Alexandre Herzen (1812–1870) - Russe de coeur, Européen d'esprit, Suisse d'adoption. L'errance d'un témoin prophétique. Fribourg 1996. S. 85–88.

³⁹ Netscheporuk J. (Hrsg.) Die russische Entdeckung der Schweiz: Ein Land, in dem nur gute und Ehrbare Leute leben. Zürich, 1989.

⁴⁰ См., напр.: Gsteiger M. Nationales Selbstverständnis in den Literaturen der Schweiz. In: Europa und das nationale Selbstverständnis. Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988, S. 119-134.

⁴¹ См., напр.: Umgang mit der Schweiz. Nichtschweizer über die Schweiz und ihre Erfahrungen mit ihr. Frankfurt-am-Main, 1990.

⁴² Sehen und Beschreiben. Europäische Reisen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Eutin, 1990.

⁴³ Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991.

⁴⁴ Danilevsky R. Ju. Eine Bergphilosophie. Russische Schriftsteller in den Alpen. In: Fakten und Fabeln... Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S. 69.

⁴⁵ Wetzel A. Partir sans partir. Le récit de voyage littéraire au XIX siècle. Toronto, 1992; Ecrire le voyage. Textes réunis par György Tverdota. Cordon Art-Baarn – Holland, 1994; Pasquali A. Le tour des horizons. Critique et récits des voyages. Paris, 1994; Wolfzettel F. Le discours du voyageur. Pour une histoire littéraire du récit du voyage en France, du Moyen Age au 18 siècle. Paris, 1996; Rajotte P. Le récit de voyage au XIX siècle. Aux frontières du littéraire. Montréal (Quebeque), 1997; L'Europe littéraire et l'ailleurs. Paris, 1998; Miroirs de textes. Récits de voyage et intertextualité. Nice, 1998.

подвергаются вопросы соотношения описания путешествия и самого путешествия, восприятия «путевых очерков» публикой, вопросы самого «путевого очерка» как литературного жанра, а также проблема «романтизации» реального пейзажа⁴⁶. Grand Tour же определяется как предвестник будущих литературно-романтических путешествий⁴⁷, сами же путешествия - «перемещения в пространстве» - характеризуются как «антропологическая характеристика, в равной степени основополагающая, как и питание или социальная организация»⁴⁸; подчеркивается роль «библиотеки путешественника» - его круга чтения - для будущего путешествия и его последующего описания⁴⁹.

В отечественной исторической науке в это время делаются попытки осмыслить путешествия россиян как культурное явление, соответствующее каждое своей эпохе. На этой основе создается и типология путешествий (относящихся к периодам до XVII в., петровскому времени, второй половине XVIII в., концу XVIII – первой половине XIX в.)⁵⁰.

В 1993 г. **В. Берелович** публикует статью, посвященную изучению места Франции в «Grand Tour» русских дворян во второй половине XVIII в.⁵¹. Тем самым свое развитие обретает тема образовательных путешествий российских аристократов по Европе, признается ее органическая связь с таким общеевропейским явлением, каким являлся Grand Tour в XVII - XVIII вв.

Сформулированные ранее в зарубежной исторической науке понятия «воодушевление Швейцарией» и «воодушевление Альпами» стали основой для изучения с 1990-х гг. и вплоть до наших дней более широкого явления – **«мифа о Швейцарии»** («Schweiz-Mythos», «Mythos Schweiz»),

⁴⁶ Raymond P. Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache : die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen und die Literarisierung des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit. Tübingen, 1993.

⁴⁷ Wetzel A. Op. cit. P.152.

⁴⁸ Pasquali A. Op. cit. P.XI.

⁴⁹ Miroirs de textes... P. VII.

⁵⁰ Афиани В.Ю., Хорошилова Л.Б. Познание России (путешествие как факт культуры и исторический источник) // Русская провинция. Культура XVIII-XX вв.: сб.ст. М., 1992. С.120-124.

⁵¹ Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, XXXIV, (1-2), janvier – juin 1993. P.193-209.

сложившегося в европейской культуре в XVIII в.⁵² В исследованиях подчеркивается важность природного, а также политического компонентов этого мифа (последний получает особенно актуальное звучание в конце XVIII в. с учреждением Наполеоном Гельветической республики и началом борьбы за создание в Швейцарии единого унитарного государства). «Миф о Швейцарии» получил особенно яркое звучание в художественной литературе и путевых заметках путешественников нескольких стран: Германии, Англии, Франции, Швеции, Польши, Ирландии, а позже и США. Среди исследований, раскрывающих процесс усвоения представлений о «швейцарском мифе» в отдельной европейской стране, а затем доказывающих существование этого мифа в ее культуре, отметим работу **Уве Хентшеля**, посвященную «филгельветизму» в немецкой литературе в XVIII и первой половине XIX в.

Вопросам имагологии был посвящен очередной сборник статей под редакцией **Петера Бранга, Карстена Гёрке, Робина Кембалла и Генриха Риггенбаха**⁵³, акцент в котором делался на культурные контакты Швейцарии с Восточной Европой в целом. Коллективом авторов были рассмотрены складывавшиеся в литературе образы России у швейцарцев, образы Швейцарии в Польше, Болгарии и Венгрии в XIX – XX вв., а также литературные, музыкальные и научные взаимосвязи между странами.

Свидетельством все возрастающего интереса к истории путешествий в Швейцарию стала созданная в 1998 г. Культурная ассоциация путешествий в Швейцарию (l'Association Culturelle pour le Voyage en Suisse), занимающаяся популяризацией и поддержкой изучения путешествий в швейцарские Альпы⁵⁴.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. исследователи вновь обращаются к теме Grand Tour, изучая это явление теперь также и с точки зрения

⁵² Im Hof U. Mythos Schweiz. Zürich, 1991; Thomke H., Bircher M., Pross W. Helvetien und Deutschland: kulturelle Beziehungen zwischen der Schweiz und Deutschland in der Zeit von 1770-1830. Amsterdam; Atlanta, 1994; Hentschel U. Mythos Schweiz: zum deutschen literarischen Philhelvetismus zwischen 1700 und 1850. Tübingen, 2002; Barkhoff J., Heffernan V. Schweiz schreiben: Zu Konstruktion und Dekonstruktion des Mythos Schweiz in der Gegenwartsliteratur. Berlin; New-York, 2010.

⁵³ Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt-am-Main, 1996.

имагологии и с позиций истории идей⁵⁵. От накопления материалов по истории «большого путешествия» европейская наука переходит к активной их обработке. Попытки обобщения знаний о практиках путешествий делались **Матиасом Ляйбетседером** (рассмотревшим немецкий вариант Grand Tour – т.н. Kavalierstour)⁵⁶, **Клодом Райхлером** (автором антологии европейских путешествий в Швейцарию с эпохи Возрождения до XX в.)⁵⁷ и **Жилем Бертраном**, опубликовавшим работы, имевшие целью сделать шаг от исследования частных опытов путешествия к выявлению «коллективной» культуры путешествий⁵⁸. При этом подчеркивалось, что сама «идея путешествия» являлась со второй половины XVI в. «частью интеллектуального и социального воспитания в мыслящей Европе»⁵⁹.

На влияние сочинений Галлера и Геснера в формировании образа «свободной» и «идиллической» Швейцарии указывает и современное издание по истории немецкоязычной литературы⁶⁰.

В отечественной науке начала XXI в. также уделяется внимание теме Grand Tour в контексте российских реалий. Так, **С.А. Козлов** в работе «Русский путешественник эпохи Просвещения»⁶¹ рассматривает русский «Grand Tour» XVIII в., отмечая влияние английской традиции «большого путешествия» на выбор россиянами маршрутов поездок. В статье «Русское заграничное путешествие начала 19 века: парадоксы литературности»⁶² **П.С. Куприянов** проводит анализ некоторых записок путешественников по Европе, обращая внимания на вопросы соотношения исторической истины и

⁵⁴ Официальный сайт организации - <http://cms.kesako.ch/index.php?id=acvs>.

⁵⁵ Chard C. *Pleasure and guilt of the Grand Tour. Travel writing and imaginative geography 1600-1830*. Manchester and New York, 1999; Brill A. *Quand voyager était un art. Le roman du Grand Tour*. Paris, 2001.

⁵⁶ Leibetseder M. *Die Kavalierstour: adlige Erziehungsreisen im 17. und 18. Jahrhundert*. Köln [u.a.]: Böhlau, 2004.

⁵⁷ Reichler C. *Le voyage en Suisse : anthologie des voyageurs français et européens de la Renaissance au XXe siècle*. Paris, 1998.

⁵⁸ *La culture du voyage. Pratiques et discours de la Renaissance à l'aube du XX siècle*. Sous la redaction de Gilles Bertrand. Paris, 2004; Bertrand G. *Le grand tour revisité: pour une archéologie du tourisme: Le voyage des français en Italie (milieu XVIIIe siècle-début XIXe siècle)*. Rome, 2008.

⁵⁹ *La culture du voyage...* P. 13.

⁶⁰ Becker-Cantarino B. *German literature of the eighteenth century: the enlightenment and sensibility*. N. -Y., 2005. P. 137-145.

⁶¹ Козлов С.А. *Русский путешественник эпохи Просвещения*. В 3 т. Спб., 2003.

⁶² Куприянов П.С. *Русское заграничное путешествие начала 19 века: парадоксы литературности // Историк и художник*. 2004. №1,2; 2005. №1.

художественного вымысла в дорожных заметках россиян. Тема пребывания россиян в Швейцарии в конце XVIII – XX в. становится объектом внимания научно-популярной литературы. В частности, выходит литературно-исторический путеводитель М.П. Шишкина «Русская Швейцария»⁶³.

Наконец, необходимо упомянуть работы зарубежных исследователей последних лет, посвященные изучению истории открытия человеком Альп, альпийским путешествиям и влиянию Альп на культуру на примере отдельных европейских стран. В 2011 г. появляются сразу две монографии и один сборник, посвященные этой тематике. Коллективный труд посвящен изучению на конкретных примерах роли гор и моря в европейской культуре и восприятия их европейцами⁶⁴. Французский ученый **Этьен Бурдон** представляет на суд публики развернутое и очень подробное исследование путешествий по западным Альпам⁶⁵: рассматриваются маршруты путешественников (преимущественно французов и итальянцев), организация путешествия, разновидности «отчетов» о путешествии – от «классических» путевых заметок до «военных записок» и картографических работ. Отдельное внимание Бурдон уделяет получению «нового знания» как результата этих путешествий, с учетом античного и средневекового наследия как культурного багажа путешественников. Исследователь отмечает, что путешествия в Альпы служили не только и не столько целям механического освоения новых территорий, их «разметки», - речь шла прежде всего об «интерпретации альпийского пространства»⁶⁶. Швейцарский автор **Аурель Шмидт** посвятил свою работу детальному, пошаговому рассмотрению процесса открытия и описания швейцарских Альп, постепенному возникновению идилических представлений об альпийском мире внутри Швейцарии и их проникновению в Европу. С точки зрения Шмидта, процесс сосуществования человека с альпийскими горами в Швейцарии оказал

⁶³ Шишкин М.П. Русская Швейцария. М., 2006.

⁶⁴ Mer et montagne dans la culture européenne (XVIe – XIXe siècle). Rennes, 2011.

⁶⁵ Западные Альпы включают в себя альпийские горные цепи, расположенные на территории Франции, Италии и Швейцарии. К Швейцарии относится также часть Восточных Альп.

значительное влияние на формирование самосознания жителей этой страны, недаром он озаглавил свою работу «Альпы: история швейцарского менталитета»⁶⁷.

Таким образом, на данный момент в историографии настоящего вопроса в достаточной мере разработана проблема изучения Швейцарии как составной части Grand Tour европейцев, а также вопросы литературоведческого характера, связанные прежде всего с исследованием «литературы путешествий» как жанра. Основательную исследовательскую базу получило имагологическое направление историографии и проблема «мифа» о Швейцарии в понимании разных культур, однако изучение образа Швейцарии в культуре разных стран Европы и, в особенности, русской культуре по-прежнему актуально. Значительную распространенность в последние годы обрел жанр микроисторических исследований, которые относятся к изучению путешествий по Европе в целом. Поэтому перспективными направлениями разработки данной темы представляются изучение путешествий россиян в Швейцарию как в микроисторическом плане, так и в их совокупности, исследование культурных и общественных связей русских путешественников в Швейцарии, истоки и история мифологизации образа Швейцарии в русской общественной мысли, а также процесс вхождения этого образа в русскую культуру, характер и динамика его воздействия.

⁶⁶ Bourdon É. Le voyage et la découverte des Alpes. Histoire de la construction d'un savoir (1492-1713). Paris, 2011. P. 522.

⁶⁷ Schmidt A. Die Alpen: eine schweizer Mentalitätsgeschichte. Frauenfeld, 2011.

Обзор источников

Основной группой источников, использованных в настоящем исследовании, являются источники личного происхождения. Также в диссертации были использованы публицистические и периодические источники и сочинения иностранных авторов, посвященные Швейцарии или же имеющие к ней непосредственное отношение (включая некоторые произведения художественной литературы).

В исследовании первого периода русских путешествий в Швейцарию в XVIII в. первостепенное место принадлежит корреспонденции и источникам дневникового характера. Менее значительную роль в изучении этого периода играют источники, которые можно отнести к разряду т.н. «литературы путешествий» (под «литературой путешествий» понимается *описание путешествия, рассчитанное на последующую публикацию*), – пожалуй, единственным примером будет сочинение Е.Р. Дашковой. Но с последней четверти XVIII в. это соотношение начинает меняться в пользу «литературы путешествий»: первым и до наших дней одним из ярчайших примеров русской «литературы путешествий» стали «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, а с начала XIX в.и вплоть до его середины примерно половина источников относится к данной категории. Впрочем, существенную роль продолжали играть корреспонденция и источники дневникового характера.

В процессе выявления источников были обработаны личные фонды русских путешественников, побывавших в Швейцарии: Демидовых⁶⁸, Мятлевых⁶⁹, Нарышкиных⁷⁰, Строгановых⁷¹, Шуваловых⁷², Бобринских⁷³,

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1267.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1271.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1272.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1278.

⁷² РГАДА. Ф. 1288.

⁷³ РГАДА. Ф. 1412.

Тургеневых⁷⁴, Воронцовых⁷⁵, Голицыных⁷⁶, Разумовских⁷⁷ Аксаковых⁷⁸, В.А. Жуковского⁷⁹, Д.Н. Свербеева⁸⁰, П.Я. Чаадаева⁸¹, В.С. Печерина⁸², М.П. Погодина⁸³, Е.Р. Воронцовой-Дашковой⁸⁴, Н.И. Греча⁸⁵, Ф.В. Чижова⁸⁶, Н.В. Станкевича⁸⁷, А.И. Михайловского-Данилевского⁸⁸, Д.А. Милютин⁸⁹. Значимые источники по истории русских путешествий в Швейцарию были обнаружены в фондах Тургеневых, В.А. Жуковского, Д.Н. Свербеева и В.С. Печерина в РГАЛИ, Бобринских и Строгановых в РГАДА. Были выявлены такие категории источников как корреспонденция, источники дневникового характера, планы путешествий, описи возникавших в ходе путешествия коллекций личных вещей, книг и документов. Результаты архивных поисков подтверждают обозначенную выше тенденцию преобладания в первой половине XIX в. ориентированных на публикацию источников из разряда «литературы путешествий»: дело в том, что среди архивных материалов этого периода не было обнаружено каких-либо цельных или больших по объему материалов о путешествиях, которые не были бы опубликованы, поскольку в большинстве случаев путешественники публиковали материалы о своем путешествии вскоре по их создания (или спустя несколько десятилетий – в случае корреспонденции).

Нами был обработан ряд **источников мемуарного характера**, авторами которых являются Ф.Н. Голицын⁹⁰, А.Р. Воронцов⁹¹, Е.Р.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1634; ГАРФ. Ф. 1094; РГАЛИ. Ф. 501.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1261; НИОР РГБ. Ф. 432.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1263.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 53.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 10.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 198; НИОР РГБ. Ф. 104.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 472.

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 546.

⁸² РГАЛИ. Ф. 372; НИОР РГБ. Ф. 218.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 373; НИОР РГБ. Ф. 231.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1241.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 156.

⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 332.

⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 70.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 241.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 224.

⁹⁰ Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. № 6, март, отд. 4. С. 87-98.

⁹¹ Автобиографическая записка графа Александра Романовича Воронцова // Архив Кн. Воронцова, Кн. 5. М., 1872. С. 62-65.

Воронцова-Дашкова⁹², Ф.Г. Головкин⁹³, А.И. Михайловский-Данилевский⁹⁴, Д.Н. Свербеев⁹⁵, А.И. Кошелев⁹⁶, В.С. Печерин⁹⁷, А.С. Стурдза⁹⁸, А.И. Герцен⁹⁹, Д.А. Милютин¹⁰⁰, А.П. Боголюбов¹⁰¹.

Использованные в исследовании **источники дневникового характера** вышли из-под пера Александра и Петра Демидовых¹⁰², Н.И. Тургенева¹⁰³, В.А. Жуковского¹⁰⁴, А.И. Тургенева¹⁰⁵, С.П. Шевырева¹⁰⁶, П.А. Вяземского¹⁰⁷.

Были обработаны многочисленные **эпистолярные источники**: так, многие швейцарские письма И.И. Шувалова, Ф.Д. Бехтеева, М.И. и А.Р. Воронцовых, Е.Р. Воронцовой-Дашковой и пр. были опубликованы в многотомном издании «Архив князя Воронцова»¹⁰⁸; в этом же отношении важен и составленный на основании бумаг архива Разумовских (в том числе и семейных писем) труд А.А. Васильчикова «Семейство Разумовских»¹⁰⁹; большой интерес представляет семейная дворянская переписка, такая как

⁹² Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное издание – М., 1990.

⁹³ Головкин Ф.Г. Из записок графа Ф.Г. Головкина [Отрывки] / Сообщ. Н. Шильдер // Русская старина, 1896. Т. 88. № 11. С. 367-379; *Compte Fédor Golovkine. La cour et le règne du Paul I. Portraits, souvenirs et anecdotes.* Paris, 1905; Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.

⁹⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания. Из записок 1815 года. СПб., 1831г., его же, Записки 1814-1815 годов. СПб., 1836, его же, Мемуары. СПб., 2001.

⁹⁵ Свербеев Д.Н. Записки (1799-1826). Т. 1, 2. М., 1899.

⁹⁶ Кошелев А.И. Записки А.И. Кошелева // Русское общество 40-50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. 1.

⁹⁷ Печерин В.С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 148-311.

⁹⁸ Стурдза А.С. Дань памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20 (октябрь). Отд. 1. С. 213-228.

⁹⁹ Герцен А.И. Былое и думы. Ч.5 // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. М., 1956.

¹⁰⁰ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816-1843. М., 1997.

¹⁰¹ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Самара, 1996.

¹⁰² Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006.

¹⁰³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 1. За 1806-1811 годы. СПб., 1911; Вып. 3. Т. 2. Дневники Николая Ивановича Тургенева. За 1811-1816 годы. СПб., 1913.

¹⁰⁴ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. М., 2004.

¹⁰⁵ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.). М., 1964.

¹⁰⁶ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб., 2006.

¹⁰⁷ Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1853-1878 // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 10. СПб., 1886.

¹⁰⁸ Архив князя Воронцова. В 40 кн. Кн. 3. М., 1871; Кн. 4. М., 1872; Кн. 6. М., 1873; Кн. 8. М., 1876; Кн. 22. М., 1881.

¹⁰⁹ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880, Т. 5. СПб., 1894.

письма А.С. Строганова С.Г. Строганову¹¹⁰, письма П.А. Строганова и Ж. Ромма А.С. Строганову¹¹¹, письма братьев Демидовых¹¹², переписка Александра I и Ф.-С. де Лагарпа¹¹³, письма Ф.Г. Головкина Н. Шателену¹¹⁴, переписка А.И. и Н.И. Тургеневых¹¹⁵, письма П.Я. Чаадаева¹¹⁶, Н.В. Гоголя¹¹⁷, Н.В. Станкевича¹¹⁸, М.С. Волкова¹¹⁹, письма к родным К.С. Аксакова¹²⁰, а также отдельные письма разных лиц¹²¹.

Стоит подчеркнуть особое значение **источников, которые можно отнести к жанру «литературы путешествий»**. Их создателями являются Е.Р. Воронцова-Дашкова¹²², Н.А. Демидов¹²³, Н.М. Карамзин¹²⁴, Д.П. Горихвостов¹²⁵, А.И. Михайловский-Данилевский¹²⁶, Н.И. Греч¹²⁷, А.Г.

¹¹⁰ Строганов А.С. Письма Строганова А.С. к Строганову С.Г. (за период сентября / октября 1752- сентября 1754, декабря 1755) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. XIV, М., 2005. С. 17-37, 54-57.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 348.

¹¹² Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006.

¹¹³ Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Т.1. Neuchâtel, 1978.

¹¹⁴ Lettres du Comte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain. (avec une préface par William Reymond et «Notice» par N. Chatelain) // Revue Suisse. Т. XXIV. Neuchâtel, 1861.

¹¹⁵ Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.

¹¹⁶ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 2. М., 1991.

¹¹⁷ Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Т. 5. СПб., 1857; Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 11. Письма, 1836-1841. М.-Л., 1952.

¹¹⁸ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. М., 1914.

¹¹⁹ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем (1844-1848). СПб., 1857.

¹²⁰ Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 9. С. 9-40; 1916. Т.1. № ¾ С. 516-536; 1916. Т. 2. № 5. С. 95-132; 1916. Т. 2. № 9. С. 27-58; 1917. Т.1. № 4/5. С. 619-646.

¹²¹ Письмо Ф.П. Веселовского М.П. Бестужеву-Рюмину // Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897. Т.2. С.32; Письмо Б.М. Салтыкова И.И. Шувалову // Костышин Д.Н. Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 117-119; Два письма графа А.Р. Воронцова к Вольтеру // Русский архив. 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 152-155; Письмо графа А. П. Шувалова к Вольтеру // Русский архив, 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 148-151; Письмо И.И. Шувалова к П.И. Голицыной // Москвитянин, 1845. № 10. С. 149; Дашкова Е. Р. Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий. Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102-108; Письмо В.П. Петрова А.А. Самборскому. Женева, 17 мая 1774 г. // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 243; Письмо С.И. Михалкова Н.И. Тургеневу. Женева, 27 июля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. СПб., 1913. С. 410-411.

¹²² Дашкова Е. Р. Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.

¹²³ Демидов Н.А. Журнал путешествия... Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращении в Россию ноября 22 дня 1773 года. М., 1786.

¹²⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Н. Карамзин. Бедная Лиза: Автобиография. Повести. Письма русского путешественника. М., 2005.

¹²⁵ Горихвостов Д.П. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 год. Кн. 3. М., 1808.

¹²⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Отрывки из Журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году // Сын Отечества. 1817. № 10. С. 121-140.

¹²⁷ Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. Т. 1. СПб., 1843, его же, Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н.И. Сочинения, т. 4, СПб., 1838.

Глаголев¹²⁸, А.Д. Илличевский¹²⁹, Р. Ниберг¹³⁰, В.С. Печерин¹³¹, А.М. Зилов¹³², Е.Ф. Розен¹³³, М.П. Погодин¹³⁴, А.П. Мещерский¹³⁵, Ф.В. Чижев¹³⁶, Н.Б. Герсеванов¹³⁷, М.М. Михайлов¹³⁸, П.М. Ковалевский¹³⁹.

В числе использованных источников необходимо выделить ряд тех, которые не представляется возможным однозначно отнести к какой-то одной определенной категории. Так, например, письма В.А. Жуковского великой княгине Александре Федоровне¹⁴⁰ или «Письмо из Флоренции в Симбирск» А.И. Тургенева¹⁴¹ имеют черты как эпистолярного жанра, так и «литературы путешествий». Сочинение И.П. Мятлева¹⁴² соединяет в себе особенности юмористической поэмы и некоторые черты «литературы путешествий». Предисловие Ф.Г. Головкина к изданию собранных им в Швейцарии писем разных лиц¹⁴³ можно отнести к типу мемуарного очерка, но также оно имеет черты публицистического стиля.

Хотелось бы также отдельно отметить источники **публицистического характера** за авторством непосредственно русских путешественников – Е.Р.

¹²⁸ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837.

¹²⁹ Илличевский А.Д. Путешествие на Сен-Бернар // Северные цветы, 1826. С. 145-181.

¹³⁰ Ниберг, Рейнгольд Путешествие по Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии и Нидерландам в 1828 и 1829 годах доктора Р. Ниберга, содержащее описание главных городов Европы, учебных, богоугодных и лечебных заведений, увеселительных мест, и других достопримечательностей. Т. 2. СПб., 1831.

¹³¹ Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера // Московский наблюдатель, 1835, декабрь, книга 1 (или по новой нумерации ч.5, №19). С.330–359.

¹³² Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. Москва, 1845.

¹³³ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии // Сын Отечества. СПб., 1849, кн. 9, ч. III. С. 1-74.

¹³⁴ Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): Дорожный дневник. Т. 4. М., 1844.

¹³⁵ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. Из записок русского путешественника. М., 1844.

¹³⁶ Чижев Ф.В. Прощание с Францией и Женева // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 485-589.

¹³⁷ Герсеванов Н.Б. Из путевых впечатлений туриста. Переезд через Симплон // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 3. Отд. 8. С. 1-21.

¹³⁸ Михайлов М.М. Поездка в Швейцарию летом 1852 года // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. СПб., 1852. № 11 (ноябрь). С. 49-71.

¹³⁹ Ковалевский П.М. Этюды путешественника. Италия, Швейцария, путешественники и путешествие. СПб., 1864.

¹⁴⁰ Письма В.А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 году // Русская старина. 1902. № 5. С. 337-358. Относящиеся к швейцарским впечатлениям Жуковского отрывки из данных писем опубликованы также в тринадцатом томе полного собрания его сочинений (Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. М., 2004).

¹⁴¹ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826). М.-Л., 1964. С. 27-54.

¹⁴² Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб., 1907.

¹⁴³ Lettres diverses recueillies en Suisse par le C-te Fédor Golowkin. Genève - Paris, 1821. P. 1-9.

Воронцовой-Дашковой¹⁴⁴, Н.М. Карамзина¹⁴⁵, А.Г. Глаголева¹⁴⁶, которые поднимают в своих сочинениях вопросы важности образовательных путешествий, а также политической и театральной жизни Швейцарии.

Среди использованных в настоящей работе **периодических изданий** можно выделить по меньшей мере *три типа журнальных (реже, газетных) публикаций*, относящихся к путешествиям россиян в Швейцарию. Во-первых, это публикации собственно путевых записок или «отчетов» о путешествии, входящих в рассмотренную выше категорию «литературы путешествий», а также писем. Во-вторых, в периодических изданиях появлялись заметки и статьи публицистического характера (что также обозначено выше). В-третьих, это публикации периодическими изданиями заметок о текущих событиях, которые служат источниками непосредственно по истории путешествий конкретных лиц в Швейцарию (к примеру, великого князя Павла Петровича или великой княгини Екатерины Павловны). В исследовании были использованы следующие периодические издания: «Богословский вестник» (1915-1917), «Вестник Европы» (1802, 1823), «Детское чтение для сердца и разума» (1788-1789), «Исторический вестник» (1885), «Москвитянин» (1845, 1852-1853), «Московский литературный и ученый сборник» (1847), «Московский наблюдатель» (1835), «Отечественные записки» (1848), «Пантеон» (1852), «Русская старина» (1884, 1896, 1902), «Русский архив» (1886, 1908), «Санктпетербургский вестник» (1779), «Северные цветы» (1826), «Собеседник» (1784), «Сын Отечества» (1817, 1849); «Feuille d'Avis de Lausanne» (1936), «Gazette de Lausanne» (1823), «Nouvelles étrennes fribourgeoises» (1890), «Revue historique vausoise» (1924), «Revue Suisse» (1861).

Среди источников мемуарного характера хотелось бы отметить сочинения А.И. Михайловского-Данилевского, по причине вариативности

¹⁴⁴ Дашкова Е. Р. «Путешествующие» // Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120-132; Дашкова Е. Р. О смысле слова "воспитание". Сочинения, письма, документы. Составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб., 2001.

¹⁴⁵ Карамзин Н.М. Падение Швейцарии // Вестник Европы. 1802. № 20. С. 319-321.

при определении их источникового характера. В основу всех его мемуарных публикаций были положены «журналы» Данилевского – особый род дневников, заполнявшихся погодно. Извлеченные оттуда заметки Данилевского о Швейцарии неоднократно включались им в различные издания его записок или же воспоминаний¹⁴⁷, а также появлялись в периодических изданиях. В полном объеме швейцарские впечатления Данилевского вошли в его «Журнал путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году», который был включен в новейшее издание его мемуаров за 1814-1815 гг., составленных Данилевским в 1827-1829 гг. на основе дневниковых записей¹⁴⁸.

С одной стороны, триада «воспоминаний» Данилевского («Воспоминания»/ «Записки»/ «Мемуары»), из которых наиболее полными являются «Мемуары», представляет собой практически идентичные по составу тексты. С другой же стороны, содержание «швейцарской» части всех вышеперечисленных сочинений Данилевского позволяет отнести их к жанру «литературы путешествий». Вполне естественно, что текст от раза к разу редактировался Данилевским, различия между редакциями приобретали порой идеологический характер, однако идейное и эмоциональное «ядро» швейцарского концепта историка оставалось неизменным. Отрывок же из триады «воспоминаний» был опубликован в «Сыне Отечества»¹⁴⁹, обретя в ходе редакторской правки Данилевского ярко выраженный характер монархического сочинения, своего рода официальной хроники спутника императора. Поэтому нельзя исключать, что какие-то эпизоды из дневников писались «на публику», что не все размышления Данилевского в полном объеме смогли получить отражение на страницах его заметок. К тому же, как Данилевский и сам замечал, находясь при государе, он не всегда был себе

¹⁴⁶ Глаголев А.Г. Письмо об игре г-жи Дюшенуа, первой трагической актрисы Парижской (окончание) // Вестник Европы. 1823. № 20. С. 265-267.

¹⁴⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания. Из записок 1815 года. СПб., 1831г.; его же, Записки 1814-1815 годов. СПб., 1836.

¹⁴⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. СПб., 2001. С. 14.

¹⁴⁹ Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году // Сын Отечества. 1817. № 10. С. 121-140.

хозяином: к примеру, любоваться швейцарскими красотами ему едва полагалось: «по положению моему я только украдкою мог наслаждаться природою»¹⁵⁰, - пишет он.

В настоящем исследовании были использованы все варианты текстов Данилевского:

Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания. Из записок 1815 года. СПб., 1831г.

Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814-1815 годов. СПб., 1836.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. СПб., 2001.

Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году // Сын Отечества. 1817. № 10. С. 121-140.

Одно из важнейших сочинений жанра «литературы путешествий» - «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, созданные им приблизительно в 1790-1797 гг., предположительно на основе журнала путешествия, который Карамзин вел в Европе, и с привлечением материалов из путеводителей по Европе, а также с использованием сочинений швейцарских авторов¹⁵¹. После многочисленных редакций текст «Писем» приобретает окончательный вид к 1814 г.¹⁵² Из-за гибели рукописей «Писем» в огне московского пожара 1812 года и распыления архива Карамзина после его смерти историю работы Карамзина над «Письмами» можно проследить лишь по различным прижизненным изданиям его сочинения¹⁵³. Крупнейшей научной публикацией «Писем русского путешественника» в XX в. стало издание под редакцией Ю.М. Лотмана¹⁵⁴. Сочинение Карамзина имеет форму писем к друзьям, однако по сути своей является многосоставным литературным произведением, на основании чего Ю.М. Лотманом была сделана попытка реконструировать «настоящую» хронологию

¹⁵⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания... С. 109-110; его же, Записки... С. 381.

¹⁵¹ Подробнее см.: Сиповский В.В. Николай Михайлович Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; Марченко Н.А. История текста «Писем русского путешественника» // Н.М.Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984.

¹⁵² Марченко Н.А. История текста «Писем...». С. 611.

¹⁵³ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Н.М.Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 523.

¹⁵⁴ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984.

путешествия¹⁵⁵, которая, однако, была частично скорректирована недавними архивными находками¹⁵⁶.

Характеризуя наиболее важные в данном исследовании источники личного происхождения, следует отметить, что повествование о путешествии в Швейцарию составляет в них только часть всего произведения. Так, для Строганова, братьев Демидовых, Дашковой, Н. Демидова, Карамзина и подавляющего большинства путешественников первой половины XIX в. - Горихвостова, Михалкова и Н. Тургенева, Данилевского, Греча, Жуковского, Свербеева, Глаголева – Швейцария входила в рамки их путешествия по Европе. Тем не менее, по соотношению посвященных ей страниц в объеме всего произведения Швейцария занимает значительное место в сочинениях русских путешественников, и особенно здесь стоит выделить Демидовых, Карамзина, Горихвостова, Греча, Жуковского и Глаголева.

Подробный обзор **иностраннх сочинений** XVI – XIX вв., оказавших влияние на зарождение и развитие традиции описания и изучения европейцами Швейцарии, будет дан в рамках соответствующего анализа в третьей главе настоящей работы. Здесь же выделим лишь группы использованных иностранных источников: это общие работы по географии и истории Европы и Швейцарии XV-XVIII вв., путеводители по Швейцарии, составленные европейцами описания путешествий по Швейцарии, произведения художественной литературы и сочинения научного характера, статьи в периодической печати.

Подводя итог источникового обзора, отметим, что период со второй половины XVIII до середины XIX в. в целом равномерно и достаточно хорошо представлен источниками. Наиболее значительное число источников относится к 1750-м и 1780-м гг. и второму и третьему десятилетиям XIX в., что объясняется особенной частотой поездок россиян в Швейцарию в это время.

¹⁵⁵ См. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

¹⁵⁶ Gellerman S. Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe// Fakten und Fabeln... Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 73-90.

Общей отличительной чертой данных источников, в особенности источников жанра «литературы путешествий», с конца XVIII в. стала тесная связь с литературными тенденциями своего времени – как общеевропейскими, так и применительно к сочинениям о Швейцарии.

Совокупность имеющихся источников предоставляют исследователю богатейший материал для исследования путешествий россиян в Швейцарию во второй половине XVIII – первой половине XIX в., позволяет исследовать маршруты, повседневную жизнь в путешествии, круг общения в Швейцарии, механизмы возникновения путевых впечатлений и складывания в сознании россиян образа Швейцарии, а также его проникновение в русскую культуру. Наибольший же интерес представляет комплексное изучение на данной источниковой базе путешествий россиян как явления русской культуры.

Краткие сведения о Швейцарии и ее связях с Россией в эпоху Просвещения

1. Знакомство России со Швейцарией. Первые швейцарцы в России.

Рождение Швейцарии как конфедерации кантонов приходится на конец XIII – начало XIV в. Если в конце XIII в. в заключении союзного договора приняли участие три кантона, то с начала XVI и до конца XVIII в. Швейцарский союз насчитывал 13 кантонов, а также союзные земли и подчиненные территории, обладавшие различным статусом. Швейцарский союз не был однороден ни по своему языковому составу, ни по религиозной принадлежности населения. В Швейцарии говорили на четырех языках – немецком (т.н. «швейцарском немецком» - *Schwiizertüütsch*), французском, итальянском и рето-романском. Главенствующими конфессиями были католицизм и протестантизм в форме кальвинизма и лютеранства. Русские путешественники посещали прежде всего немецкие земли Швейцарии и ее франкоязычную часть (т.н. «Suisse Romande»).

Первое русское упоминание о Швейцарии (в отчете о посольстве к французскому королю Людовику XIV) относится к 1668 г.; в семнадцатом веке были также установлены дипломатические сношения Русского государства с Женевой, тесно связанной с союзом швейцарских кантонов¹⁵⁷. Изначально отношения России и союза кантонов носили характер весьма односторонний: в Россию из Швейцарии начиная с петровских времен прибывали многочисленные специалисты, привозя с собой культуру и нравы своей родины. В течение XVIII в. постепенно пробуждался интерес россиян к Швейцарии, публиковались переводные сочинения – историко-географические описания горной страны, а затем и записки иностранных

¹⁵⁷ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 17-18. См. также документы об этих первых контактах в фонде РГАДА. Ф.97 (сношения с Женевой).

путешественников. Росло внимание к швейцарской литературе, историографии, философской мысли и науке; в российской периодике появлялись переводы и переложения работ швейцарских авторов и описания путешествий по Швейцарии. Русская культура, вставшая на путь сближения с Европой эпохи Просвещения, не оставила без внимания и весомый вклад Швейцарии в европейскую общественную мысль. С республикой свободных кантонов были связаны женевец Руссо и «фернейский мудрец» – вольнодумец Вольтер. Помимо швейцарской литературы и различных сочинений о Швейцарии россияне многое узнавали и от тех швейцарцев, которые проживали в России, а пример рода Головкиных демонстрирует позднее и феномен «русского швейцарца». Важную роль как в XVIII, так и в XIX в. играли приглашавшиеся в Россию швейцарские педагоги. Пора же пассивного накопления знаний о Швейцарии исчерпала себя к середине XVIII в., и тогда в альпийскую республику отправились первые «русские путешественники», чьи путевые журналы позволили русской публике почувствовать и собственный «русский» взгляд на этот уголок Европы.

Одним из первых и, пожалуй, наиболее известных уроженцев швейцарских земель на русской службе был сподвижник Петра Великого Франц Лефорт¹⁵⁸, женевец по происхождению. Вслед за ним в Россию отправляются швейцарские ученые, пасторы и педагоги. Приток швейцарцев в Россию усиливается в начале XIX в. в результате войн и разорения на их родине – на «северной чужбине» оставались пленные (служившие в наполеоновском войске), а также добровольно некоторые бывшие солдаты; велико было и количество швейцарских переселенцев. Швейцарцы селились в Крыму, на Волге, Днестре, существовали швейцарские общины в Петербурге, Москве, Одессе, Риге, Митаве. Среди них были базельцы *Николай* и *Даниил Бернулли* и *Леонард Эйлер*, принятые в петербургскую Академию наук, и многие другие ученые из Швейцарии; реформатские

¹⁵⁸ О Фр. Лефорте см., напр.: Павленко Н.И. Лефорт. М., 2009; Канунников А.В. «Счастливей смертный, которого провидение ниспослало...» // Дворец и архив: 300-летие Лефортовского дворца. М., 2001. С. 45-55;

проповедники в Санкт-Петербурге и других городах, где жили швейцарцы, - первым из них был пастор *Дюнан* (Dunant); *де Фолиньи* (Foligny) из Ниона - учитель у Строгановых; камердинер у Пушкиных *Бенар* (Bénard); доктор медицины *Френкель* (Fränkel), крестный отец Лафатера и знакомый Якоба Ленца – близкого друга Карамзина... Этот список, конечно же, можно было бы продолжать¹⁵⁹. Несомненно, одна из наиболее ярких фигур – уроженец земли Во *Фредерик Сезар де Лагарп* (Frédéric-César de La Harpe; 1754-1838), до 1795 г. воспитатель наследника престола Александра Павловича, его наставник и друг, а впоследствии крупный деятель Гельветической республики. Самому Павлу Петровичу преподавал литературу швейцарец *Ф.-Г. Лафермьер*.

Ряд швейцарских педагогов в России продолжает имя воспитателя в семье московского просветителя и масона И.П. Тургенева, уроженца Цюриха *Георга Кристофа Тоблера*. Его семейство в Цюрихе, отметим, было дружно с поэтами С. Геснером и Ф.Г. Клопштоком. С Тоблерами были связаны Я. Ленц и, возможно, И.Г. Шварц - соратник Новикова, а с племянницей главы цюрихского семейства архидьякона Иоганнеса Тоблера был знаком Н.М.Карамзин, который был представлен позднее всему семейству в Цюрихе в 1789 г. К пушкинскому кругу принадлежала Э. *Сильвестр*, педагог из Женевы, а братья Тургеневы были знакомы с *А.А. Мерианом*, базельцем на русской дипломатической службе; воспитателем Н.А. Мельгунова был швейцарец *Жан Верне*, а выходец из Аарау *Франц Ксавер Броннер* (1758-1850) был профессором и занимал пост директора Педагогического института при Казанском университете¹⁶⁰. Последний, заметим, снискал в России определенную литературную известность: «поощренный стариком Геснером» в свое время, он и в Казани продолжал писать идиллии, которые переводились на русский язык и печатались в 1810-е гг. в «Вестнике Европы»

Копанев Н.А. Франц Лефорт, Вольтер, А.П. Веселовский // Швейцарцы в Петербурге. Сб. ст. Спб., 2002. С. 440-447.

¹⁵⁹ Подробнее см.: Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 19-20 и далее; Bory J.-R. Histoire de la Russie et de ses relations avec la Suisse. Genève, 1999.

¹⁶⁰ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 35-37.

и в «Российском музее»; Броннер писал и о России и отправлял свои сочинения в Швейцарию, где их издавал в Аарау в журнале «Miscellen» Г. Цшокке. Отметим между строк, что швейцарцы совершали и дальние поездки по России: в 1820-30-х гг. появляются первые записки швейцарских путешественников по России - Д. Шлаттера и С. Бруннера¹⁶¹.

Близко знали русских и оказали немалое влияние на их представление о Швейцарии такие выдающиеся деятели швейцарской культуры, как философ и естествоиспытатель *Шарль Бонне* (1720-1793), почетный член петербургской Академии наук, представители младшего поколения просветителей – бернский уроженец *Карл-Виктор Бонштеттен* (1745-1832) (с которым виделись и обменивались мыслями В.А. Жуковский и А.И. Тургенев), цюрихский литератор и проповедник *Иоганн Каспар Лафатер* (1741-1801), корреспондент Гёте, Карамзина и московских масонов, и знаменитый педагог и писатель *Иоганн Генрих Песталоцци* (1746-1828). Радиус их влияния действительно был достаточно широк. Так, Лафатера как «модную цюрихскую диковину» во время своего заграничного путешествия не преминул посетить наследник престола Павел Петрович, сопровождаемый С. Геснером и литераторами из своей свиты – Ф.М. Клингером и Л.Г. Николаи; физиогномика Лафатера занимала Радищева, И.С. Тургенева, Карамзина, а впоследствии и Л. Н. Толстого¹⁶². Жизнеописание Лафатера из книги швейцарского писателя-биографа Л. Мейстера поместил в 1808 г. в «Вестнике Европы» В.А. Жуковский¹⁶³. Благодаря письмам швейцарского историка Иоганна Мюллера к Бонштеттену, переведенным и опубликованным Жуковским¹⁶⁴, русская публика познакомилась со взглядами «швейцарского Тацита». В учении же Песталоцци, столь популярном у русской публики, нашла свое воплощение идея воспитания гармонически развитой личности; воспитательный институт Песталоцци в

¹⁶¹ Там же. С. 38-39.

¹⁶² Там же. С. 26-27.

¹⁶³ Вестник Европы. 1808. № 5. С. 23-33.

¹⁶⁴ См.: Вестник Европы. 1810, № 16, с. 263-285; 1811., № 6, с. 83-100.

Ивердоне посетил в 1811 Николай Тургенев¹⁶⁵, а Жуковский применял методы швейцарца при обучении наследника Александра Николаевича. Последователем Песталоцци был и петербургский педагог и пастор, уроженец Цюриха Иоганн фон Муральт, знакомый Пушкина и Жуковского¹⁶⁶.

2. «Мифы» швейцарской истории

Как это нередко в мировой культуре, история Швейцарии обретала развитие и новое истолкование в фольклорной и мифологизированной истории. «Мифологическая» история обращена к более широкой аудитории, и потому из века в век она была и остается не менее актуальной, чем история классическая, ложась в основу народного самосознания и давая обильный материал идеологии государственного единства. Для Швейцарии такой «политический миф» складывался в течение столетий в Средние века, окончательно оформившись уже в Новое время и став впоследствии основой для образования швейцарской «политической нации»¹⁶⁷. Мифы швейцарской истории настолько прочно закреплялись в сознании жителей и в народной культуре Швейцарии, что становились частью путевых впечатлений европейских путешественников. Ключевыми элементами швейцарского «политического мифа», возведенными на уровень «исторической истины», являлись предания о клятве на лугу Рютли, о подвигах Вильгельма Телля, а также повествования о героических подвигах швейцарцев в битвах при Моргартене, Земпахе и Муртене.

Клятва на лугу Рютли. Согласно легенде, представители «трех лесных кантонов» – Ури, Швица и Унтервальдена (центральная Швейцария) – в 1291 г. заключили на лугу Рютли на скалистом берегу Фирвальдштетского озера союз «на вечные времена» против владычества

¹⁶⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. За 1811-1816 годы. СПб., 1913. С. 104-105.

¹⁶⁶ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 31.

Габсбургов. Тремя «отцами-основателями», подписавшими этот союз, считались **Вернер Штауффахер** со стороны Швица, **Вальтер Фюрст** от Ури и **Арнольд фон Мельхталь** из Унтервальдена. С XVI в. клятва на Рютли связывалась с основанием собственно Швейцарского союза, а «Союзная грамота» 1291 г. («Bundesbrief») стала в XIX в. расцениваться как письменное свидетельство этого основания¹⁶⁸. Клятва на Рютли фигурирует и в драме Шиллера «Вильгельм Телль»:

*Wir wollen seyn ein einzig Volk von Brüdern,
In keiner Noth uns trennen und Gefahr.
Wir wollen frey seyn wie die Väter waren,
Eher den Tod, als in der Knechtschaft leben*¹⁶⁹.

(«Мы хотим быть единым народом из братьев, не разделяться ни в какой нужде или опасности. Мы хотим быть свободными, как наши отцы, предпочтем скорее смерть, чем будем жить в кабале»).

Предание о Вильгельме Телле. Легенда о Вильгельме Телле дошла до нас в текстах хроник, народных песнях, средневековых драматических постановках и на рисованных изображениях¹⁷⁰. Первые упоминания о ней содержатся в т.н. «Белой Сарнской книге» (1470 г.) и в «Швейцарской хронике» Петермана Эттерлина (1507 г.). Народные сказания о подвигах Вильгельма Телля уходят своими корнями в XIII-XIV вв. и уже с конца XIV в. «приобретают характер героического мифа»¹⁷¹. Существует несколько различных вариантов легенды о Телле, наиболее распространенный из них использовал в своей драме Ф.Шиллер. Согласно преданию, в 1307 г. швейцарцы особенно страдали от гнета австрийцев. Габсбургский ландфохт (наместник) Гесслер приказал повесить в городке Альтдорфе на шест свою шляпу, и все проходящие должны были кланяться этой шляпе. Это возмутило Вильгельма Телля, шедшего по городской площади с сыновьями, и он отказался поклониться шляпе. Возникла суматоха, сбежался народ, и на

¹⁶⁷ Подробнее см.: Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006. С. 437 и далее, 458-471.

¹⁶⁸ См.: Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. С. 64-75.

¹⁶⁹ Schiller F. Wilhelm Tell. Tübingen, 1804. S. 101.

¹⁷⁰ См., напр. Stunzi L. Tell. Werden und wandern eines Mythos. Bern u. Stuttgart, 1973.

¹⁷¹ Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. С. 86.

площадь въехал сам Гесслер. Под страхом казни Гесслер приказал Теллю стрелять в яблоко на голове его младшего сына. Все затаили дыхание, но меткий стрелок попал в цель – мгновение, и его сын держал в руках две половинки яблока! Пораженный Гесслер спросил у Телля, зачем он спрятал на груди вторую стрелу. Тот ответил, что вторую стрелу он направил бы в самого Гесслера, если бы случайно застрелил своего сына. За это наместник приказал взять стрелка под стражу и заточил его в своем замке. Вскоре Гесслер со свитой, а с ними и связанный Телль, отправились в лодке по озеру. Поднялась буря, лодку несет на скалы, и австрийцы, не видя иного выхода, решают доверить управление Теллю, местному уроженцу. Тот уверенно провел лодку по бурному озеру Четырех кантонов (Фирвальдштетскому озеру) и, приблизившись к скалистому берегу, внезапно выпрыгнул из лодки и скрылся за камнями, оставив своих мучителей наедине со стихией. Прошло некоторое время – и та самая вторая стрела настигла безжалостного Гесслера в т.н. Nohle Gasse (узком ущелье): Вильгельм Телль отомстил за своего сына и свой народ. Считается, что выстрел Телля стал для швейцарцев знаком к народному восстанию – через семь лет в 1315 г. они одолели войско Габсбургов в битве при Моргартене. По преданию, в этой битве (в других вариантах – и даже в заключении союза на Рютли) принимал участие и славный Вильгельм Телль.

С легендой о метком стрелке связано и воздвижение многих известных памятников: 1) в 1388 г. часовни Телля (Tellskapelle) на берегу озера на том месте, где Телль якобы выпрыгнул из лодки, спасаясь от людей Гесслера недалеко от города Бюрглен (в Бюрглене, к тому же, сохранился дом, где, по преданию, родился герой); 2) часовни в Nohle Gasse (между Кюснахтом и Иммензее), перестроенной в 1638 г., в память о выстреле Телля; 3) в 1895 г. памятника Теллю на центральной площади Альтдорфа.

Нельзя не признать, что В. Телль был на протяжении веков поистине народным героем, и, к примеру, когда в 1760 г. появилось сочинение У. Фройденберга «Вильгельм Телль – датская легенда» (переработанное и

изданное историком Готтлибом фон Галлером, сыном Альбрехта фон Галлера), где история с Теллем и сама реальность существования этого персонажа подвергались сомнению, в кантоне Ури разразился целый ураган народного гнева, и книга была прилюдно сожжена на костре на одной из площадей города Альтдорф¹⁷².

Различные варианты сказаний о Телле могли возникнуть в последние десятилетия XV в., окончательно оформившись уже в XVI в. Заметим, что в течение долгого времени спорным оставался вопрос об исторической истинности легенды. Так, известно, что мотив «выстрела в яблоко» присутствует «и в британской, и вообще североевропейской» (в частности, датской) мифологии¹⁷³, и потому предание о Телле могло быть заимствованием, приспособленным к швейцарским реалиям. Следует сказать, что существуют не только разночтения в вариантах легенды, но имеется также и важное противоречие в основной ее версии. Так, например, Телль стрелял, используя арбалет (именно арбалет присутствует на дошедших до нас изображениях героя)¹⁷⁴, заготовив при этом согласно легенде вторую стрелу для Гесслера. Арбалет же, вытеснивший в центральной части будущей Швейцарии лук в XIII в., не представлял возможностей ручной перезарядки, так что выстрел два раза подряд подготовить было невозможно¹⁷⁵. Это говорит о том, что происходило наложение реалий более позднего времени на более раннюю фольклорную основу.

Велись дискуссии и по вопросу, считать ли Телля литературным персонажем или все же исторической личностью. Для патриотически настроенных швейцарцев – а вслед за ними и многих русских путешественников – этот вопрос разрешался однозначно. Однако проведенный базельским историком Х. Г. Вакернагелем филологический анализ хроникальных и песенных текстов показал, что они возникли на основе более старых народных «драматических игр», своего рода театально-

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 87.

праздничных реконструкций исторических событий, датируемых не позднее XIV в.¹⁷⁶ И потому легенду о Вильгельме Телле следовало бы относить «к тому же типу источников, к которому относятся германские героические саги или легенды о короле Артуре»¹⁷⁷. Таким образом, хотя исследователям до сих пор и неясно, как это предание попало на землю «старых кантонов», миф о Телле как об «идеальном воплощении образцового героя, солдате и патриоте», «стрелке в яблоко» и «тираноборце» попал на швейцарскую почву в форме мимико-драматической постановки и, приспособленный к местным обстоятельствам, «заиграл иными красками и приобрел значение экрана, на который проецировались актуальные события и устремления как народа, так и отдельных персонажей»¹⁷⁸.

Итак, предание о Телле было вполне естественным фольклорным заимствованием, нашедшим, однако, именно в Швейцарии благодатную почву для укоренения и развития. Миф о Телле становится неотъемлемой частью швейцарской «политической мифологии», напоминая о подвигах славных предков и внушая мысль о народном единстве. Большая популярность легенды о Телле в самой Швейцарии способствовала, конечно же, ее распространению и вовне, становясь своего рода визитной карточкой республики. Заметим также, что первые художественные произведения крупных форм, посвященные Теллю, вышли из под пера не-швейцарских авторов: француза Ж.П. Флориана (1794) и немца Ф. Шиллера (1804) , хотя нельзя не сказать, что о Телле писали и швейцарские историки Э. Чуди и И. Мюллер. Фридриху Шиллеру принадлежит окончательное введение легенды о Телле в европейскую литературу и заслуга ознакомления европейской публики со швейцарским народным героем¹⁷⁹. Драма Шиллера свидетельствовала о появлении в немецкой литературе «особой,

¹⁷⁵ Там же. С. 87-88.

¹⁷⁶ См., напр.: Wackernagel H. G. *Altes Volkstum der Schweiz*. Basel, 1956.

¹⁷⁷ Петров И. А. . Очерки истории Швейцарии. С. 88.

¹⁷⁸ Там же. С. 89.

¹⁷⁹ В благодарность Шиллеру жители «старых кантонов» - кантонов-основателей (die Urkantone) в 1859 г. воздвигли памятник в скале, нависающей над водами Фирвальдштетского озера, с надписью: «Певцу Телля».

швейцарской темы, воспринятой и в России как тема свободолюбия, исконно присущего альпийским горцам»¹⁸⁰.

В *битве при Моргартене* 15 ноября 1315 г. ополчение недавно заключивших союз трех кантонов – Ури, Швица и Унтервальдена – одержало победу над войсками Габсбургов под командованием герцога Леопольда Австрийского. Этот успех способствовал дальнейшему укреплению союзнических связей, что привело к подписанию в том же году «Союза города Бруннен», который, как и «Союзная грамота» 1291 г., рассматривается как один из краеугольных камней будущей швейцарской государственности¹⁸¹.

Битва при Земпахе близ Люцерна 9 июля 1386 г. стала важнейшим шагом к выходу союзных швейцарских кантонов из-под влияния Габсбургов. В этом сражении войска восьми союзных кантонов (к первоначальным трем присоединились Цюрих, Гларус, Цуг, Берн и Люцерн) разгромили армию австрийского эрцгерцога Леопольда III, и эта победа стала первым в истории швейцарцев событием общеевропейского значения, «политической и военной сенсацией»¹⁸². С этой битвой связана и легенда о подвиге самопожертвования **Арнольда фон Винкельрида**, который со словами «Позаботьтесь о моей жене и детях!» бросился сразу на несколько австрийских пик, открывая своим товарищам путь к атаке, чем способствовал победе «конфедератов».

Битва при Муртене. Возвысившийся к концу XV в. среди кантонов Берн столкнулся с территориальными претензиями герцогства Бургундского, во главе которого в то время стоял герцог Карл Смелый. Одной из спорных территорий был городок Муртен, летом 1476 г. осажденный бургундскими воинами. Город выдержал осаду, а затем у его стен 22 июня 1476 произошла одна из знаменательных битв т.н. Бургундских войн (1474-1477), в которой Карл Смелый едва избежал гибели. Победители-швейцарцы не дали своим

¹⁸⁰ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 6.

¹⁸¹ Подробнее см.: Петров И. А. Указ. соч. С. 76-85.

¹⁸² Там же. С. 121.

врагам захоронить павших на поле боя, и еще столетиями любопытные приезжали посмотреть на холм из бургундских костей – т.н. оссуарий (или даже, как лорд Байрон, могли приобрести их в качестве своеобразного «сувернира»¹⁸³). Это памятное место швейцарцев вызывало, как правило, негативную реакцию у русских путешественников, усматривавших здесь жестокосердие и неуважение к человечеству вообще. Оссуарий будет разрушен в ходе наполеоновских войн солдатами из бургундского полка в 1798 г.

¹⁸³ Там же. С. 126.

Глава 1. Открытие Швейцарии русскими путешественниками (1750-е – начало 1790-х гг.)

I. Первопроходцы, ставшие старожилами: братья Авраам и Федор Веселовские

Интересно, что «открытие» русскими путешественниками Швейцарии начинается с формально «нешвейцарских» территорий. Женева, уже в эпоху Реформации сбросившая путы епископской власти, в XVIII – начале XIX в. представляла собой город-государство, тесно связанный союзническими отношениями с Конфедерацией гельветических кантонов, но как полноправный член вошла в Конфедерацию только в 1815 г. по итогам Венского конгресса.

Северный берег Женевского озера от Женевы до Веве представлял собой единый регион, несмотря на то, что формально его разделяли государственные границы и частично он принадлежал в XVIII в. Женевской республике, частично земле Жекс (Gex) в составе Франции, частично «земле Во»¹⁸⁴, являвшейся тогда частью Бернской республики в составе Швейцарии.

Первые русские стали появляться в Женеве еще в первой половине XVIII в. Женева, с ее мягким климатом и удачным расположением на берегу озера, на пути из Франции в Италию, постепенно становилась объектом внимания все большего числа русских аристократов, путешествовавших или же обучавшихся за границей. Однако любопытно отметить, что «русское освоение» Женевы началось с истории политического эмигранта, бежавшего от гнева Петра I. Вероятно, слава Женевы как «вольного города», города, в свое время ставшего прибежищем для бесчисленных гугенотов,

¹⁸⁴ Pays de Vaud (фр.) – историческое название образованного в 1803 г. кантона Во (canton de Vaud (фр.), Kanton Waadt (нем.))

способствовала тому, что Авраам Павлович Веселовский, скрывавшийся от грозного царя, нашел приют именно здесь, а вскоре к нему приехал его брат Федор, также ставший «невозвращенцем», который некоторое время жил в Женеве, а затем все же получил прощение от императрицы Елизаветы Петровны и вернулся на родину, став одним из первых кураторов Московского университета. «Старички Веселовские» стали настоящей русской достопримечательностью Женевы, и засвидетельствовать свое почтение им считал нужным каждый проезжий соотечественник. Важно сказать, что Веселовские не потеряли связей с родиной и поддерживали переписку с некоторыми представителями высшего дворянства России¹⁸⁵, играя значимую роль в функционировании системы связей русской дворянской аристократии за границей.

Авраам Павлович Веселовский (1685-1783), которого можно считать своего рода российским «первооткрывателем» Женевы, прибыл туда как один из первых русских «невозвращенцев», имея за плечами успешную дипломатическую карьеру, череду ловких интриг и затем дерзкий побег от царских дипломатов и офицеров.

Авраам и два его младших брата Исаак и Федор происходили из еврейской семьи, получившей российское дворянство в середине XVII века. Благодаря родственным связям с могущественным вице-канцлером П.П.Шафировым¹⁸⁶ братья быстро сделали карьеру в коллегии иностранных дел, Авраам и Федор стали дипломатами. Авраам Веселовский, в молодости личный секретарь Петра I, в 1715 г. получил назначение посланником в Вену, вскоре после чего оказался замешанным в дело царевича Алексея (а по предположению некоторых современных историков и в финансовые махинации светлейшего князя А.Д. Меншикова, благодаря чему безбедно провел остаток жизни – более 60 лет в эмиграции - и оставил после своей

¹⁸⁵ См., напр., Веселовский А.П. - Строганову С. Г., Женева, апрель 1754 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. XIV, М., 2005, С. 18, С. 64-65; Ф.Д. Бехтеев в письмах к М.Л. Воронцову приводит сведения о своей переписке с Ф.П. Веселовским, прилагает письма Веселовского, адресованные ему, и приводит копии писем Веселовского и Вольтера друг к другу // Архив Кн. Воронцова, кн. 3, С. 224, 266-271.

смерти впечатляющее наследство в 369 392 ливра¹⁸⁷) и в 1719 г. был вынужден спасаться бегством от царя у брата Федора, бывшего посланником в Лондоне, а затем вместе с последним в конце 1730-х гг. перебрался в Женеву. Там Авраам Веселовский летом 1741 г. женился на гражданке свободных кантонов Марианне Фабри (Fabri), дочери первого женевского синдика¹⁸⁸ - одного из влиятельнейших людей в городе, у них было четыре дочери¹⁸⁹ (и, вероятно, благодаря своему браку Веселовский смог получить женевское гражданство). Веселовский будет иметь долгую и счастливую семейную жизнь, проведет свои годы в достатке, никогда больше не вернется в Россию и станет своеобразным символом «русской Женевы», посещаемый почти всеми русскими путешественниками, оказавшимися там. О свиданиях с Веселовским упоминают Александр Строганов, братья Демидовы, их дядя Никита Демидов¹⁹⁰. На своем веку Авраам успел познакомиться и с Екатериной Дашковой (посетившей Женеву в 1770 г.), и с братьями Орловыми (один из них, Григорий, в том же 1771 году приедет в Лозанну)¹⁹¹. Несмотря на своеобразное заграничное «отшельничество» Веселовского, нельзя недооценить масштабов влияния этого неординарного человека, «заслуживающего подробной монографии по своему уму и колдоватностям своей жизни»¹⁹².

Аврааму Веселовскому принадлежит значимая роль в истории с созданием Вольтером труда о Петре Великом по заказу российского правительства. Его фигуру современный исследователь назовет «очень важной для понимания всего женевского и фернейского периодов творчества французского просветителя», а самого Авраама «не просто консультантом,

¹⁸⁶ Лобанов–Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т.1. Спб, 1895. С.97.

¹⁸⁷ Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 21.

¹⁸⁸ Копанев Н.А. Как Вольтер стал «русским» // Петровское время в лицах - 2002: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002.

¹⁸⁹ Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006. С. 359.

¹⁹⁰ Подробнее об этих встречах см. соответствующие параграфы данной главы.

¹⁹¹ Серов Д.О. Указ. соч. С. 22.

¹⁹² Примечание редактора «Русской старины» к заметке об Аврааме Веселовском // Русская старина, 1884, №10. С.190.

но и своеобразным соавтором Вольтера, его литературным секретарем»¹⁹³. Семейный круг Веселовского долгие годы был «кругом общения Вольтера»: его старшая дочь Екатерина была с 1766 г. замужем за Филибертом Крамером, издателем основных произведений «фернейского мудреца», и если Федору Веселовскому принадлежит заслуга налаживания контактов с философом относительно написания им «Истории Петра Великого», то именно Авраам станет «верным другом и консультантом Вольтера в 50-70-х гг. XVIII в. по всем вопросам, касающимся России и ее истории»¹⁹⁴. Таким образом, практически любое соприкосновение Вольтера с Россией в этот период не обходилось без посредничества Веселовских.

Важно подчеркнуть, что Веселовский не замкнулся в бюргерской среде Женевы, не отгородился от всего, что было связано с Россией, но до самой старости принимал у себя русских, наносил им ответные визиты, в 1740-1770-х гг. состоял в переписке с российскими аристократами (Воронцовыми, И.И. Шуваловым и со своими братьями) и в какой-то мере сохранял свою идентичность как российского подданного, «исполняя по существу роль неофициального русского резидента в Женеве»¹⁹⁵. Историк В.Н. Строев отмечает, что Авраам «продолжал оставаться тесно связанным со своей прежней родиной, живо интересовался всем, что ее касалось. В частности, он собирал коллекцию всех иностранных публикаций о России и даже у нас есть свидетельства о том, что он написал книгу, опровергавшую неблагоприятные суждения, которые иностранные писатели распространяли о характере славянской империи»¹⁹⁶. С другой стороны,

¹⁹³ Копанев Н.А. Указ. соч. С. 51. Ср. Архив Кн. Воронцова, т. 6. С. 287 (И.И. Шувалов сообщал в мае 1757 г. М.Р. Воронцову, что один из братьев, «который в Женеве, берется вспомогать Вольтеру в гистории Петра Великого, которому я, сделав предложение, не знаю как оно продолжаться, не имея ни силы, ни вспоможения. Он сказывает, что будучи с восьми лет при Государе, многие обстоятельства знает, быв сам при тех баталиях»). Ср. также: Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006. С. 111 (Петр Демидов пишет про Авраама Веселовского, что тот живет в Женеве уже порядка двадцати лет).

¹⁹⁴ Копанев Н.А. Указ. соч. С. 51. Примечательно, что третий том русских рукописей Вольтера, хранящийся в настоящее время в Петербурге в библиотеке Вольтера, содержит целый комплекс оригинальных писем, автографов, адресованных А.П. Веселовскому, которые философ мог получить только от него самого // Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Цит. по: Копанев Н.А. Указ. соч. С. 53.

Веселовский интегрировался в женевскую среду и был уже для россиян не только соотечественником-эмигрантом, но и частью иной действительности - его собственной *patriae novae*, где ему, тем не менее, приходилось бороться с воспоминаниями и страхами прошлого: дожив почти до ста лет, Авраам в старости буквально дрожал, проходя мимо портрета Петра I, который был подарен ему в свое время самим императором¹⁹⁷. После смерти Петра Авраам мог больше не опасаться преследований со стороны российских монархов, а будучи очень богатым человеком, он, несомненно, имел возможность выбора места проживания. И тем не менее, в течение более чем сорока лет вплоть до своей кончины Веселовский жил в Женеве, сам стал ее гражданином, что, пожалуй, свидетельствует о теплом отношении Авраама Веселовского к этому городу, приютившему его и ставшему для него на добрую половину века второй родиной.

Федор Павлович Веселовский (1690 – после 1762), прошедший на своем веку через не меньшее количество авантюр и испытаний, чем его старший брат, также стал одним из символов ранней «русской» Женевы. Федор, как и Авраам, начинал свою карьеру в коллегии иностранных дел, в течение долгого времени находился при князе Б.И. Куракине, будучи его ближайшим помощником, затем в 1717 г. получил назначение резидентом в Англию, где отстаивал российские интересы в ходе затянувшейся Северной войны¹⁹⁸. В 1720 г. недовольный осторожной позицией Веселовского при обострении русско-английских противоречий Петр I отзывает его из Лондона, при этом истинной причиной дисграции были подозрения по делу царевича Алексея, к которому оказался причастен Авраам. Федор, не желая быть «страдателем»¹⁹⁹ за брата, укрылся в Англии, не пожелавшей выдавать его Петру. В 1724 г. Федор подает прошение в парламент о принятии английского подданства, трижды – в 1727, 1732 и 1742 гг. – просит у русских

¹⁹⁷ Авраам Веселовский, † 16-го января 1783 г. Заметка из дневника Августа Крамера // Русская старина, 1884, №10. С.190.

¹⁹⁸ Подробнее см. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986.

¹⁹⁹ Письмо Ф.П. Веселовского М.П. Бестужеву-Рюмину. Цит. по: Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897. Т.2. С.32.

властей о помиловании и наконец 25 ноября 1742 г. бывшему изгнаннику даруется высочайшее позволение возвратиться в Россию²⁰⁰, где благодаря хлопотам еще одного брата, Исаака, он получает высокую должность церемонимейстера. В 1752 г. Федор выходит в отставку, предпринимает путешествие за границу, однако в 1758 он вновь на службе, в 1760 г. благодаря покровительству И.И. Шувалова становится куратором Московского университета. Наконец, со сменой власти в 1762 г. Веселовский уходит в почетную отставку со всех своих должностей, получив чин тайного советника. Дальнейшая судьба его точно неизвестна, возможно, что он вернулся за границу, где вскоре скончался²⁰¹.

В свете изучаемой нами темы важно проанализировать сведения о пребывании Федора Веселовского за границей. Как упоминалось выше, в конце 1730-х годов Федор вместе с братом обосновался в Женеве, где жил до возвращения на родину в январе 1743 г. Затем он путешествовал после отставки 1752 г., в частности, имеются сведения, хотя и довольно скудные, о его пребывании за границей в 1756-1757 гг., которые содержатся в переписке русского посланника во Франции Ф.Д. Бехтеева с вице-канцлером М.И.Воронцовым²⁰². В письме из Парижа от 24 октября 1756 г. Бехтеев пишет Воронцову: «Федор Павлович намерен ехать, и думаю, уже уехал в Женеву для препровождения тамо зимы»; оттуда Веселовский вернется в Париж 4 февраля 1757 г.²⁰³ С берегов Лемана в ноябре 1756 г. Федор Веселовский писал Бехтееву, что добрался туда благополучно и что его в Женеве навестил **Михаил Григорьевич Собакин**, и, «пробыв несколько дней, поехал в Италию, наскучив также Женевою, как и Парижем»²⁰⁴. Поэт

²⁰⁰ Архив Кн. Воронцова, Кн. 4. С. 202.

²⁰¹ Голицын Н. (Предисл., публикация) И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты // Литературное наследство, М., 1937. Т.29/30. С.267.

²⁰² Архив Кн. Вороцова, Кн.3. С.193, 213, 224, 248, 266–268.

²⁰³ Там же. С. 213, 248. Интересно, что этот эпизод отмечают и братья Демидовы в своих журналах, следующим образом описывая Веселовских: «Они уже оба в старых летах, но старшой брат, которой здесь поселился, многим вежливее быть нам оказался, нежели его младший брат, обер-церемонимейстер» // Путешествие братьев Демидовых... С. 111. А затем мы узнаём из записей Демидовых, что в феврале 1757 г. Федор Веселовский внезапно уехал в Париж – «вдруг и не простясь ни с кем» // Там же. С. 118.

²⁰⁴ Архив Кн. Воронцова, Кн. 3. С. 224.

Михаил Собакин (1720-1772/3?)²⁰⁵, аристократ, пресыщенный жизнью, в тот период жил в Париже, охваченный тоской. Бехтееву и Веселовскому приходилось вдвоем утешать несчастного Собакина, который втайне признавался последнему, что несмотря на все путешествия и заграничные развлечения, «сам собою наскучил, и не знает иногда, что зачать и что делать»²⁰⁶. Впоследствии встречается упоминание о пребывании Собакина в Женеве одновременно с Ф.Н. Голицыным и братьями Разумовскими (приблизительно в конце 1772 г.)²⁰⁷.

За границей же Федор Веселовский сумел выполнить важное поручение своего благодетеля И. И. Шувалова – вероятно, наиболее способствовавшее его будущему назначению куратором Московского университета. Именно Веселовскому елизаветинский вельможа доверил вести переговоры с Вольтером относительно создания «Истории Петра Великого». Став посредником в переговорах Вольтера фактически с российским престолом, Веселовский сумел пленить философа своим изысканным слогом и заслужить его похвалу.

В эти годы Вольтер проживал в своем имении Делис под Женевой. Не застав его там (Вольтер в тот момент уехал в Лозанну), Веселовский отправил философу послание, в котором изложил официальное предложение, исходившее от Шувалова: написать историю царствования Петра I и даже предложить приехать с этой целью в Россию.

«Милостивый государь! – писал Веселовский Вольтеру 16 февраля 1757 г., – я знаю, что восторги частного человека, как бы искренни они ни были, не могут тронуть столь тонкий вкус как Ваш, в особенности после тех похвал, которыми Вас осыпала вся просвещенная Европа; но когда я буду иметь честь Вам изъяснить, что нет другой страны, где Ваши достоинства, Ваши таланты и Ваш редкий гений были бы более узнаны, выше чтились бы

²⁰⁵ Михаил Собакин был автором книги «Совет добродетели» (1738), а также многочисленных стихотворений, од и панегигов, в том числе панегирического послания к императрице Елизавете Петровне (1742). См. Словарь русских писателей XVIII века. Вып.3. (Р-Я). СПб., 2010.С. 141-142.

²⁰⁶ Архив Кн. Воронцова, Кн. 3. С. 213.

²⁰⁷ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

и заслужили бы большее восхищение, нежели в России, на моей родине, то льщу себя надеждой, что эта новость не будет Вам безразлична». Далее Веселовский среди искреннейших почитателей Вольтера называет имя И.И.Шувалова - обладающего просвещенным умом и высоким положением при дворе вельможи, который «ревнуя о чести своего Отечества и о славе Петра Великого, убежден, также как и я, что нельзя оказать большей заслуги России, чем убедить Вас, м.г., написать историю правления этого великого монарха». Не смея надеяться, что Вольтер может приехать в Петербург, Веселовский от имени Шувалова обещает выслать необходимые исторические материалы и предлагает в подарок коллекцию памятных золотых памятных медалей петровской эпохи как знак дружбы и признательности просвещенного елизаветинского фаворита. «Я не мог бы, м.г., – завершает свое письмо Веселовский, – выразить удовлетворение, которое я чувствую, выполняя столь лестное для меня поручение; с ним ничто не может сравниться, разве только надежда, что мои переговоры приведут к успеху».²⁰⁸

Очень скоро – 19 февраля 1757 г. - Вольтер очень учтиво ответил Веселовскому, начав свое послание с похвал изысканному стилю Веселовского: «Письмо, которое я получил, я счел в начале написанным в Версале или в нашей Академии, и это Вы, м.г., сделали мне честь, направляя его». Он не скрывал своей радости («Вы предложили мне то, о чем я мечтал уже тридцать лет») и сообщал Веселовскому краткий план и порядок работы, надеясь на присылку архивных записок, карт и справок, и вежливо отказываясь от дорогого подарка: единственное желание Вольтера – это получить одобрение его намерений у самой императрицы.²⁰⁹

Поручение Шувалова было выполнено наилучшим образом, и Веселовский поспешил донести об этом своему покровителю. «Нельзя обнаружить лучших намерений и большей готовности, чем те, которые он

²⁰⁸ Архив Кн. Воронцова, Кн.3. С.268–269.

²⁰⁹ Архив Кн. Воронцова, Кн.3. С. 269–271.

проявляет в отношении исполнения задуманного труда. – писал Веселовский о Вольтере. – В последнем он усматривает и честь, и удовольствие; но он хотел бы, чтобы его работа была удостоена высокого одобрения ее императорского величества, и это притязание представляется мне вполне основательным со стороны человека, который, как говорят, имеет 70 тысяч ливров дохода и хочет работать только ради славы...»²¹⁰.

Наконец, успех идеи Шувалова дополняла и весточка, полученная из Женевы от Авраама Веселовского. Шувалов сообщал об этом в мае 1757 г. Воронцову, что один из братьев, «который в Женеве, берется вспомогать Вольтеру в гистории Петра Великого, которому я, сделав предложение, не знаю как оное продолжать, не имея ни силы, ни вспоможения. Он сказывает, что будучи с восьми лет при Государе, многие обстоятельства знает, быв сам при тех баталиях»²¹¹. Приниженная оценка здесь Шуваловым собственной роли намекает нам на то, что в дальнейшем переписка, начатая столь галантным письмом Федора Веселовского, будет развиваться не так безоблачно: многие исторические справки, которые требовал Вольтер, задерживались, а то и вовсе не приходили (зато Шувалов не скупился на дорогие подарки философу!), а сам текст Вольтера подвергался критике учеными петербургскими читателями, в том числе М.В. Ломоносовым. Тем не менее, через два года работа была закончена, и просвещенная Европа смогла познакомиться с *другой* Россией, нежели та, которую рисовали ей газетные памфлеты и досужие разговоры светских салонов.

²¹⁰ Цит. по: Голицын Н. (Предисл., публикация) И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты // Литературное наследство, М., 1937. Т.29/30. С. 260. Веселовский отправил и короткий ответ Вольтеру, сразу же после получения его письма из Лозанны – см Voltaire's Correspondence, ed. by Th.Besterman. Genève, 1953-1965. V.31. P. 78-79.

²¹¹ Архив Кн. Воронцова, Кн.6. С.287.

II. Русские путешественники на берегах Женевского озера во второй половине XVIII в.

Далее дается общая характеристика таких новых, возникающих в середине XVIII в. явлений, как «*русская Женева*» и «*русская Лозанна*», и раскрываются основные положения этой характеристики на конкретном историческом материале.

II.1 Общий обзор путешествий

Эпоха Петра открыла новые горизонты для российской знати, и ее представители все чаще начинают совершать поездки за границу. Эта тенденция сохраняется и укореняется, и начиная с последних лет правления Елизаветы Петровны ездить в Западную Европу «становится обычным делом для русских аристократов»²¹². Конечно, русские вояжеры концентрируются в основном вокруг европейских столиц или центров образования, и в наши дни их число может показаться совершенно незначительным. Так, известно, что среднее количество паспортов, выдававшихся для выезда из Российской империи, составляло ежегодно порядка 600 для периода с 1763 по 1780²¹³, при этом надо помнить, что в эту эпоху львиную долю выезжавших за границу составляли сотрудники посольств и купцы. Разумеется, значительная часть путешествующих оседала в Париже, бывшему по общему признанию «*capitale du goût*»²¹⁴. Женеву же в то время можно назвать своего рода «зимним Парижем» русской аристократии, которая переезжала на зиму в город с более мягким климатом (так, например, русский посол в Париже Бехтеев сообщал Воронцову о поездке Федора Веселовского из французской столицы в Женеву на зиму²¹⁵; вскоре к Веселовскому присоединится также Михаил Собакин в поисках спасения от охвативших его скуки и уныния²¹⁶).

²¹² Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, XXXIV, (1-2), janvier – juin 1993, p. 193.

²¹³ Ibid. p. 194.

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ Архив Кн. Воронцова, Кн. 3, С. 213.

²¹⁶ Там же. С. 224.

Таким образом, Женева «подпитывалась» от «русской колонии»²¹⁷ в Париже и постепенно сама приобретала популярность среди русских аристократов.

Во второй половине XVIII века Женева выходит на передний план в европейском пространстве как центр просвещения и образования. Данный процесс был обусловлен многими факторами. Благодаря основанной еще в 1559 г. Жаном Кальвином Академии (уже переросшей к тому времени узкие рамки чисто кальвинистского коллежа и вставшей по уровню преподавания на одну ступень с европейскими университетами) Женева являлась притягательным центром для всех тех, кто желал основательно изучать весь спектр гуманитарных (и не только) предметов, от древних языков, риторики и диалектики до философии, истории и юриспруденции. Женева была одним из наиболее популярных мест, куда молодых людей отправляли получать светское воспитание. Культурное значение Женевы отмечалось и в появившемся в 1761 г. на русском языке сочинении Р. Рота: «В Генфе изрядная академия с библиотекою, снабденная довольно числом профессоров и других ученых людей»²¹⁸. Успешное функционирование Женевской Академии и слава ее профессоров (таких, как Я. Верне, Ж. Жалабер, Л. и Т. Троншен, П. Пикте и др.) прекрасно дополнялись тем, что в Женеве того времени проживало немало известных всей Европе мыслителей и ученых (стоит назвать имена естествоиспытателей Ш. Бонне и О.Б. де Соссюра, путешественника Ж.А. Трембле, Вольтера). К тому же, европейцы отправляли своих детей в Женеву получать светское воспитание.

С укоренением традиций Просвещения в России происходит усвоение принципов английского Grand Tour. Знатные вельможи готовы были щедро оплачивать образование собственных детей, и все больше семейств начинает посылать своих отпрысков за границу: поучиться в европейских университетах и совершить путешествие по Европе. Как правило, русские

²¹⁷ На обоснованность подобного термина указывает В. Берелович (Berelowitch W. Op. cit., p.197). Исследователь употребляет термин «русская колония» со ссылкой на использование такого понятия Сергеем Михайловичем Голицыным в 1758 г. в письме к брату Александру по отношению к проживающим в Париже русским (Ibid., p. 207).

аристократы следовали схеме т.н. «Kavalierstour», немецко-шведского варианта Grand Tour, что подразумевало длительное обучение в одном из университетов Европы²¹⁹. Женева со своей Академией становится одним из обязательных пунктов в программе образовательного путешествия по Европе для молодых российских аристократов. Многие аргументы склоняли отцов в пользу Женевы: ее близость как к Парижу, так и к Италии, благоприятный климат, строгость нравов и спокойное течение жизни в столице кальвинизма (что было, например, одним из решающих аргументов для Кирилла Разумовского²²⁰), ученая слава Женевской академии, и, конечно, возможность общения со знаменитым **Вольтером**, который жил недалеко от Женевы в поместье Делис (затем философ перебрался в Ферней, а зимой бывал в Лозанне). К тому же, Женева в те годы обладала важным преимуществом: она находилась в стороне от театра военных действий потрясшей Европу Семилетней войны (1756-1763). Нельзя не заметить, что в качестве «русских студентов» в прямом смысле этого слова выступают только лишь три брата Демидовы (1756), а также барон Александр Сергеевич Строганов и князь Андрей Михайлович Голицын (1753-1754) (их фамилии фигурируют в матрикулах Женевской Академии²²¹), прочие же русские аристократы предпочитали брать у профессоров Академии частные уроки. Еще одна сложность в отыскании следов россиян в Женеве – полное отсутствие какой-либо информации о въезжавших и выезжавших из города: в женевскую *Livre des étrangers* («Книгу записи иностранцев») заносились лишь данные о намеревавшихся поселиться здесь католиках (с целью открыть в Женеве собственное дело), временно же проживавшие в городе туда не попадали, а книги записей гостиниц до наших дней не дошли. Отметим, что положение Женевы на пути, соединяющем Францию и

²¹⁸ Рот Р. Достопамятное в Европе, то есть описание того, что для любопытного смотрения света, также за нужду или по случаю путешествующему в знатнейших местах Европы знать надлежит. СПб., 1761. С. 29, 96.

²¹⁹ Бекасова А.В. «Фарос младых вельмож»: И.И. Шувалов и образовательные путешествия российских дворян // Философский век. Альманах. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории. СПб., 1998, С. 28-29.

²²⁰ К. Г. Разумовский - А. К. Разумовскому, С.-Петербург, 6 июня 1786 г. // Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 218-219.

Италию, делало посещение ее, пожалуй, почти «обязательным» для путешественников, переезжавших между этими двумя странами; на данный момент невозможно сказать точно, сколько всего россиян побывало в Женеве хотя бы проездом в рассматриваемый период времени. Однако еще раз подчеркнем, что общее число русских, оказавшихся в Женеве в рассматриваемый нами промежуток времени, изначально не может быть большим: речь идет фактически о единицах. Тем не менее, важное место Женевы в культурном и – что немаловажно – образовательном контексте Европы того времени способствовало постепенному увеличению числа русских, приезжавших в этот город.

С начала 1750-х гг. начинается «открытие» «ученой Женевы» молодыми русскими аристократами. С.К. Нарышкин, А.С. Строганов, А.М. Голицын, братья Демидовы приезжают сюда учиться, эту линию впоследствии в большей или меньшей степени продолжают А.П. Шувалов, Ф.Н. Голицын и братья Разумовские (Лев селится в Женеве, Григорий и Иван Разумовские учатся в Лозанне и бывают в Женеве). С другой стороны, конец 1750-х гг. ознаменован оживлением контактов между Вольтером и русским правительством, вследствие чего в Женеву прибывают Б.М. Салтыков, А.Р. Воронцов, а впоследствии в ноябре 1773 г. и сам **И.И. Шувалов**²²² (чью роль в координировании поездок, круга общения и образовательных программ для молодых россиян нельзя недооценить), а также Е.Р. Дашкова, состоявшая в давней переписке с «фернейским мудрецом». Для Дашковой, также как и для Никиты Демидова, Женева в меньшей степени представляла интерес как центр образования и скорее представляла пред ними как одна из культурных столиц Европы. Эти впечатления отразились в их заметках о путешествии и впоследствии нашли дорогу к читателям. И благодаря многочисленным путевым «отчетам» русских вояжеров в сознании русской публики постепенно возникал образ Женевы не только как города просвещения и

²²¹ Le livre du recteur de l'Académie de Genève (1559-1878). V.1. Genève, 1959. P.33, 303.

²²² Русский архив. 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 152. Ср.: Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

образования, но как и одного из вместилищ культурного наследия Европы со своей – впоследствии ставшей в полной мере «швейцарской» - спецификой.

Заметим, что значительная часть русских, приезжавших в Женеву в рассматриваемый период времени – это молодые люди 15-25 лет, что объясняется, конечно же, тем, что они только завершали свое обучение и прибывали в Женеву в основном с образовательными целями.

Интересно, что в 1777 г. в России вышло сочинение Вениамина Генша «План предпринимаемого путешествия в чужие края»²²³, в котором предлагался план поездки в один из немецких, итальянских или французских университетов для группы молодых дворян; помимо этого в «Плане» предусматривалось путешествие по Швейцарии, Италии и Франции с целью ознакомления с искусством и фабричным делом этих стран, что было вполне типично для программ Гран-тура и соответствовало характеру уже начавшихся с 1750-х гг. образовательных поездок российских дворян в Европу, включая и Швейцарию.

В динамике посещения русскими Женевы можно наблюдать три активные фазы: **1750-е – начало 1760-х гг.** (А.С. Строганов, А.М. Голицын, братья Демидовы, Б.М. Салтыков, А.Р. Воронцов, А.П. Шувалов), **конец 1760-х – середина 1770-х гг.** (Е.Р. Дашкова, братья Разумовские, Ф.Н. Голицын, Н.А. Демидов, И.И. Шувалов), **1780-е – начало 1790-х гг.** (Г.Г. Орлов, И.К. Разумовский, А.Г. Бобринский, П.А. и Г.А. Строгановы, А.Н. Воронихин, Н.М. Карамзин²²⁴, В.П. Кочубей). В границах выделенных периодов можно наблюдать определенное единство, обусловленное внутренними связями путешественников между собой.

В первый период можно выделить, во-первых, две группы россиян, приехавших в Швейцарию исключительно с образовательными целями (отметим при этом, что молодые русские аристократы не путешествовали

²²³ Генш В. План предпринимаемого путешествия в чужие края. Спб., 1777.

²²⁴ Хронологически путешествие Карамзина относится к XVIII в., однако оно будет рассматриваться в следующей главе настоящего исследования, поскольку открывает новую эпоху в истории путешествий россиян в Швейцарию. Анализ путешествий Павла Петровича и Павла Строганова также помещен в третьей

самостоятельно - их, разумеется, сопровождали гувернеры и немногочисленная прислуга, и будем условно учитывать спутников наших героев): 1) А.С. Строганов и А.М. Голицын с окружением, 2) братья Демидовы со своим гувернером Буссениусом. Они разминутись на год во времени своего приезда в Женеву, однако установлено, что Демидовым были известны детали пребывания Александра Строганова в Женеве; братья также обменивались письмами с Андреем Шуваловым. Все они общались с Авраамом Веселовским. Во-вторых, в конце первого периода появляются также русские путешественники другого рода, для которых центральной фигурой в Женеве является Вольтер, которому И.И. Шувалов от имени русского правительства заказывает «Историю Российской империи при Петре Великом».

Второй период своеобразен частыми контактами россиян между собой в Женеве, а также между проживавшими в Женеве и в Лозанне. Биограф Разумовских (как и женевец К.-В. Бонштеттен в одном из писем²²⁵) отмечает, что в Женеве «в то время проживало много русских»²²⁶. «Ядро» «русской колонии» в Женеве того времени – Лев Разумовский и Федор Голицын, к которым присоединялись Григорий Разумовский (из Лозанны), а также Никита Акинфьевич Демидов и Авраам Веселовский.

Третий период можно назвать «переходным»: в истории «русских путешествий» намечаются новые тенденции, возрастает тяготение к природным красотам Швейцарии. Россияне традиционно проводят длительное время в Женеве и постигают науки, однако помимо образовательных задач появляются и новые интересы: в частности, Павел Строганов и Андрей Воронихин впервые совершают длительное путешествие в Альпы.

Отдавая предпочтение Женеве, во второй половине XVIII в. россияне посещали и второй важнейший культурный центр на берегу Лемана –

главе, поскольку эти путешествия также представляют собой новые явления для «русских путешествий» XVIII в.

²²⁵ Herking M.-L. Ch. -V. de Bonstetten, 1745-1832: Sa vie, ses oeuvres. Lausanne, 1921. P. 38.

Лозанну, хотя пока еще не столь часто. При этом нельзя исключать, и, скорее, даже стоит предположить, что те русские, которые жили в Женеве, бывали и в Лозанне, ибо это весьма естественно, учитывая близкое расположение городов. Итак, к «русской Лозанне» принадлежали в первую очередь те, кто в течение длительного периода времени находился в столице. Во и о чем пребывании сохранились письменные свидетельства. Это **Александр Головкин, Иван и Григорий Разумовские**, а также **Григорий Орлов** с супругой Екатериной Орловой-Зиновьевой.

Приведенная выше периодизация пребывания «русских путешественников» Женеве в целом корреспондирует и с теми немногими их путешествиями XVIII в., маршруты которых лежали за пределами региона Женевского озера. Поэтому в последующем в данной главе, отдавая предпочтение хронологическому принципу исследования, все путешествия россиян в Швейцарию во второй половине XVIII в.²²⁷ будут рассматриваться в рамках указанной периодизации.

II.2. 1750-е – начало 1760-х гг.

Александр Сергеевич Строганов (1733- 1811) стал одним из первых россиян, приехавших в Женеву с образовательной целью; на его примере (как и на примере братьев Демидовых) можно получить подробное представление о быте, интересах и занятиях молодых русских дворян за границей. Для Строганова жизнь в Женеве стала одной из важнейших образовательных вех. Александр Строганов²²⁸, впоследствии граф - первый в своем роду - получил блестящее домашнее образование и для завершения его

²²⁶ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

²²⁷ Лишь путешествия вел.князя Павла Петровича (1782) и Н.М. Карамзина (1789/1790), для анализа которых чрезвычайно важен «альпийский контекст», будут отдельно рассмотрены нами в третьей главе.

²²⁸ А.С. Строганов - обер-камергер, член Уложенной Комиссии, сенатор, президент Императорской Академии художеств (1800), член Государственного Совета, директор Публичной библиотеки, коллекционер, «один из наиболее выдающихся русских меценатов в широком и лучшем значении этого слова» (Русский биографический словарь. Т. 19. СПб., 1909. С. 485). Руководил постройкой Казанского собора, пользовался благосклонностью Елизаветы Петровны и Екатерины II, Павла I и Александра I, впоследствии вошел в ряды масонов.

был направлен в Европу со своим наставником французом Антуаном (Antoine). Посетив Берлин, Строганов через Ганновер, Франкфурт-на-Майне и Страсбург, прибыл в Женеву, где провел два года. По их истечении, с сожалением оставив Женеву, этот «южный город с его разнообразной жизнью и разноплеменным населением»²²⁹, Александр направился в Италию, объездив которую, он вновь через Женеву (декабрь 1755) переехал в Париж. Следует отметить, что в течение всего путешествия Строганов осматривал выдающиеся произведения искусства, науки и техники и прилежно учился. Биограф Строганова подчеркивает, что для «располагавшего громадными денежными средствами и более чем прекрасными для блестящей карьеры связями» молодого человека «изучение разных научных отраслей было не пустой фразой, не простой ширмой для прикрытия широкой светской жизни, а действительным трудом и даже любимым занятием»²³⁰. Поэтому юный барон столь радел об успехе своего пребывания в Женеве, надеясь обучением в ней положить основание всей своей жизни²³¹. Главным же источником сведений о пребывании Строганова в Женеве стали его письма к отцу, барону Сергею Григорьевичу Строганову.

Строганов в Женеве (конец сентября / начало октября 1752- конец сентября 1754, декабрь 1755). Проехав на исходе сентября 1752 г. через Базель, юный путешественник достигает Женевы.

Обучение. Главной задачей двухгодичного пребывания Александра Строганова в Женеве было, несомненно, прохождение многочисленных курсов наук у лучших женевских профессоров, обучение иностранным языкам (в Женеве он начал учить итальянский), а также музыке и верховой езде. И отец, и сын придавали этой задаче большое значение, что подтверждают регулярные и подробные отчеты Александра о своих занятиях, которые содержались почти в каждом его письме домой. Начиная свои «штудии», Александр писал Сергею Григорьевичу: «Дай Бог, чтоб

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

мною предпринятая науки счастливо окончать. И вы бы мною довольны были. А я со своей стороны очень прилежен буду и, как можно, стараться стану»²³². Почти все свое время в Женеве он посвятил слушанию лекций «выдающихся женевских профессоров, особенно историка Верне, с которым остался в дружественных отношениях на всю жизнь»²³³. Ученики к знаменитому Верне стекались со всей Европы²³⁴. Вместе со Строгановым курс истории у Верне проходил и **Андрей Михайлович Голицын**, приехавший в Женеву из Голландии²³⁵.

Для младшего Строганова Женевы со своей прославленной Академией стала настоящим «храмом наук» и своеобразной *Alma mater* (хотя он и занимался частным образом – с профессорами Академии). Памятуя о первоначальном намерении отца позволить ему жить и учиться в Женеве в течение трех лет, после полутора лет своего там пребывания молодой барон «всенижайше» просит родителя хотя бы немного повременить с отъездом в Италию²³⁶. Любопытно, что Александр рассматривал Женеву как плацдарм для успешного старта во взрослую жизнь и карьеру. Он писал, что хочет и дальше жить и обучаться в Женеве, «чтоб хорошее здесь в науках основание положить», на котором бы вся его жизнь «основана быть могла»²³⁷.

Итак, что же изучал Александр Строганов? Ниже будет дан перечень пройденных им курсов, а вот сколь насыщенным был его обычный день: «От 8 часов по утрам до 9 буду учиться у господина профессора Вернет историю и географию. От 10 до 11 — математику у господина профессора Жалабера. Да у него же буду учить логику от 12 до 1. А после обеда латынскому языку да на

²³¹ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 1 марта 1754 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. ... Т. XIV. С. 30.

²³² Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 14 ноября 1752 г. // Там же. С. 18.

²³³ Русский биографический словарь. Т. 19. С. 485.

²³⁴ См., напр., Gargett G. JACOB VERNET: THEOLOGIAN and ANTI-PHILOSOPHE // *Journal for Eighteenth-Century Studies*, Volume 16, Issue 1, March 1993, pp. 35–52.

²³⁵ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 12 апреля 1754 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. ... Т. XIV. С. 31. Голицын Андрей Михайлович (1729-1770), князь, сын генерала-фельдмаршала М. М. Голицына, подпоручик л.-гв. Преображенского полка // Там же. С. 69.

²³⁶ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 1 марта 1754 г. // Там же. С. 30.

²³⁷ Там же.

клавицимбалах играть у господина Фритша»²³⁸. Обращает на себя внимание усердие Строганова, который во время каникул всегда «с великой нетерпеливостью» ждал начала занятий²³⁹ и писал домой: «Хотя некоторых господ профессоров здесь в оное время не будет, но я без дела не останусь»²⁴⁰. В течение двух лет, проведенных в Женеве, Александр изучал следующие науки: латынь у пастора Белами, математику, физику и логику у профессора Жалабера, историю и географию у профессора Верне, экспериментальную физику у Некера, натуральное право у профессора Люлена (у которого брал лекции и его дядя **Семен Кириллович Нарышкин**²⁴¹), геометрию, тригонометрию, фортификацию и архитектуру, учился играть на клавесине у музыканта Фритша (который также учил С.К. Нарышкина играть на скрипке и даже просил Строганова узнать, не возьмет ли Нарышкин его к себе на службу в Россию²⁴²), ездил на манеже, а незадолго до отъезда в Италию занялся изучением итальянского языка. Авраам Павлович Веселовский, женевский «старожил», присматривал за юным Строгановым и с одной из почт отослал в Россию собственноручно написанное письмо на русском языке, в связи с чем Александр шутил, что Веселовский «еще по сию пору руской язык не позабыл»²⁴³. Авраам хвалил г-на Антония - наставника Александра Строганова - и сообщал Сергею Строганову, что все преподаватели Александра отмечают его «счастливым» и «натуральный» талант и способности к наукам: «Дай Боже, чтоб с равною ревностью продолжал, в котором случае вам совершенную подаст радость и

²³⁸ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 10 октября 1752 г. // Там же. С. 17.

²³⁹ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 17 октября 1752 г. // Там же. С. 18.

²⁴⁰ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 5 октября 1753 г. // Там же. С. 27.

²⁴¹ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 8 июня 1753 г. // Там же. С. 24. Семен Кириллович Нарышкин (1710 - 1775) – генерал-аншеф, любимец Елизаветы Петровны, получил прекрасное образование за границей, 1744 г. был послан встречать будущую Екатерину II, помимо прочего был известен своим домашним театром, первый в России завел оркестр роговой музыки // Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, М., 2003. С. 291. Мы не располагаем точными датами пребывания Нарышкина в Женеве, быть может, это 1730-е гг. Однако не стоит исключать и той вероятности, что Фритш (Фритч) мог давать уроки Нарышкину не в Женеве.

²⁴² Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 26 января 1753 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. ... Т. XIV. С. 20.

²⁴³ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 12 апреля 1754 г. // Там же. С. 31.

удовольствие. И со временем достигнет до министерства»²⁴⁴. Обучение в Женеве легло в основу энциклопедического образования Александра Строганова, будущего члена Госсовета, сенатора, коллекционера и мецената.

Заботы, знакомства, впечатления... Оказавшись на берегах Лемана в середине осени, юный путешественник в октябре просит отца прислать ему шуб, «для того, что здесь от снежных гор очень холодно»²⁴⁵. И он получит посылку из Любека: «одного бобра, два меха белых, две шубы овчинных и персицкую парчу»²⁴⁶ - правда только через год, так долго шла в то время почта. А для своих женевских друзей Александр просит отца отправить зеленого чая²⁴⁷. «Ученые друзья» Строганова г-н Мюральт и г-н де Каро (в загородном доме которого он даже гостил во время каникул²⁴⁸) пожелали иметь два российских атласа на латинском и французском языках, что Александр с рвением взялся исполнить²⁴⁹. Также в Женевской Академии существовал обычай, согласно которому все обучавшиеся там иностранцы оставляли несколько книг в дар библиотеке. Потому и Строганов просит отца прислать русскую Библию без переплета и все комментарии к ней Академии наук, и с ними несколько портретов Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны для своих многочисленных друзей²⁵⁰. Домой же Александр посылает швейцарский сыр и пряники, поскольку «мы здесь близко Швейцарии»²⁵¹. Женева в то время не была еще частью Швейцарии, что и отмечает Строганов. Также он отправляет родным «несколько книг, медалей, антиквитетов и натуральных курьезностей» и часы, заказанные за 20 женевских талеров у лучшего мастера²⁵².

²⁴⁴ Письмо Веселовского А. П. Строганову С. Г. Женева, апрель 1754 г. // Там же. С. 64.

²⁴⁵ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 31 октября 1752 г. // Там же. С. 18.

²⁴⁶ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 23 октября 1753 г. // Там же. С. 28.

²⁴⁷ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 2 марта 1753 г. // Там же. С. 21.

²⁴⁸ Отметим, что де Каро был знакомым И.И. Шувалова. Строганов упоминает, что де Каро показывал уме как-то медали «очень хорошей работы», которые собирался отправить в подарок Шувалову (Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 13 марта 1753 г.) // Там же. С. 22.

²⁴⁹ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 14 ноября 1752 г. // Там же. С. 19.

²⁵⁰ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 13 июля 1753 г. // Там же. С. 31.

²⁵¹ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 30 марта 1753 г. // Там же. С. 22.

²⁵² Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 2 августа 1754 г.; Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 21 сентября 1753 г. // Там же. С. 35, 27.

Александр пишет отцу, что в местном обществе его принимают очень доброжелательно, что он любим всеми, кто его знает – «хотя не по достоинству своему», скромно прибавляет он. Особенно тепло относились к нему «ученые люди», что больше всего его радовало и прибавляло усердия к наукам²⁵³. Вечерами Строганов бывал в лучших компаниях, с самими синдиками и другими знатными людьми, однажды по случаю праздника избрания нового «царя пушки» он был удостоен обеда с синдиками в городской ратуше²⁵⁴. Ему довелось также отобедать с посетившим Женеву польским князем Чарторыйским и у одного из богатейших местных купцов Палара (Паларта)²⁵⁵. Строганов пишет отцу, чтобы тот порекомендовал дворянам Салтыковым, намеревавшимся сюда приехать, одного своего друга – Месье Саразена (M-r. Sarasin le fils ministre du St. Evangil), к которому он советовал обращаться в случае надобности²⁵⁶. Конечно же, Строганов не мог не общаться с Авраамом Веселовским – они, бывало, зазывали друг друга на обед; старик через Александра «посылал» поклоны С.Г. Строганову и своим братьям, находившимся в России²⁵⁷. Во время своего пребывания в Женеве Александр успел познакомиться и со «славным Вольтером»²⁵⁸, которого он еще раз посетил на обратном пути из Италии и даже стал обладателем копии письма, присланного философу из Парижа (в письме сообщалось о землетрясении 1 ноября 1755 г. (н. ст.), которое практически полностью разрушило Лиссабон²⁵⁹).

Отметим, что Александр находил время и для развлечений, совершал небольшие поездки по окрестностям Женевы. Так, он ездил туда, где река Рона в «каменьях теряется с великим шумом и пеною, и под оными камнями с 80 сажень течет» под горой Кредо около французской крепости

²⁵³ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 14 ноября 1752 г. // Там же. С. 19.

²⁵⁴ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 26 января 1753 г.; Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 8 июня 1753 г. // Там же. С. 20, 24.

²⁵⁵ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 13 апреля 1753 г. Женевы // Там же. С. 23.

²⁵⁶ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 6 сентября 1754 г. Женевы // Там же. С. 36.

²⁵⁷ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 23 октября 1753 г. // Там же. С. 28.

²⁵⁸ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 2 декабря 1755 г. // Там же. С. 54.

²⁵⁹ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. ... Т. XIV. С.70. Эту копию Александр отправил отцу, до наших дней она, по-видимому, не сохранилась.

Леклюз²⁶⁰. Строганову стал свидетелем небольшого землетрясения, происшедшего в марте 1753 г. в Женеве, которое было такой силы, что на противоположном берегу Роны звонили колокола в церквях²⁶¹. Александр упоминает о праздновании женевцами т.н. Эскалады (L'escalade, или Fête de l'Escalade)²⁶², и он также оставил нам красочное описание традиции выбора «царя пушки»: «Доношу вам, что на прошедшей недели делали здесь царя пушки. Она церемония таким образом была. Перво здешней канонерной корпус с музыкою, барабанным боем и с распущенным знаменем маршировал. За оным корпусом следовал царь прошедшаго году, имущий корону на шляпе, между двумя синдиками. За ним шли царь фузеи, царь навигации и кавалер лука. И всякой из оных шел между двумя членами главного совету. За оными следовали все друзья царицы. Когда вся она кампания пришла к тому месту, где из пушек в цель стреляют, то всяк, кто хател (из здешнева гражданства) стрелял. Потом таово, кто в цель попал, поздравили царем. А царь прошлаго году, снявши с себя, корону ему отдал. И с тою ж церемониею назад в город возвратились. Она церемония через три года возобновляется»²⁶³.

Строганову так понравилась Женева, интенсивная и интересная учеба, женевское общество, он приобрел так много друзей, что с большой неохотой думал об отъезде в Италию и неоднократно просил отца хоть немного продлить его пребывание на берегу Лемана, в очередной раз отправляя Сергею Григорьевичу свою «покорную сыновскую прозбу»²⁶⁴. Имея здесь столько друзей, писал он домой, «в столь коротком времени мне с ними весьма будет трудно растатся», и хотя, подчеркивает Александр, в Женеве не дают ни опер, ни комедий, не устраивают маскарадов, тем не менее в этой

²⁶⁰ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 13 марта 1753 г.; Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 30 марта 1753 г. // Там же. С. 22.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 24 декабря 1753 г. // Там же. С. 30. Эскалада - женевский праздник, установленный в честь освобождения от савойской осады в 1602 г.

²⁶³ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 25 мая 1753 г. // Там же. С. 23-24.

²⁶⁴ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женева, 1 марта 1754 г. // Там же. С. 30.

тишине «столь приятно жить, что можно здешней город земным раем назвать»²⁶⁵.

Тем не менее, отец был непреклонен, и в конце сентября 1754 г. Александр отправляется в Италию, в Турин. Но все же на обратном пути, возвращаясь из Италии в декабре 1755 г., Александр не преминул вновь встретиться с теми, кто стал ему так дорог за два года, проведенные в Женеве: «Будучи столь близко от Женевы, захотелось мне еще видеть и простится (может быть в последней раз) со всеми теми друзьями, которых здесь имею»²⁶⁶.

Братья Демидовы – Александр (1737-1803), Павел (1738-1821) и Петр (1740-1826), сыновья Григория Никитича Демидова и правнуки основателя прославленного рода - заводчика Никиты Демидова (Антюфеева), - как и Александр Строганов, продолжили традицию получения молодыми дворянами образования за границей, и вслед за ним на некоторое время обосновались в Женеве в рамках своего десятилетнего пребывания в Европе. Еще пока «новоиспеченные» дворяне (диплом о потомственном дворянстве был пожалован Екатериной I Акинфию Никитичу Демидову лишь в 1726 г.), Демидовы стремились «не отстать от представителей знатнейших российских фамилий и в этом обычае»²⁶⁷. А потому для братьев была разработана широкая программа обучения в европейских странах, которая предполагала прохождение курсов «наук» самого разного рода, как гуманитарных, так и естественных, включая столь необходимые для постижения и продолжения семейного дела минералогию, физику, горное дело, металлургию, особенности плавильного дела и обработки металлов. Большой акцент делался также на получении Демидовыми соответствующего их званию и состоянию их отца светского воспитания (для чего и было

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Письмо Строганова А.С. Строганову С. Г. Женевы, 2 декабря 1755 г. // Там же. С. 54.

²⁶⁷ Победимова Г.А. «К великой пользе России...» (Образовательные путешествия дворян Демидовых по Европе в 1751-1761 гг.) // Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006. С. 8.

предусмотрено длительное пребывание братьев в Женеве). Покинув родительский дом в 1750 г., юные Демидовы прошли начальное обучение у профессора Сигизмунди в Ревеле, а затем в августе 1751 г. отправились в Германию, где в течение четырех лет слушали лекции в Гёттингенском университете и завершили систематическое образование в Горной Академии в саксонском Фрейберге. После этого они прошли своего рода «горную практику» в горнорудных районах Чехии и Саксонии (а впоследствии и Англии, Шотландии, Швеции и Норвегии). Маршрут Демидовых включал Италию и Францию, а также и Женеву, где братья провели 9 месяцев.²⁶⁸ Находясь в течение столь длительного времени вдали от семьи, братья по повелению отца регулярно писали домой письма, а затем (с 1756 г.) стали поочередно вести и ежедневные журналы, куда подробнейшим образом, по часам, записывали все, что делали и видели, с кем встречались (письма отцу Григорию Акинфьевичу Демидову должен был писать и «гофмейстер» братьев, Буссениус). Такой своего рода «коллективный дневник»²⁶⁹ позволял сыновьям сохранять духовную связь с родителями. К тому же, ведение дневников-журналов являлось для братьев дополнительным упражнением в русском языке, что было особенно необходимо младшему, Петру. До наших дней дошли письма и журналы Александра и Петра. От женевского периода путешествий Демидовых сохранилось одиннадцать журналов и шесть писем²⁷⁰. Бумаги же Павла Григорьевича Демидова, которые тот извлек впоследствии из семейного архива и, сделав их перевод на немецкий язык, подарил Московскому университету как шеститомное «Описание путешествий...», погибли в пожаре 1812 г.²⁷¹

По пути в Женеву: Базель и Берн (октябрь 1756 г.). Посетив австрийские и южнонемецкие земли, Демидовы через Страсбург приехали в Базель. Несмотря на кратковременность своего пребывания в этом городе братья в сопровождении профессора Штелина, знакомого им по Гёттингену,

²⁶⁸ Там же. С. 10-11.

²⁶⁹ Там же. С. 11.

²⁷⁰ Путешествие братьев Демидовых по Европе... С. 105-139.

успели посетить местную ратушу, библиотеку и кафедральный собор – Мюнстер. В описании Петра Демидова Базель, как один из главных центров Швейцарии, в полной мере предстает также и городом науки. В полном соответствии с образовательными целями своего путешествия Демидовы отправились в базельский университет, где их принял знаменитый *Даниил Бернулли*, в 1725-1733 гг. работавший в Петербурге, физик, математик и физиолог, бывший в Базеле профессором физики и анатомии. Вместе с ним они осмотрели «надлежащие физикальные инструменты и некоторые эксперименты, ими чинимые»²⁷². Из Базеля, где Демидовы провели всего сутки, они через Берн направились в Женеву.

Демидовы в Женеве (ноябрь 1756 – август 1757 гг.). Любопытно, что через тридцать три года после Демидовых в Женеве на достаточно длительное время обоснуется Н.М. Карамзин. Намереваясь провести здесь зиму 1789-1790 гг., он приводит следующие основания для своего решения: 1) «город хорош» и удачно расположен на берегу озера Леман, 2) «окрестности женевские прекрасны», 3) утомленная душа путешественника может найти здесь успокоение на лоне «любезной природы», 4) образ жизни женецев «свободен и приятен», 5) по рекомендательным письмам Карамзину были открыты лучшие дома в городе²⁷³. Вскоре Карамзин познакомится с молодыми немецкими принцами, «которые учатся здесь *светской науке* или *приятному обхождению* (курсив Карамзина - В.С.)»²⁷⁴. Нельзя не отметить, что вышеперечисленные факторы привлекали путешественников в Женеву уже и в середине XVIII века.

В Женеве проходили курсы наук Александр Строганов и Борис Салтыков, здесь бывал юный граф Андрей Петрович Шувалов. Неудивительно поэтому, что и братьям Демидовым была определена Женевка - для приобщения к светской жизни и нравам, а также для совершенствования французского языка и постижения самых разных «наук».

²⁷¹ Там же. С. 12-13.

²⁷² Путешествие братьев Демидовых по Европе... С. 105.

²⁷³ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... М., 2005. С. 292.

К тому же, Женева и ее окрестности были неразрывно связаны с личностью Вольтера, властителя дум того времени, что делало для «просвещенных» путешественников посещение здешних мест обязательным.

Восприятие города. Демидовы пишут отцу, что важным достоинством Женевы, расположенной на берегу озера, является благоприятный климат, благодаря которому ее жители, как правило, достигают преклонного возраста («Хвалятся женевацы здорового иметь воздуха и тому подлинно правда, понеже здешные жители бывают весьма стары, по большой части умирают в 70-м и 80-м году, но может быть можно к сему также причиною поставить, что они летом и зимою довольно прохаживаются»²⁷⁵). В самом городе братья любят гулять в публичном саду, «la belle promenade», который «невелик, но весьма приятен», по мнению Александра, поскольку «лежит между двумя бастионами и почти как роща, в которой регулярные аллеи проведены, так что там в жарких летних днях преизрядную можно иметь отраду под большими деревьями»²⁷⁶. Демидовым нравится и возможность выезжать на прогулки за город (например, в соседний французский городок Жекс²⁷⁷, в Санши (Шанси - Chancy)²⁷⁸ или в знаменитый Коппе, замок Неккеров). Они особенно отмечают именно Коппе, «изрядно сделанной замок» с садом, куда ведет приятная дорога вдоль озера, с открывающимися видами на Савойские Альпы и летние виллы знати: «По дороге ехать очень весело, смотря на лесок, а по другой стороне большое, так называемое Женевское озеро и по ту сторону его стоящие великие горы, снегом покрытые, и многие кампани (летние дома с садами)»²⁷⁹. Отметим, что Демидовы (как, впрочем, и прочие русские путешественники «докарамзинской» эпохи) весьма скупы на выражение эмоций, особенно в отношении красот природы. Однако и они не могли оставить без внимания швейцарские Альпы .

²⁷⁴ Там же. С. 293.

²⁷⁵ Путешествие братьев Демидовых по Европе... С. 114.

²⁷⁶ Там же. С. 121-122.

²⁷⁷ Там же. С. 122.

²⁷⁸ Там же. С. 132.

²⁷⁹ Там же. С. 120.

Братьев интересуют и некоторые диковинные механические приспособления, придуманные искусными женецами: например, городские укрепления и суда на Роне запираются «двумя дверьми да четырьмя цепями, ком железными машинами навиваются»²⁸⁰. А перепад высот в течении реки используется для водоснабжения: «Весь город, коего часть на горе лежит, имеет воду из реки Роны, которая город на 2 части разделяет и которая здесь великое падение имеет, для того видно вдоль оной множество мельниц, а на-перед оных такая машина, которая воду в цистерны приводит, откуда в трубах по городу разделяется»²⁸¹.

Демидовых поражают жесткие ограничения относительно верхней одежды, утвердившиеся в городе как одно из следствий победы в нем Реформации²⁸²: поверх платья запрещено было носить золото и серебро, драгоценные камни, золотые часы и пр. Александр, правда, замечает, что женецы нарушают эти строгие законы – «а особливо женщины, но их довольно деньгами штрафуют»²⁸³. Важными деталями облачения синдигов же в то время были пелерины и большие голландские парики, что делало женецких градоправителей, по мнению старшего из братьев, похожими на католических аббатов²⁸⁴.

К числу прочих женецких строгостей общественного порядка принадлежал также запрет на театральные представления и общественные развлечения, а потому, когда братья захотели посмотреть постановку трагедии Вольтера «Заира», им пришлось выезжать за городскую черту, ибо «здешны магистрат и пасторы не позволили комедиянтам играть в городе»²⁸⁵.

Демидовых, и особенно старшего Александра, интересовало устройство города. Он упоминает многие порядки, обычаи и церемонии, указывающие на «вольный» статус Женевы как независимого города-

²⁸⁰ Там же. С. 114.

²⁸¹ Там же. С. 124.

²⁸² В 1541 г. в Женеве вступили в силу «Церковные установления» Кальвина, регулировавшие многие сферы жизни жителей.

²⁸³ Там же. С. 123.

²⁸⁴ Там же. С. 124.

²⁸⁵ Там же. С. 137.

государства. Александр пишет отцу, что правительство в Женеве «демократское» и что оно состоит из двух советов: Совета двухсот, осуществляющего высшую судебную власть, и Малого совета из 25 человек, члены которого - «главнейшие в республике»²⁸⁶. В Малый совет входили 9 советников и 16 синдиков, про которых Александр замечает: «синдикусы здесь знатнейшие, а имеется оных 16 и завсегда 4 из оных поперемену правительствующие»²⁸⁷. Братья присутствовали однажды на публичном погребении синдика Шуэ («Шуэта»), отметив, что, согласно местному обыкновению, «чужестранные при погребении знатнейшей магистратской особы также следуют»²⁸⁸. Им довелось наблюдать и церемонию выборов шестнадцати женевских аудиторов, осуществлявших судебную власть (аудиторы исполняли полицейские обязанности и разрешали спорные дела, не превышавшие 10 талеров)²⁸⁹.

Еще одной характерной чертой женевской республики было наличие собственной городской стражи и народного ополчения²⁹⁰, и как-то раз Демидовы попали на учения ополченцев - смотрели «эксерцицию здешних граждан»²⁹¹. Братья также описывают впечатлившую их церемонию заочной казни: в присутствии синдиков был зачитан приговор портретам скрывшихся преступников, а затем процессия из горожан вынесла эти портреты за городские ворота, водрузила на виселицу и мальчики камнями разбили их в щепки²⁹².

Демидовы упоминают женевскую церемонию школьников в летний день «Хундстаг», символизировавшую начало каникул: братья прошли вслед за шествием учащихся и преподавателей от двора коллегиума к церкви, где затем школьники и профессора держали речи на латыни и французском, а

²⁸⁶ Там же. С. 123.

²⁸⁷ Там же. С. 114.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 110, 123.

²⁹⁰ Это право было получено женецами в 1292 г., маневры и учения продолжались вплоть до 1782 г.

²⁹¹ Там же. С. 128.

²⁹² Там же. С. 127.

первый синдик награждал лучших учащихся серебряными медалями²⁹³. А в декабре 1756 г. Демидовы стали свидетелями женевского праздника под названием Эскалада, который ежегодно отмечался благодарственными службами в церквях и пением народных песен на улицах²⁹⁴. И, наконец, братьям довелось присутствовать на женевской свадьбе: в кафедральном соборе Св. Петра венчался некий господин Лефор²⁹⁵. Александр описывает показавшийся ему забавным эпизод - когда на вопросы пастора жених и невеста «ответствовали только наклонением голов и тако не можно заподлинно знать, что они сказали – или да, или нет». Затем, продолжает Александр, церемония стала «гораздо веселее» во дворе и в доме жениха, «ибо, во-первых, при входе в дом не токмо жених целовал свою невесту, но и каждой из свиты целовал ту женщину, которую он вел. Сие подало вкруг стоящим людям великой смех, а особливо 2 старые женщины, которые шли без мущин и также целовались. Потом жених и невеста бросали из оконка денги и конфекты внизу стоящим малчикам»²⁹⁶.

Демидовы посетили также женевскую ратушу и здание арсенала. Ратушу они описывают как просторный дом без особого убранства; единственно примечательны в ней оказались высокие лавки, предназначенные для синдиков, и лестница, которая «также за диковинку считается, понеже она без ступеней, но как улицы, маленькими камнями измостена»²⁹⁷. В арсенале братьям запомнились старинные лестницы, по которым савойцы пытались перелезть через крепостную стену в 1602 г., а также отнятые у савойцев знамена и пистолеты, бережно хранимые женецами. Александру понравилось такое уважительное отношение к доблести поверженного врага: «Хорошо, что они сии вещи, как знаки их храбрости, тако сохраняют...» - отмечает он.

²⁹³ Там же. С. 131.

²⁹⁴ Там же. С. 113.

²⁹⁵ По предположению Г. А. Победимовой, возможно, это была свадьба Пьера Лефорта, сына коммерции советника Жана Лефорта и дочери Андре Фальке, избранного в 1734 г. членом Совета двухсот// Там же. С. 368.

²⁹⁶ Там же. С. 133-134.

²⁹⁷ Там же. С. 123.

Обучение. Жизнь братьев Демидовых в Женеве была подчинена одной главной цели: обучению у лучших женевских преподавателей – по большей части профессоров Женевской Академии, признанных в ученом мире специалистов. Примечательно, что среди их учителей были и Ж. Жалабер, Я. Верне и де Каро, у которых занимался А.С. Строганов. Таким образом, можно видеть некоторую преемственность в ряду оказавшихся в Женеве «русских Анахарсисов». Демидовы брали ежедневные уроки французского у «шпрахмейстеров» де Колона и Нарбо²⁹⁸, изучали латынь и итальянский, проходили курсы истории, римского права и философии. Интересно, что в записях братьев остались даже имена авторов некоторых учебников, по которым учили в то время в Женеве: к примеру, это учебники физики французского аббата Ж.А. Ноле и химии француза П.Ж. Маке²⁹⁹.

Демидовы брали также уроки музыки. Так, Александр играл на виоле да гамба и клавесине («клавицимбалах»), Павел на скрипке («виолине»), а Петр на «бассе» (виолончели). Фехтование и верховая езда были столь же неотъемлемой частью их ежедневных занятий, – как видим, Демидов-отец очень заботился о получении его сыновьями «благородного» воспитания. Женевская повседневность братьев – это беспрестанные упорные занятия, сменяющие одно другое: «22-го числа по утрам имел мой средней братец час на скрипке, от 9-го до 10-го часа упражнялись во французском языке, а от 11 до 12-го имели лекцион в танце. После обеда проводили наше время в музыке и в языках...»³⁰⁰ - читаем в Журнале Петра, - и так на протяжении девяти месяцев.

Во время жизни за границей братьям важно было не утратить своей религиозной идентичности, и, надолго оторванные от православной родины, Демидовы тем не менее усердно занимались чтением русской духовной литературы (в частности, читали проповеди псковского архиепископа

²⁹⁸ Там же. С. 121, 138.

²⁹⁹ Там же. С. 126, 365.

³⁰⁰ Там же. С. 110.

Гедеона Кринового³⁰¹), и за отсутствием в Женеве православной церкви частенько посещали службы и проповеди в церквях протестантских³⁰². В целом же отношение братьев к реформатской церкви Женевы было толерантным, многие из их учителей были протестантскими пасторами.

Учеба братьев не несла на себе печати исключительно «домашнего обучения» и замкнутости в четырех стенах. Так, Демидовы присутствовали на публичных диспутах, проводившихся в Академии: например, Петр упоминает о посещении диспута г-на Туритинга³⁰³, сына женевского синдика, который получил по его итогам степень профессора права³⁰⁴.

Женевская атмосфера учености, соответствующий круг общения Демидовых и их усиленные занятия приносили свои плоды, что осознавали и сами братья. В феврале 1757 г. Александр сам просит отца повременить с отъездом в Италию, считая их пребывание в Женеве чрезвычайно полезным, особенно в отношении изучения французского: «имеем смелость вас нижайше просить о сем нам полезном продолжении в разсуждении совершенного обучения французскаго языка»; к тому же, добавляет он, Женевы для братьев – это последний шанс приобрести необходимые знания («сие и последнее место наших обучений»)³⁰⁵.

Круг общения Демидовых в Женеве. Прилежная учеба братьев отнюдь не влекла за собой затворничества. Они часто и охотно выходили в свет и завели множество знакомств. Круг общения Демидовых состоял преимущественно из жителей Женевы, среди их знакомцев были также жители Лозанны, немцы (мекленбуржцы) и французы, и, конечно же, уже ставшие женеvцами «старички» Веселовские – Федор и Авраам Павлович Веселовский с семьей, ставший русским «магнитом» Женевы.

Впервые Демидовы посетили Веселовских 1 декабря 1756. Про Авраама Веселовского Петр пишет, что тот живет в Женеве уже порядка

³⁰¹ Там же. С. 121.

³⁰² Там же. С. 111.

³⁰³ Жан Жак Турретини, сын синдика, юрист и профессор права // Там же. С. 363.

³⁰⁴ Там же. С. 120.

³⁰⁵ Там же. С. 117.

двадцати лет, женился на дочери синдика и «как слышно, реформитскую принял веру и Везелов здесь называется»³⁰⁶. На протяжении следующих месяцев Веселовские и Демидовы будут регулярно наносить друг другу визиты. Братья познакомились также и с Федором Веселовским, младшим братом Авраама, который незадолго до того приехал из России навестить своего брата и собирался провести в Женеве зиму. Петр замечает: «Они уже оба в старых летах, но старшой брат, которой здесь поселился, многим вежливее быть нам оказался, нежели его младший брат, обер-церемонимейстер»³⁰⁷. А вскоре появляется запись о том, что в феврале 1757 г. Федор Веселовский внезапно уехал в Париж – «вдруг и не простясь ни с кем»³⁰⁸.

Примечательно, что круг общения юных Демидовых составляла сплошь «интеллектуальная элита» женевского общества того времени: профессора Женевской Академии, ученые из Франции, кальвинистские пасторы (зачастую являвшиеся в то же время женевскими профессорами), знаменитые женеvцы... Отметим среди них пасторов Страсбурга, Беймелбурга, Мерсье, Пердрио, профессоров Женевской Академии Вернета, Жалабера, Троншенга, Пите, ученого и путешественника Трабле и его кузена знаменитого философа и натуралиста Шарля Бонне, нанести визит которому потом сочтет своим долгом и Карамзин (Бонне даже лечил Петра Демидова, когда тот захворал в июле 1757 г.³⁰⁹). Стоит ли говорить, что уже само нахождение в обществе подобных людей было для братьев Демидовых своего рода школой учености и хорошего вкуса.

Для Демидовых было, несомненно, важно ощущать себя «не хуже» российской титулованной знати, тех, кто побывал уже тут до них, чьему пути они старались следовать. Так, в мае 1757 г. Александр посылает отцу копию письма Андрея Петровича Шувалова, где тот рекомендует братьям наиболее

³⁰⁶ Там же. С. 111.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же. С. 118.

³⁰⁹ Там же. С. 131.

подходящую, по его мнению, гостиницу в Турине³¹⁰ (что показывает, сколь тесной и динамичной была русская дворянская «сеть» за границей). Памятуя о своем статусе, братья старались также иметь и знатных знакомых (среди них, напр., граф фон Дернат из Лозанны, их знакомый по Гёттингену, или же барон Палм, господа фон Миллер, фон Хобе (мекленбуржцы), барон Эдельсхейм...). Братья завели знакомство с богатейшим купцом и ювелиром Паллартом, подчеркивая в письме к отцу, что и «барон Строгонов обходился с ним равно же»³¹¹. По просьбе отца Демидовы хлопотали о важных покупках, совершить которые было выгоднее всего именно в Женеве: заказывали часы, манжеты, духовое ружье – «виндбикс», а также именную печать³¹². Упоминаются имена некоторых женевских мастеров, которые исполняли эти заказы: это знаменитый часовщик Маршанвилл и гравер Дассиер³¹³.

Общение с Вольтером. Братьям Демидовым посчастливилось за время своего пребывания в Женеве неоднократно посетить Вольтера, общепризнанного кумира того времени. Надо сказать, что Демидов-отец придавал большое значение общению сыновей с прославленным мыслителем (что получило отражение в письмах и что, как отмечалось выше, было одной из причин выбора в пользу Женевы), да и сами братья охотно («с желанием»³¹⁴) навещали престарелого мудреца. По поручению отца Демидовы приобрели три экземпляра семнадцатитомного собрания сочинений Вольтера³¹⁵ с его портретом и отослали в Россию. Александр еще 23 февраля 1757 г. писал отцу, что Вольтер находился всю зиму в Лозанне «и поныне еще там» и что он недавно представил свою новую трагедию («Трагедия Семирамиды»)³¹⁶. А уже через некоторое время братья, наконец, дождались приезда философа и совершили поездку «в его ¼ мили от города

³¹⁰ Там же. С. 129.

³¹¹ Там же. С. 116. Речь идет, конечно, об Александре Сергеевиче Строганове.

³¹² Там же. С. 117.

³¹³ Там же. С. 112.

³¹⁴ Там же. С. 132.

³¹⁵ Там же. С. 118, 125.

³¹⁶ Там же. С. 118.

отлежашую кампанию», имение Делис (24.06.1757)³¹⁷. Петр Демидов записал, что Вольтер принял их «весма учтиво» и беседовал с ними о России, а затем повел их «в свой изрядной сад и показывал изрядное место положения своей кампании, так и города, притом он мало недомогал, но однако же весма был весел»; он показал им также недавно полученные им «новой план Петербурга в 9 картах состоящий и также новой российской атлас»³¹⁸. В этот и следующий свои визиты к Вольтеру Демидовы узнают о его давнем намерении написать историю России на основе достоверных источников. Под 12 августа 1757 г. братья отмечают, что «посетили господина Волтера в его кампанию». Он «был весел» и между прочими разговорами объявил Демидовым, что «намерен историю о России написать, но ожидает манускриптов, коих ныне в России переводят на французской язык, дабы он мог их разуметь»³¹⁹. Данные сообщения братьев являются ценным свидетельством начала работы Вольтера над «Историей Российской Империи при Петре Великом». В целом же Демидовы вошли в число тех, кто представлял Россию в глазах Вольтера и кто за годы его пребывания в Фернее составил «русский» круг общения философа. Для самих же братьев, тогда еще совсем молодых людей, знакомство с Вольтером можно считать большой честью и важным этапом в их жизни, который они проходили вслед за И.И. Шуваловым, А.С. Строгановым и Б. М. Салтыковым.

Пребывание в Женеве **Бориса Михайловича Салтыкова**³²⁰ (1739³²¹-1808), любимца Шувалова, стало ярким эпизодом как в его собственной

³¹⁷ Там же. С. 132.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. С. 138.

³²⁰ Б.М. Салтыков, потомок знатного боярского рода Салтыковых и внук П.П. Шафирова, литератор и один из «ранних представителей русского «вольнодумства» XVIII века» (Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История Российской Империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век, Вып. 3. М.; Л., 1958. С. 177), окончил дворянскую гимназию Московского университета под началом И.М. Шадена и в 1757 г. был представлен императрице Елизавете Петровне и назначен секретарем университетской Конференции, вскоре после чего произведен в подпоручики (Там же. С. 108).

³²¹ Костышин Д.Н. Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 120-121.

судьбе, так и в истории сношений России с Вольтером. Салтыков пробыл в Женеве достаточно долго – около двух лет и семи месяцев (с апреля по ноябрь 1759 г., затем с конца марта 1760 г. по начало марта 1762 г.).

В конце марта – начале апреля³²² 1759 г. И.И. Шувалов, основатель и куратор Московского университета, отправил Салтыкова в Женеву для продолжения образования (что было в эту эпоху одним из первых случаев командирования русских студентов за границу на государственный счет). Помимо обучения на Салтыкова возлагалась еще одна важная миссия – стать посредником в переговорах с Вольтером, который уже работал над историей России при Петре I, заказанной русским императорским двором. Шувалов отправил с Салтыковым новые материалы для второго тома «Истории», «кые-какие меха», несколько фунтов китайского чая разных сортов, «какие употребляет китайский император» а также рекомендовал философу молодого человека как представителя одной из «благороднейших семей» России³²³.

Общение с Салтыковым как с представителем той страны, над историей которой он работал, дало философу возможность более точно воспринимать и описывать события в истории России, к тому же, молодой россиянин помогал Вольтеру с транскрибированием русских слов. Во второй половине ноября 1759 г. Салтыков отправляется в полугодовое путешествие по Европе, по возвращении из которого в конце марта 1760 г. продолжает выполнять различные поручения Шувалова, и регулярно посылает ему письма, которые П.А. Вяземский назовет «настоящими депешами о том, что делается в Делисах, тогдашнем местопребывании Вольтера»³²⁴. Переписка Вольтера с И.И. Шуваловым указывает на то, что оба они были в высшей степени довольны усердием юноши, Вольтер писал даже, что одобрение Шувалова делает пребывание в Женеве для Салтыкова «одним из

Исследователю на основании архивных источников удалось уточнить год рождения Салтыкова (1739 вместо общепринятого 1723).

³²² Там же. С. 104, 124.

³²³ Там же.

³²⁴ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 5. Фон-Визин (1848). СПб., 1880. С. 9.

счастливейших периодов его жизни»³²⁵. Даже несмотря на неблагоприятную историю с первым томом труда Вольтера (который дал согласие на продажу отпечатанных экземпляров, не дождавшись разрешения русского двора) Салтыков не высказал ему ни малейшего упрека, хотя и знал об этом поступке философа³²⁶. Шувалов же продолжал всячески поддерживать своего питомца, заботясь о регулярной присылке тому жалованья³²⁷. Известно, что в начале марта 1762 г. Салтыков все еще был в Женеве, вскоре после чего неожиданно уехал в Англию к изумлению как Шувалова, так и Вольтера³²⁸. Салтыков отправил Вольтеру прощальное письмо, в котором обосновывал свое нежелание возвращаться на родину примером самого философа, который хотя и воздает похвалы августейшим особам, сам же продолжает оставаться независимым и предпочитает уединение придворному блеску³²⁹. Затем после долгого молчания он написал философу уже из России (куда все-таки вернулся). Борис Михайлович открыл Вольтеру причину своего уныния: по возвращении в Россию он был поражен резким контрастом между состоянием дел в Европе и на родине, огорчен неприглядным положением своей страны, стремившейся называться одной из просвещенных европейских держав. «Представляю Вам Россию с ее варварскими законами, русских, погрязших в невежестве, правосудие, идущее с молотка, - сокрушался Салтыков. - Господа предаются игре тридцать часов в сутки, теряя доходы нескольких лет за вечер, и снова течет кровь их рабов; рабы же, погрязшие от отчаяния в пьянстве, воруют по необходимости, злобны по привычке. Все это не преувеличение, похвальные качества моей страны всегда были очень редки и служили лишь исключением из общего правила»³³⁰. Характерно, что именно этот урок Салтыков одним из первых русских вынес из почти полуторагодового пребывания в Женеве, именно это

³²⁵ Там же. С. 105.

³²⁶ Там же. С. 107-108; Платонова Н. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство, М., 1939. Т. 33-34. С. 13-15.

³²⁷ Там же. С. 108.

³²⁸ Костышин Д.Н. Указ. соч. С. 110.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. С. 112.

понял на примере независимого (но не всегда) и искреннего (но не во всем!) философа. В недатированном (вероятно, написанном накануне отъезда в Англию) письме своему благодетелю И.И. Шувалову Борис Михайлович будет подчеркивать, что в течение всего своего пребывания в Женеве он «обращался как честной человек» и не повредил чести России («Никто против меня не может сказать, чтоб я стыд какой нанес России»)³³¹. Европейская жизнь и европейское благополучие наложили свой отпечаток на чувствительную душу Салтыкова, который, сталкиваясь с действительностью Женевы, еще острее чувствовал неблагополучие собственной родины и, как и многие, задавался вопросом «почему?». Салтыков не собирался возвращаться в Россию, но все же вернулся, чтобы вновь служить Отечеству, быть может, еще более ревностно, чем до своей поездки в Женеву.

Стремлением пообщаться со знаменитым Вольтером была обусловлена и поездка в Женеву графа **Александра Романовича Воронцова**³³² (1741-1805). Еще в юности – во время обучения за границей – ему посчастливилось познакомиться с Вольтером в 1758 г. в Мангейме³³³, и Александр неоднократно беседовал с философом, который с восхищением отзывался о Петре I (Вольтер как раз начинал писать историю его царствования, заказанную И.И. Шуваловым)³³⁴. Чуть позже, в **июне 1760 г.** Воронцов специально приедет в Женеву, чтобы вновь повидаться с «фернейским мудрецом». Александр часто навещал Вольтера, о чем философ сообщал И.И. Шувалову в письме от 7 июня 1760 г., лестно отзываясь о своем госте: «Молодой г. Воронцов сделал мне честь своими многократными

³³¹ Б.М. Салтыков – И.И. Шувалову // Там же. С. 118.

³³² А.Р. Воронцов – канцлер Российской Империи и первый министр иностранных дел (1802-1804), масон, библиофил и сторонник Радищева. Получил прекрасное домашнее образование в доме своего дяди М.И. Воронцова (с 1744 г. – вице-канцлера, а в 1758-62 гг. канцлера Российской Империи), в 1758 г. был зачислен в «chevaux légers» (рейтарскую школу) в Версале, где воспитывались отпрыски лучших семей Франции, начал службу в лейб-гвардейском Измайловском полку, в молодости жил в Италии, Испании и Португалии (Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002. Т. 3. М., 2002. С. 8).

³³³ Автобиографические показания графа Александра Романовича Воронцова // Архив Кн. Воронцова, Кн. 5. С. 3. См. также: Огарков В.В. Воронцовы: Их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. СПб., 1892. С. 36.

посещениями моего убежища и укрепил мое рвение по отношению к вашей стране. Все молодые люди, состоящие при вашем дворе, которых я видел, кажутся намного старше своего возраста; но г. Воронцов возвышается, как мне кажется, над нами всеми»³³⁵. В послании из Парижа Воронцов поблагодарит Вольтера за все оказанные ему «учтивости», надеясь на «продолжение благоволения»³³⁶. Вольтер же в письме от 1 апреля 1760 г. с восхищением напишет И. И. Шувалову о двух русских путешественниках, друзьях Б. М. Салтыкова, гостивших в Фернее несколько дней: «Они говорят на моем языке в такой же мере правильно, в какой вы на нем пишете. Я еще не видел среди ваших соотечественников таких, которые не убеждали бы меня в достоинствах вашего народа»³³⁷. Имена этих путешественников нам точно не известны, но «не исключена возможность, что одним из них был молодой А.Р. Воронцов»³³⁸. Остается лишь сожалеть, что основная часть «Автобиографической записки»³³⁹ А.Р. Воронцова утеряна, и у нас нет возможности узнать о его впечатлениях от посещения не только именитого философа, но и города Женевы (о чем он, несомненно, писал в своих воспоминаниях, ибо он подробно описывал каждый город, в котором ему приходилось бывать).

Видное место в ряду просвещенных вельмож, в молодости своей отдавших дань посещения Женеве, занимает **Андрей Петрович Шувалов**³⁴⁰ (1744-1789). Шувалов совершил за свою жизнь немало путешествий и неоднократно бывал на берегах Лемана с целью повидаться с Вольтером, с

³³⁴ Автобиографическая записка графа Александра Романовича Воронцова // Архив Кн. Воронцова, Кн. 5. С. 62-65.

³³⁵ Oeuvres complètes de Voltaire (V. 1-52). Paris, 1877—1885. V. 40. P. 412.

³³⁶ Два письма графа А.Р. Воронцова к Вольтеру // Русский архив. 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 153, 156.

³³⁷ Oeuvres complètes de Voltaire. V. 40. P. 342. Ср. Автобиографическая записка Александра Романовича Воронцова // Архив Кн. Воронцова, Кн. 5. С. 65.

³³⁸ Прийма Ф.Я. Указ. соч. С. 177.

³³⁹ Автобиографическая записка графа Александра Романовича Воронцова // Архив Кн. Воронцова, Кн. 5. С. 6-87.

³⁴⁰ А.П. Шувалов - граф, действительный тайный советник, активный государственный и общественный деятель, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного, почетный член Императорской Академии Художеств, участник Уложенной Комиссии, фаворит Екатерины II, корреспондент Лагарпа и Мармонтеля, масон (Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1911. С. 472-475).

которым он в течение длительного времени состоял в переписке (отметим, что знакомство с Вольтером прибавило Шувалову немало веса в глазах просвещенной императрицы, с тех пор как она узнала о теплом приеме, оказанном ему философом). Сверстник и товарищ Александра Романовича Воронцова, Шувалов воспитывался при дворе, на глазах Елизаветы Петровны, принимавшей живое участие в его судьбе. Вместе со своим наставником, французом Ле Роа, юный граф совершил в 1756-1759 гг. свое первое путешествие за границу. Вряд ли он посетил Женеву в это свое путешествие, однако, вероятно, он встречался с Александром Строгановым, о чем косвенно свидетельствует статья «Lettre d'un jeune Seigneur Russe à M. de ***» («Письмо молодого русского вельможи к г. де ***»), опубликованная под именем А. С. (André Schouwaloff) в пятом томе журнала «L'Année littéraire» за 1760 г., издававшегося антагонистом Вольтера, Эли Фрероном (1719—1776)³⁴¹. В данной статье Шувалов в глазах французской публики защищает творчество Ломоносова в противовес Сумарокову и, что особенно важно нам, говорит о плодах просвещения, которые молодые русские аристократы (в числе которых он называет себя и Александра Строганова) выносят из заграничных путешествий. «Двое молодых русских вельмож, — пишет он, — оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому — всего двадцать два года, а у наиболее бедного — четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собой *одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам* (курсив наш – В.С.), которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов»³⁴².

Вернувшись на родину, Шувалов с началом нового царствования вступает на путь государственной службы и принимает участие в деятельности особой комиссии для рассмотрения коммерции Российского

³⁴¹ Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века // XVIII век. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 351, 356-366.

³⁴² Там же. С. 357.

государства³⁴³. Вскоре после этого в 1764 г. Шувалов вновь отправляется в Европу, через Гаагу в Париж, и на этот раз посещает Женеву, где знакомится с Вольтером и навещает его в замке Ферней. От приема, оказанного ему философом, граф остался в восторге, а Вольтер в письме к графу А.Р. Воронцову лестно отзывался о своем госте и его стихотворении на французском языке, написанном на кончину Ломоносова³⁴⁴. С этого времени начинается переписка Шувалова с Вольтером, которому граф стал часто посылать свои стихотворные опыты. В 1766 г. Шувалов вернулся в Россию. В следующий раз он отправится за границу только через 10 лет, в 1776 г., и пробудет там до 1781 г. Следует отметить, что Андрей Шувалов вошел в плеяду т.н. «учеников Вольтера» (таких, как Б.М. Салтыков, А.Р. Воронцов), русских вельмож, в молодости общавшихся с философом, оказавшим на них немалое влияние. Так, уже позже, когда дядя Андрея Петровича, Иван Иванович Шувалов, навестил старика Вольтера, и передал своему племяннику, что философ дружески вспоминал о нем, то в письме из Берлина от 1777 г. Андрей Шувалов не преминул выразить Вольтеру свою «живейшую признательность» за «любезности и ласки», оказанные ему тринадцать лет назад в Фернее, назвав себя не только почитателем Вольтера, но и его «выучеником» (курсив наш – В.С.)³⁴⁵.

Семейство Головкиных и Швейцария в XVIII в.³⁴⁶

Род Головкиных своей историей являет нам редкий пример переплетения судеб русских и европейских родов, необычайно гармоничного вписывания русского человека в швейцарскую культурную и общественную среду (русский по происхождению, граф А.А. Головкин по праву наследования вливается в швейцарское общество) и, наконец, пример семейной преемственности по отношению к республике свободных кантонов:

³⁴³ Русский биографический словарь. Т. 23. С. 473.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Письмо графа А. П. Шувалова к Вольтеру // Русский архив, 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 150.

³⁴⁶ См. также Tosato-Rigo D. Nobles russes en terre républicaine: les Golowkin // Deux siècles de présence russe en Pays de Vaud. Genève, 2012. P. 69-80.

пройдет несколько десятилетий, и в Швейцарии появится племянник Александра Александровича – Федор Гаврилович Головкин. И хотя, конечно же, А.А. Головкина нельзя назвать в собственном смысле «русским путешественником», но история его семьи вносит новые яркие краски в картину русско-швейцарских связей XVIII в.

Александр Александрович Головкин (1732-1781) занимает особое место в ряду русских людей, чья судьба оказалась связанной с Лозанной. Он первый из рода Головкиных на длительное время обосновался в Швейцарии, положив начало плодотворному «союзу» Головкиных и кантона Во (в котором до сих пор бережно хранится память о представителях русского знатного рода). Русский по крови, обладатель графского достоинства, кавалер Мальтийского ордена, камергер прусского и английского королей³⁴⁷, поклонник Руссо и собеседник Тиссо, Александр Головкин родился и вырос в Гааге и затем оказался в Швейцарии. Получив здесь по наследству баронство **Монна** (Monnaz) и имения Большой и Малый Во (Grand et Petit Vaux) вблизи берегов Женевского озера, он приобрел, тем самым, права швейцарского гражданства³⁴⁸.

Александр Александрович был внуком знаменитого канцлера Гаврилы Ивановича Головкина (1660-1734), родственника самого Петра I³⁴⁹, и сыном известного дипломата Александра Гавриловича Головкина (1689-1760), родоначальника заграничной ветви Головкиных. Благодаря стараниям сразу двух монархов (!) – российского императора Петра I и прусского короля Фридриха I – в 1715 г. Александр Гаврилович заключил брачный союз с Екатериной-Генриеттой, графиней Дона (Dohna), «состоявшей в родстве через свою мать со всеми династиями Севера, а через свою бабушку, Эсперансу де Пюи де Монбрен, со всеми знатными родами Франции»³⁵⁰. Это и стало решающим фактом в «швейцарской» истории рода Головкиных, ибо

³⁴⁷ *Compte Fédor Golovkine. La cour et le règne du Paul I. Portraits, souvenirs et anecdotes.* Paris, 1905. P. 48. (См. также: Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003).

³⁴⁸ *Compte Fédor Golovkine. La cour et le règne du Paul I...* Loc.cit.

³⁴⁹ Они имели общего прадеда. Ibid. P. 3.

³⁵⁰ Ibid. P. 24.

многодетный Александр Гаврилович (отец 25 детей, из которых восемь достигли зрелого возраста³⁵¹) не только сумел породниться со всеми крупнейшими фамилиями Европы, но получил при этом влиятельные связи в Швейцарии. Так, предок Головкина – Фредерик IV граф Дона - купил в 1657 г. баронские владения Коппе (на берегу Женевского озера между Женевой и Лозанной) и Пранжан и поселился в том же замке, где жили впоследствии Неккер и мадам де Сталь; наследник Фредерика Жан-Фредерик, фельдмаршал Дона, продаст этот замок в 1713 г.³⁵²

Александр Александрович Головкин считался человеком необычным и порой удивлял современников своим нравом. Одни называли его оригиналом, но «хорошего пошиба», («un originale, mais de la bonne sorte»), другие – «философом»³⁵³. Окончив курс наук в Голландии, он ужаснулся своему «невежеству» и самостоятельно вторично прошел весь курс лекций. Ученый пыл графа кажется тем более удивительным и похвальным, ибо родители предназначили ему в наследство «прелестный замок, расположенный на берегу Женевского озера», купленный графиней Головкиной еще в 1754 г.³⁵⁴, а в те времена «для владельца замка не требовалось больших знаний»³⁵⁵.

После смерти отца (1760 г.) Александр в 1761 г. принес присягу швейцарским властям в Берне и поселился в замке Монна в окрестностях Лозанны, в двух километрах от городка Моржа (не преминем отметить на примере Головкина, сколь различны были пути, приводившие русских людей в Швейцарию). Он пробыл в Швейцарии около пяти лет: **с 1760/61 по 1765**. Большую часть времени Александр предпочитал проводить в небольшой деревушке у подножия Монриона (Montriond) в окруженном кедрами доме, где до него жили сам Вольтер и принц Людвиг Вюртенбергский³⁵⁶. Головкин женился на Вильгельмине-Юстине фон Мосгейм (Wilhelmina-Justina von

³⁵¹ Ibid. P. 35.

³⁵² Ibid. P. 24.

³⁵³ Ibid. P. 36.

³⁵⁴ Berger R., Linder J.-G. La côte vaudoise. Morges, 1988. P. 75.

³⁵⁵ Compte Fédor Golovkine. La cour et le règne du Paul I... P. 37.

Mosheim, 1743-1824), дочери профессора Иоганна Лоренца фон Мосгейма, некогда профессора кафедр богословия в Гельмштедте и Геттингене³⁵⁷. Сын Александра и Вильгельмины-Юстины Юрий Александрович Головкин вырастет в замке Монна и в 1783 г. вернется в Россию³⁵⁸, а дочь Амалия впоследствии породнится со швейцарским родом де Местралей – выйдет замуж за Анри-Альбера де Местраля д'Арюффана (M. De Mestral d'Aruffens, 1750-1834) – и будет жить в замке Вюльеран (Vullierens) близ Лозанны, а ее дочь Амалия станет женой Александра Фройденрайха (Freudenreich)³⁵⁹, и владения Монна таким образом перейдут к семье Фройденрайхов. В замке Монна сохранится небольшая часть обширного архива Головкиных, которая через полтора века попадет в руки исследователей. Основная же часть бумаг Головкиных будет конфискована в России по причине заговора в период правления Елизаветы Петровны с участием вице-канцлера Михаила Гавриловича Головкина (внука петровского канцлера, дяди Александра Александровича)³⁶⁰.

Любопытное описание Лозанны того времени, ее атмосферы и общества оставил Федор Гаврилович Головкин³⁶¹ (1766-1823), приходившийся племянником Александру Александровичу. Заметим, что Федор Головкин указывает на международное значение Лозанны как тихого сельского убежища для аристократов со всей Европы, «стекающихся со всех сторон, чтобы поселиться в Лозанне»³⁶², (в этом смысле и Александр Головкин, и впоследствии Григорий Разумовский, Григорий Орлов и пр. являлись, конечно же, продолжателями общеевропейских тенденций), на возможность воплощения здесь руссоистского идеала, который разделяли многие из них. «Это были лучшие дни для Лозанны. Как столица земледельческой страны, она собирала в своих стенах всю сельскую

³⁵⁶ Ibidem.

³⁵⁷ Ibid. P. 39.

³⁵⁸ Ibid. P. 50, 64.

³⁵⁹ Ibid. P. 48.

³⁶⁰ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 7.

³⁶¹ О Ф.Г. Головкине см. III главу.

³⁶² *Compte Fédor Golovkine. La cour et le règne du Paul I...* P. 38.

аристократию. Громкие имена ваадтландских владельцев напоминали героическое время давно минувших дней, но их просвещенный ум и изящные манеры соответствовали тому веку, в котором они жили. Общественная жизнь в Лозанне соперничала в приятности с красотой очаровательной природы. Живописный силуэт древней Лозанны, окруженной зеленью виноградников и многочисленных фруктовых садов, вызывал восхищение путешественников не менее величественных вершин Савойских гор и извилистых очертаний Женевского озера. Все эти преимущества имели магическое влияние на знатных иностранцев...как, например, Гиббон, Вольтер, маркиз Лангальери, Серван, Разумовский, принц Людвиг Вюртенбергский и много других, в числе которых граф Александр Головкин, несомненно, занимал место, принадлежащее ему по праву рождения и образования»³⁶³. Все это общество «развлекалось, веселилось и занималось, смотря по средствам и наклонностям каждого»: Гиббон трудился над историей Нидерландов, Вольтер писал театральные постановки и занимался «Историей Петра Великого», Разумовский проводил минералогические исследования, а принц Людвиг Вюртенбергский основал «Лозаннское общество нравственности»³⁶⁴. Повседневная жизнь же Головкина была наполнена философскими изысканиями, а также «научными занятиями, радостями домашнего очага и дружбой». Близкими друзьями Александра Головкина был принц Вюртенбергский и в особенности знаменитый доктор Самуэль-Огюст Тиссо³⁶⁵ (к которому в 1781 г. привезет лечить свою жену Григорий Орлов – остается только гадать, не мог ли бывший екатерининский фаворит узнать о Тиссо от Головкина?).

После пятилетнего пребывания в тихой Швейцарии в 1765 г. Александр покинет страну, приняв приглашение прусского короля Фридриха II стать «директором спектаклей» при прусском дворе, где он пробудет не дольше двух лет и всю оставшуюся жизнь проведет в Париже, посвятив себя

³⁶³ Ibidem.

³⁶⁴ Ibid. P. 38-39.

³⁶⁵ Ibid. P. 39.

воспитанию детей³⁶⁶. Стоящими внимания кажутся сведения французского историка Тьебо о переписке между Александром Александровичем и великим князем Павлом Петровичем, инициированной наследником российского престола (корреспонденты не были лично знакомы). Согласно Тьебо, эта переписка имела скорее не политический, а исключительно «нравственно-философский характер»³⁶⁷. Однако позднейшим исследователям само это сообщение Тьебо представлялось сомнительным, и, в частности, С.Бонне, разбиравшему архив Головкиных в Монна; также и русские историки, и сам граф Федор Гаврилович Головкин ничего о ней не упоминают³⁶⁸.

II.3. Конец 1760-х – середина 1770-х гг.

Для **Екатерины Дашковой** (1743-1810), оставшейся в памяти потомков яркой фигурой в политической и культурной жизни России второй половины XVIII в., пребывание в Швейцарии стало частью ее первого путешествия в Европу в 1769-1772 гг. За три года княгиня посетила Германию, Англию, Францию, Швейцарию, виделась и беседовала с Дидро и Вольтером. Побывав в Париже в ноябре 1770 г., Дашкова с детьми и гувернанткой П.Ф. Каменской прибывает в Женеву, откуда затем направляется по Рейну в Карлсруэ и через Дрезден и Берлин возвращается в Россию.³⁶⁹ Описание путешествия княгини появилось не сразу. В 1775 г. Дашкова опубликовала заметки лишь о части своей поездки, касавшиеся ее пребывания в Англии (по наблюдению английского исследователя Э. Г. Кросса, это было первое сообщение такого рода, вышедшее в русской

³⁶⁶Интересно, что одним из воспитателей детей Головкина был Жильбер Ромм, изобретатель республиканского календаря, который впоследствии будет учителем Павла Строганова. (Ibid. P. 47).

³⁶⁷ Ibid. P. 48-49.

³⁶⁸ Ibid. P. 49.

³⁶⁹ Е.Р. Дашкова. О смысле слова "воспитание". Сочинения, письма, документы / Составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб., 2001. С. 378.

печати³⁷⁰). В полном же объеме путешествие 1769-1772 гг. получило отражение на страницах «Записок» Дашковой, которые та написала в 1805 году, вняв просьбам друзей и родственников, а также своей доброй подруги – англичанки мисс Уильмот (Вильмот). Уильмот уже после смерти княгини опубликует «Записки» на английском языке в 1840 г. Дашкова немногословна в «Записках», говоря о своем пребывании в Швейцарии, она пишет лишь о встречах с Вольтером и некоторых интересных знакомствах, сделанных в Женеве.

Примечательно, что тема путешествий неоднократно становилась предметом литературно-педагогических изысканий княгини.³⁷¹ Следуя традициям своего века, Дашкова была убеждена, что путешествие за границу необходимо «для совершенного воспитания человеку, готовящемуся быть *полезным обществу* (курсив наш – В.С.)» и собирающемуся выйти в свет, полагая подобную поездку «верным средством к дополнению хорошего воспитания»³⁷². Этому она посвятила статью «Путешествующие», где сформулировала пять правил, обязательных для молодого путешественника³⁷³. Для П.М. Дашкова, проходившего курс наук в Эдинбургском университете, княгиня предположительно в 1779 г. пишет «Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий», подчеркивая важность т.н. «умного путешествия», главным средством к чему она называет «постоянное внимание»³⁷⁴. Не случайно, что и здесь Дашкова говорит о большой значимости путешествий для последующего служения Отечеству. Главным итогом пребывания сына за границей княгиня-мать считает *полезные знания*, которые необходимы для того, чтобы, «сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего Отечества, стараясь исправить, что

³⁷⁰ Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776--1780 гг.) и ее "Небольшое путешествие в Горную Шотландию" // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 224.

³⁷¹ См. также, напр.: Дашкова Е. Р. Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.

³⁷² Дашкова Е.Р. Путешествующие // Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120.

³⁷³ Там же. С. 120-132.

³⁷⁴ Дашкова Е.Р. Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий // Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102-108.

найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию», быть «другом и благодетелем своей страны»³⁷⁵. Эти слова Дашковой, как кажется, могли бы в каком-то смысле стать общим девизом россиян, посещавших Швейцарию.

Посещение Женевы в 1770 г. Вместе со своими спутниками Дашкова приехала из Лиона в Женеву, на которую и пришлась большая часть ее пребывания в Швейцарии (о чем свидетельствуют «Записки»³⁷⁶, где говорится лишь о жизни в Женеве и посещениях Фернея), или же княгиня сочла нужным упоминать только об этих городах; во всяком случае, Дашкова проделает затем путь из Женевы до Рейна и отправится в Карлсруэ, однако на основании доступных нам источников нет возможности точнее определить ее маршрут. Уже с первых строк, посвященных Швейцарии, княгиня признает, что все достопримечательности и прекрасные виды альпийской республики давно изображены путешественниками и всем известны: «Я не стану описывать эту восхитительную страну; ее красоты уже известны миру из сочинений других, более талантливых авторов»³⁷⁷. Поэтому она рассказывает «только о некоторых замечательных личностях, с которыми успела познакомиться»: главным из них, разумеется, был Вольтер.

Именно повествование о посещениях обители Вольтера – замка в поместье Ферней - занимает большую часть рассказа Дашковой о жизни в Швейцарии. Когда княгиня впервые навестила его, «фернейский мудрец» был нездоров, но все же принял ее, осыпав гостью комплиментами («Он прервал меня, подняв театральным жестом руку, и тоном удивления произнес: "Что я слышу? Даже ее голос - голос ангела!" ... Я пришла удивляться Вольтеру и вовсе не думала слышать от него такую приторную лесть»³⁷⁸ - пишет Дашкова). Помимо прочего Дашкова беседовала с Вольтером о Екатерине II. Княгиня несколько раз навещала философа, отмечая, что он, несмотря на свою болезнь, всегда был очень рад их

³⁷⁵ Там же. С.107.

³⁷⁶ Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное издание – М., 1990. С. 119-122.

³⁷⁷ Там же. С. 120.

встречам. В моменты беседы недугующий мудрец преображался, становился «другим существом», и казался Дашковой именно таким, каким она «представляла его по сочинениям»³⁷⁹.

В Женеве Дашкова познакомилась также с неким Губером - поэтом и музыкантом, «птицеловом», прозванным так за любовь к охоте на коршунов. Она характеризует его как человека, наделенного самыми разнообразными талантами, острого языка которого побаивался даже сам Вольтер³⁸⁰. Вместе с Губером вся компания часто проводила вечера на Женевском озере. Женевец руководил этими прогулками по озеру и правил лодкой, причем привязывал «русский флаг к мачте швейцарской лодки»; Дашкова вспоминает, что Губер был «очарован... заунывными песнями», которые они с Каменской пели ему и которые он «благодаря удивительному слуху скоро перенял»³⁸¹. Естественно, что Дашкова со спутниками проводили время и вместе с семейством А.П. Веселовского. Женева подарила Дашковой множество новых друзей, и княгиня пишет, что она «с истинным сожалением» покинула этот город.

В 1771-1772 гг. в Швейцарии побывал младший из пяти братьев Орловых, граф **Владимир Григорьевич Орлов**³⁸² (1743-1831). В.Г. Орлову, занимавшему должность директора Академии наук с 1766 по 1774 г. при президенте К.Г. Разумовском, поездку за границу для поправления здоровья посоветовали предпринять врачи³⁸³. Орлов посетил Германию, Швейцарию, затем Италию, где виделся с братьями Алексеем и Федором, а также Англию. Во время своего европейского путешествия Орлов вел дневник, который его внук и биограф, Владимир Петрович Орлов-Давыдов, частично приводит в

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Там же. С. 121.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же. С. 122.

³⁸² Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1902. С. 346-347.

³⁸³ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова // Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 464-465.

посвященном деду биографическом очерке³⁸⁴. Дневник путешествия Орлова достаточно лаконичный, значительное место в нем занимают разного рода статистические подробности.

Владимир Григорьевич Орлов получил европейское образование – в течение трех лет он проходил обучение в Лейпцигском университете, был знаком с писателем и теоретиком немецкого языка И.К. Готтшедом, немецким поэтом и философом Х.Ф. Геллертом³⁸⁵, а во время своего швейцарского путешествия Орлов познакомился с Альбрехтом фон Галлером в Берне и «со стариком Бернулли»³⁸⁶ - т.е. с Даниилом Бернулли, физиком и математиком, академиком и иностранным почетным членом Петербургской и многих других Академий наук. Отметим, что в своей должности директора Академии наук Орлов имел непосредственное отношение к отправке молодых студентов для обучения за границу.

Владимир Григорьевич Орлов выехал из Санкт-Петербурга 1 июня 1771 г. с женой Елизаветой Ивановной (урожд. Штакельберг, 1741-1817), детьми Александром и Екатериной и фрейлиной Роткирх³⁸⁷. 25 сентября 1771 г. они были во Франкфурте – одновременно с Дашковой: «Во время нашего пребывания приехали туда княгиня Дашкова и Каменская, два дня проводили с ними», - записал в дневнике Орлов. Путешественники движутся в сторону Швейцарии через Эльзас, и вскоре достигают Базеля. Орлов восхищается базельской округой и в особенности открывающимися видами на горы: «Окрестности его очень приятны, и неподалеку находятся снежные горы, во все лето покрытые снегом и представляющие прекрасные виды, ибо при солнечном сиянии подобны они освещенным облакам, около горизонта находящимся».³⁸⁸ Из Базеля через Берн Орлов со спутниками отправляются в

³⁸⁴ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова // Русский архив. 1908. Т. 127. № 7-8, Т. 128 № 9-12.

³⁸⁵ Русский архив. 1908. Т. 127. № 7, с. 309-310.

³⁸⁶ Цит. по: Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова // Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 467.

³⁸⁷ Цит. по: Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова // Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 466.

³⁸⁸ Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 467. Из Базеля Орлов мог видеть либо Юрские горы, либо немецкий Шварцвальд.

кантон Во и 17 октября прибывают в городок Веве. В Веве путешественники провели пять месяцев – это единственный случай столь долгого пребывания россиян на восточном берегу Женевского озера в XVIII в. и один из нескольких случаев за весь рассматриваемый период (до середины XIX в.). В свою бытность в Веве граф и графиня Орловы «завели знакомство с местным обществом и принимали его, как видно из сохранившихся там до нашего времени приглашений, на вечера музыкальные и другие, которые начинались в 5 часов по полудни», - пишет биограф Орлова и добавляет, что жители Веве будут затем рассказывать внучке графа, Елизавете Петровне Долгорукой, о том как «граф прививал сам оспу крестьянским детям этой местности»³⁸⁹. 17 марта 1772 г. Орлов отправился к братьям в Италию через савойский городок Шамбери. Преодолев перевал Мон-Сени, он держал далее путь в Турин. После пребывания в Италии Орловы направились во Францию, затем в Англию, а на родину они возвратились через Германию. Интересно, что уже после возвращения в Россию, в 1773 г. Владимир Григорьевич по просьбе своего брата Алексея вступил в переписку с неким господином Буньоном в Лозанне с целью узнать об успехах в обучении и о поведении некоего юноши Островского³⁹⁰.

Женева стала частью европейского путешествия и (в его рамках) образовательной программы молодого **Федора Николаевича Голицына**³⁹¹ (1751-1827), который не только усердно проходил там курсы наук, а также нашел добрых друзей-соотечественников, братьев Разумовских, – в Женеве Голицын обрел прибежище своим «философическим мыслям».

Федор Голицын приходился племянником И.И. Шувалову, и это определило многое в его воспитании и образовании и повлияло на дальнейшую карьеру. Голицын получил первоначальное образование в

³⁸⁹ Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 467. Дочь Орлова Наталья Владимировна была замужем за тайным советником Петром Львовичем Давыдовым, их дочь Елизавета Петровна (1805-1878) была замужем за сенатором князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым (1807-1882).

³⁹⁰ Русский архив. 1908. Т. 127. № 8, с. 473-474.

родительском доме, однако уже в 1768 г. он был отправлен к дяде за границу – И.И. Шувалов находился тогда в Риме. С этих пор просвещенный вельможа возьмет образование племянника под свое руководство, а тот, в свою очередь, всю жизнь будет испытывать чувство благодарности дяде за оказанные ему «неизсчитанья благодеяния»³⁹². В Риме Голицын брал уроки математики, но, будучи недоволен ими, переехал в 1772 г.³⁹³ в Женеву, где продолжил серьезно заниматься с профессорами³⁹⁴. Пробыв в Женеве около года, вскоре после отъезда своих приятелей Разумовских (осенью 1773 г.) Голицын через Германию, Голландию и Англию направится в Париж³⁹⁵.

Главным занятием Голицына в Женеве была усердная учеба. Он порой с трудом мог выкроить свободную минутку, чтобы посетить своих друзей Разумовских в близлежащей Лозанне: «Главное мое желание скорее вас здесь увидеть... Я бы к вам приехал, но уроки не позволяют отлучиться,»³⁹⁶ - писал он в феврале 1773 г. Михаилу Ковалинскому, ментору Льва Нарышкина - с ними обоими его связывали теплые отношения. Голицын общался и с другими русскими путешественниками, и, конечно же, с Авраамом Веселовским. Так, Н.А. Демидов, весной 1773 г. посетивший Женеву, упоминает, что 29 апреля обедал с А.П. Веселовским и Ф.Н. Голицыным, а 3 мая Демидов давал обед Голицыну, Григорию Разумовскому и находившемуся при нем Петрищеву³⁹⁷.

Когда Разумовским пришло уже время уезжать, Голицын уговаривал Ковалинского пробыть с ним хотя бы месяц еще в Женеве, обещаясь

³⁹¹ Ф.Н. Голицын - князь, поэт, куратор Московского университета, тайный советник (Голицын Н. Н. Род князей Голицыных: Материалы родословные. СПб., 1892. Т. 1. С. 163).

³⁹² Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. №6, март, кн. 2, отд. 4. С. 87.

³⁹³ Русский биографический словарь. Доп. материалы в 8 т. Т. 2. «Гоголь - Гюне». М., 1997. С. 201.

³⁹⁴ В своем «Журнале путешествия...» Н.А. Демидов отмечает, что Ф.Н. Голицын «обучается в училище сего города», однако мы не имеем точных сведений, был ли Голицын зачислен в Академию (что представляется маловероятным) или же брал частные уроки у профессоров (См.: Демидов Н.А. Журнал путешествия... Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращении в Россию ноября 22 дня 1773 года. М., 1786. С. 142).

³⁹⁵ Русский биографический словарь. Доп. материалы в 8 т. Т. 2. С.201.

³⁹⁶ Васильчиков А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

³⁹⁷ Демидов Н.А. Указ. соч. С. 141-143.

проводить своих знакомцев затем «хоть до Берны»³⁹⁸. Голицын просил этого как «знака дружбы» и сокрушался: «я, живши столь долго в соседстве, не пользовался вашим приятным соседством»³⁹⁹. И действительно, Разумовские вняли сердечной просьбе друга и по пути в Россию на некоторое время задержались в Женеве - «Голицын был с ними неразлучен»⁴⁰⁰.

Во время своего пребывания в Женеве Голицын, снабженный от дяди рекомендательными письмами⁴⁰¹, неоднократно посещал Вольтера в его фернейском уединении. Интересно, что острый на язык философ был очень тактичен в присутствии «любимого племянника и воспитанника славного И.И. Шувалова»⁴⁰². В краткой биографии князя Голицына находим весьма интересный факт: «К удивлению всего тамошняго общества, замечено было, что, в присутствии князя, Вольтер, против своего обыкновения, удерживал себя от нападений на религиозные предметы, как вежливый хозяин, уважающий правила своего посетителя»⁴⁰³. По-видимому, одной из целей тогдашнего визита Голицына к Вольтеру было получить послание философа к И.И. Шувалову, и, долго дожидаясь этого письма, «князь принужден был прожить несколько дней в Фернее. В одно утро является к нему Вольтеров камердинер с тетрадкою. Это была сказка *Белый Бык*, а присылка — знаком особеннаго уважения. Князь, просмотрев ее, положил на стол. С какою досадою узнал Вольтер о разномыслии с ним молодого Россиянина: ибо книга осталась на столе в отведенной ему комнате»⁴⁰⁴ - не преминул заметить биограф.

Женева пришлась по вкусу воспитанному в традициях «философского века» (о чем позаботился И.И. Шувалов⁴⁰⁵) Голицыну. Он писал Льву

³⁹⁸ Васильчиков А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Там же. С. 21.

⁴⁰¹ Там же. С. 22.

⁴⁰² Бартенева П.И. (Предисловие). В: Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стлб. 1271.

⁴⁰³ Цит. по: Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стлб. 1272-1273.

⁴⁰⁴ Там же. Стлб. 1273.

⁴⁰⁵ Свою точку зрения на воспитание молодого человека И.И. Шувалов, этот «фарос (т.е. маяк) младых вельмож» (выражение Г.Р. Державина; см. Державин Г.Р. На выздоровление мецената // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 95), высказывает, к примеру, в письмах к сестре Прасковье Ивановне

Разумовскому, что нашел в полюбившемся ему городе все то, что необходимо для счастливой и осмысленной жизни - поистине, жизни философа: тишину, спокойствие и уединение, прекрасную природу, добрых и верных друзей, возможность постоянного и плодотворного труда и обучения, - и что он просто-напросто полюбил Женеву. «Может быть, нет в Европе места, которое толь сходствовало с моими философическими мыслями. Представь же, сколь горько такое покинуть, может быть и навсегда,⁴⁰⁶ – напишет он своему другу 29 апреля 1774 г. из шумного Парижа. Далее он предается общим для них со Львом Разумовским милым воспоминаниям: «Помнишь, как мы рассуждали, au petit Sacconet или au bastion⁴⁰⁷? Об (чем) мы с тобою не переговорили? Никто у нас не увернулся»⁴⁰⁸. В Париже Голицын оказался в начале декабря 1773 г., «оставив Женеву с великим сожалением» («Опричь любви, привычка к простой и к трудолюбивой жизни, дружба многих, приятность мест и спокойствие, коим наслаждался, все сие участвовало умножать мое сожаление»)⁴⁰⁹. Чувствительность к природным красотам и склонность к философствованию, несомненно, получили развитие на благодатной женеvской почве. Недаром впоследствии Федор Голицын из уст самой шведской королевы получит прозвище «Gentil cavalier»⁴¹⁰, а П.И. Бартнев увидит в нем все «лучшее, что могла дать старинная, Шуваловская система воспитания»⁴¹¹.

Промышленник, меценат и коллекционер **Никита Акинфьевич Демидов** (1724-1789) был младшим сыном основателя рода Никиты Демидовича Антуфьева (Антюфеева). Именно он унаследовал большую часть огромных богатств отца, ибо более других братьев имел «охоту к

Голицыной, урожденной Шуваловой (см.: Москвитянин, 1845. Ч. 5. № 10. С. 149). О содействии И.И. Шувалова молодым русским дворянам-путешественникам и его вкладе в функционирование «русской дворянской сети» за границей см.: Бекасова А.В. Указ. соч. С. 24-33.

⁴⁰⁶ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

⁴⁰⁷ Названы места на границе города, видимо, обсуждались маршруты очередной прогулки.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Голицын Н.Н. Указ. соч. С. 163, 363.

⁴¹¹ Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стлб. 1272.

размножению и содержанию заводов»⁴¹². Для знакомства с техническими новинками Европы, расширения культурного кругозора, а главное – с целью лечения жены Александры Евтихиевны (1745-1778) Никита Акинфиевич решает совершить заграничную поездку (супруги долго ждали потомства, и благодаря европейским врачам ли, или европейскому климату, по окончании путешествия Демидовы вернулись в Россию уже вчетвером – с дочерью Екатериной и сыном Николаем)⁴¹³. Путешествие продлилось два года и восемь месяцев (17.03.1771 – 22.11.1773 гг.). Маршрут Демидовых пролегал через Германию, Англию, Италию, и на пути из Италии они на несколько дней остановились в Женеве.

Еще будучи в Риме, Никита Акинфиевич хотя и косвенно, но соприкоснулся с одной из швейцарских традиций, ставшей европейским культурным достоянием. Когда Демидовы были представлены папе Клименту XIV И.И. Шуваловым и присутствовали на литургии в соборе Св. Петра, Никита Акинфиевич видел швейцарцев папской гвардии, которые «стояли в ружье, имея железные латы и шишаки, что придавало весьма величественный вид сей церемонии»⁴¹⁴.

Демидовы прибыли в Женеву 29 апреля 1773 г. и остановились на постоялом дворе. «Так как Женеве не велика и все жители лучшие известны»⁴¹⁵, путешественники сразу отправились навестить своего земляка старика Веселовского, который приходился родственником Демидову по первой жене⁴¹⁶. Авраам, встречая их, «от радости плакал и удержал у себя обедать» (на этом же обеде, как отмечалось выше, присутствовал Ф.Н. Голицын), и Никита Акинфиевич остался очень доволен тем, что был принят «с отменным уважением»⁴¹⁷. Первого мая Демидов обедал у своего старого знакомого, ювелира Позье (ювелира, жившего некоторое время при дворе в

⁴¹² Победимова Г.А. Указ.соч. С. 7.

⁴¹³ Юркин И.Н. Демидовы - ученые инженеры организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 130-131.

⁴¹⁴ Демидов Н.А. Указ. соч. С. 134.

⁴¹⁵ Там же. С. 141.

⁴¹⁶ На Наталье Яковлевне Евреиновой Демидов женился в 1748 г., в 1756 г. она скончалась (Юркин И.Н. Указ. соч. С. 129-130).

Петербурге и оставившего записки о России), и в своих заметках хваливал «Женевского озера рыбу форель, отменной величины и вкуса»⁴¹⁸. Из Женевы Демидов повезет домой купленные там четыре пары золотых часов и канифас (дорогую льняную ткань)⁴¹⁹.

О самом городе Демидов повествует очень обстоятельно; он интересуется особенностями республиканского управления города, составом его населения и нравами, ему нравится гулять по «пространным», обсаженным деревьями гульбищам⁴²⁰ и вдоль Женевского озера. Никита Акинфиевич записал в своем журнале, что Женева – «довольно большой купечесственный и многонаселенный город», где выборная власть сосредоточена в Совете двухсот и в Главном совете из 24 человек, и «главных градоначальников в нем только четверо, и называются Синдиками», ежегодно избираемыми «по большинству голосов мещан»⁴²¹. Как и его племянники, Демидов подмечает строгость нравов столицы кальвинизма, и, посетив ближайший театр, пишет, что театр этот находится на французской земле в двух верстах от Женевы, «потому что вышний совет никак не дозволяет быть никакому позорищу в городе, дабы жителей здешних отвлечь от всяких излишеств и убытку»⁴²².

Третьего мая Никита Акинфиевич дал обед своим молодым соотечественникам, постигавшим науки на берегах Лемана: его навестили князь Ф.Н. Голицын и приехавшие из Лозанны граф Г.К. Разумовский с Петрищевым. Вечером они совершили небольшую прогулку, любовались картинами природы: «весьма долго с удовольствием смотрели на Женевское озеро, с лишком на 20 верст в длину простирающееся»⁴²³.

Никита Акинфиевич пробыл в Женеве около недели и затем отправился через Францию и Германию в Россию. Интересно, что хотя

⁴¹⁷ Демидов Н.А. Указ. соч. С. 142.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. С. 143.

⁴²⁰ Там же. С. 142.

⁴²¹ Там же. С. 143.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же.

Демидов и сам записал, что Женева город небольшой, он в своем журнале отмечает, что Женева город «столичный»⁴²⁴. Демидов до этого повидал множество европейских городов, лишь некоторые из которых являлись столицами, да и на его родине самих «столичных» городов можно было насчитать только два. По всей видимости, «неутомимый вояжир и хороший описатель»⁴²⁵ заметил в Женеве какую-то столичную жилку, что было связано с международным характером города, его положением на оживленном пути из Италии во Францию, и, конечно, особой религиозной и социальной окраской населения (в составе которого преобладали торгово-ремесленные круги).

Для одних «счастливейший поэт времен Екатерины»⁴²⁶, по отзывам других «карманный стихотворец Екатерины II»⁴²⁷, **Василий Петрович Петров** (1736—1799) в числе лучших окончил Славяно-греко-латинскую Академию в Москве, был оставлен преподавать при ней и позднее, в 1772 г., был отправлен в Европу для продолжения образования⁴²⁸. Основное время своего путешествия Петров находился в Англии, где занимался переводом английских поэтов, в частности, Мильтона⁴²⁹, и вернулся в Россию через Францию, Италию, Швейцарию и Германию в 1774 г. На пути домой в мае 1774 г. он не менее пяти дней провел в Женеве. Скупые сведения о его пребывании в Женеве содержатся в письме А.А. Самборскому (впоследствии духовнику императора Александра I)⁴³⁰. Однако пример Петрова показывает, что, благодаря расположению Женевы на пути между Италией и Францией русские путешественники могли бывать в Женеве просто проездом, не задерживаясь надолго, и неизвестно, сколько русских вояжеров на самом

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Юркин И.Н. Указ. соч. С. 126.

⁴²⁶ Дмитриев И.И. Надпись к портрету лирика // Соч., т.2. СПб., 1895. С. 11.

⁴²⁷ См.: Шляпкин И. Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II. (1736-1799). (По новым данным) // Исторический вестник, 1885. Т. 23. № 11. С. 381-405.

⁴²⁸ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 319, 321.

⁴²⁹ Подробнее см.: Кросс А.Г. Василий Петров в Англии (1772-1774) // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 229-246.

⁴³⁰ Письмо В.П. Петрова А.А. Самборскому. Женева, 17 мая 1774 г. // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 243.

деле посетило этот город – наверняка больше, чем известно на сегодняшний день. Василий Петров же возвратился в Россию и впоследствии снискал себе славу как придворный поэт и переводчик Вергилия.

Пребывание на берегах Лемана **братьев Разумовских – Льва, Григория и Ивана Кирилловичей**, сыновей последнего гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского (1728-1803) – образует целую веху в истории россиян в Швейцарии, причем не только в Женеве, но и в Лозанне.

У графа Разумовского было одиннадцать детей, из них шесть мальчиков, которым он был готов дать самое лучшее образование. Сам Кирилл Григорьевич в юности пахал землю, но, когда его старший брат Алексей стал фаворитом императрицы, то и младший брат был благодетельствован: в 1743 г. Елизавета Петровна отправила Кирилла Григорьевича за границу, во Францию и Германию, где он слушал лекции в Гёттингенском и Берлинском университетах. Конечно же, это не могло не повлиять и на его позицию в отношении обучения сыновей. Разумовский принадлежал к числу тех богатых русских вельмож, которые, по словам А.Л. Шлёцера, «всячески старались дать детям своим, не доставшееся им самим в удел, высшее образование. Щедрою рукою тратили они на это деньги и платили с великодушием...»⁴³¹. В Петербурге граф организовал для своих сыновей настоящий пансион, где их обучали приглашенные преподаватели (в их числе Шлёцер), мальчики входили в круг общения юного Павла Петровича (который и сам вскоре отправится в путешествие по Европе); наконец, Разумовский решил завершить их образование за границей в одном из известных университетов (выбор пал на Страсбург, куда и отправляются старшие братья Алексей, Петр и Андрей со своим гувернером Мариньяном)⁴³². Однако, посетив в 1766 г. проездом Страсбург, Кирилл Григорьевич остался недоволен, «ибо там и французский город и гарнизон,

⁴³¹ von Schlözer A.L. August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privatleben. Göttingen, 1802. S. 140.

⁴³² Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 1-10.

где ветреных молодых людей премножество»⁴³³. Качество преподавания в университете он считал недостаточным, а сам город слишком шумным и беспокойным из-за буйств французской военной молодежи и офицеров⁴³⁴. А потому, отправив старшего Алексея в Италию на попечение И.И. Шувалова, а Петра и Андрея в Англию⁴³⁵, Разумовский решает подыскать для младших сыновей «более тихое и скромное»⁴³⁶ место в Европе, где они, тем не менее, могли бы получить качественное образование. Выбор его пал на Женеву.

И позже, в 1785 г., раздумывая, куда бы отправить учиться младшего сына Ивана, Разумовский выберет город в Швейцарии – на этот раз Лозанну. Граф будет писать старшему Алексею, что для того, чтобы Иван «наградил потерянное втуне и способное к учению время..., то и должно удаляться от всех знатных городов и сделаться сущим студентом в каком ни есть месте в Германии, или в Швейцарии, по малой мере года на два или на три»⁴³⁷. Заметим, что все старания, которые Разумовский прилагал, чтобы дать сыновьям хорошее образование *за границей*, имели одну цель – потрудиться для *родины*, сделать из юношей «полезных сынов отечества»⁴³⁸.

Итак, в конце 1760-х гг. Кирилл Разумовский отправляет младших сыновей – Льва и Григория – в Швейцарию в сопровождении наставника, будущего куратора Московского университета, **Михаила Ивановича Ковалинского** (1745-1807). За границей их встречает гувернер Мариньян, отвечавший за общее руководство воспитанием сыновей Разумовского. Вслед за этим братья направляются в Гёттинген, где Лев посещает лекции в университете, и оттуда Григорий с Ковалинским едут в Лион, а Лев с гувернером **Петрищевым** – в Женеву⁴³⁹. Место Мариньяна как главного наставника юношей теперь занимает полковник французской службы де Феронс (de Feronse), который также проживает в Женеве (сохранилось

⁴³³ Там же. С. 219.

⁴³⁴ Там же. С. 11.

⁴³⁵ Там же. С. 11, 13.

⁴³⁶ Там же. С. 11.

⁴³⁷ Там же. С. 218.

⁴³⁸ Там же. С. 15.

⁴³⁹ Там же. С. 18.

несколько писем де Феронса к Ковалинскому из Женевы в Лион, где француз осведомляется о занятиях Григория и радуется его успехам, а также жалуется Ковалинскому на холодную погоду в Женеве, которая лишила их всех развлечений, и – одного из главных для Женевы - прогулок)⁴⁴⁰.

Лев Кириллович Разумовский⁴⁴¹ (1757-1818), впоследствии герой походов А.В. Суворова и московская знаменитость «le compte Léon», провел вместе со своим наставником Ковалинским и с братом Григорием несколько лет в Швейцарии. За это время он успел пожить и в Женеве, и в Лозанне. Первоначально он поселился в Женеве, брал уроки там, однако точно известно, что зиму 1772/1773 гг. он проводит уже вместе с братом в Лозанне⁴⁴². Однако они «часто посещали... Женеву, где в то время *проживало много русских* (курсив наш – В.С.), между прочими Демидовы, Собакин и племянник И.И. Шувалова, князь Ф.Н. Голицын»⁴⁴³. Выше уже говорилось о дружбе, завязавшейся между Голицыным и Львом Кирилловичем с Ковалинским. Интересный факт, говорящий в пользу утверждения биографа Разумовских, что в Женеве тогда *проживало много русских*, содержится также в письме Федора Голицына Льву Разумовскому. В феврале 1773 г. он пишет своему другу из Женевы, что их землячки «здоровы, хороши и любезны, как обыкновенно»⁴⁴⁴. Не свидетельствует ли это о том, что в Женеве тогда находились и неизвестные нам пока россиянки, разумеется, принадлежавшие к высшему кругу и в сопровождении семьи или гувернеров?

Осенью 1773 братья Разумовские собираются возвращаться в Россию, и на некоторое время переезжают в Женеву, о чем их сердечно просил Федор Голицын. Разумовские хотели посетить Вольтера, но старый философ

⁴⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴⁴¹ Русский биографический словарь. Т. 15. СПб., 1910. С. 467-468.

⁴⁴² Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Там же.

ответил им, что болен, и достоверно неизвестно, состоялся ли этот визит⁴⁴⁵. В начале 1774 г. они были уже в Петербурге.

Григорий Кириллович Разумовский (1759-1837), ученый-минералог, член Российской Академии наук, был пятым сыном гетмана Кирилла Григорьевича, менее других сыновей любимым, замкнутым и с раннего детства удивлявшим окружающих с одной стороны, своим странным нравом, а с другой стороны, особой склонностью к наукам. Он наравне со своими братьями воспитывался в «пансионе» Разумовского и в сопровождении гувернера Петрищева ездил в Европу вместе с братом Львом в конце 1760-х – 1773/1774 гг. По возвращении на родину Григорий Кириллович некоторое время прожил с отцом в Малороссии, а затем в 1779 г. совершил путешествие по Лапландии, после чего отправился в Лейденский университет, где слушал лекции по философии и естественной истории у знаменитого профессора Алламана и под его руководством изучал минералогию и геологию⁴⁴⁶. Он занимался науками с таким «болезненным увлечением»⁴⁴⁷, что «забыл и петербургское общество, и свою семью»⁴⁴⁸, и по этой причине, а также, вероятно, из-за сделанных им долгов отец приказал Григорию ехать в Швейцарию и поручил его руководству его прежнего гувернера Мариньяна.

Так начался новый, важный и плодотворный период в жизни Григория Кирилловича, связанный с его пребыванием в Лозанне. Чудаковатый граф усердно продолжал свои научные занятия, о которых его брат Андрей восторженно писал старику-отцу⁴⁴⁹. С Мариньяном же у Разумовского отношения не сложились, и француз, несмотря на все уговоры Андрея, принял решение об отъезде, доведенный до отчаяния «сумрачным мизантропизмом»⁴⁵⁰ Григория. Отец же, смирившийся с увлечением сына наукой, писал Андрею: «При всей его странности хорошо, что он избрал

⁴⁴⁵ Там же. С. 22.

⁴⁴⁶ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 170.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 445.

⁴⁴⁹ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т.2. С. 173-174.

такое упражнение, которое и похвально и может быть полезно для молодого человека, а ему всегда приятно... Бог ему в помощь, пусть из себя он делает ученого человека, а я в том ему препятствия делать не буду»⁴⁵¹. Старый гетман был «крайне как его учением, так и поведением доволен», приводил порядочность и экономность Григория «в издержках и расчетах» в пример братьям, и, наконец, определил ему содержание в размере 5000 руб. в год⁴⁵². Это позволило Григорию окончательно обосноваться в Лозанне, где он проведет более десяти лет (**с конца 1770-х/ начала 1780-х до 1793 гг., за исключением года в 1789-1790 гг.**).

Именно Лозанна стала местом, где Григорий Разумовский, бежав от действительности, замкнувшись в своем особом мире, смог заниматься научным творчеством. Он купил себе дом и учредил общество любителей физических наук, став местной знаменитостью, а также и в какой-то мере патриотом здешних мест, своей «второй отчизны». Его внимание как ученого привлекают именно швейцарские земли: благодатные для геологических исследований окрестности Женевского озера, Юрские горы, долина Роны в регионе Вале, Люцернское и другие швейцарские озера. Еще в 1782 г. Григорий совершил «минералогическое путешествие» из Брюсселя в Лозанну, описание которого он издал в Лозанне в 1783 г. Вслед за этим в 1784 выходит в свет работа о его геологических изысканиях в Швейцарии. Оба этих сочинения быстро разошлись и были напечатаны вторым изданием в двух томах под заглавием «Oeuvres de M. Le Comte Grégoire de Rasoumowski, membre de la société des Sciences physiques de Lausanne...»⁴⁵³.

⁴⁵⁰ Там же. С. 172.

⁴⁵¹ Там же. С. 174.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Oeuvres de M. Le Comte Grégoire de Rasoumowski, membre de la société des Sciences physiques de Lausanne, contenant: Tome I-er : Le Comte de Rasoumowski G. Voyage minéralogique et physique de Bruxelles à Lausanne, par une partie de Luxembourg, de la Lorraine, de la Champagne, et de la Franche-Comté; Tome II: Voyages minéralogiques dans le gouvernement de l'Aigle et dans le Vallois, suivis de la relation d'une excursion sur le Lac de Lucerne, ou Lac de quatre Cantons. Lausanne. 1784. Первый том Разумовский посвятил профессору Алламану, второй том – своему брату Андрею Кирилловичу.

Этот двухтомный труд был высоко оценен специалистами и удостоился даже немецкого перевода и был издан Чоппе (Tschoppe) в Дрездене в 1788 г.⁴⁵⁴

Разумовский «вел тихую уединенную жизнь в Лозанне, занимаясь сочинением и изданием разных минералогических исследований. Он усердно занимался учрежденным им в Лозанне ученым обществом и часто помещал в записках его свои статьи»⁴⁵⁵. Разнообразие швейцарского ландшафта вдохновляло Разумовского на новые ученые труды. В 1784 г. появилось его «Путешествие по окрестностям Веве и части Вале»⁴⁵⁶. Чуть позже, в 1789 г., он опубликует еще одно минералогическое исследование, посвященное земле Во, Юрским горам, а также западным озерам Швейцарии – Невшательскому, Муртенскому (Морá) и Бьеннскому (Бильскому)⁴⁵⁷. Подобная научная плодовитость не случайна. В Швейцарии нелюдимый и странноватый чудак Разумовский нашел свою нишу, обрел спокойную жизнь и получил возможность заниматься любимым делом, исследуя прекрасную швейцарскую природу.

Через посредство брата Андрея Разумовский познакомился с проживавшим в Женеве знаменитым исследователем О. Б. де Соссюром (Horace-Bénédict de Saussure, 1740-1799) – геологом, ботаником и альпинистом, однако и с ним неуживчивый «лозаннский философ»⁴⁵⁸ вскоре рассорился⁴⁵⁹. Григорий Кириллович продолжал заниматься наукой, его сочинения «пользовались уважением в ученом мире и последняя книга⁴⁶⁰ его, написанная в Швейцарии, была дважды переведена на немецкий язык» (Грейцем в 1786 г. и Чоппе в 1787 г.)⁴⁶¹. Разумовский становится членом различных европейских ученых обществ (Королевской Академии наук в

⁴⁵⁴ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 175.

⁴⁵⁵ Там же. С. 176.

⁴⁵⁶ Rasoumowsky G. Compte de. Voyage aux environs de Vevay et une partie de Vallois// Mémoires de la société des sciences physiques de Lausanne. Т. 1. Lausanne, 1784.

⁴⁵⁷ Histoire naturelle du Jorat et de ses environs; et celle de trois lacs: de Neufchâtel, Morat et Bienne; précédées d'un Essai sur le Climat, les Productions, le Commerce, les Animaux de la partie du Pays de Vaud ou de la Suisse Romande, qui entre dans le plan de cet Ouvrage. Par M. Le C-te G. De Rasoumowski. En 2 t. Lausanne, 1789.

⁴⁵⁸ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 181. Так в одном из писем назвал Григория отец.

⁴⁵⁹ Там же. С. 171, 173.

⁴⁶⁰ Rasoumowsky G. Compte de. Essai de système de la transition de la nature dans le règne mineral. Lausanne, 1785.

Стокгольме и Турине, Аграрного общества в Турине, Физико-медицинского общества в Базеле, Физического общества в Цюрихе и др.⁴⁶²) и желает быть избранным учрежденную в 1783 г. Российскую Академию. Кирилл Григорьевич берет на себя переговоры с княгиней Дашковой (впрочем, весьма сомневаясь в удачном исходе дела), и по ее предложению 7 января 1790 г. он был единогласно избран членом Академии⁴⁶³. Не вдаваясь в детали пребывания Разумовского в России, скажем лишь, что он всей душой стремился назад, в милую его сердцу Швейцарию, и причиной тому была также и вспыхнувшая в его сердце незадолго до отъезда в России любовь к Генриетте Мальсен, из рода голландских баронов, обосновавшихся в Лозанне⁴⁶⁴. «Я думаю, что не Швейцария его с ума сводит, а какая-нибудь швейцарка»⁴⁶⁵, – писал сыну Андрею старый гетман, называя Григория также «влюбленным швейцаром»⁴⁶⁶. Отец выступил категорически против брака Григория с Мальсен.

В отсутствие Разумовского Лозанну посетил Н.М. Карамзин, который оставил следующую любопытную характеристику графа: «Здесь поселился наш соотечественник, граф Григорий Кириллович Разумовский, ученый-натуралист. По любви к наукам отказался он от чинов, на которые знатный род его давал ему право, - удалился в такую землю, где натура столь великолепна и где склонность его находит для себя более пищи, - живет в тишине, трудится над умножением знаний человеческих в царствах природы и делает честь своему отечеству. Сочинения его все на французском языке. – За несколько недель перед сим уехал он в Россию, но с тем, чтобы опять возвратиться в Лозанну»⁴⁶⁷. Карамзин, заметим, характеризует Швейцарию как страну, в высшей степени подходящую для занятий наукой. Интересно, что Карамзина и Разумовского сближает не только преклонение перед

⁴⁶¹ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 177-178.

⁴⁶² Там же. С. 202.

⁴⁶³ Там же. С. 175-178.

⁴⁶⁴ Там же. С. 176-177.

⁴⁶⁵ Там же. С. 180.

⁴⁶⁶ Там же. С. 183.

⁴⁶⁷ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 285.

прекрасной швейцарской природой и признание высокого предназначения науки, но и определенная склонность к философским идеям Руссо. Так, гетман Кирилл Григорьевич пишет про сына не иначе как «философ наш», «Лозаннский философ», и отмечает, что тот «начитался и затвердил правила Руссо» и, вероятно, оттого так рвался из России назад, в Швейцарию⁴⁶⁸. Отметим еще, что как Альбрехт фон Галлер, воспевая Швейцарию, воздействовал на Карамзина своими литературными произведениями, так он же повлиял и на Григория Разумовского, неоднократно в своих научных исследованиях ссылавшегося на труды великого Галлера по естественной истории.

По возвращении в Лозанну Григорий Кириллович писал в Россию, что «после многотрудного пути достиг до края, которым восхищается, и где желает остаться навсегда»; он намеревался купить там имение за 100 или 200 тысяч франков (что, видимо, не удалось вследствие финансовых сложностей, которые испытывали Разумовские в тот период)⁴⁶⁹. Это говорит о том, что Разумовский был готов окончательно осесть в Швейцарии, надеясь обрести свое счастье в этом благословенном краю. И хотя Кирилл Григорьевич не дал согласия на брак, Григорий обвенчался с Генриеттой во Франции (по католическому обряду). Однако долго его семейная жизнь не продлилась: уже в 1793 г. он разошелся с женой и окончательно покинул Швейцарию⁴⁷⁰. Дальнейшая судьба Григория Разумовского не менее интересна, ему придется пережить долгое разбирательство в связи со своей второй женой, он вернется в Россию, но затем вновь покинет ее, чтобы поселиться в Вене, будет по-прежнему заниматься минералогией, вместе с детьми перейдет в протестанство, примет австрийское подданство и умрет в 1837 г. в небольшом имении в Богемии.⁴⁷¹

Подводя итоги длительного пребывания Григория Разумовского в Швейцарии, нужно признать, что швейцарская действительность и ученая

⁴⁶⁸ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 181.

⁴⁶⁹ Там же. С. 182-183.

⁴⁷⁰ Там же. С. 184.

среда оказалась благоприятной для Григория Кирилловича, позволила ему реализовать свой научный творческий потенциал, стала своего рода убежищем от житейских тревог. Его сестра Н.К. Загряжская (урожденная Разумовская, 1747-1837) однажды охарактеризовала своего брата как «très passionnée pour tout ce qui est sauvage et en même temps grand observateur»⁴⁷² («очень увлеченный дикой природой и в то же время наделенным большим даром наблюдения»). И в маленькой Швейцарии Разумовский нашел и милую его сердцу «дикость», нетронутую природу, и предметы как просто созерцания, так и наблюдения и исследования. Григорий жил в Швейцарии, как думается, в большей гармонии с самим собой, чем это было возможно где-либо в другом месте. Недаром, на короткое время вернувшись в 1789-1790 гг. в Россию и сразу окунувшись в череду забот, Григорий мечтал о возвращении в «свою любимую Швейцарию»⁴⁷³.

II.4. 1780-е – начало 1790-х гг.

На берегах Лемана разыгралась драма в жизни графа **Григория Григорьевича Орлова** (1734-1783), именно здесь прозвучал определивший его дальнейшую судьбу аккорд - увыв, минорный. Знаменитый екатерининский фаворит посетил Швейцарию уже на закате своей придворной карьеры, фактически отлученный от двора и покоев императрицы. Окончательно вытесненный Потемкиным, Орлов с одобрения Екатерины II в июне 1777 г. женился на фрейлине **Екатерине Николаевне Зиновьевой** (1758-1782), своей двоюродной сестре (Екатерина прочила своей фрейлине, отличавшейся веселым нравом, «смерть от смеха»⁴⁷⁴). Брак этот, однако, был недолгим. Екатерина Зиновьева-Орлова оказалась серьезно

⁴⁷¹ См. Русский биографический словарь. Т. 15. С. 446-448.; Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 184-202.

⁴⁷² Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1894. С. 32.

⁴⁷³ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 180.

⁴⁷⁴ Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1907, т. XII. С. 658.

больна чахоткой. И потому Орловы летом 1780 г. отправились за границу с целью лечения⁴⁷⁵.

В рамках своего путешествия они посетили и берега Женевского озера. В «Лозаннском листке» за 1936 г. содержится публикация источника о пребывании Орловых в Лозанне. Орлов с женой прибыли в Лозанну весной 1781 г. со свитой из 22 человек (включая арапчонка) и поселились в городском районе Шен (Chêne). Вскоре Орлов уехал, оставив жену на попечение здешнего известного доктора Тиссо⁴⁷⁶. – Думается, что Орлов не случайно остановил свой выбор именно на Тиссо – близком друге Александра Александровича Головкина. Впрочем, нить могла тянуться и к вездесущему Ивану Ивановичу Шувалову, с которым Григорий Орлов был давно знаком⁴⁷⁷, который знал всех и вся вокруг Женевского озера (как и по всей Европе), мог посоветовать Орловым обратиться к Тиссо.

Тем не менее, попытки Орлова вылечить жену не увенчались успехом. В Лозанне он потерял горячо любимую супругу. Екатерина Орлова-Зиновьева скончалась 16/27 июня 1781 г.⁴⁷⁸. На кончину графини местный поэт Бридель (Bridel) написал элегию в 125 строк, которая была опубликована в сборнике «Гельветическая поэзия» («*Etrennes helvétiennes*»)⁴⁷⁹. Обезумевший от горя Орлов собирался перевезти тело жены в Петербург и писал оттуда в Лозанну свои распоряжения в этой связи. Однако под влиянием братьев он принял решение похоронить супругу в Лозанне. Для нее был изготовлен роскошный саркофаг, который должен был быть установлен в кафедральном соборе Лозанны (Cathédrale Notre-Dame de Lausanne). Впоследствии дань памяти графине будут отдавать многие русские путешественники, приезжающие в Женеву. Среди них – и Н.М. Карамзин: «Сию минуту пришел я из кафедральной церкви. Там из черного

⁴⁷⁵ Русский биографический словарь. Т. 12. С. 352.

⁴⁷⁶ La princesse Catherine Orloff // Feuille d'Avis de Lausanne, 7.11.1936. P.2.

⁴⁷⁷ Русский биографический словарь. Т. 12. С. 349.

⁴⁷⁸ Там же. С. 352.

⁴⁷⁹ Feuille d'Avis de Lausanne, 7.11.1936. P.2. На смерть Орловой откликнулся стихами и Г.Р. Державин («Как ангел красоты, являемый с небес, Приятствами она и разумом блистала, С нежнейшею душой геройски умирала. Супруга и друзей повергла в море слез») // Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1864. Т. 1. С. 152.

мрамора сооружен памятник княгине Орловой, которая в цветущей молодости своей скончала дни свои в Лозанне, в объятиях нежного, неутешного супруга. Сказывают, что она была прекрасна – прекрасна и чувствительна!.. Я благословил память ее»⁴⁸⁰. Заметим, что богато отделанный саркофаг Орловой-Зиновьевой единственный будет хоть сколько-нибудь украшать по-кальвинистски строгий интерьер собора. Смерть жены стала тяжелым ударом для Григория Орлова. Он скончался 7 июня 1783 г., вдали от двора, в повреждении ума. Всеми же дальнейшими делами по поводу подготовки и установки саркофага занимался его секретарь. Таким образом, волею судьбы Лозанна стала для Орлова городом горьких потерь.

Позволим себе еще одну ремарку, относящуюся к посещению Орловым Швейцарии. Екатерининский фаворит был, конечно же, в курсе новейших веяний мысли своего века, он даже переписывался с Ж.Ж. Руссо, ставшим по-своему знаковой фигурой для всех, интересовавшихся Швейцарией, и читал его сочинения «с большим увлечением»⁴⁸¹. Таким образом, Орлов был знаком с образом мыслей того поколения, к которому принадлежал первооткрыватель «русской идиллической Швейцарии» Н.М. Карамзин.

В конце 1781 - начале 1782 гг. в Лозанне некоторое время находились кузены **Ланские - Яков Дмитриевич** (1764-1790-е), младший брат фаворита Екатерины II Александра Дмитриевича Ланского (1758-1784), и **Василий Сергеевич** (1753-1831), в будущем крупный государственный деятель⁴⁸². В поездке по Европе братьев сопровождал Ф.С. де Лагарп, которого барону Фридриху Мельхиору Гриму, многолетнему корреспонденту императрицы

⁴⁸⁰ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 285.

⁴⁸¹ Русский биографический словарь. Т. 12. С. 349.

⁴⁸² Наместник в Царстве Польском, управляющий Министерством внутренних дел Российской империи, член Госсовета, член Верховного уголовного суда по делу декабристов, при его участии было создано III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Подробнее см. Русский биографический словарь. Т. 10. СПб., 1914. С. 67-68.

Екатерины, порекомендовал вернувшийся накануне из России швейцарец, уроженец земли Во, Жан Франсуа (Иван Степанович) Рибопьер⁴⁸³.

Иван Кириллович Разумовский (1761-1802) не получил, в отличие от своих братьев, надлежащего домашнего воспитания. Его отец, Кирилл Разумовский, находился в те годы «под полным влиянием гр. С.О. Апраксиной, не любившей расходов и прихотей», и мальчик не имел «ни выписных из-за границы гувернеров, ни академических профессоров» и был отдан в Кадетский шляхетский корпус, который окончил в 1782 г.⁴⁸⁴ После того, как Иван принял участие в военных действиях против поляков в 1782-1783 гг., отец все же решает отправить его за границу, чтобы тот «наградил потерянное втуне и способное к учению время в кадетском корпусе»⁴⁸⁵. В 1785 г. в сопровождении некоего Фюслена молодой Разумовский едет в Копенгаген к старшему брату Андрею. Однако «успев привыкнуть ранее к разгульной жизни у себя в отечестве, граф Иван Кириллович и за границею не заботился о скучных лекциях», несмотря на намерение отца сделать из него настоящего студента⁴⁸⁶. Поэтому Кирилл Григорьевич принял решение о переезде сына в тихую Лозанну, надеясь на исправление нерадивого отпрыска. Иван Кириллович перебрался в Лозанну, жил там у своего брата Григория, но, «мало заботясь о преуспевании в науках и нисколько не помышляя о приобретении кожи педанта, жил припеваючи»⁴⁸⁷. Это исчерпало терпение отца, и в 1787 г. младший Разумовский уже при Дунайской армии. Иван Кириллович примет участие в русско-турецкой войне 1778-1791, позже прославится как «страшный кутила, волокита и картежник», хоть и будет «добрым малым» и «храбрым рубакой»⁴⁸⁸.

⁴⁸³ Подробнее о путешествии Ланских, следствием которого явилось приглашение Лагарпа стать наставником будущего императора Александра, см.: Строев А.Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII-XIX вв. (под ред. А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого). М., 2011. С.218-232.

⁴⁸⁴ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 450.

⁴⁸⁵ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 218.

⁴⁸⁶ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 450.

⁴⁸⁷ Васильчиков А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 219.

⁴⁸⁸ Там же. С. 220.

В 1785 г. Женеву в рамках образовательного путешествия по Европе проездом посетил граф **Алексей Григорьевич Бобринский**⁴⁸⁹ (1762-1813) – внебрачный сын Григория Орлова и императрицы Екатерины. План этого путешествия был специально составлен личным секретарем императрицы И.И. Бецким и предполагал, что 20 июня 1785 г. Бобринский отправится из Турина в Женеву, а 20 июля покинет Швейцарию и поедет далее во Францию и Голландию⁴⁹⁰. Однако из дневниковых записей Бецкого можно заключить, что, по-видимому, план Бецкого в процессе путешествия выполнялся с опозданием по времени⁴⁹¹.

В 1786-1788 гг. в Женеве проходил обучение **Павел Александрович Строганов** (1772-1817), сын Александра Сергеевича Строганова. Будущий генерал-лейтенант русской армии и близкий друг Александра I (член так называемого Негласного комитета) с юных лет воспитывался в Париже и получил прекрасное европейское образование⁴⁹². Его крестным отцом стал великий князь Павел Петрович. В Париже отцу Павла, графу Александру Сергеевичу Строганову, граф Александр Александрович Головкин порекомендовал бывшего гувернера своего сына Юрия – француза Шарля-Жильбера Ромма (1750-1795), последователя энциклопедистов и Руссо, впоследствии знаменитого монтаньяра⁴⁹³. Вместе со своим учеником молодой гувернер изучал русский язык, они совершили большое путешествие по России, а затем в июле 1786 г. отправились в Европу для продолжения образования. Вместе с Роммом и Павлом Строгановым в Европу едет бывший крепостной А.С. Строганова **Андрей Никифорович Воронихин** (1759-1814), в будущем знаменитый архитектор и живописец. Путешественники посещают Германию, Францию и Швейцарию. В 1787 г., уже в Женеве, к ним присоединится вместе со своим гувернером Жаком

⁴⁸⁹ Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 114.

⁴⁹⁰ Plan du voyage de Mr de Bobrinsky, réglé par S.E. Mr de Betzkoy, ce 2 fevr. 1784. РГАДА. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 7. Л.1.

⁴⁹¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 9. Л. 84 об.

⁴⁹² Русский биографический словарь. Т. 19. С. 514-522.

⁴⁹³ Подробнее об истории взаимоотношений Ромма и Павла Строганова см.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: История необычного союза. М., 2010.

Демишелем троюродный брат Павла – **Григорий Александрович Строганов** (1770-1857), впоследствии дипломат и государственный деятель.

Поездка по Европе и весь процесс обучения юного Строганова получили подробное освещение в письмах как его самого, так и его наставника Ромма, которые хранятся сейчас в фонде Строгановых в РГАДА⁴⁹⁴.

Строганов, Ромм и Воронихин прибыли в Женеву **27⁴⁹⁵ октября 1786 г.** и оставались в Швейцарии **до конца мая 1788 г.** Причины выбора Женевы как места для учебы кажутся очевидными – сыграло свою роль не только то, что здесь тридцатью годами ранее проходил обучение отец Павла, А.С. Строганов, но также и тот факт, что Женева представляла собой в те времена «уникальный центр естественно-научных исследований, не имевший аналогов в Европе»⁴⁹⁶. Ромм и его подопечные обустроились в Женеве и первым делом нанесли визит баронессе Амалии д'Аррюфан (d'Arrufens), дочери покойного графа А.А. Головкина, которая проживала близ Лозанны⁴⁹⁷. В Лозанне Павел, Ромм и молодой Андрей Воронихин посетили кафедральный собор и осмотрели надгробие графини Орловой-Зиновьевой, которое Воронихин зарисовал. Также Павел упоминает о свидании в Лозанне с **князьями Горчаковыми**, «знакомцами» генерал-поручика Матвея Семеновича Бегичева»⁴⁹⁸. В январе 1787 г. Строганов пишет отцу о визите к госпоже Крамер, «рожденной Весло», т.е. Веселовской, которую А.С. Строганов знал «в ее младенчестве»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 348. Далее на протяжении данного раздела архивные ссылки даются только на этот фонд и на это дело, указываются только номера листов.

⁴⁹⁵ Первое письмо, отправленное из Женевы Роммом А.С. Строганову, датируется 29 октября / 9 ноября 1786 г. (Л. 261 об.). Однако А.В. Чудинов, работавший с фондами Ромма в Милане (MRM – Museo del Risorgimento, Milan, fonds Romme, carton 1), установил, что в письме своему другу Г. Дюбрелю Ромм говорит о прибытии в Женеву 27 октября 1786 г. – Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. С. 212.

⁴⁹⁶ Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. С. 213. Подробнее о развитии науки в Женеве см.: Siegrist R. L'essor de la science moderne à Genève. Lausanne, 2004.

⁴⁹⁷ Письмо П.А. Строганова А.С. Строганову. Женева, 29 октября/ 9 ноября 1786 г. - Л. 66.

⁴⁹⁸ Письмо П.А. Строганова А.С. Строганову. Женева, 29 октября/ 9 ноября 1786 г. - Л. 66. К сожалению, на данный момент мы не имеем подробностей относительно пребывания Горчаковых в Швейцарии.

⁴⁹⁹ Письмо П.А. Строганова А.С. Строганову. Женева, 24 января 1787 г. – Л. 75.

Вопрос с организацией учебных занятий⁵⁰⁰ Ромму помог решить Жан Сенебье⁵⁰¹ (1742-1809) - пастор, выдающийся натуралист и последователь Ш. Бонне, главный библиотекарь Женевы и принципал Женевской академии, которому через пять лет будет представлен другой будущий член Негласного комитета - В.П. Кочубей. Многие из тех, у кого учился или бывал еще А.С. Строганов, радушно принимали и его сына: Павел упоминает имена профессоров де Каро, Саразена, Верне, Поншара⁵⁰². Однажды юному Строганову посчастливилось посетить Шарля Бонне⁵⁰³, с которым через три года встретится Н.М. Карамзин. Интересно, что в Женевской библиотеке сохранились книги, подаренные А.С. Строгановым, - и их показали Павлу, о чем тот сообщал отцу в письме от 13 декабря (ст.ст.)⁵⁰⁴. Женевские будни Павла Строганова и Андрея Воронихина были наполнены большим количеством занятий: среди изучаемых предметов были русский и немецкий языки, рисование, физика, химия, астрономия, математика, история. Также молодые люди обучались верховой езде и фехтованию.

Павлу Строганову очень нравилось как здешнее общество, так и живописная женевская округа. В марте 1787 г., когда подходил к концу первый женевский «учебный год», Строганов пишет отцу о намерении совершить вместе с Роммом и Воронихиным двухмесячное путешествие по Швейцарии в сопровождении своего преподавателя немецкого языка⁵⁰⁵. Это путешествие, организованное при непосредственном участии выдающегося женева, покорителя Монблана О.Б. де Соссюра, станет важной вехой в русском «освоении Альп» (и подробнее в контексте этой темы будет проанализировано в третьей главе).

В 1791 г. не менее полугода провел в Швейцарии Виктор Павлович Кочубей (1768-1834), в то время сотрудник лондонской миссии, в будущем

⁵⁰⁰ Подробнее об организации обучения П. Строганова в Женеве см.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. С. 212-239.

⁵⁰¹ О Сенебье см.: Maunoir J. P. *Éloge historique de M. Jean Senebier*. Paris, 1810; *Dictionnaire historique et biographique de la Suisse*. Neufchatel, 1932. Т. 6. Р. 160.

⁵⁰² П.А. Строганов – А.С. Строганову, 15 ноября 1786 г., 29 ноября 1786 г. – Л. 68-68 об., Л. 70.

⁵⁰³ П.А. Строганов – А.С. Строганову, 21 марта 1787 г. – Л. 79.

⁵⁰⁴ П.А. Строганов – А.С. Строганову, 13 декабря (ст.ст.) 1786. – Л. 71.

(также как и Строганов) – член Негласного комитета при Александре I, затем министр внутренних дел, председатель Государственного совета и Комитета министров⁵⁰⁶. Молодой Кочубей получил право путешествовать по Европе до завершения своего образования. В начале 1791 г. он посетил Францию, а затем отправился в Швейцарию. Кочубей приехал в Женеву в начале марта (н.ст.) 1791 г. – об этом в письме С.Р. Воронцову писал швейцарец Лев Сожи⁵⁰⁷. На следующий день после своего прибытия Кочубей нанес визит Сожи, чтобы посоветоваться, где поселиться и как лучше обустроиться в Женеве. Сожи посоветовал ему пансион господина Пикте (Mr Pictet), профессора философии, выдающегося человека и литератора, прекрасного характером и очень дружелюбного. Жена Пикте, урожденная Turretin, также принадлежала к одной из лучших семей в Женеве. Кочубей последовал совету Сожи и остался очень доволен. Благодаря рекомендациям Сожи и Пикте Кочубей был хорошо принят в лучших домах Женевы. «Это действительно очаровательный молодой человек», - пишет Сожи и добавляет, что сделает все, что в его силах, чтобы оказать Кочубею все те услуги, которые могут от него зависеть. Сожи представил Кочубея господину Сенебье (Senebier) – библиотекарю Женевской республики (с которым был знаком также П.А. Строганов) и господину де Жермани (de Germany), который ранее был профессором математики в Женеве. Сожи обеспечил Кочубею доступ в женевский «кружок» (Cercle), членом которого являлся сам и куда были вхожи первые магистраты; жена Сожи также ввела Кочубея в свою компанию. «Кажется, он доволен пребыванием здесь и планирует провести здесь пять или шесть месяцев»⁵⁰⁸, - отмечал Сожи.

Сожи дает лестную характеристику Женевы, как наиболее подходящего города для воспитания юношества: «Женева поистине является достойным местопребыванием для молодого человека по причине хорошего

⁵⁰⁵ П.А. Строганов – А.С. Строганову, 7 марта 1787 г. – Л. 78.

⁵⁰⁶ Русский биографический словарь . Т. 9. СПб., 1903. С. 366-382.

⁵⁰⁷ Письмо Льва Сожи С.Р. Воронцову. Женева, 15(4) марта 1791 г. // Архив князя Воронцова. Т. 27. М., 1883. С. 215.

⁵⁰⁸ Письмо Льва Сожи С.Р. Воронцову. Женева, 15(4) марта 1791 г. С. 216.

общества, большого количества дружелюбных ученых, которых здесь можно встретить, и всевозможного рода знакомств, которые здесь можно завязать. Царящий здесь дух благопристойности, учтивости и постоянства нравов делает пребывание здесь еще более полезным и интересным для юношества, поскольку вне зависимости от положения молодого человека, его здесь никто не будет принимать, если он ведет себя недостойно»⁵⁰⁹.

Кочубей оставался в Швейцарии до осени 1791 г.⁵¹⁰, а затем вновь отправился во Францию. В мае 1791 г. Сожи писал Воронцову, что часто видит Кочубея и ему кажется, что последний «доволен своим пребыванием в Женеве», а также, что Кочубей «планирует совершить путешествие по Швейцарии следующим летом»⁵¹¹. Этому желанию Кочубея не суждено было сбыться – в 1792 г. его вызвали в Россию.

Отметим, что в **1790-е гг.** в Лозаннской Академии обучался некий российский дворянин **Иван Аблязов**, портрет которого как студента Академии хранится в Лозаннском музее изящных искусств.

* * *

Итак, в настоящей главе был рассмотрен начальный этап процесса «освоения» русскими путешественниками Швейцарии, пришедшийся на 1750е – начало 1790-х гг. Открытие русскими Швейцарии началось с городов по берегам Женевского озера - Женевы и, позже, Лозанны - и было прежде всего связано с образовательными поездками. Большая часть россиян выбирает именно Женеву, однако некоторые останавливают свой выбор на Лозанне (Г.Г. Орлов в силу личных обстоятельств и медицинской необходимости, Головкины в силу происхождения и владения собственностью). Своего рода исключение представляет В.Г. Орлов, надолго обосновавшийся в Веве. В динамике посещения Женевы русскими

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ К сожалению, нам не удалось найти более точных указаний на время отъезда Кочубея из Швейцарии.

⁵¹¹ Письмо Льва Сожи С.Р. Воронцову. Женеве, 7 (18) мая 1791 // Архив князя Воронцова. Т. 27. С. 230.

путешественниками в XVIII в. выделяются три основных периода (1750-е – начало 1760-х гг., конец 1760-х – середина 1770-х гг., 1780-е – начало 1790-х гг.). В главе представлена система сообщения между собой русских путешественников в Швейцарии как неотъемлемая часть системы связей дворянской аристократии за границей. Письма, подневные журналы и заметки россиян содержат ценную информацию о культурной и научной жизни Женевы того времени, дают сведения об организации обучения русской дворянской аристократии за границей и позволяют делать выводы о восприятии россиянами Женевы и некоторых других городов и природных достопримечательностей Швейцарии. Поездки россиян в Швейцарию во второй половине XVIII в. заложили основу для последующих более частых «русских путешествий» в Швейцарию, начавшихся на рубеже XVIII-XIX в.

Глава 2. Русские путешественники в Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в.: общая характеристика.

I. Новая эпоха «русских путешествий» в Швейцарию и ее особенности

Рубеж XVIII-XIX вв. открыл совершенно новую эпоху в истории «русских путешествий» в Швейцарию. Происходят разительные изменения в *характере, целях и маршрутах* путешествий россиян. Этот период начинается с большого европейского путешествия Н.М. Карамзина, в ходе которого он побывал в Швейцарии в 1789-1790 гг. Опубликовав в 1792 г. свое блестящее с литературной точки зрения и получившее большой успех у публики сочинение, Карамзин наметил новую тенденцию развития «русских путешествий» как поездок не столько образовательных, сколько познавательных, одной из основных целей которых было соприкосновение с миром швейцарской природы. Это определило и развитие маршрутов путешественников, которые вначале следовали по стопам Карамзина, а затем открывали для себя и новые уголки Швейцарии. Если в XVIII в. россияне останавливались лишь в одном-двух городах – преимущественно на берегах Женевского озера, – то теперь преобладающим становится «круговое» путешествие по стране, а обязательным пунктом в маршруте значится поездка в Альпы.

Динамика путешествий конца XVIII - первой половины XIX в. существенно отличается от тенденций предшествующего периода. Для «русских путешествий» XVIII в. характерна определенная неравномерность распределения по времени, временные промежутки между отдельными поездками могут сильно варьироваться, а в 1790-е гг. наступает достаточно длительная пауза. Но «русские путешествия» возобновились в начале XIX в. и уже по окончании наполеоновских войн приобретают регулярный характер: до 1823 г. путешествия россиян (сведения о которых удалось

собрать) совершаются в среднем чаще, чем раз в полтора года, при этом в течение четырех лет, с 1814 по 1817 г., путешественники приезжают в Швейцарию каждый год, а в 1821 г. Швейцарию посетили по меньшей мере четыре россиянина. На период *с 1823 по 1839 г.* приходится наиболее активная пора «русских путешествий» в Швейцарию: путешествия совершаются чаще, чем раз в год, а в отдельные годы в Швейцарию приезжают до шести путешественников (по меньшей мере двое в 1824, 1834 и 1838 г., не менее пяти зимой 1831-1832 г., пятеро в 1833 г., шестеро в 1839). *С 1839 по 1855 г.* путешествия совершаются в среднем чаще, чем раз в полтора года.

Некоторые из путешественников бывали в Швейцарии неоднократно (в течение рассматриваемого периода): дважды сюда приезжали А.И. Михайловский-Данилевский, В.А. Жуковский, Н.И. Греч, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, М.С. Волков и Ф.И. Тютчев, по меньшей мере дважды были в Швейцарии Н.И. Тургенев и П.М. Ковалевский, по нескольку раз – А.И. Тургенев, А.И. Кошелев, В.С. Печерин, М.П. Погодин, а также Д.Н. Свербеев и А.И. Герцен (которые окончательно обосновались здесь на склоне лет).

Для россиян, временно или постоянно проживавших в Швейцарии или находившихся здесь на обучении, регион Женевского озера всегда оставался магнитом. В начале 1830-х гг. отмечается рост количества обучавшихся в Женевской Академии россиян. Определенное число россиян, в течение длительного времени находившихся в Швейцарии, а также некоторые из путешественников, концентрировались вокруг русской миссии в Берне (которая находилась там с 1815 г., а до этого располагалась с 1814 г. в Цюрихе), а также вокруг великой княгини Анны Федоровны, супруги великого князя Константина Павловича, поселившейся в 1813 г. в окрестностяхерна, в поместье Эльфенау⁵¹². При российском посольстве в Берне в 1817 г. была устроена первая православная церковь в Швейцарии (от

⁵¹² См.: Alville (Watteville A. de) *La vie en Suisse de S.A.I. la Grande-duchesse Anna Feodorovna née princesse de Saxe-Cobourg-Saalfeld*. Lausanne, 1942.

которой ведет свою преемственность Крестовоздвиженский храм, открытый в Женеве в 1854 г.) – многие россияне приезжали сюда на службы, общались с русскими священниками, часто бывала здесь и великая княгиня Анна Федоровна. Приходы православных церквей становились основой русских общин в Швейцарии⁵¹³.

По длительности путешествия россиян по Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в. занимали от нескольких дней до полугода (максимальная продолжительность – семь месяцев), что меньше средней продолжительности пребывания россиян в Швейцарии в XVIII в. Однако данные величины нельзя считать сопоставимыми, поскольку длительность проживания россиян в Швейцарии в XVIII в. определялась задачами прохождения учебных курсов, а в XIX в. прежде всего насыщенностью «экскурсионной программы».

По своему социальному происхождению «русские путешественники» конца XVIII - первой половины XIX в. заметно отличаются от своих предшественников в XVIII в. Происходит постепенная демократизация социального состава путешествующих: среди них по-прежнему есть представители титулованного дворянства (к примеру, граф Ф.Г. Головкин, граф П.А. Шувалов, князь А.Н. Волконский, князь А.П. Мещерский и др.) и императорской семьи, однако большинство путешественников принадлежит к незнатным дворянским фамилиям. В Швейцарию отправляются историки, общественные и государственные деятели, экономисты, публицисты, поэты, философы – без преувеличения можно сказать, что интеллектуальная элита российского общества считала своим долгом посетить «альпийскую республику». Назовем лишь имена братьев Александра, Николая и Сергея Тургеневых, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, С.П. Шевырева, А.И. Кошелева, Н.В. Станкевича, М.П. Погодина, П.А. Вяземского, А.И. Герцена. По своим общественным взглядам «русские путешественники» XIX в. принадлежат к

⁵¹³ Так, женевский священник Арсений Тимофеевич Судаков, о котором пишет Вяземский, был тесно связан с русским обществом в Веве.

самым разным лагерям – среди них есть представители либеральных и консервативных взглядов, славянофилы и сторонники сближения с западным миром, однако стоит признать, что общественно-политическая позиция далеко не всегда однозначно предопределяла восприятие россиянами Швейцарии. Так, например, ярый русофил и критик Запада А.Г. Глаголев, априори с неприязнью относившийся ко всему швейцарскому, к концу поездки меняет свое мнение, и уничижительный тон в его «Записках русского путешественника»⁵¹⁴ сменяется на восторженный.

Для многих россиян поездка в Швейцарию была помимо прочего еще и путешествием литературным, они осматривали места, о которых много читали или о которых слышали от своих друзей-путешественников. Также в путешествиях россиян очевидна своего рода преемственность. Не один русский путешественник вспоминает в том или ином пункте своего маршрута о Карамзине; Александр Тургенев кутается от холодного ветра на озере Четырех кантонов в плащ Жуковского⁵¹⁵; Гоголь называет себя «наследником» Жуковского в Веве и совершает прогулки по излюбленным местам поэта⁵¹⁶, Вяземский идет «на поклонение» к дому, где жил Жуковский в Верне и в места, описанные Руссо в «Новой Элоизе»⁵¹⁷.

В течение рассматриваемого в настоящей главе периода, границы которого можно условно обозначить как 1789-1855 гг.⁵¹⁸, сменилось несколько эпох как в истории России, так и в истории Швейцарии. Текущая политическая ситуация в обеих странах, безусловно, оказывала влияние на оценку русскими путешественниками как швейцарской жизни, так и некоторых сторон российской действительности. В путевых заметках россиян получили освещение различные вехи швейцарской истории от

⁵¹⁴ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837.

⁵¹⁵ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826). М.-Л., 1964. С. 35.

⁵¹⁶ Письмо Н.В. Гоголя В.А. Жуковскому. Париж, 12 ноября 1836 г. // Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 156.

⁵¹⁷ Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1853-1878. С. 139.

⁵¹⁸ 1789 г. – начало путешествия Карамзина по Швейцарии, 1855 г. – Вяземский покидает Швейцарию.

времен старинного союза вольных кантонов в конце XVIII в. до момента образования нового федеративного государства.

Революция в соседней Франции не могла не повлиять на политическую обстановку в Швейцарии. Уже в начале 1790-х гг. здесь живо раздавались «отголоски» событий Французской революции, предвещавшие неминуемый крах «старого режима» – олигархических (по сути, «квазимонархических») кантональных республик и пережитков феодальной системы на территории Швейцарии⁵¹⁹. В «гельветической революции» большую роль сыграла французская армия. В начале 1798 г. французские войска вступили на территорию Швейцарского союза (формально – для защиты прав франкоязычных жителей), в апреле 1798 г. под власть Франции перешла Женева, а также было объявлено о создании на месте конфедерации старых кантонов унитарной Гельветической республики под контролем Франции. Это повлекло за собой падение «старого режима», введение нового законодательства (в духе создававшегося тогда «Кодекса Наполеона») и отмену средневековых порядков и привилегий. В ходе наполеоновских войн Швейцария стала театром военных действий. В рамках операций второй коалиции в сентябре 1799 г. русская армия под командованием А.В. Суворова совершила исторический переход через Альпы. Недовольство в стране и многочисленные государственные перевороты на рубеже веков привели к подписанию Наполеоном в 1803 г. «Посреднического акта», по которому Гельветическая республика прекратила свое существование, а кантоны вновь обрели суверенитет. В 1815 г. Венский конгресс закрепил государственную независимость и «вечный» нейтралитет Швейцарского союза. За этим следуют период «Реставрации» (1815-1830), когда власть в кантонах возвращается к старой аристократии, и период «Регенерации» – кантонального движения за либерализацию политической системы и экономики и за создание единого швейцарского государства. Борьба между консервативно и либерально настроенными кантонами выливается в

⁵¹⁹ См. Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006. С. 216-298.

непродолжительную войну 1847 г., в которой т.н. «Зондербунд» (союз консервативных католических кантонов) потерпел поражение от либеральных протестантских кантонов. В 1848 г. была принята новая Конституция, по которой Швейцария провозглашалась либеральным федеративным государством⁵²⁰.

* * *

По дороге из Цюриха в Баден, писал еще Н.М. Карамзин, ему постоянно встречались коляски и кареты, из которых выглядывали англичане, немцы и французы, и в этой связи он отмечает, что с июня до октября Швейцария «наполнена путешественниками», которые «приезжают сюда наслаждаться природою»⁵²¹. Это замечание верно и в отношении русских путешественников, ибо именно природные красоты были для них одним из главных магнитов в Швейцарии, и именно впечатлениям от швейцарской природы россияне посвящают центральную часть своих дорожных записей. Помимо этого, важное место в создании образа Швейцарии русскими путешественниками занимает описание ими самих швейцарцев, их нравов и образа жизни, широко известных швейцарских достопримечательностей и памятных мест, а также швейцарских городов и образа правления в них. Швейцарская действительность становится порой почвой для размышлений о России – как историко-сравнительного, так и философского характера.

Природа Швейцарии. Природные красоты выгодно оттеняют в глазах россиян благополучие альпийской республики. Именно в созерцании природы почти каждый русский путешественник – за редким исключением – находит путь к гармонии с самим собой и к единению с Богом. Самые яркие впечатления россиян от природных красот Швейцарии можно условно разделить на впечатления их от швейцарских гор (прежде всего, гор бернского Оберланда – Юнгфрау, Венгернальпа, Веттергорна, Шрекгорна и

⁵²⁰ См. Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006.

⁵²¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 258.

др., лежащих на западе страны близ Женевского озера Юрских гор, а также ведущего в Италию грозного Сен-Готарда), вод (озер, рек и водопадов – Женевского и Фирвальдштетского, Невшательского озер, рек Аары, Лимматы и Рейна, Рейнского водопада и горных водопадов Штауббаха, Трюммельбаха, Рейхенбаха) и от пейзажей равнинной сельской Швейцарии с пасущимися стадами, прелестными рощами и лугами, журчащими ручьями, со свидетельствами трудолюбия и благополучия швейцарских крестьян.

Жители Швейцарии. Многие россияне отмечают, что Швейцария не имеет своего собственного, единого языка, однако в ней существует огромное количество местных наречий – так, жители немецкоязычных кантонов говорят не на чистом немецком языке, а во франкоязычной Швейцарии господствует местное наречие французского языка патуа («patois»). Греч и Жуковский упоминают одну из самых знаменитых народных мелодий Швейцарии – «Lyoba» или «Kuhreihen» - песню альпийских пастухов. Не остается в стороне от внимания русских путешественников и патриотизм швейцарцев, для которых надолго уехать из своей страны - величайшее горе. Россияне обращают также внимание на общую швейцарскую дороговизну, во многом связанную с благосостоянием жителей и большим потоком путешествующих.

О жителях сельской Швейцарии русские путешественники судят прежде всего по их жилищам, восторгаясь прелестными, аккуратными домиками, вписанными в окружающий пейзаж. Крестьяне обращают на себя внимание своей приветливостью, учтивостью, опрятностью, крестьянки – яркими нарядами, которые напоминают некоторым путешественникам одежду российских селянок.

Именно жители Альп являются в представлении русских путешественников наследниками жителей былого «золотого века». В Альпах путешественники видели простоту нравов, добродушие и приветливость, трудолюбие жителей, которые, бывало, приглашали странников в свои хижины разделить с ними обед.

Жители городов удостоиваются похвал за свое трудолюбие и образованность, за опрятность и чистоту жилищ. Некоторым путешественникам (как, например, Карамзину, Гречу, Свербееву, Тургеневым) довелось бывать в домах швейцарских горожан и быть введенными в местное общество. Преимущественно в городах же проживало и большинство известных всей Европе швейцарцев, которых посещали русские путешественники – среди них И.К. Лафатер, Ш. Бонне, И.Г. Песталоцци, Ф.-Э. Фелленберг, Ф.-С. де Лагарп, К.В. фон Бонштеттен. Швейцария поэтому представляла в изображении россиян не только как страна прекрасной природы, но и как своего рода «республика ученых».

II. Подготовка к путешествию

Для «русских путешественников» конца XVIII в. первое знакомство со Швейцарией, как правило, было «заочным»: еще до начала путешествия они начинали всесторонне готовиться к поездке, используя различного рода материалы по швейцарской истории, географии и культуре. В полной мере эта тенденция утверждается с путешествием Н.М. Карамзина, однако и до Карамзина имели место подобные примеры: так, П.А. Строганов, прежде чем отправиться в путешествие по горам Швейцарии, ознакомился с трудами выдающегося швейцарского натуралиста и «первого альпиниста» О.Б. де Соссюра, а также имел возможность обсудить свой маршрут с самим ученым. Литература о Швейцарии, несомненно, оказывала влияние на складывание априорного образа этой страны у русских путешественников, который они могли затем сравнивать с реальным положением дел в «альпийской республике». В своих путевых заметках россияне упоминают значительное количество сочинений, которые они читали до и во время путешествия⁵²².

⁵²² Как кажется, россияне вряд ли перечисляли в своих путевых заметках все прочитанные сочинения, и следует полагать, что круг литературы о Швейцарии, известный русским путешественникам, был значительно шире, чем список, приводимый ниже. Одним из свидетельств данного утверждения является широкое использование некоторыми россиянами отрывков из трудов по истории Швейцарии, которые они (не ссылаясь на авторов) включали в текст своих заметок.

Среди посвященных Швейцарии материалов, которые были доступны русской публике, следует выделить:

1) общие («универсальные») работы по географии и истории

Особенное распространение со второй половины XVIII в. получили сочинения С. Пуфендорфа, И. Гюбнера и А.Ф. Бюшинга⁵²³.

2) научные описания Швейцарии и Альпийских гор

К примеру, «Путешествие в Альпы» О.Б. де Соссюра. Кабинет естественной истории Соссюра посещали некоторые из россиян, приезжавших в Женеву.

3) описания путешествий европейцев по Швейцарии

Одним из наиболее влиятельных сочинений конца XVIII в. было описание путешествия англичанина В. Кокса (1789), которое было переведено на русский язык и издано в 1791 г.⁵²⁴ Зачастую россияне читали во время своего путешествия записки побывавших в тех же местах путешественников. Так, Карамзин упоминает путевой журнал французского философа Мишеля Монтеня⁵²⁵, а Александр Тургенев – записки о Швейцарии немецкого поэта И.Ф. фон Гёте⁵²⁶.

4) сочинения швейцарских авторов А. фон Галлера и С. Геснера

Прежде всего, это поэма «Альпы» Галлера, сборник его стихотворений «Versuch Schweizerischer Gedichte», а также идиллии Геснера. В своем творчестве ученый и поэт Альбрехт фон Галлер и художник и поэт Соломон Геснер одними из первых воспели природу и жителей своей страны.

⁵²³ Подробнее см. в первом разделе третьей главы данной работы.

⁵²⁴ Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии; или письма Вильгельма Кокса. М., 1791.

⁵²⁵ de Montaigne M. Journal de voyage de Michel de Montaigne en Italie, par la Suisse & l'Allemagne, en 1580 & 1581. Rome; Paris, 1774.

⁵²⁶ von Goethe J. W. Briefe aus der Schweiz // Goethes Werke, Abth. 1, Bd.19. München, 1899; Wahl H. Goethes Schweizerreisen: Tagebücher, Briefe, Gedichte, Handzeichnungen. Gotha, 1920.

Александр Тургенев писал брату Николаю в 1827 г., что Геснер «заставил Европу любить швейцаров и оставил в душе... неизгладимые впечатления о новой Аркадии»⁵²⁷.

5) Путеводители по Швейцарии

Наиболее популярным путеводителем с конца XVIII и до 1840-х гг. был многократно переиздававшийся труд немецкого географа и писателя Иоганна Готфрида Эбеля⁵²⁸, «классического описателя Швейцарии»⁵²⁹. Сочинение Эбеля русские путешественники читали преимущественно в переводе на французский⁵³⁰. Об использовании этого путеводителя упоминают Греч, Жуковский, А. Тургенев, Печерин, Мещерский... Более того, некоторым из россиян довелось лично повстречаться с прославленным автором, который с 1810 г. поселился в Цюрихе. Так, с Эбелем встречался в 1821 г. Жуковский. Эбель, которого поэт называет «оракулом всех посещающих Швейцарию», дал ему «несколько нужных советов»⁵³¹. Примечательно, что в библиотеке Жуковского сохранились все четыре тома труда Эбеля на французском⁵³². В 1827 г. Эбель был «проводником» А. Тургенева по Цюриху, оставался с ним «до самой минуты отъезда» и проводил его до городских ворот⁵³³. Еще одним распространенным сочинением, которым пользовались россияне, был путеводитель Генриха Райхарда⁵³⁴.

Следует отметить, что большая часть описаний путешествий и путеводителей по Швейцарии была доступна россиянам только на иностранных языках, поэтому необходимо обратить особенное внимание на те немногие переводные работы, которые были доступны более широкому кругу читателей.

⁵²⁷ Письмо А.И. Тургенева Н.И. Тургеневу. Цюрих, 19 сентября 1827 г. // Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 158.

⁵²⁸ Ebel J. G. Anleitung, auf die nützlichste und genußvollste Art die Schweiz zu bereisen. Zürich, 1793.

⁵²⁹ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 37.

⁵³⁰ Ebel J. G. Manuel de voyageur en Suisse... par J.G. Ebel. Т. 1-4. Zürich, 1810-11.

⁵³¹ Там же. С. 197-198.

⁵³² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 518.

⁵³³ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 37.

В 1798 г. был издан русский перевод сочинения⁵³⁵ французского писателя маркиза де Лангля «Живописная картина Швейцарии»⁵³⁶. Главными магнитами Швейцарии автору представлялись разнообразие ее природы и добродетели жителей. «Альпийская республика» изображалась как страна, «которая на шестидесяти пяти милях вмещает все, что можно видеть на пространстве, простирающемся от одного полюса до другого», как «образец или модель всего доселе известного света». Путешествующему по Швейцарии обещали «пышную и великолепную галерею» видов. Также восхищение автора вызывали патриотизм, героизм, самопожертвование швейцарцев: «В их истории нет ни одного примера измены или подлости», - отмечал он. Особое внимание уделялось подвигам легендарного Телля: «Никакой историк не хвалил с таким восторгом своего героя, как Швейцары своего Вильгельма Телля. Они сохраняют память его, и почитают избавителем Отечества». Автор перечисляет уголки Швейцарии, которые в первую очередь стоит посетить: «Путешествующему надобно видеть Валлизскую и Водскую земли; надобно побывать на вершинах гор Жемми⁵³⁷, Гримзеля, Фурки и Св. Готарда; надобно прогуляться по Семпахскому озеру, Тунскому, Женевскому и Бильскому».

Еще одно описание Швейцарии на русском языке появилось в 1837 г.⁵³⁸ Его автор, Иван Делаacroa, житель Митавы, правитель канцелярии курляндского губернатора, составил на русском языке компиляцию из сочинений немецких и швейцарских авторов⁵³⁹, основываясь на вышедшем

⁵³⁴ Reichard H. Handbuch für Reisende aus allen Ständen. Leipzig, 1784. Сочинение Райхарда упоминает, к примеру, Е. Розен (Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии // Сын Отечества. Спб., 1849, кн. 9, ч. III. С.55).

⁵³⁵ de Langle J.-M. Tableau pittoresque de la Suisse. Paris, 1790.

⁵³⁶ Живописная картина Швейцарии. Перевод с французского Степана Петровского. Владимир, 1798. Далее цитируются отрывки со с. 7, 8, 9, 13, 42.

⁵³⁷ Гемми

⁵³⁸ Делаacroa, Иван Швейцария, или галерея классических мест сего живописного и романтического края, изображенных 72 гравюрами на стали. С описаниями в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. Изданная Иваном Делаacroa. Часть первая, содержащая 24 гравюры. Рига. В Типографии Мюллера. 1837.

⁵³⁹ «Большую часть содержания Швейцарии описательную и историческую заимствовал я из прекрасного творения Цшокке: Klassische Stellen der Schweiz, а статистические данные и исчисления, из Пикота, Шоха, Мейера, Эбеля, Глук-Блоцгейма, Павла Устери, Генке и других» - Делаacroa, Иван Швейцария, или галерея классических мест сего живописного и романтического края... С. XVI.

годом ранее сочинении «Классические места Швейцарии»⁵⁴⁰ Генриха Цшокке (1771-1848), немецко-швейцарского писателя, историка, педагога и теолога. Переводное издание Делаacroа содержало сведения о Швейцарии исторического и географического характера, описания отдельных швейцарских кантонов, а также ряд иллюстраций. Примечательно, что Делаacroа посвятил свой труд Жуковскому: «Милостивый Государь, Василий Андреевич! Прекрасные письма из Швейцарии, сообщенные Вашим превосходительством любознательной отечественной публике, и предположение, что ими без сомнения возбуждено всеобщее желание иметь полное сведение о прелестном, обворожительном крае, описанном в отдельных статьях неподражаемым пером Вашим, побудили меня составить книгу, могущую, может быть, удовлетворить этому желанию публики».

Делаacroа пишет, что посещение Швейцарии будет полезным и интересным и для историка, и для испытателя природы, и для любителя литературы и искусства, приводит советы путешествующим и указывает наиболее интересные маршруты (долины Гасли и Гриндельвальда, берега Женевского и Фирвальдштетского озер, Цюрих, Берн, кантон Аппенцель, Граубюнден, Валлиссский, Невшательский кантоны). В переводе отмечается, что Швейцария привлекает к себе путешественников «кротким и диким великолепием» своей природы и удивительно сохранившимися традициями прямой демократии - «дыханием гражданственности» и «сочетанием древнейших нравов с новейшими»⁵⁴¹. В качестве одного из главных преимуществ путешествия по Швейцарии указывается разнообразие ее пейзажа и отсутствие «утомительных равнин»:

«Если правда, что путешествия вообще укрепляют силы, и, украшая ум, доставляют нам случай познавать людей и наблюдать их нравы, - то с путешествием по Швейцарии, представляющим все эти выгоды, соединяется еще удовольствие, которым ни в какой стране насладиться не можно. В Швейцарии нет утомительных равнин, на которых какая-либо церковь или колокольня является вдали единым предметом, обращающим на себя внимание; на которых

⁵⁴⁰ Zschokke H. Die klassischen Stellen der Schweiz. Karlsruhe und Leipzig, 1836.

⁵⁴¹ Делаacroа, Иван Швейцария, или галерея классических мест сего живописного и романтического края... С. 27.

путешественник не встречает ни одного дерева, могущего укрыть его от зноя палящего солнца; на которых напрасно ищет он источника, ручейка для утоления жажды свежую водою, и на которых видит одни утлые хижины, обитаемые неопратною нищетою, и не представляющие ему возможности освежить силы свои отдохновением или развлечь свою скуку каким либо занимательным предметом, возбуждая одно только отвращение и душевное соболевание. В Швейцарии нет ничего такого. В ней повсюду встречаешь живописные горы и улыбающиеся доли; прелестные равнины и села; пустоши вместе с возделанными огородами; леса, пажити, рощи, луга и виноградники. Разительнейшие противоположности вас везде окружают. Там видите вы вечные льды гор, покрытых снегом; - тут все оттенки прелестной зелени; там романтические берега змеящейся речки, - а здесь кристальное зеркало величественного озера. Проехав в коляске своей множество прекрасных сел и многолюдных городов, оживленных промышленностью и торговлею, путешественник находит возможность покататься на ладье, среди всех прелестей природы, по какому либо прекрасному озеру, окруженному живописными берегами; насладясь этим удовольствием, он может, с посохом в руке, гулять, бродить по альпам (так! – В.С.), без утомления сил своих, потому что восхождение на выси и спуски с них, попеременно представляющиеся ему, приводят в действие все мускулы его членов; освеженный чистым воздухом, - подкрепленный здоровою пищею, подправленную аппетитом, - успокоенный приятным сном, он скоро снова собирается с своими силами; и так, как мы обыкновенно предпринимаем путешествия для освежения зрения, утомленного единообразностию должностных городских занятий, то прогулки в прекрасных этих долинах, представляя нам большое разнообразие, действуют на нас в сем отношении благотворнее нежели продолжительнейшее путешествие по стране ровной и плоской. К тому же в Швейцарии везде хорошие гостиницы или по крайней мере опрятные приюты»⁵⁴².

б) произведения художественной литературы, действие в которых происходит в Швейцарии

Наиболее яркий пример – роман Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Многие путешественники считали своим долгом посетить связанные с именем Руссо местечко Кларан и Шильонский замок на Женевском озере или же остров св. Петра на Невшательском озере. Другой пример - незадолго до своей поездки в Швейцарию, в 1807 г. Николай Тургенев упоминает в своем дневнике⁵⁴³ о книге Э. де Лантье

⁵⁴² Делакроа, Иван Швейцария, или галерея классических мест сего живописного и романтического края... С. II-III.

⁵⁴³ См., напр., Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 1. За 1806-1811 годы. СПб., 1911. С. 45 и далее.

«Путешественники по Швейцарии»⁵⁴⁴, содержащей историю двух влюбленных, путешествующих по Швейцарии и в письмах рассказывающих о ее красотах, и приводит обширные выдержки из этого сочинения⁵⁴⁵.

7) посвященные Швейцарии публикации в русских журналах

Интерес к Швейцарии прослеживается по публикациям в популярных российских журналах начиная с 1770-х гг.: так, «Санктпетербургский вестник» опубликовал в 1779 г. переведенное с английского языка «Путешествие на гору Юру» с описанием Юрских гор, Монблана и окрестностей Лозанны⁵⁴⁶, а в «Детском чтении для сердца и разума» (которым тогда заведовал молодой Карамзин) в 1789 г. были помещены «Описание путешествия одного ученого к Швейцарским ледяным горам» и повесть «Пустынник»⁵⁴⁷. Имя Телля как борца за независимость упоминал еще в начале 1780-х А.Н. Радищев⁵⁴⁸. Помимо этого, в ряде российских периодических изданий последней трети XVIII в. достаточно часто публиковались небольшие литературные произведения в жанре идиллии, характерные для эпохи сентиментализма. В «Вестнике Европы», издававшемся Н.М. Карамзиным в 1802-1803 гг., регулярно публиковались статьи и переводные сочинения, в которых авторы касались освещения культуры и политики Швейцарии⁵⁴⁹.

Сотрудничая в 1803-1811 гг. в «Вестнике Европы», редактируя его в 1808-1809 гг., В.А. Жуковский также следил за ходом событий в альпийской республике, продолжая традицию основателя «Вестника». Не без влияния Жуковского и зачастую за его авторством в журнале появляются статьи, касающиеся не только политического состояния Швейцарии⁵⁵⁰, но и столь важных для поэта – приверженца идей Песталоцци – вопросов воспитания,

⁵⁴⁴ de Lantier E.-F. Les voyageurs en Suisse. T.1-3. Paris, 1803.

⁵⁴⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Т. 1. С. 425.

⁵⁴⁶ Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. 3. С. 434-439.

⁵⁴⁷ Детское чтение для сердца и разума. 1788. Ч. XV. С. 27-94; 1789. Ч. 17. № 10. С. 145- 162.

⁵⁴⁸ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л. 1938. Т. 1. С. 1.

⁵⁴⁹ См., напр., Немировский И.В. Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 271-280.

истории и морали. Все чаще он обращается к деятельности Песталоцци и Фелленберга⁵⁵¹, а в 1810-1811 гг. публикует перевод переписки швейцарского историка Иоганна Мюллера с Бонштеттеном⁵⁵² (Жуковского особенно интересовали педагогические идеи Бонштеттена, а с ним самим поэту доведется увидеться в Женеве в 1821 г.); в «швейцарских» статьях звучат имена Галлера и Клопштока⁵⁵³, а в 1808 г. Жуковский публикует перевод жизнеописания Лафатера⁵⁵⁴.

С развитием «русских путешествий» все более широкий круг периодических изданий (среди которых были «Москвитянин», «Сын Отечества», «Северные цветы», «Отечественные записки», «Московский наблюдатель» и др.) начинает публикацию заметок о путешествии самих россиян. Одной из наиболее значимых публикаций стало издание отрывков из писем В.А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне в популярнейшем в свое время альманахе «Полярная звезда» за 1825 г.⁵⁵⁵

8) Швейцария «глазами мадам Курдюковой»

Бесспорным свидетельством утверждения «швейцарской тематики» в русской культуре стал выход в свет поэмы в стихах И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»⁵⁵⁶, поскольку в этом сочинении излюбленные швейцарские «достопримечательные места» представляли в юмористическом ключе. Поэма Мятлева стала для россиян своего рода «юмористическим путеводителем» по Швейцарии (и, в целом, по Европе).

Помимо перечисленных в списке источников информации о Швейцарии отметим также *объекты изобразительного искусства* – картины,

⁵⁵⁰ См.: Вестник Европы. 1805, № 14, с. 159-167; № 24, с. 294; 1809, № 15, с. 226-233.

⁵⁵¹ См.: Вестник Европы. 1806, № 11, с. 183-204; 1808, № 23, с. 185-197; 1810, № 3, с. 290-309.

⁵⁵² См.: Вестник Европы. 1810, № 16, с. 263-285; 1811, № 6, с. 83-100.

⁵⁵³ Вестник Европы. 1808, № 17, с. 36; 1810, № 16, с. 263-285.

⁵⁵⁴ Вестник Европы. 1808, № 5, с. 23-33.

⁵⁵⁵ См.: Полярная звезда на 1825 г. Репринтное издание. М.; Л., 1960. С. 557-567.

⁵⁵⁶ Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб., 1907. См., напр., Herrmann Palmieri I. A la découverte des sensations et réflexions de Madame Kurdjukova Dan Zeneve. Extraits d'un récit de voyage macaronique // Revue du Vieux Genève. 1994, pp. 57-65.

эстампы, этюды, которые россияне привозили с собой из путешествия, а также многочисленные иллюстрации к перечисленным выше путеводителям и описаниям путешествий. Визуальная информация в значительной мере способствовала «узнаваемости» отдельных достопримечательностей Швейцарии. Иногда «швейцарские виды» привозили с собой в Россию сами швейцарцы.

Немаловажным фактором, определявшим решение совершить путешествие в Швейцарию, становилось общение с находившимися в России жителями «альпийской республики» – как правило, это были преподаватели, гувернеры или родственники некоторых россиян. Так, Свербеев решил посетить Швейцарию под влиянием своего учителя французского языка. Это был некий месье Бевен (Bevenne), уроженец Невшателя, который «первый внушил» Свербееву «желание побывать и пожить в Швейцарии»⁵⁵⁷. Воспитателем братьев Тургеневых был Георг Кристоф Тоблер (1757-1812) из знаменитого цюрихского семейства Тоблеров⁵⁵⁸ (с представителями которого общался еще Карамзин в ходе своего путешествия). Говоря о посещении Цюриха в 1834 г., Александр Тургенев отмечал, что Тургеневы всегда вспоминают о Цюрихе «с благодарностию», как об «отчизне Тоблеров», Лафатера и Геснера⁵⁵⁹. Что касается Греча, то он еще до своей поездки имел уже подробное представление об «альпийской республике» со слов своего тестя, «жениевского гражданина, ревностного патриота, родственника и читателя Руссо». Швейцарец «столько наговорил» Гречу о своей родине, и особенно о франкоязычной Suisse romande – «о Лемане, о Женеве, о Лозанне, о Морже», что тот «составил себе достаточно ясное представление» об этих местах. К тому же, Греч «при рассказах его глядел на Швейцарские ландшафты», развешанные по стенам комнаты женева⁵⁶⁰. Тем не менее, никакие рассказы не могли полностью передать все прелести путешествия по «альпийской республике»: так, например, С.И. Михалков в 1810 г. вспоминал

⁵⁵⁷ Свербеев Д.Н. Записки (1799-1826). Т. 1. С. 306.

⁵⁵⁸ См., напр.: Ganz W. Die Tobler aus Zürich, 1626-1926. Zürich, 1928.

⁵⁵⁹ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 31.

слова А.И. Михайловского-Данилевского, которые тот произнес, видимо, после своего швейцарского путешествия, - что, «не видав Швейцарии, нельзя иметь о ней подробное понятие по всем красивым описаниям»⁵⁶¹. Интересно при этом, что Михайловский-Данилевский, Михалков и Николай Тургенев, три товарища-однокашника, обучавшихся в Гёттингенском университете, обсуждали в своем кругу природные красоты Швейцарии⁵⁶² и по очереди совершили в 1809-1811 гг. путешествия в Швейцарию, начинавшиеся из Гёттингена.

В целом же влияние прочитанного «подготовительного материала» на реальное путешествие выражалось, *во-первых*, в том, что путешествие становилось в каком-то смысле визитом литературным – путешественники могли сравнить свои априорные представления о Швейцарии со своими личными впечатлениями. *Во-вторых*, у многих русских путешественников формировались представления о существовании неких «правил путешествия» и стандартных маршрутов (что, однако, не значит, что россияне обязательно им следовали). К примеру, описывая Рейнский водопад, Греч замечает, что его он осматривал «по всем правилам путешествия»⁵⁶³. Свербеев указывает, что избранный им маршрут путешествия соответствовал «заведенному для всех» тогдашнему порядку⁵⁶⁴. А Печерин, описывая прогулку в Альпы близ Цюриха в 1833 г., сатирически замечает, что его спутник – будущий профессор П.Г. Редкин – «беспрестанно заглядывал в «Guide des voyageurs» для того, чтобы восхищаться, где следует, горными красотами»⁵⁶⁵.

III. Будни путешественников

⁵⁶⁰ Греч Н.И. Путевые письма... С. 194.

⁵⁶¹ Письмо С.И. Михалкова Н.И. Тургеневу. Женева, 27 июля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 410.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Греч Н.И. Путевые письма... С. 182.

⁵⁶⁴ Свербеев Д.Н. Записки (1799-1826). Т. 1. С. 398.

Как правило, поездка в Швейцарию становилась частью путешествия россиян по Европе. Русские путешественники вступали на швейцарскую землю со стороны Франции (из Лиона, Дижона или Страсбурга), Германии (пересекая Рейн как северную границу Швейцарии между Базелем и Констанцским (Боденским) озером) или Италии (в подавляющем большинстве случаев через Симплонский перевал, тогда как путь из Швейцарии в Италию мог также пролегать через перевалы Сен-Готард и Большой Сен-Бернар). Основным способом передвижения в путешествии по Швейцарии была повозка – открытая («таратайка», по выражению Милютина), или закрытая (карета, дилижанс). Некоторые россияне (в числе которых были Карамзин и Греч) сетовали на отсутствие регулярного почтового сообщения в Швейцарии, которая, казалось бы, являлась «землей путешествий по превосходству»⁵⁶⁶. Из-за отсутствия почт им приходилось нанимать извозчиков, которые требовали большой платы за свои услуги. По озерам Швейцарии путешественники передвигались на лодках, а после введения в строй первого швейцарского парохода «Вильгельм Телль» в 1823 г., и на пароходах – преимущественно по Женевскому, Тунскому и Бриенцскому озерам. Наконец, многие россияне совершали пешие экскурсии или многодневные походы по швейцарским Альпам, зачастую нанимая проводника из местных жителей – т.н. чичероне (от итал. *cicerone*).

Путешественники останавливались по большей части в трактирах, реже в гостиницах или пансионах; иногда перечни хороших трактиров приводились в путеводителях по Швейцарии. Особой известностью среди россиян пользовались трактир «Меча» (нем. «Zum Schwert») в Цюрихе, трактир «Фрейенгоф» и гостиница «Бельвю» в Туне (нем. «Freienhof», фр. «Hôtel Bellevue»), трактиры «Золотого льва» и «Короны» в Лозанне (фр. «Lion d'Or», «A la Couronne»), гостиница «Три короны» в Веве (фр. «Hôtel des trois couronnes»), гостиница «Отель де Берг» в Женеве (фр. «Hôtel des

⁵⁶⁵ Печерин В.С. Замогильные записки (Apoloigia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 301.

⁵⁶⁶ Греч Н.И. Путевые письма... С. 183.

Bergues») и проч. Как правило, в пансионах россияне останавливались, если планировали провести достаточно длительное время в одном городе, как, например, Карамзин в Женеве, Свербеев в Лозанне, Жуковский и Гоголь в Веве, Волков в Монтрё. А Константину Аксакову довелось пожить некоторое время в доме у простых швейцарцев на берегу Люцернского озера.

Многие россияне отмечают дороговизну в Швейцарии. Мещерский сокрушался, что в наиболее популярных местах путешественников «заставляют... дорого платить за гостеприимство»⁵⁶⁷. Зилов замечал, что «жадность трактирщиков... совсем не гармонирует с прелестями Швейцарской природы»⁵⁶⁸. Однако у русских путешественников был и противоположный опыт общения с жителями Швейцарии – так, Карамзина неоднократно радушно принимали альпийские пастухи, не взяв платы за угощение. О нестяжании беднейших из швейцарцев повествует Ковалевский, с которого деревенская старушка стыдилась взять денег за виноград или которому бесплатно вручили яблок «ради Св. Маврикия» в городке Сен-Морис в долине Роны⁵⁶⁹.

Как неотъемлемую часть самых посещаемых мест в Швейцарии россияне отмечают большое число отдыхающих там англичан⁵⁷⁰. Напомним, что именно англичане первыми в Европе стали совершать путешествия по Швейцарии в XVIII в. Неудивительно поэтому, например, что Печерину помог составить план путешествия некий англичанин, с которым он случайно познакомился за обедом в Шафгаузене⁵⁷¹.

Немаловажную роль в швейцарском путешествии россиян играли встречи со знаменитыми уроженцами альпийской республики - философами,

⁵⁶⁷ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 308.

⁵⁶⁸ Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. Москва, 1845. С. 165.

⁵⁶⁹ Ковалевский П.М. Этюды путешественника. Италия, Швейцария, путешественники и путешествие. СПб., 1864. С. 250-251.

⁵⁷⁰ Об этом пишут Погодин, Милютин, Мещерский, Волков, Ковалевский... (Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): Дорожный дневник. Т. 4. М., 1844. С. 129; Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816-1843. М., 1997. С. 401; Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 310; Волков М.С. Отрывки из заграничных писем (1844-1848). СПб., 1857; Ковалевский П.М. Этюды путешественника... С. 253).

⁵⁷¹ Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера // Московский наблюдатель, 1835, декабрь, книга 1 (или по новой нумерации ч.5, №19). С.331.

писателями, богословами, естествоиспытателями, политиками и педагогами. Общение русских путешественников с выдающимися швейцарцами – Карамзина с И.К. Лафатером, И.Я. Брейтингером, С.Я. Виттенбахом и Ш. Бонне, Н. Тургенева с И. Г. Песталоцци и Ф.С. де Лагарпом, Жуковского с Лагарпом и К.В. фон Бонштеттенем⁵⁷², А. Тургенева с Г. Цшокке, Бонштеттенем и Лагарпом – давало многим из россиян творческие импульсы и обогащало их представления о швейцарской культуре.

Еще одной целью посещения Швейцарии, помимо собственно путешествия по стране или обучения в Женеве или Лозанне, было лечение виноградом в Веве и молочной сывороткой в Интерлакене. Гоголь в 1836 г. так описывал матери лечение виноградом: «Теперь я еду в Веве, маленький городок недалеко от Лозанны. В этом городе съезжаются путешественники, и особенно Русские, с тем чтобы пользоваться виноградным лечением. Этот образ лечения для вас, верно, покажется странным. Больные едят виноград, и ничего больше, кроме винограду. В день съедают по несколько фунтов, наблюдают диету, и после этого виноград, говорят, так делается противен, что смотреть не захочется»⁵⁷³. Виноградом в Веве лечился также Жуковский в 1832-1833 гг. Об Интерлакене же писал Ковалевский: «здесь русские пьют сыворотку и набирают гувернеров», - отмечая среди путешественников из других стран немцев, голландцев, итальянцев, англичан и даже значительное число американцев⁵⁷⁴.

Среди вещей, которые россияне приобретали в Швейцарии для путешествия по горам – географические карты, «альпийские палки» («альпенштоки») ⁵⁷⁵ и башмаки «с двойною подошвою и огромными железными гвоздями»⁵⁷⁶, в которых можно было удержаться на снегу и на льду. В качестве сувениров были популярны виды швейцарских гор и

⁵⁷² Подробнее об идейно-политическом контексте общения Жуковского и швейцарских мыслителей см. Андреев А.Ю. Швейцарский ландшафт русской культуры // Родина. 2014. № 1. С. 48-52.

⁵⁷³ Письмо Н.В. Гоголя М.И. Гоголь-Яновской. Лозанна, 21 сентября 1836 г. // Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Т. 5. СПб., 1857. С. 274.

⁵⁷⁴ Ковалевский П.М. Этюды путешественника... С. 272.

⁵⁷⁵ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 150.

городов. Оказавшиеся в Женеве путешественники, как правило, интересовались местным часовым производством.

IV. Маршруты и достопримечательности

Как указывалось выше, отличительной особенностью путешествий россиян по Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в., по сравнению со второй половиной XVIII в., является значительно большее разнообразие маршрутов. Свою поездку русские путешественники строили, опираясь на советы авторов путеводителей, а также на опыт своих соотечественников, прежде всего Карамзина. С началом XIX в. базовый маршрут «кругового путешествия», реализованный Карамзиным, расширился и дополнился посещением исторического центра Швейцарии – кантонов Ури, Швица и Унтервальдена, часто с выходом через перевал Сен-Готард в кантон Тессин. Также среди пунктов путешествия появляется город Люцерн. Разумеется, не существовало двух одинаковых маршрутов, каждое путешествие было по-своему своеобразно. Во многом «направление» круговых маршрутов зависело от того, с какой стороны путешественник приезжал в Швейцарию – из Германии, Франции или Италии.

Что касается посещаемости отдельных регионов Швейцарии россиянами, то для периода конца XVIII – первой половины XIX в. в целом *наиболее популярными регионами* были кантоны Во, Берн, Женева и Шафгаузен. Далее по посещаемости следуют «старые кантоны» центральной Швейцарии – Ури, Швиц, Унтервальден – и Люцернский кантоны, взятые все вместе. За ними следуют кантоны Цюрих, Вале, Базель и Фрибур. Отдельных единичных посещений россиянами удостоились кантоны Аппенцелль, Санкт-Галлен, Цуг и Золотурн. В первой половине XIX в. россияне не бывали лишь в самом восточном швейцарском кантоне – Граубюндене, что во многом

⁵⁷⁶ Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера // Московский наблюдатель, 1835, декабрь, книга 1 (или по новой нумерации ч.5, №19). С. 342.

определялось его удаленностью и труднодоступностью за счет абсолютного преобладания гористых местностей. Отметим, что кантоны Во, Берн, Женева и Шафгаузен оставались наиболее посещаемыми на протяжении всего рассматриваемого периода за счет высокого развития там городской культуры и, одновременно, присутствия удивительной природы (горы Бернского Оберланда, виды Женевского озера, Рейнский водопад близ Шафгаузена).

С 1830-х гг. резко возросло количество посещений россиянами кантона Вале и, соответственно, долины реки Роны, поскольку многие именно через долину Роны и Симплонский перевал отправлялись затем в Италию. Посещение долины Роны могло также быть связано с экскурсией путешественников на перевал Большой Сен-Бернар или к Монблану. Как правило, в расположенную в Савойских Альпах долину Шамони, у подножия Монблана, россияне отправлялись из Женевы, вверх по течению реки Арв (вытекавшей из долины Шамони и впадавшей в Рону на окраине Женевы), а далее путь шел через горные перевалы к валлисскому городку Мартиньи. Помимо своей функции «транзитной зоны» долина Роны привлекала путешественников множеством приятных городков и природных достопримечательностей.

В качестве отдельных примеров можно привести маршруты А.М. Зилова и А.П. Мещерского (подробные маршруты всех путешественников приведены в Приложении). Зилов приехал в 1837 г. в Швейцарию со стороны Франции, первым городом на его пути была Женева, откуда он совершил поездку к Монблану, перешел в долину Роны, по которой вернулся к Женевскому озеру, где осмотрел несколько городков и отправился на север, в кантон Фрибур, затем в Бернский кантон и в горы Бернского Оберланда, а затем через Люцерн в Цюрих и Шафгаузен.

Маршрут Мещерского – один из наиболее насыщенных маршрутов за всю эпоху «русских путешествий» в Швейцарию до середины XIX в. В 1843 г. он прибыл в Швейцарию со стороны Германии. Первое, что он

поразило его в Швейцарии, был Рейнский водопад близ Шафгаузена. Затем путешественник проплыл по Констанцскому озеру и поехал на юг, в кантоны Санкт-Галлен и Аппенцелль, затем через Цюрих в центральные кантоны Швейцарии, проехав которые, он поднялся на перевал Сен-Готард, вернулся тем же путем через «старые кантоны» в Люцерн. Потом Мещерский отправился в Берн и спустился на юг через Фрибур в Женеву, осмотрел городки на Женевском озере и съездил к Монблану. Как и Зилов, он вышел к Мартины в долине Роны, а затем поднялся от Мартины на перевал Сен-Бернар. Спустившись с Сен-Бернара вновь в долину Роны, он продолжил путешествие по ней, проехал Сион и Сьер и близ деревушки Лейкербад поднялся на перевал Гемми, спустился уже в Бернский кантон и по долине Кандер вышел к Тунскому озеру в Бернский Оберланд, посетил Лаутербруннен и Гриндельвальд, через ущелье реки Аары поднялся на перевал Гримзель и вернулся по Бриенцскому и Тунскому озерам через Тун в Берн.

Ниже будет дана краткая характеристика основных пунктов в маршрутах русских путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. – крупных городов, небольших населенных пунктов, а также исторических и природных достопримечательностей Швейцарии в восприятии русских путешественников.

Основные пункты швейцарских маршрутов россиян⁵⁷⁷

Женевское озеро

Женевское озеро (французское название – Леман) с середины XVIII в. стало одним из излюбленных мест посещения россиянами в Швейцарии. Мягкий климат, цепь снежных Альп вокруг, множество небольших городков

⁵⁷⁷ Ср. более подробный перечень остановок русских путешественников в таблице их маршрутов в Приложении.

на берегах, зелень виноградников вдоль всей лазурной глади Лемана – все это делало регион настоящим магнитом для путешественников. Живописными окрестностями и кристальными водами Женевского озера восхищается в своих заметках Мещерский: «Под вечер тихого дня, эта чистая, особенно прозрачная вода лежит зеркалом; по ней скользят сотни лодок, оставляя за собой едва приметные серебристые следы и скрываются у берегов, в тенистом водяном рисунке - прелестном отражении окрестных картин!»⁵⁷⁸

К Женевскому озеру прилегали (по новому, установившемуся с 1815 г. политическому делению) швейцарские кантоны Женева и Во, а с другой стороны озера (на территории сегодняшней Франции) расположена историческая область Савойя, принадлежавшая Сардинскому королевству (до 1792 г., и в 1815–1859 гг.; а в 1792–1814 гг. и с 1860 г. Савойя входила в состав Франции). Особенно по сравнению с савойскими землями швейцарская сторона казалась россиянам благополучной и процветающей. Контраст этот был разителен, и Карамзин подчеркивал, что если на Савойской стороне он видел лишь «дичь, пустоту, бедность», то на противоположной стороне Лемана - «плодоносные сады, изобилие и богатство»⁵⁷⁹. Греч писал, что «во всем Ваадтском кантоне жители кажутся довольными нынешним своим правлением», поскольку жители не обременены большими налогами, а «промышленности и торговле дана совершенная свобода»⁵⁸⁰.

Женева уже в XVIII в. была известна в среде российского дворянства как город учености и «зимний Париж», славилась строгими нравами и образованностью своих жителей. Продолжая традицию XVIII в., множество россиян приезжало сюда с образовательными целями и в XIX в. В первой половине XIX в. студенты из России или брали частные уроки, или в большинстве случаев зачислялись в качестве слушателей в Женевскую

⁵⁷⁸ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 326-327.

⁵⁷⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 291.

⁵⁸⁰ Греч Н.И. Путевые письма ... С. 197.

Академию. Другой целью пребывания в Женеве было знакомство с окрестностями Лемана, а также путешествия к Монблану. Как и в наши дни, уже в первой половине XIX в. Женева отличалась своей многонациональностью, в ней смешаны «мысли, привычки, образ жизни всех европейских народов», и в этой пестрой смеси каждый путешественник «с восхищеньем находит свое отечественное»⁵⁸¹. Россияне упоминали в своих заметках прогулки вдоль озера по женевской набережной («La Rade»), по возвышающейся над городом променаде «Трей» («La Treille»), посещение кафедрального собора Св. Петра, в котором два десятилетия служил Жан Кальвин, и экскурсии на «островок Руссо» с памятником философу⁵⁸², расположенный на реке Роне, в месте, где она вытекает из Женевского озера.

Усадьбу Вольтера в Фернее посетило множество русских путешественников – как при жизни философа (см. первую главу), так и после его кончины. Россияне описывают убранство комнат в доме властителя дум, портреты царственных особ на стенах его кабинета, а также упоминают разобранный огромным количеством посетителей на кусочки балдахин его кровати. Путешественникам особенно нравились каштановые аллеи, где прогуливался философ, и прекрасный вид на Альпы, открывающийся из окон замка Вольтера: «Сад прекрасен; тени много; на одной стороне его сделана из подстриженных деревьев стена с арками. Сквозь эти арки виден вдали Монблан, сияющие горы Савойские, деревни и мызы»,⁵⁸³ - писал домой Гоголь.

Лозанна, столица кантона Во, была для русских путешественников городом совершенно необычным благодаря особенностям своего расположения на холмах на берегу Лемана. Картину Лозанны рисует в своих дневниках Николай Тургенев: «По городу ходить скучно. Надобно беспрестанно спускаться или подниматься по лестницам или по мостовой. Впрочем эти неровности придают много прелести городу, когда смотришь на

⁵⁸¹ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 332.

⁵⁸² Памятник Руссо был установлен на островке в середине 1830-х гг.

него издали. Все строения составляют как будто кучу, на верху которой возвышается собор»⁵⁸⁴. Впечатления Тургенева созвучны описанию Николая Карамзина: «... исходил я весь город и могу сказать, что он очень нехорош; лежит отчасти в яме, отчасти на косогоре, и куда ни поди, везде надобно спускаться с горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены»⁵⁸⁵. Однако всему этому Карамзин находит извинение: для него главное, что «на всяком возвышенном месте открываются живописные виды». Это примиряет Карамзина с неудобствами холмистого рельефа столицы Во.

Лозаннский кафедральный собор Нотр-Дам Горихвостов характеризует как одно из великолепнейших зданий во всем городе. С террасы собора, находящегося на возвышенности, взгляду представляется, пишет Горихвостов, «положение сей страны во всем изяществе»: «кристаллообразные воды» Лемана и «дикие Савойские горы»⁵⁸⁶. Говоря о лозаннском соборе, Карамзин восклицал: «Друзья мои! Когда судьба велит вам быть в Лозанне, то взойдите на террасу кафедральной церкви и вспомните, что несколько часов моей жизни протекло тут в удовольствии и тихой радости!».

Расположенные вдоль берега Лемана между Женевой и Лозанной небольшие городки и деревушки – Коппе, Нион, Глан, Ролль, Сен-Прё, Морж – сочетают в себе природные красоты с богатой историей. Русские путешественники или проезжали через эти местечки во время экскурсии вокруг Женевского озера, или осматривали их с воды, если плыли на озере на пароходе. В замке французского министра финансов времен Людовика XVI Жака Неккера, перешедшего затем его дочери, знаменитой мадам де Сталь, часто бывал Федор Головкин; сюда ездили «на поклонение» уже после

⁵⁸³ Письмо Н.В. Гоголя М.И. Гоголь-Яновской. Женева, 6 октября/24 сентября 1836 г. // Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Т. 5. СПб., 1857. С. 276-277.

⁵⁸⁴ Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 1. За 1806-1811 годы. СПб., 1911. С. 104.

⁵⁸⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 284.

⁵⁸⁶ Горихвостов Д.П. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 год. Кн. 3. М., 1808. С.142.

смерти мадам де Сталь Греч и Жуковский. Роль же был памятен россиянам как родина Фредерика-Сезара де Лагарпа, с которым довелось общаться в Швейцарии Свербееву, Александру и Николаю Тургеневым и Жуковскому.

Восточнее по берегу озера от Лозанны лежит небольшой городок Веве, а весь уступчатый крутой берег (т.н. область Лаво) на пути между Лозанной и Веве покрыт виноградниками. Карамзин отмечал, что положение городка - «на берегу прекраснейшего в свете озера, против диких савойских утесов и подле гор плодоносных – очень приятно». По его мнению, Веве «несравненно лучше Лозанны; улицы ровны; есть хорошие дома и прекрасная площадь». В Веве, как и в Лозанне, Карамзин советует путешественникам взойти на террасу церкви, чтобы, сидя «под мрачную тению столетних деревьев, проводить глазами заходящее солнце, наслаждаться тишиною вечернею и видеть сгущение ночных теней на романической картине вевейских окрестностей»⁵⁸⁷. Восточнее Веве, вдоль берега озера, также тянутся виноградники, уходя в долину Роны. Далее по берегу Лемана близ Веве располагалась небольшая деревушка Кларан и старинный замок Шильон⁵⁸⁸, ставшие местом действия романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Множество его почитателей съезжалось в эти края, чтобы посетить не только предполагаемый дом главной героини романа Юлии в Кларане, но и место, принесшее ей гибель – пристань близ Шильона, где она упала в ледяную воду, спасая своего сына. Первым эти места упоминает Карамзин, который пешком (!) прошел весь путь по берегу от Лозанны до Шильона с томиком «Новой Элоизы» в руках. Вслед за Карамзиным сюда устремляются многие русские путешественники, среди которых особо следует отметить Жуковского, перенесшего на русскую почву легенду о знаменитом Франсуа Бониваре⁵⁸⁹ - «шильонском узнике». В 1821 г., сразу после посещения

⁵⁸⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 289.

⁵⁸⁸ Подробнее о «шильонских раздумьях» русских путешественников см. Смекалина В.В. (сост., коммент.) Шильонский замок: литературный путеводитель, Вейто / Монтрё: Фонд Шильонского замка, 2013.

⁵⁸⁹ Франсуа Бонивар (François Bonivard (Bonnivard) (фр.), 1493 - 1570) – женеvский патриот, историк, священник, история жизни которого послужила основой для поэмы Байрона «Шильонский узник» (1816).

Шильонского замка, Жуковский приступает к поэтическому переводу⁵⁹⁰ поэмы Дж. Г. Байрона «Шильонский узник». После выхода в свет перевода Жуковского шильонское подземелье, в котором томился Бонивар, осмотрели Печерин, Гоголь, Шевырев, Зилов, Розен, Погодин, Боголюбов и Вяземский. Свое посещение замка они увековечивали несколькими строками в записной книжке или даже иногда вырезали свое имя на одной из колонн в темнице Шильона.

Бернский кантон

Берн был одним из главных магнитов для русских путешественников не только благодаря своей славе одной из культурных столиц Швейцарии, но также и поскольку через него, как правило, пролегал путь россиян в Бернские Альпы – в регион «Бернского Оберланда». Оказавшиеся в Берне путешественники отмечали архитектурные особенности города – единство стиля и даже материала значительной части построек, многочисленные каналы и ручейки, текущие посередине улиц; наибольшее внимание россиян всегда привлекали бернские аркады у каждого дома, так что даже в дождь можно было беспрепятственно совершать прогулки. Из достопримечательностей Берна путешественники посещали, как правило, публичную библиотеку, городской музей, сиротский дом и иногда городскую тюрьму, осматривали знаменитый рельеф швейцарских гор генерала Пфиффера и содержащихся в специальных каменных рвах медведей как символ города, а также поднимались на возвышающуюся над рекой Аарой террасу кафедрального собора Берна, с которой многие любовались игрой закатных лучей на снегах Бернских Альп.

Расположенное чуть севернее Берна местечко Гофвиль было знаменито агрономическими и учебными заведениями соратника (и, одновременно,

⁵⁹⁰ Жуковский В.А. Шильонский узник. Повесть // Жуковский В.А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. Баллады, поэмы и повести. С.269-281.

соперника) Песталоцци - Филиппа Эмануэля фон Фелленберга, в которых в свое время обучались российские дворяне⁵⁹¹. Интересно, что посещение воспитательных учреждений Фелленберга значилось даже в маршруте, разработанном Ф.С. де Лагарпом для императора Александра I. Возвращаясь в 1815 г. из Парижа в Россию, Александр I собирался посетить родину своего наставника. В своем плане путешествия Лагарп описал все «достопримечательнейшие предметы, заслуживающие внимания Государя» и «упомянул о картинных ландшафтах, озерах и видах, открывающихся с высоких Альп»⁵⁹². Лагарп предполагал, что его воспитанник совершит «классическое» путешествие по Швейцарии. Про поездку к Фелленбергу же швейцарец писал, что это «un pèlerinage à faire»⁵⁹³, то есть «паломничество, которое следует совершить». К сожалению, замыслам Лагарпа не суждено было сбыться - Александр избрал более короткий и более северный маршрут и пробыл в Швейцарии всего четыре дня – с 26 по 29 сентября 1815 г.⁵⁹⁴

Русские путешественники отмечали благоустроенность и красоту сельской части бернских владений: «Окрестности Берна чрезвычайно живописны: неровность почвы ежеминутно представляет разнообразие прелестных видов; весь край возделан и содержится, как сад. По гладкой дороге, по холмам и аллеям, среди какой-то милой, оригинальной группировки деревьев, по краю, вообще богатому лесом, или – лучше сказать – рощами, приближались мы к городу в тихое, теплое и ясное утро, которое пышным восходом солнца довершало очарование этой овощницы Швейцарских Гесперид», - с восторгом описывает свои впечатления Розен. Как правило, из Берна путь россиян лежал в Тун, который считался «ключом» к горам Бернского Оберланда. Из Туна, главной

⁵⁹¹ Например, внук А.В. Суворова – Александр Аркадьевич Суворов, князь Италийский (1804-1882), который учился здесь в течение пяти лет (приблизительно в 1817-1822 гг.) – Русский биографический словарь. Т. 20. СПб., 1912. С. 2. Д.Н. Свербеев отмечал, что важную часть образовательной «программы» русских воспитанников в училище Фелленберга составляло посещение русской церкви в Берне (Свербеев Д.Н. Записки. Т. 2. С. 225).

⁵⁹² Составленный Лагарпом план сохранился потом у адъютанта Александра I А.И. Михайловского-Данилевского, см.: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. С. 309.

⁵⁹³ Там же.

достопримечательностью которого был средневековый замок, путешественники на лодке (а позже на пароходе) пересекали Тунское озеро и оказывались на зажатом между горами перешейке между двумя озерами – Тунским и Бриенцским – в местечке Интерлакен (Унтерзеен). Интерлакен всегда был полон иностранцами, особенно англичанами. Оттуда удобно было выезжать на экскурсии в горные долины Лаутербруннена, Гриндельвальда и Гасли, в которых взору путешественников представлялись альпийские вершины Юнгфрау, Мёнх, Айгер, Веттергорн, Шрекгорн и другие, а также водопады Штауббах, Трюммельбах и Рейхенбах. Поездка в Оберланд всегда производила неизгладимое впечатление на россиян, их поражали величие, дикость и красота швейцарских Альп. «Эти огромные массы гранита, вечные снега и гигантские высоты, так грациозны, что одну из высочайших гор – громаду камня, льда и снега – называют *девою*»⁵⁹⁵ - писал Волков о Юнгфрау. Вдохновенное описание водопада Штауббах в долине Лаутербруннена оставил Мещерский: «Нельзя без удивления смотреть на эту массу воды, волнуемую ветром: гигант в 900 футов вышины, извивается как змея по гладкой, отвесной стене. Пыль несется во все стороны и самым мелким дождем орошает пространство на несколько сот шагов кругом. К этой картине солнце добавляет много красоты, когда его лучи, проникая сквозь водяные частицы, сообщают им все цвета радуги»⁵⁹⁶.

Западная Швейцария

Вдоль западной границы страны тянутся Юрские горы и находятся озера Невшательское, Бильское и Муртенское озера. Близ этих озер располагаются города Невшатель, Ивердон, Пайерн, Аванш, Муртен (Морá). Как правило, эти города россияне посещали по пути между Берном и

⁵⁹⁴ Подробнее о швейцарских путешествиях Александра I см.: Андреев А.Ю. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35-40.

⁵⁹⁵ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем. С. 315-316. Курсив Волкова. В переводе с немецкого название горы Юнгфрау значит «дева».

⁵⁹⁶ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии... С. 311.

Лозанной или Женевой. Ивердон был знаменит своим старинным замком, в одной из башен которого разместился Воспитательный институт Иоганна Генриха Песталоцци (1746-1827), выдающегося педагога и гуманиста. На небольшом остров Св. Петра на Бильском озере⁵⁹⁷, где нашел уединение и покой Руссо, приезжали некоторые из русских путешественников (например, Карамзин и Горихвостов).

Городок Муртен, близ которого в 1476 г. состоялась одна из легендарных битв швейцарской истории, привлекал большое количество россиян. Собранные победителями-швейцарцами в т.н. оссуарий (нем. «Weinhaus») кости поверженных бургундцев служили печальным напоминанием о жестокостях войны и человеческом немилосердии. После разрушения оссуария в 1798 г. на его месте в 1822 г. был установлен обелиск, посмотреть на который и коснуться «священной почвы победы»⁵⁹⁸ приезжали многие россияне.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин дает поэтическое описание Муртенской битвы. Бургундский герцог Карл, «бич человечества, ужас соседственных народов», «вознамерился в 1476 году покорить жителей Гельвеции и гордость независимых смирить железным скипетром тиранства». Однако «миролюбивые пастухи, оставив хижины и стада свои, вооружились мгновенно секирами и копьями, соединились и при гласе труб, при гласе любви к отечеству, громко раздавшемся в сердцах их, с высоты холмов устремились на многочисленных неприятелей, подобно шумным рекам, с гор падающим» и разбили их. Карамзин превозносит мужественный подвиг «храбрых, непобедимых швейцаров», но не одобряет того, как они поступили с останками побежденных врагов: «Победители собрали кости мертвых врагов и положили их близ дороги, где лежат они и поныне. Я затрепетал, друзья мои, при сем плачевном виде нашей тленности. Швейцары! Неужели можете вы веселиться таким печальным *трофеем*?...

⁵⁹⁷ В наши дни остров Св. Петра относится к кантону Берн.

⁵⁹⁸ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии // Сын Отечества. Спб., 1849, кн. 9, ч. III. С. 22.

Сокройте, сокройте сей памятник варварства! Гордясь именем швейцара, не забывайте благороднейшего своего имени - имени человека!»⁵⁹⁹ - восклицает он.

Недалеко от Муртена находятся остатки крупнейшего на территории Швейцарии римского города I-IV вв. н.э., разрушенного затем варварами-алеманнами, - Авентикума (Аванша). Уже в последней трети XVIII в. на территории Авентикума начались первые археологические раскопки, и путешественники имели возможность видеть остатки древних сооружений: «По прекрасным местоположениям мы очень скоро доехали до Аванша – римского Авентикума – миновав древнюю стену городскую, которая, по значительному пространству, пролегает живописною развалиною, заросшею кустарником. Я мог только взглянуть на одинокую колонну исчезнувшего храма – на этот занимательный след римского владычества»⁶⁰⁰, - пишет Розен.

Кантон Фрибур

Город Фрибур (*нем.* Фрейбург) славился своим висячим мостом – чудом инженерной мысли в первой половине XIX в.⁶⁰¹, соединявшим стороны оврага, на котором был построен город. Путешественники также не оставляли без внимания живописное расположение города и отмечали красоту построенного в готическом стиле кафедрального собора, в котором в середине XVII в. был установлен знаменитый своим необычайно громким звучанием орган. Константин Аксаков проезжал через Фрибур на пути изерна в Женеву: «Дорога прекрасная, преживописная. Фрейбург лежит на берегу оврага, через который протянут чудный висячий мост, который, однако, нисколько не качается, когда по нем едешь. Церковь готической

⁵⁹⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 281-282.

⁶⁰⁰ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии. С. 26.

⁶⁰¹ Фрибурский висячий мост, построенный в 1834 г., соединял старый город с правым берегом реки Заны. Он оставался самым длинным висячим мостом в мире до 1849 г. В 1924 г. на его месте был построен новый арочный «мост Церингеров».

архитектуры и здания училища выдаются из всего города; все это прекрасно»⁶⁰². Зилов же ехал во Фрибур с другой стороны – с юга, со стороны Женевского озера, через гористую область Фрибурского кантона. По пути он побывал в городках Бюль и Грюйер, славившихся на всю Европу «отличными сырами». При этом необычно холодная для Швейцарии погода в мае и деревянные постройки в сельской местности напомнили ему родину: «Знакомые плетни, загороды, сажени дров под навесом, соломенные крыши, даже куриные избы напоминают о родном Севере»⁶⁰³.

Центральная Швейцария

Историческое сердце Швейцарии, ее «старые кантоны» (Urkantonen) Ури, Швиц и Унтервальден, а также соседние с ними кантон Люцерн (и реже Цуг) появляются в маршрутах русских путешественников с начала XIX в. Их объединяет то, что они все лежат вокруг Фирвальдштетского озера (озера Четырех кантонов). Обычно россияне приезжали в Люцерн, где осматривали старинные деревянные крытые мосты с росписями и памятник швейцарским гвардейцам, павшим при штурме дворца Тюильри в 1792 г. датского скульптора Б. Торвальдсена (т.н. люцернский «умирающий лев»). Швейцарский гвардейский полк на службе Людовика XVI – т.е. швейцарские наемники – были удостоены со стороны русских путешественников как восторженных похвал за верность и самоотвержение, так и порицания за практику наемничества вообще.

Из Люцерна россияне могли совершить экскурсию на гору Пилат или же встретить рассвет или полюбоваться закатом на горе Риги. На Риги побывало множество русских путешественников; так, Константин Аксаков отправился на Риги ночью, при свете звезд, на лодке по Фирвальдштетскому озеру в сопровождении швейцарцев, в доме которых он снимал комнату.

⁶⁰² Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова // Богословский вестник. 1917. Т.1. № 4/5. С. 639.

⁶⁰³ Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. С. 153-154.

Аксакова поразил вид вдаль на снежные цепи гор, открывавшийся с вершины Риги: «Наконец, после трудного пути, уставши и раскрасневшись, взобрался я на вершину, и какой чудный вид! Озёра точно были вделаны в зеленые рамы; города, деревни, леса, река Рейс – с одной стороны. Это был чудный, живой рельеф. С другой же – исполинские горы, целая гряда снегов, Юнгфрау виднелась издали»⁶⁰⁴. Волков называет гору Риги «старой знакомой» и в описании путешествия 1846 г. упоминает, что за десять лет до этого, в 1836 г., он целую неделю прожил на вершине Риги⁶⁰⁵. Мещерский встречал на вершине Риги рассвет и передал в своих заметках всеобщее восхищение огненными картинами восхода: «После нескольких минут нетерпеливого ожидания... все вскрикнули от удивления: вершина одной из гор загорелась, как бы объятая пламенем, и огненные струи быстро покатались по снежной поверхности - минута невыразимая! Постепенно стали показываться то голые утесы, то зеленые покатоги, и внизу открылось тринадцать озер, несколько городов и множество деревень. В объеме целого, эта картина ни с какою сравниться не может...»⁶⁰⁶. А Дмитрий Милютин начинал подъем на Риги со стороны деревушки Гольдау, лежащей между Цугским и Лауэрцским озерами и печально известной тем, что в 1806 г. ее полностью уничтожила отколовшаяся часть горы Россберг. Милютин вспоминает, что для восхождения он облекся «в общепринятое одеяние альпийских пешеходов: холщевое платье, соломенную шляпу, толстые с подковами башмаки и взял в руки длинную альпийскую палку». Он поднимался вверх в длинной веренице туристов, и, «наскучив медленным шествием», ушел вперед один и, увлекшись чудесными видами, сбился с дороги и «забрел в какие-то пустынные кручи»⁶⁰⁷. Солнце уже начинало садиться, но, к счастью, Милютин смог по более короткому пути добраться до вершины, обогнав своих спутников. Милютин смог увидеть как закат, так

⁶⁰⁴ Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова // Богословский вестник. 1917. Т.1. № 4/5. С. 634.

⁶⁰⁵ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем. С. 318.

⁶⁰⁶ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. С.175-176.

⁶⁰⁷ Милютин Д.А. Воспоминания, 1816-1843. С. 398.

и восход с Риги. В своих воспоминаниях он описывает эти незабываемые моменты:

«Вид с горы был действительно грандиозен, и на счастье наше, облака, застилавшие уже несколько дней горизонт, вдруг рассеялись; мы видели ясно обширное пространство, окаймленное Юрой, Шварцвальдом и снеговыми горами главного Альпийского хребта. Можно было рассмотреть в бинокль поверхность озер Невшательского и Боденского. Все глаза были прикованы к западу по направлению спускавшегося величественно за видимый горизонт дневного светила. С закатом солнца нас обдало вдруг холодом; со дна долин поднимались клубы тумана. Все туристы спешили укрыться в тесный домик, стоявший близ вершины горы – единственный приют для путешественников. Кое-как переночевав здесь в тесноте, мы все еще до света были уже на ногах, чтобы видеть восхождение солнца. В этот момент видоизменения в освещении гор едва ли не эффектнее, чем при закате. И тут нам посчастливилось видеть эту картину во всей красоте»⁶⁰⁸.

Также из Люцерна, по Фирвальдштетскому озеру, путешественники отправлялись в городки и деревушки кантонов Ури, Швица и Унтервальдена – в Бруннен, Швиц, Альтдорф, Бюрглен, Флюелен, Кюснахт, в которых в древние времена вершилась история Швейцарского союза и близ которых должны были происходить события из легенд о Вильгельме Телле⁶⁰⁹, – а также на луг Рютли, на котором была, по преданию, была принесена клятва представителями трех «старых кантонов».

Зачастую россияне отправлялись из Альтдорфа далее на юг по долине, переходившей затем в узкое ущелье в скалах, вдоль реки Ройс, и поднимались к знаменитому Чертову мосту близ селения Андерматт, а оттуда покоряли перевал Сен-Готард. По пути путешественники видели прекрасные, но страшные картины дикой горной природы, им приходилось идти по узким скальным тропам над шумящим потоком в пропасти. Мещерский вспоминает, что, когда он оказался в ущелье близ Чертова моста, он почувствовал себя зажатым «в каменном мешке»: «Можно утвердительно сказать, что тут представляется одна из ужаснейших картин всего мира!»⁶¹⁰ – восклицает он. Иногда россияне возвращались с Сен-Готарда назад к Фирвальдштетскому озеру и продолжали свое швейцарское путешествие, а

⁶⁰⁸ Там же. С. 399.

⁶⁰⁹ Подробнее впечатления путешественников от посещения мест, связанных с легендой о Телле, см. в III главе.

иногда они спускались с перевала в городок Айроло в кантоне Тесин (*итал.* Тичино) и далее держали путь в Милан.

Кантон Вале

Кантон Вале, состоящий из долины Роны, с двух сторон окруженной хребтами Бернских и Валисских Альп, которые прорезают несколько узких горных долин и проходов, играл, как это указывалось выше, преимущественно роль транзитной зоны во время путешествий россиян в Италию, на Монблан или на Сен-Бернар. Тем не менее, некоторые из русских путешественников осматривали валлиссские городки и даже поднимались на высоты окрестных гор. Милютин, добравшись из «старых кантонов» к Андерматту, отправился в сторону долины Роны (т.н. «Верхнее Вале») и преодолел перевал Фурка, любовался ледником Роны («Rhonegletscher»), из которого река берет свое начало, и затем через перевал Гримзель, по ущелью Аары, спустился в долину Гасли. До него по такому же пути прошел в 1810 г. Михалков. А Герцен в 1849 г. поднялся в Валисских Альпах из селения Церматт на кряж Горнерграт, с которого ему открылись виды на Маттерхорн (*итал.* Монте Червино) и обширную систему ледников горы Монте Роза. Герцен вспоминает, что он остановился «перед ледяным снежным морем», которое, «окаймленное грядами гор, облитых солнцем», «белое до ослепительности, представляло замерзшую арену какого-то гигантского Колизея. Местами изрытое ветрами, волнистое, оно будто застыло в самую минуту движения; изгибы валов замерзли, не успев выправиться. Я сошел с лошади и прилег на глыбу гранита, причаленную снежными волнами к берегу... Немая, неподвижная белизна, без всякого предела... легкий ветер приподнимал небольшую белую пыль, уносил ее, вертел... она падала, и все снова приходило в покой, да раза два лавины, оторвавшись с глухим раскатом, скатывались вдали, цепляясь за утесы, разбиваясь о них и оставляя

⁶¹⁰ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. С. 214.

по себе облако снега... Странно чувствует себя человек в этой раме - гостем, лишним, посторонним - и, с другой стороны, свободнее дышит и, будто под цвет окружающему, становится бел и чист внутри... серьезен и полон какого-то благочестия!»⁶¹¹

Из других примечательных мест, осмотренных россиянами в долине Роны, отметим городки Эгль и Сион со средневековыми замками, Сен-Морис со старинным аббатством – одним из первых оплотов христианства в Альпах, Мартиньи с остатками римского города и большим амфитеатром, соляные рудники в Бе (Вех), а также водопад Писваш, о котором восторженно писал Аксаков: «Передо мной падал, валился водопад, белый совершенно. Точно будто дым каким-то чудом падал вниз. Когда поднимаешь голову, то наверху эта белая масса, кажется, медленно валится, но, взглянув ниже, видишь все то стремление, с которым шумно падает вода на камни, рассыпается в брызги, движется и бежит быстро между камнями, уже светлая, прозрачная. Дальше стремление ее теряет свою быстроту, и она спокойно льется. Я хотел видеть водопад поближе и, перескакивая с камня на камень, подошел довольно близко. Это в самом деле чудесно. Я хотел идти еще далее, оступился, попал в воду... Ничего, иду себе далее, чтобы посмотреть с другого места. Тут пошел дождь, дунул ветер, и я вмиг был вымочен с ног до головы водяною пылью, дождь также помог, и я воротился в коляску мокрый»⁶¹².

Север Швейцарии

Цюрих, один из крупнейших городов Швейцарии, был известен как «швейцарские Афины» и прославился образованностью своих жителей: так, Мещерский утверждал, что во всей Европе не найдется другого города, в котором «чтение серьезных книг» было бы «настолько общим занятием». В

⁶¹¹ Герцен А.И. Былое и думы. Ч.5 // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. М., 1956. С. 114-115.

⁶¹² Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова // Богословский вестник. 1917. Т.1. № 4/5. С. 645.

Цюрихе жил философ и проповедник И.К. Лафатер, творил поэт С. Геснер, здесь вели дискуссии о литературе и языке И.Я. Бодмер, И.Я. Брейтингер и Ф.Г. Клопшток; в Цюрихе проповедовал У. Цвингли. Город лежит на берегу Цюрихского озера, из которого вытекает река Лиммат. Карамзин посетил в Цюрихе арсенал, где хранилась стрела, которой якобы Вильгельм Телль сбил яблоко с головы своего сына и которой он затем убил австрийского наместника Геслера. Последовавшие за ним русские путешественники почитали за правило посещать установленный в 1793 г. памятник творцу идиллий С. Геснеру (считавшийся одним из первых «патриотических» монументов в Швейцарии). Об этом «паломничестве» упоминают Зилов и Печерин, Греч, Михайловский-Данилевский (сопровождавший Александра I) и Александр Тургенев.

Базель очень часто становился самым первым швейцарским городом на пути россиян. В Базеле для путешественников были особенно примечательны кафедральный собор и картины, фрески и рисунки Ганса Гольбейна (Младшего) (в том числе «Мертвый Христос во гробу» и «Пляска смерти») в публичной библиотеке; также знаменита была серия фресок XV в. «Пляска смерти», нарисованных на внутренней стороне кладбищенских стен церкви Предигеркирхе.

В Шафгаузен россияне приезжали, как правило, с единственной целью – увидеть своими глазами величественный Рейнский водопад. Рейнский водопад считается одним из самых больших в Европе, его ширина достигает 150 м., а высота падения воды равна 23 м. Водопад можно было осматривать с берега, из специальной крытой галереи, расположенной близ водопада, или же подплыв к нему на лодке. Подавляющее число русских путешественников посетили Рейнский водопад; интересно, что у некоторых из них первые впечатления оказывались не всегда благоприятными, что было связано с неудачным выбором точки наблюдения. Волков писал, что водопад «кипит», но «вода его кажется неподвижною, подобно стеклу, или как бы

оледеневшею»⁶¹³. Мещерский оставил вдохновенное описание своего свидания с кипящими водами Рейна: «Истинно величественное не может восхищать; оно поражает, изумляет! Не могу дать отчета в том, что я видел, слышал, думал, отгадывал - это невыразимо! Я стоял на мокрых досках в сильном страхе: у меня под ногами кипела бездна, в которой огромные пенистые валы колесообразно вращались. Над головою громада ярких волн! Я находился посреди водяных гор: одни, казалось, неслись прямо на меня; но не долетая, с громом исчезали, тогда как другие подымались из пропасти, росли постепенно и потом, быстро опускаясь, открывали обширное жерло, откуда, подобно выстрелам, вылетали облака водяной пыли, в которой играли все цветы радуги!... Напрасно искал я остановить глаза на каком-либо предмете; напрасно я собирал все растерянные способности, чтоб отыскивать живописные красоты в отдельных частях этой беспрестанно движущейся картины - это было невозможно: так быстро сменялось одно другим; так непостижимо сливалось все в одно целое - ужасное, невыразимое, величественное!»⁶¹⁴

V. Размышления о России в путешествиях по Швейцарии

Поездка по Швейцарии становится для россиян не только возможностью открыть для себя другую страну, другую культуру; очень многое в альпийской республике наводит русских путешественников на мысли о родине. Как правило, основным поводом для размышлений о положении дел в России становится «цветущее состояние швейцарских земледельцев»⁶¹⁵. Свободу и благополучие швейцарских крестьян подчеркивает Н.М. Карамзин, намекая на пороки крепостничества в России. А.Г. Глаголев указывает на незыблемость частной собственности в Швейцарии, уважение к которой он называет «привычкой народа»: «Хищная

⁶¹³ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем. С. 314.

⁶¹⁴ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. С. 130-131.

⁶¹⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 260.

рука не снимет здесь плода с чужого дерева; право собственности почитается священным»⁶¹⁶.

В положении швейцарских сельских жителей видят пример для своей родины А.И. Михайловский-Данилевский и Н.И. Греч. Так, Данилевский, спутник Александра I в краткой поездке по Швейцарии в 1815 г., надеялся, что знакомство с жизнью швейцарских крестьян могло бы побудить императора к решению крестьянского вопроса в России. В своих мемуарах Данилевский говорит о том, что по пути из Базеля в Цюрих Александр выходил из коляски и заходил в крестьянские дома. Данилевский замечает, что очень бы желал, чтобы «вид изобилия, порядка и опрятности», которые Александр «без сомнения» встречал в швейцарских домах, подействовал на него; он утверждает, что и не сомневается в этом, ибо знает, как император «расположен к улучшению состояния... подданных». Пример благополучия Швейцарии мог бы стать толчком к реформам в России; душа Александра, пишет Данилевский, «страдала, когда он сравнивал состояние вольных швейцарских поселян с нашими крестьянами». Данилевский говорит о либеральных начинаниях российского императора, и швейцарские реалии наводят его на мысль, что, если бы Александр «родился в республике, то он был бы ревностнейшим защитником прав народных», поскольку его сердце «напитано свободою»⁶¹⁷.

Данилевский подчеркивает братский характер союза швейцарцев и царящее в их стране равенство: в опрятных швейцарских домиках, пишет он, обитают «не знатность, не богатство, а равенство»⁶¹⁸. Эта мысль была высказана Данилевским в отрывках из его записок, опубликованных в 1817 г. в «Сыне Отечества» Греча (последний, между прочим, сам в том же году совершил путешествие в Швейцарию). Нельзя не заметить, однако, что в текстах «Воспоминаний» и «Записок» Данилевского, увидевших свет соответственно в 1831 и 1836 гг., эта фраза звучит иначе: в швейцарских

⁶¹⁶ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 110.

⁶¹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. С. 307.

⁶¹⁸ Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия... в 1815 году. С. 137.

домиках, пишет он, «обитает довольство и уверенность, что *собственность свято чтима* (курсив наш – В.С.)»⁶¹⁹! Это немаловажное различие может объясняться несколькими причинами – как цензурными установками, так и эволюцией мировоззрения самого Данилевского... И потому характерно также, что именно в журнальной публикации отсутствует имеющийся в остальных сочинениях эпизод, когда император, проезжая мимо этих домиков, несколько раз останавливал свою коляску и заходил в них⁶²⁰.

Справедливости ради отметим, что Александр I не был равнодушен к судьбе Швейцарии и выступал на Венском конгрессе за сохранение ее независимости и нейтралитета. Об этих благодеяниях императора вспоминает на страницах своих записок Греч. Он также приводит интересный исторический анекдот, связанный с рождением будущего российского императора – якобы когда 12 декабря (23 декабря по н. ст. – в день рождения Александра) 1777 г. некоторые женеvские граждане, проживавшие в Петербурге, праздновали свой народный праздник Эскаладу в честь победы над савойцами, но в тот же день узнали о «новых приготовлениях Франции и Савойи подчинить Женеву своей власти». «Кто поможет нам?» - сказал со вздохом старший из них, и вдруг раздался пушечный выстрел, возвещавший рождение Александра... – тут женеvцы восклицают, что явился их освободитель – и «1814 год оправдал это счастливое предсказание», добавляет Греч⁶²¹.

Как и Данилевский, Греч восхищается «прелестными крестьянскими домиками», которые «выстроены правильно и красиво», «отменно чисты и светлы», в которых «всё уютно и миловидно»⁶²². Греч не дает прямых указаний на причины благосостояния швейцарцев, однако, например, говоря о порядках в кантоне Во, он подчеркивает, что подати в нем «весьма

⁶¹⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания... С. 107; его же, Записки... С. 379. В «Мемуарах» эта фраза отсутствует.

⁶²⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания... С. 107; его же, Записки... С. 379.

⁶²¹ Греч Н.И. Путевые письма. С. 201.

⁶²² Греч Н.И. Путевые письма. С. 186.

невелики», а «промышленности дана совершенная свобода», почему и жители там «кажутся довольными своим правлением»⁶²³.

Особенно остро чувствует разрыв между положением дел в Швейцарии и в России В.А. Жуковский. Как и Карамзин, он воспринимает Швейцарию как уголок свободы и независимости, несмотря на его отдельные замечания, к примеру, о существовании цензуры в Аарау и Санкт-Галлене⁶²⁴. Он видит в маленькой альпийской республике «достойный пример страны», где дышится «свободнее, чем на его родине»⁶²⁵. Жуковский описывает свободную, ничем не стесненную жизнь швейцарцев, говорит о благодетельном братском союзе альпийских жителей. Понятие о швейцарской свободе для него связано с представлениями о патриархальной идиллии, о простой и беспечной жизни трудолюбивого народа: «В этих хижинах обитают независимость, огражденная отеческим правительством: там живут не для того, чтобы тяжким трудом поддерживать физическое бытие свое; но имеют и счастье, правда, простое, неразнообразное, но все счастье, то есть, свободное наслаждение самим собою»⁶²⁶. Жуковский любит живописными домиками «сельской и весьма оригинальной архитектуры» в Бернском кантоне и замечает: «бернская природа соединяет в себе с удивительной обработанностью (везде чувствительно изобилие и довольство) все простые прелести сельские и все великолепие альпийское»⁶²⁷. Поэт признается, что в Швейцарии он понял, что поэтические описания блаженной сельской жизни «имеют смысл прозаически справедливый»⁶²⁸. Тем острее становится разительный контраст между швейцарской «устроенностью» и благополучием и положением дел на далекой родине, где все иначе: «Здесь домики пленительны от того, что в них заметно умение жить с собою, у нас все это один убор», - отмечает

⁶²³ Там же. С. 196-197.

⁶²⁴ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 195.

⁶²⁵ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX вв. Л., 1984. С. 140.

⁶²⁶ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 215.

⁶²⁷ Там же. С. 214.

⁶²⁸ Там же.

Жуковский⁶²⁹. Именно в Швейцарии, в Веве на берегу Женевского озера, Жуковский в 1821 г. испытал глубокий внутренний кризис, осознав, какая пропасть лежит между российским и швейцарским государственным и общественным устройством⁶³⁰.

«Частичкой родины» становится для русских путешественников (и для тех из россиян, кто оставался в Швейцарии на более долгий срок) посещение русского православного храма близ Берна, основанного в 1817 г., сначала располагавшегося в Гофвиле, затем перенесенного в Эльфенау, а в 1854 г. – в Женеву⁶³¹. Д.Н. Свербеев вспоминает о годах своей службы в российской миссии в Швейцарии в 1824-1826 гг. Свербеев пишет, что многие его соотечественники тосковали по родине, и что он «по крайней мере» отстаивал перед ними благоприятный климат Швейцарии. Утешением для самого Свербеева была природа Швейцарии, «бирюзовая Рона и лазоревое озеро»⁶³², и радость посещения посольской церкви. Он вспоминает ежедневную дорогу верхом в Страстную неделю в русскую церковь: «весна была чудесная, воздух благорастворенный, земля зеленела, цепь высочайших Альпийских гор, и между ними царица – дева Юнгфрау, блистала своими вершинами; несчетное множество каштановых, вишневых, грушевых деревьев и яблонь покрыты были полным цветом. Все вокруг нас благоухало и вместе с нами радовалось» - пишет он. Свербеев говорит, что на этом «роскошном просторе» и он, «московский юноша», на время «забывал об отечестве», зато, однако, с жаром предавался «своему религиозному и народному чувству» на церковных стояниях⁶³³.

Швейцарию неоднократно посещали члены российской императорской фамилии. Помимо визитов наследника престола, великого князя Павла

⁶²⁹ Там же. С. 212.

⁶³⁰ См. подробнее: Андреев А.Ю. Швейцарский ландшафт русской культуры // Родина. 2014. № 1. С. 48-52.

⁶³¹ Подробнее см.: Грезин И.И. Из истории строительства русских храмов в Швейцарии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 1(56). С. 137-144.

⁶³² Свербеев Д.Н. Записки. Т. 2. С. 291.

⁶³³ Там же. С. 226.

Петровича и императора Александра I, республика кантонов принимала в конце 1818/ начале 1819 г. великого князя Михаила Павловича: о приготовлениях правительства кантона Во к приему писал Михаилу Ф.-С. де Лагарп в ноябре 1818 г.⁶³⁴ Близерна жила великая княгиня Анна Федоровна; в Швейцарии бывали великая княгиня Екатерина Павловна, королева Вюртемберга, и великая княгиня Анна Павловна, королева Нидерландов; длительное время на берегу Лемана жил со своей семьей принц Петр Ольденбургский.

А.И. Тургенев в свою бытность в Швейцарии в 1833 г. заезжал в Берн и в воскресенье пошел в посольскую церковь, где видел великую княгиню Анну Федоровну. В поместье же Анны Федоровны в Эльфенау и в училище Фелленберга в Гофвиле Тургенев побывать не успел, однако он пишет, что «все это видел прежде». Он отмечает, что в училище Фелленберга уже не осталось русских воспитанников⁶³⁵. М.П. Погодин в 1839 г. и П.А. Вяземский в 1854-1855 гг. также упоминают о супруге Константина Павловича; Вяземский записывает в дневнике, что «русская стихия в Женеве – наша церковь и великая княгиня Анна Федоровна»⁶³⁶. Вяземский упоминает также о том, что в местечке Верне между Веве и Монтрё, где прежде жил Жуковский, останавливалась и великая княгиня Мария Николаевна⁶³⁷.

Несколько страниц своих путевых заметок посвящает Екатерине Павловне Вюртембергской Греч, который всюду видит следы ее пребывания в Швейцарии. Приехав на Рейнский водопад, Греч вспоминает, что Екатерина Павловна в 1813 г., «по желанию Александра, посетила его в главной его квартире, в Шафгаузене» - в память об этой встрече художник

⁶³⁴ Письмо Ф.-С. де Лагарпа великому князю Михаилу Павловичу. Лозанна, конец ноября 1818 г. // *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier* (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Т.3. Neuchâtel, 1980. P. 702-703.

⁶³⁵ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 28.

⁶³⁶ Погодин М.П. Год в чужих краях. Т. 4. С. 140-141; Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1853-1878. С. 185.

⁶³⁷ Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1853-1878. С. 154.

С.Ф. Щедрин напишет картину «Александр I у Шафгаузенского водопада»⁶³⁸. В сентябре 1846 г. Матвей Степанович Волков имел случай наблюдать встречу в Веве великой княгини Анны Павловны: «Погода установилась превосходная. Вчера вечером прибыла сюда, на пароходе, королева Нидерландская, Великая Княгиня Анна Павловна. Она была встречена на озере множеством лодочек, украшенных флагами, а на берегу – жителями прибрежных садов и хором музыкантов. Пароход подъехал к террасе нашего отеля, в котором остановилась Королева, и мы с Б. вдоволь насмотрелись на Высокую нашу соотечественницу»⁶³⁹.

Жизнь достаточно многочисленного русского общества в Веве в середине 1850-х гг. запечатлел в своих дневниках Вяземский. Он описывает вечера у принца Петра Ольденбургского с семейством, прогулки с принцем в горы, совместное празднование русскими Нового года и церковных праздников, упоминает женевского священника Судакова, который также бывал у принца и принцессы⁶⁴⁰.

Местом воспоминания о России становится для русских путешественников кафедральный собор Лозанны, где и в наши дни находится гробница Екатерины Орловой-Зиновьевой, супруги Григория Орлова.

Не один россиянин преклонил колена в местах боевой славы русских армий в швейцарской кампании 1799 г. Находясь на местах былых сражений, путешественники пытались представить себе действительный ход битвы и с благодарностью и умилением размышляли о подвигах русских солдат. Высокий деревянный крест на кургане на берегу Рейна напомнил Гречу о русских солдатах, погибших в сражении под Цюрихом⁶⁴¹. В маленьком городке Бюрглене на берегу Фирвальдштетского озера, считающемся «родным городом» легендарного Вильгельма Телля, Жуковский в 1821 г.

⁶³⁸ Михайлова К.В. Картина С.Ф. Щедрина «Александр I у Шафгаузенского водопада» (к вопросу о петербургском периоде творчества художника) // Государственный Русский музей. Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980. С. 99-110.

⁶³⁹ Волков М.С. Отрывки из заграничных писем. С. 342.

⁶⁴⁰ Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1853-1878. С. 139-140, 142-143.

встретил некоего живописца Триннера, которому довелось встретить в этих местах Суворова⁶⁴². Оказавшись близ Цюриха, Д.А. Милютин вспоминал «о неудачном для русских войск сражении 1799 года»⁶⁴³, и «обошел с любопытством окрестные высоты»⁶⁴⁴. Далее Милютин держал путь на Сен-Готард, проезжая место знаменитой битвы у Чертова Моста: «В некоторых пунктах, как, например, у Чертова моста и Урзернской дыры (Urseren Loch), я выходил из экипажа высматривал местность с разных сторон и наскоро набрасывал кроки»⁶⁴⁵. Конечно, я не предвидел тогда, что через десяток лет придется мне работать над историей войны 1799 года. Вид Рейсы в верхних частях ее течения, где она образует целый ряд огромных водопадов, где дорога (недавно только проложенная) извивается по ребрам почти отвесных гор, перебрасываясь беспрестанно с одного берега реки на другой каменными мостами – глубоко врезался в моей памяти и много облегчил мне впоследствии уразумение дивных подвигов русского войска»⁶⁴⁶.

Александр Тургенев вспоминал, что на месте сражения он долго стоял, смотря с нового, более высокого, моста на старый – Чертов – мост. Оглушенный «ревом водопадов» путешественник созерцал горные «громады и пропасти»: «вспоминаю минувшее, и во мне одно чувство - Россия; одна мысль - Суворов... о Державин!...»⁶⁴⁷

Очень живо изобразил битву у Чертова моста Мещерский, который, казалось, увидел ее наяву: «Нельзя себе представить ничего угрюмее этого каменного мешка, куда дневной свет с трудом проникает; я остановился на мосту и долго стоял в грустной задумчивости. У меня под ногами клубился водопад, а внизу к правой стороне показывалась арка старого моста и часть

⁶⁴¹ Греч Н.И. Путевые письма. С. 182.

⁶⁴² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 199.

⁶⁴³ В битве при Цюрихе в сентябре 1799 г. армия Римского-Корсакова потерпела поражение от войск Массены. Позже Д.А. Милютин будет первым, кто в качестве профессионального русского военного историка опишет действия русских войск в Швейцарии в 1799 г.

⁶⁴⁴ Милютин Д.А. Воспоминания, 1816-1843. С. 398.

⁶⁴⁵ Кроки – от фр. croquis – эскиз, набросок.

⁶⁴⁶ Милютин Д.А. Воспоминания, 1816-1843. С. 399-400. История войны 1799 г., о которой говорит Милютин – это его сочинение «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» (СПб., 1852).

⁶⁴⁷ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 38.

прежней дороги. С содроганием осматривая все предметы, я припоминал славный переход Русских; они были у меня перед глазами: гренадеры бросаются вперед; деревья, связанные шарфами офицеров, заменили часть взорванного моста - и непреодолимая препона уступила решительному напору храбрых. Многие из них обрывались с перекадин; не один раз сквозь шум водопада слышалось Русское восклицание: *Господи помилуй!* И на каждое был один ответ товарищей: *Господи, помяни его душу!* И твердо и хладнокровно они шли вперед!! - Меня обдавала водяная пыль - я принимал ее с благоговением, как воду, освященную памятью стольких верных сынов православного Отечества, нашедших в ней могилу!»⁶⁴⁸

Устами мадам Курдюковой выразил свое восхищение войском Суворова и И.П. Мятлев:

...Но уже в горах Альпийских
Он узнал орлов российских!
Удивился Бонапарт,
Как прошли чрез Сен-Готард
Наши славные дружины!
Скалы, крутизны, стремнины –
Все сравнялось: русский Бог
Здесь орлам своим помог!⁶⁴⁹

Героиня Мятлева вспоминает также и о переходе русской армии по мосту через Рейн в Базеле в 1813 г.:

Здесь *ле рюс* переходили
Рейн в тринадцатом году;
Я земной поклон кладу
На том месте *эбен, эбен*,
Отслужен где был молебен,
Как свершался переход⁶⁵⁰.

Говоря об одном из славных сражений в истории Швейцарии – Муртенской битве – Мятлев сравнивает освободительную борьбу

⁶⁴⁸ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. С. 224-225

⁶⁴⁹ Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею. С. 381-382.

⁶⁵⁰ Там же. С. 197. *Ле рюс* – русские (фр. *les Russes*), *эбен* – именно (нем. *eben*).

швейцарцев с Отечественной войной 1812 г. (отметим, что подобную мысль высказывает также Розен, давая подробное описание Муртенской битвы⁶⁵¹):

Доползли мы до Мората,
Где француза-супостата,
Темерера де ля Свис,
Расщелкала *ля милис*, -
Как за родину святую,
Мы, в годину роковую,
У французского орла,
Перья все, *пар си, пар ля,*
Общипав, поразметали
По степям.⁶⁵²

Некоторые из русских путешественников испытывали в Швейцарии тоску по родине: так, это чувство неотступно преследовало Константина Аксакова в течение всего времени его пребывания в альпийской республике. Однако разлука с родными и отдаление от родины, знакомство с новыми странами имели и положительные стороны для него – уже в конце своего путешествия Аксаков писал родителям: «Но я теперь люблю больше, истиннее отечество, потому что истиннее понимаю его значение»⁶⁵³.

Гоголь признавался в письме М.П. Погодину в том, что несмотря на все прелести Швейцарии, он чувствует, что вокруг – только «чужбина», но что в его сердце «Русь – одна только прекрасная Русь»⁶⁵⁴. Своему другу Н.Я. Прокоповичу Гоголь писал из Женевы в сентябре 1836 г.: «Что тебе сказать о Швейцарии? Всё виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно, и если бы мне попало теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатою избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться, как новым видом»⁶⁵⁵. Быть может, это чувство

⁶⁵¹ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии. С. 23-26.

⁶⁵² Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу. С. 272. Морат (Morat, читается как «Морá») – французское название городка Муртена; Темерер – смелый, дерзкий (фр. *téméraire*) – намек на прозвище французского короля, войска которого выступили в Муртенской битве против швейцарцев: Карл Смелый; де ля Свис – Швейцарии (фр. *de la Suisse* - родит. падеж); ля милис – ополчение, войско (фр. *la milice*); пар си пар ля – здесь и там (фр. *par ci par là*).

⁶⁵³ Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 9. С. 11.

⁶⁵⁴ Письмо Н.В. Гоголя М.П. Погодину. Женева, 22 сентября 1836 // Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Т. 5. СПб., 1857. С. 274.

⁶⁵⁵ Письмо Н.В. Гоголя Н.Я. Прокоповичу. Женева, 27 сентября 1836 г. // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 11. Письма 1836-1841. С. 61.

тоски по родине в какой-то мере способствовало возобновлению Гоголем работы над «Мертвыми душами» в Веве, где он провел осень 1836 г.

Николай Тургенев был одним из немногих «русских путешественников», для кого первое посещение Швейцарии стало лишь *эпизодом*, которые посетили ее лишь *проездом*, – несмотря на то, что он пробыл там около трех недель (с 9 октября до конца октября 1811 г н.ст.). Тургенев путешествовал по Европе, возвращаясь в Россию по окончании обучения в Гёттингенском университете, и обратный путь его пролегал по Швейцарии и Италии. Будущего декабриста томила тоска по родине, и это чувство, вкупе с его религиозно-философскими взглядами, пожалуй, определяло его восприятие швейцарских реалий. Тургенев писал, что спешит «не в Швейцарию, не в Италию, но *через* Швейцарию и *через* Италию в Россию»⁶⁵⁶ (курсив Тургенева – В.С.). Необходимо подчеркнуть, что для Тургенева Швейцария стала скорее фоном для раздумий о жизни и родине, но все же и здесь он имел немало поводов для сравнения швейцарской действительности с Россией, получил бесценный духовный опыт погружения в новую, доселе незнакомую ему среду.

Даже оказавшись в швейцарских Альпах, Тургенев думает не о Швейцарии – его мысли уносятся в Россию, ему «страшно хочется домой». «Все эти чудеса природы хорошо посмотреть, но я не захотел бы жить между горами: нет чистого поля!» - восклицает он. Альпы, их снега и ледники напоминают Тургеневу родину, и он согласен даже пожертвовать «величественным видом гор снежных» и прочими «великолепными зрелищами» - Монбланом, Рейнским водопадом, чтобы только поскорее попасть на родину. Тургеневу нравятся «смиранные хижинки», «рассеянные по долинам между ужасных гор», затерявшиеся «между водопадами, утесами, лесами», однако он пишет, что желал бы иметь такую же «смирную» хижину, «но только в России»⁶⁵⁷. Жизнь распорядится иначе;

⁶⁵⁶ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 94.

⁶⁵⁷ Там же. С. 96-97, 102-103, 110-111.

гонимый вольнодумец на некоторое время вернется в 1833 г. в Швейцарию, где заключит брак с местной жительницей – Кларой Гастоной де Виарис (1814-1891) из Женевы.

* * *

Итак, в данной главе была дана общая характеристика путешествий россиян в Швейцарию в конце XVIII - первой половине XIX в., проанализированы их динамика и длительность, раскрыты важнейшие стороны подготовки к поездке в Швейцарию и разобраны основные пункты в швейцарских маршрутах русских. Основной целью «русских путешествий» в Швейцарию в указанный период становится знакомство с культурой и природой страны, исключительно образовательные задачи для путешествующих отходят на второй план (но, безусловно, сохраняются в ряде случаев). Важное место в маршрутах отводится посещению швейцарских Альп. Возросла частота следующих друг за другом путешествий россиян: с эпохи окончания наполеоновских войн и до конца рассматриваемого периода (т.е. до 1855 г.) русские путешественники посещают Швейцарию каждые полтора года, при этом в 1823-1839 гг. – чаще, чем раз в год. Ядро путешествующих составляла интеллектуальная элита российского общества, хорошо подготовленная к поездке по Швейцарии.

Мысли о родине не оставляли россиян и на швейцарской земле. Главными темами для размышлений о России для русских путешественников становятся, во-первых, вопросы личной свободы крестьян и равенства жителей в Швейцарии, которые они сравнивают с ситуацией на своей родине, и, во-вторых, воспоминания о сражениях наполеоновских войн на территории альпийской республики, а также подвиги швейцарского и русского патриотизма в ходе освободительной борьбы. Примечательно, что именно эти темы, ставшие точкой соприкосновения России и Швейцарии в представлении путешественников, - темы свободы и патриотизма – являются

важными элементами т.н. «швейцарского мифа», речь о котором пойдет в следующей главе.

Глава 3. «Швейцарский миф» и «воодушевление Альпами» в путевых заметках россиян в конце XVIII – первой половине XIX в.

I. Увлечение Европы Швейцарией: истоки, пути распространения, воздействие

Если путешествия россиян в Швейцарию в XVIII в. в большинстве своем были частью европейского образовательного Grand Tour, то в конце XVIII в. «русские путешествия» получили новый мощный импульс, шедший также из Европы, где приблизительно во второй трети XVIII в. сложилось т.н. *Alpenbegeisterung* (нем.) - «воодушевление Альпами», неотделимое от т.н. *Schweizerbegeisterung* (нем.) - «воодушевления Швейцарией». В задачи, поставленные в данной главе, входит исследование этих явлений в русской культуре, но сначала необходимо прояснить европейский культурный (научный, литературный, художественный и проч.) контекст их формирования.

Alpenbegeisterung как культурному явлению предшествовала длительная история культурного процесса «открытия» европейцами альпийских гор⁶⁵⁸. Формирование образа Альп в европейской культуре шло в течение нескольких столетий⁶⁵⁹. В разные эпохи в восприятии их человеком могли доминировать совершенно противоположные тенденции – от страха перед горами до мистического преклонения перед ними, от безразличия до восхищения делом рук Творца, но всегда Альпы являлись важной

⁶⁵⁸ Peyer G. Geschichte des Reisens in der Schweiz. Basel. 1885; Schwarz B. W. Die Erschliessung der Gebirge von den ältesten Zeiten bis auf Saussure (1787). Zweite Aufl. Leipzig, 1888.

⁶⁵⁹ Grand-Carteret J. La montagne à travers les âges. 2 vol. Grenoble, 1903, 1904 ; Bernard P. Rush to the Alps. New York, 1978; Histoire et Civilisations des Alpes. I. Destin historique. II. Destin humain. Lausanne, 1980. Publié sous la direction de Paul Guichonnet ; Lacoste-Veysseyre C. Les Alpes romantiques. Le thème des Alpes dans la littérature française de 1800 à 1850. Genève, 1981 ; Reymond E. L'Alpe romantique. Grenoble, 1988; La haute montagne. Vision et représentations // Le monde alpin et rhodanien (Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Revue régionale d'ethnologie). N 1-2, Grenoble, 1988; Raymond P. Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache : die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen und die Literarisierung des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit. Tübingen, 1993 ; Reichler C. La découverte des Alpes et la question du paysage. Genève. 2002 (Reichler C. Entdeckung einer Landschaft. Reisende, Schriftsteller, Künstler und ihte Alpen. Genf, 2002); Bourdon É. Le voyage et la découverte des Alpes. Histoire de la construction d'un savoir (1492-1713). Paris, 2011; Schmidt A. Die Alpen. Frauenfeld, 2011.

составляющей духовной жизни Европы, оказывая влияние на самосознание и мироощущение людей, способствуя формированию вокруг себя особой материальной и духовной культуры⁶⁶⁰.

Отношение к Альпам в античную эпоху было скорее утилитарным, в раннее средневековье его сменило представление о горах как об арене борьбы добра и зла, высокое средневековье принесло начало постепенного освоения Альп в практическом, эстетическом и научном плане - в Альпы устремляются художники и мыслители, короли, купцы и пилигримы. Поворотным моментом в восприятии Альп стал XIV в. С эпохой Возрождения начинается научное исследование Альп, куда отправляются натуралисты, картографы и первые «альпинисты» (в числе которых были Ф. Петрарка, Л. да Винчи, А. Дюрер, П. Брейгель-старший⁶⁶¹); Альпам посвящают целые научные трактаты и уделяют им значительное внимание в исторических работах.

В самой Швейцарии, особенно в Бернском Оберланде, уже в XVI в. появляются первые, созданные на латыни, описания т.н. альпийских предгорий (*нем.* Voralpen, *фр.* Préalpes), то есть гор, лежащих на пути к альпийским вершинам, но находящихся вблизи проживания человека. Особенный интерес вызывали возвышающиеся над Тунским озером горы Штокгорн (Stockhorn, 2190 м) и Низен (Niesen, 2362 м), а также расположенная близ Люцерна гора Пилатус (Pilatus, 2128 м)⁶⁶². Ученые-путешественники (среди которых отметим знаменитого врача и естествоиспытателя Конрада Гесснера) изучали растительный мир высокогорий, описывали свои впечатления от пребывания на альпийских высотах и приводили старинные легенды, связанные с горами. В 1544 г. была впервые опубликована «Космография» немецкого гуманиста Себастиана

⁶⁶⁰ Mer et montagne dans la culture européenne (XVIe – XIXe siècle). Rennes, 2011.; Stadler H. Mythos Gotthard. Was der Pass bedeutet. Zürich, 2003; Maisons paysannes suisses. Texte et photos de Pierre Debrot. Neuchâtel, 1979.

⁶⁶¹ Joutard P. La montagne, une invention protestante // La haute montagne. Vision et représentations... P. 123-124.

⁶⁶² Müller J. Stockhornias (auf Latein). 1537; Gessner C. Descriptio Montis Fracti sive Montis Pilati. 1555; Marti B. (Benedictus Aretius) Stockhorni et Nessi Descriptio (Beschreibung von Stockhorn und Niesen). Strassburg, 1561; Simler J. Vallesiae Descriptio; De Alpibus Commentariis. Zürich, 1574.

Мюнстера⁶⁶³, ставшая первым общедоступным относительно научным описанием «всех стран... всего земного шара», изданным на немецком языке. В «Космографии» значительное место было уделено и Швейцарской Конфедерации, а также впервые был описан ледник в Альпах.

Если в масштабе всей Европы в XVII в. наблюдался некоторый спад интереса к Альпам, то в Швейцарии этот интерес не угасал. Так, в 1606 г. было впервые издано сочинение швейцарского пастора Ганса Рудольфа Ребмана, в котором он в 14000 стихах представлял шуточный и в то же время серьезный разговор двух соседних гор на южном берегу Тунского озера – Штокгорна и Низена. В этой «беседе» затрагивались помимо прочего проблемы мироздания и морали, утверждалась причастность гор к исполнению воли Творца, а также говорилось о горных жителях⁶⁶⁴. В 1684 г. была впервые опубликована «История» немецкого философа и историка Самуэля фон Пуфендорфа, седьмая глава которой была посвящена Швейцарии⁶⁶⁵. Продолжались публикации описаний регионов Швейцарии⁶⁶⁶, среди которых появлялись и французские работы⁶⁶⁷.

С эпохой Просвещения начинается «золотой век» Альп, которые отныне займут прочное место во многих сферах европейской культуры и общественной жизни⁶⁶⁸. На смену представлениям о горах как «*locus horribilis*» приходит «*locus amoenus*». Именно в восемнадцатом веке стоит искать истоки современной европейской традиции восприятия Альп.

Все большее внимание уделялось Швейцарии в универсальных изданиях по истории и географии, где давались подробные сведения о ее политическом, религиозном, языковом и географическом устройстве,

⁶⁶³ Münster S. *Cosmographie oder Beschreibung Aller Länder herrschafftenn vnd fürnemesten Stetten des gantzen Erdbodens...* Basel, 1588. (erste Ausgabe 1544).

⁶⁶⁴ Rebmann H. R. *Ein Lustig und ernsthaft poetisch gastmal, und Gespräch zweyer Bergen, in der Loblichen Eydgnößschaft, und im Berner Gebiet gelegen...* Bern, 1620.

⁶⁶⁵ von Puffendorf S. *Zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten...* Frankfurt-am-Main, 1718. (erste Ausgabe 1684).

⁶⁶⁶ Grasser J. J. *Itinerarium... per celebriores regiones Helvetiae.* Basel, 1624.

⁶⁶⁷ Lescarbot M. *Le Tableau de la Suisse et autres alliez de la France és hautes Allemagnes.* Paris, 1618.

⁶⁶⁸ Помимо работ, указанных в ссылке № 659, см. также, напр.: Francillon R. *The Enlightenment in Switzerland // Reconceptualizing Nature, Science and Aesthetics.* Genève, Paris. 1998. P.13-27; de Reynold G. *Histoire littéraire*

содержались иллюстрации и карты⁶⁶⁹. Многие из этих «всемирных историй» были переведены на русский язык и впоследствии становились настольными книгами в обучении российских дворян. В России историко-географические описания «альпийской республики» в составе универсальных «историй» стали появляться с петровских времен. В 1718 г. в Санкт-Петербурге вышел русский перевод сочинения С. Пуфендорфа - «Введение в историю европейскую», где также имелась глава «О Гелветии»⁶⁷⁰, а в 1719 г. по распоряжению Петра⁶⁷¹ была переведена «География» немецкого ученого И. Гюбнера (Hübner)⁶⁷² с подробным рассказом о Швейцарии как «союзе обязательства» - конфедерации кантонов, страны, богатой горами и озерами, а также лучшим на свете скотом, страны, где люди «добры, простосердечны, верны и правдивы»⁶⁷³; в сочинении Гюбнера содержалось даже описание Рейнского водопада. В 1778 г. на русский язык была переведена «швейцарская» глава из «Землеописания» немецкого географа А.Ф. Бюшинга (Büsching)⁶⁷⁴, по которому «училось географии несколько поколений» российских дворян⁶⁷⁵.

С началом XVIII в. появляются посвященные Швейцарии путевые заметки европейцев. Стоит отметить, что на первых порах главную роль в европейском «открытии» Швейцарии играли англичане и французы⁶⁷⁶. В самой Швейцарии продолжалось изучение альпийской природы – растительности, минералов, климата. В первой трети XVIII в. среди

de la Suisse au XVIIIe siècle : Le doyen Bridel (1757-1845) et les origines de la littérature Suisse romande. Lausanne, 1909.

⁶⁶⁹ Hübner J. Johann Hübners vollständige Geographie. 8 Aufl. Hamburg, 1756; Büsching A. F. Neue Erdbeschreibung. 4 Theil, welcher die vereinigten Niederlande, Helvetien, Schlesien und Glatz, enthält. Dritte Auflage. Hamburg, 1767; Büsching A. F. Erdbeschreibung. 10 Theil, welcher die vereinigten Niederlande, Helvetien, Schlesien und Glatz enthält. Hamburg, 1792.

⁶⁷⁰ Введение в историю европейскую, чрез С. Пуфендорфия на немецком языке слаженное, также чрез И.Ф. Крамера на латинский преложенное. СПб., 1718. С. 305-314.

⁶⁷¹ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 46.

⁶⁷² Земноводного круга краткое описание, из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Леипцике напечатано. М., 1719. С. 110-126.

⁶⁷³ Там же. С. 113.

⁶⁷⁴ Швейцария с присоединенными к ней землями, из Бишинговой Географии/ Пер. с нем. яз. Петр Ковалев. СПб., 1778.

⁶⁷⁵ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. С. 48.

⁶⁷⁶ Stanyan A. An account of Switzerland. Written in the year 1714. London, 1714; Ruchat A. Les délices de la Suisse, Une des principales Républiques de l'Europe: Où l'on peut voir tout ce qu'il y a de plus remarquable dans son Pays & dans celui de ses Alliez... / Par le Sr. Gottlieb Kypselier De Munster... 4 vol. Leyde, 1714.

«пионеров Альп» особо выделим Иоганна Якоба Шойхцера, Иоганна Георга Зульцера⁶⁷⁷ и Альбрехта фон Галлера. Врач и палеонтолог И.Я. Шойхцер (1672-1733) исследовал ископаемую флору и фауну своей родины, а также изучал швейцарские Альпы. Вместе со своими учениками Шойхцер совершил с 1702 по 1711 г. девять путешествий в Альпы, составляя дневники погоды и исследуя ледники⁶⁷⁸, и оставил описания этих экспедиций. Результаты своих изысканий он объединил в сочинении «Натуральная история Швейцарии»⁶⁷⁹. Шойхцер составил подробную карту Швейцарии - *Nova Helvetiae Tabula Geographica* (1712), которая вплоть до конца XVIII в. оставалась одной из наиболее точных карт страны.

Центральная роль в пробуждении интереса европейцев к альпийским горам и складыванию *Alpenbegeisterung* принадлежит швейцарскому поэту, медику и ботанику Альбрехту фон Галлеру⁶⁸⁰ (1708-1777), которого называют «первым классиком альпийской литературы», отцом особого «национального жанра» швейцарской литературы⁶⁸¹. Путешествуя по различным регионам Швейцарии, включая Альпы, Галлер вел путевые журналы⁶⁸², в которых описывал свои впечатления от горной природы и встречи с жителями гор – альпийскими пастухами. В первом путешествии в Альпы в 1728 г. Галлера сопровождал известный ботаник Иоганнес Гесснер

⁶⁷⁷ Sulzer J. G. Beschreibung der Merkwürdigkeiten einzelner Orte des Schweizer Landes (Joh. Geo. Sulzers Beschreibung der Merckwürdigkeiten, welche er in einer Ao. 1742 gemachten Reise durch einige Orte des Schweitzerlandes beobachtet hat). Zürich, 1743; ders. Johann Georg Sulzers Untersuchung von dem Ursprung der Berge, und andrer damit verknüpften Dinge. Zürich, 1746.

⁶⁷⁸ См. Scheuchzer J. J. Beschreibung der Natur-Geschichten Des Schweizerlands. Seltsamer Naturgeschichten des Schweizer-lands Wochentliche Erzählung. In drei Teilen. Zürich, 1706-1708.

⁶⁷⁹ Scheuchzer J. J. Johann Jacob Scheuchzers Naturgeschichte des Schweizerlandes sammt seinen Reisen über die Schweitzerische Gebürge. Aufs neue herausgegeben und mit einigen Anmerkungen versehen von J.G. Sulzern. Zürich, 1746. О Шойхцере см.: Allgemeine Deutsche Biographie (далее в сносках - ADB). Band 34, Leipzig, 1892. S. 710-715; Wissenschaft - Berge - Ideologien : Johann Jakob Scheuchzer (1672 - 1733) und die frühneuzeitliche Naturforschung. Basel, 2009.

⁶⁸⁰ Boschung U. Lebenslauf // Albrecht von Haller: Leben-Werk-Epoche. Hg. von Hubert Steinke, Urs Boschung u. Wolfgang Proß. Göttingen, 2008. S. 15-82; Bibliographia Halleriana. Verzeichnis der Schriften von und über Albrecht von Haller. Herausgegeben von Hubert Steinke und Claudia Profos. Basel, 2004. S. 401-406. Смекалина В.В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184-188.

⁶⁸¹ Histoire et Civilisations des Alpes. Vol.2. P. 200; von Greyerz O. Sprache-Dichtung-Heimat. Bern, 1933. S. 9.

⁶⁸² Сохранившиеся до наших дней четыре путевых журнала Галлера 1728-1732 гг. были впервые опубликованы вместе и в полном объеме в издании: Premier voyage dans les Alpes et autres textes, 1728-1732 / Albrecht von Haller ; éd. établie, annotée et présentée par Aurélie Luther ; sous la dir. de Claire Jaquier. Genève; Paris. 2008.

(1709-1790)⁶⁸³, ученик И.Я. Шойхцера. Впоследствии Галлер совершит еще семь альпийских путешествий (о некоторых из которых оставит подробные отчеты). Первое знакомство Галлера с миром швейцарских Альп не только позволило ему собрать солидную коллекцию растений, но и вдохновило на создание поэмы «Альпы» («Die Alpen»)⁶⁸⁴, которая принесло ему известность во всей Европе и воодушевляла поколения путешественников, устремлявшихся в швейцарские высокогорья.

Поэма «Альпы» была создана в 1729 г. и впервые опубликована в 1732 г.⁶⁸⁵ Название сочинения содержит в себе больше, нежели лишь указание на конкретный регион Швейцарии: Альпы – это и особый горный мир, мир неизведанного, мир прекрасной и порой дикой природы, и историческое ядро Швейцарии, где сохраняются нравы и порядки «отцов» Гельветии и где в гармонии с природой и друг с другом живут простые, свободные, не «испорченные» цивилизацией люди. Галлер противопоставляет пороки городской культуры чистой и беззаботной жизни альпийских пастухов и пастушек, «учеников природы», сыновей «блаженного золотого века»⁶⁸⁶. Поэт восхваляет простоту, нестяжание, искренность, трудолюбие, патриотизм и отвагу жителей Альп, в которых он видит наследников легендарного Вильгельма Телля, «освободителя Швейцарии»⁶⁸⁷. Необычайно яркое для того времени звучание приобретает в поэме тема природы: Галлер описывает снега, ледники, водопады Альп и подчеркивает, что высокие горы ограждают альпийских жителей от дурного влияния извне⁶⁸⁸. Отметим, что созданная в стихотворении горная «идиллия» основывается на собственных

⁶⁸³ Об И. Гесснере (Johannes Gessner) см.: ADB. Band 9, 1879. S. 103-106 ; Boschung U. Johannes Gessner (1709-1790). Der Gründer der Naturforschenden Gesellschaft in Zürich. Zürich, 1996.

⁶⁸⁴ Des Herrn Albrecht von Hallers Alpengedicht. Nebst einer Naturhistorischen Beschreibung der Alpen von ebendemselben. Les Alpes. Poème de M. Haller, avec une description physique des Alpes par le même. Bern, 1795.

⁶⁸⁵ В сборнике стихотворений Галлера Versuch Schweizerischer Gedichten. Bern, 1732.

⁶⁸⁶ Des Herrn Albrecht von Hallers Alpengedicht... Bern, 1795. S. 8. Здесь и далее ссылки на «Альпы» Галлера даются по этому изданию.

⁶⁸⁷ О дискуссии вокруг фигуры Телля см. Петров И.А. Очерки истории Швейцарии. М., 2006. С. 86-89.

⁶⁸⁸ Des Herrn Albrecht von Hallers Alpengedicht. S. 10.

впечатлениях Галлера (так, к примеру, другой певец «швейцарской Аркадии» С. Геснер никогда не был в Альпах⁶⁸⁹).

«Альпы» Галлера имели большой успех у читателей по всей Европе. Еще при жизни их создателя «Альпы» выдержали 30 изданий!⁶⁹⁰ Поэму переводили на разные языки (французский, английский, голландский, итальянский, шведский...)⁶⁹¹, отрывки из нее учили наизусть⁶⁹². Воспетые Галлером горы Швейцарии стали магнитом для многочисленных путешественников из разных стран, в числе которых была и Россия. Томик с «Альпами» путешественники брали с собой в походы по Альпам в качестве своего рода «путеводителя»⁶⁹³ и затем цитировали швейцарского классика в своих путевых заметках. Небольшие отрывки из поэмы приводит в «Письмах русского путешественника» в собственном переводе Н.М. Карамзин⁶⁹⁴. Полностью же на русский язык «Альпы» переведены не были, лишь в 1877 г. отрывок «Альп» в переводе Ф. Миллера был включен в один из сборников немецкой поэзии⁶⁹⁵.

Поэма Галлера ознаменовала решительный поворот в истории открытия европейцами Альп, оказала влияние на литературу, искусство, культуру путешествий, картографию, геологию, гляциологию и ботанику. С середины XVIII в. появляются сочинения, посвященные уже исключительно «снежным горам» Швейцарии, ее ледникам, а также отдельным регионам и наиболее достопримечательным местам⁶⁹⁶. Они предназначались не только

⁶⁸⁹ Siegrist C. Albrecht von Haller. Stuttgart, 1967. P. 26.

⁶⁹⁰ Histoire et Civilisations des Alpes. Vol.2. P. 200 ; von Balthasar J. A. Felix Lobrede auf Herrn Albrecht von Haller von... von Balthasar. Basel, 1778. S. 62-68.

⁶⁹¹ Список переводов см.: Bibliographia Halleriana. S. 30-47; см. также: Kempf F.R. Albrecht von Hallers Ruhm als Dichter. New York; Bern; Frankfurt-am-Main, 1986.

⁶⁹² О влиянии Галлера на развитие немецкой и французской литературы см., напр.: Frey A. Albrecht von Haller und seine Bedeutung für die deutsche Literatur. Leipzig, 1879; Cunche G. La renommée de A. de Haller en France. L'influence du poème des Alpes sur la littérature descriptive du XVIII siècle. Neuchâtel, 1921.

⁶⁹³ Gerber-Visser G., Stuber M. Brachliegende Ressourcen in Arkadien. Das Berner Oberland aus der Sicht Albrecht von Hallers und der Oekonomischen Gesellschaft Bern // Mitteilungen, Neue Folge / Naturforschende Gesellschaft in Bern. Band 66. Bern, 2009. S. 66.

⁶⁹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 276.

⁶⁹⁵ «Альпы» в переводе Ф. Миллера // Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1877. С. 52-54.

⁶⁹⁶ Altmann J. G. Versuch einer historischen und physischen Beschreibung der helvetischen Eisberge, 1751; Herrliberger D. Neue und vollständige Topographie der Eydgenossenschaft... 2 Teile. Zürich, 1754-1758; Gruner G. S. Die Eisgebirge des Schweizerlandes. 3 Bde. Bern, 1760; Fäsi J. C. Genaue und vollständige Staats- und Erdbeschreibung der ganzen Helvetischen Eidgenossenschaft, derselben gemeinen Herrschaften und zugewandten Orten. 4 Bde. Zürich, 1765-1768; Bourrit M.-T. Description des glaciers de Savoie. Genève, 1773 ; ders.

для заинтересованных читателей, но и для потенциальных путешественников. Подобного рода основательные научные описания, снабженные большим количеством иллюстраций, будут продолжать выходить на протяжении всего изучаемого периода, то есть и в первой половине XIX в. Среди наиболее известных изданий XVIII в. отметим труды швейцарцев Давида Херрлибергера, Готлиба Зигмунда Грюнера и Иоганна Конрада Фэзи.

Внимание к швейцарским Альпам становится с середины XVIII в. характерной чертой зарождающегося швейцарского патриотического гельветического движения⁶⁹⁷. Гельветическое общество, основанное в 1761 г., стремилось к формированию в Швейцарии нового, единого общешвейцарского самосознания, к преодолению конфессиональных, языковых, кантональных барьеров, обновлению страны через просвещение каждого и совершенствование экономического уклада⁶⁹⁸. Основу нового самосознания члены Гельветического общества видели в общности исторического прошлого различных кантонов, в событиях которого они видели воплощение республиканских доблестей швейцарцев. Особенная роль в идеологии гельветического движения отводилась героям борьбы Швейцарского союза за независимость и «мифологической» стороне швейцарской истории – легендам о клятве на лугу Рютли, о Вильгельме Телле и других. Не менее важная роль отводилась и Альпам, которые (в том числе благодаря творчеству Галлера) стали восприниматься как колыбель швейцарской свободы, как историческое и нравственное ядро государства. Один из членов Гельветического общества философ Иоганн Каспар Лафатер (1741-1801), которого посещал в ходе своего путешествия Н.М. Карамзин,

Description des Alpes pennines et rhétiennes. 2 vol. Genève, 1791 ; ders. Descriptions des cols ou passages des Alpes. 2 vol. Genève, 1803; Tschärner V. B. Historische, geographische und physikalische Beschreibung des Schweizerlandes. In alphabetischer Ordnung abgehandelt... Bern, 1782-1783 ; de Laborde J.-B. et ZurLauben B. F. Tableaux topographiques, pittoresques, physiques, historiques, moraux, politiques, littéraires, de la Suisse. Paris, 1780-1788; Wyss J. R. Hand Atlas für Reisende in das Berner Oberland. Bern, 1816, и проч.

⁶⁹⁷ Histoire et Civilisations des Alpes. Vol.1. P. 484-485.

⁶⁹⁸ Подробнее о Гельветическом обществе и других обществах Швейцарии в XVIII в. см.: Im Hof U. Das gesellige Jahrhundert. Gesellschaft und Gesellschaften im Zeitalter der Aufklärung. München, 1982; ders. Die Entstehung einer politischen Öffentlichkeit in der Schweiz. Frauenfeld, 1983.

издал в 1767 г. сборник патриотических «швейцарских песен» (Schweizerlieder)⁶⁹⁹, в которых воспевал историю Швейцарского союза, подвиг Вильгельма Телля, труд швейцарских крестьян в горах и в долинах... Стихотворный сборник Лафатера был предназначен, прежде всего, для воспитания юношества. Среди членов Гельветического общества состоял также Соломон Геснер (1730-1788), автор стихов и идиллий, воспевший сельскую и горную Швейцарию как уголок «золотого века», усмотревший в нравах швейцарцев и в швейцарской природе черты античной Аркадии⁷⁰⁰.

Вслед за Галлером к альпийской тематике обращаются многие швейцарские, немецкие и английские поэты и писатели, в Швейцарии выходят сборники стихов, объединенные альпийской и патриотической тематикой⁷⁰¹. Со всех концов Европы в Швейцарию устремляются потоки путешественников; каждый из них оставляет после себя записки о путешествии или путевые журналы. Среди известных путешественников по Швейцарии в XVIII в. отметим Й. Адиссона, И.В. фон Гёте, В. Кокса, Ф. Брун, Л. Хиршфельда...⁷⁰² В XIX в. здесь побывали Дж. Г. Байрон, В. Гюго и многие другие... Образы Швейцарии в такой степени становятся всеобщим достоянием европейской культуры, что благодаря им возникают новые общеизвестные метафоры, базирующиеся на швейцарских культурных знаках, не требующих разъяснения. Быть может, одной из наиболее

⁶⁹⁹ Lavater J. C. Schweizerlieder. Von einem Mitgliede der helvetischen Gesellschaft zu Schinznach. Bern, 1767.

⁷⁰⁰ Gessner S. Das Hölzerne Bein, eine Schweizer-Idylle. V. Teil. Zürich, 1772; ders. Idyllen. Stuttgart, 1988.

⁷⁰¹ Bürkli J. (Hrsg.) Gedichte über die Schweiz und über Schweizer. 2 Bde. Bern, 1793; ders. (Hrsg.) Schweitzerische Blumenlese. 3 Bde. Zürich, 1780-1783; Am Bühl J. L. Neue Schweizerlieder nebst einigen anderen Gedichten. Bern, 1776; ders. Die Brieftasche aus den Alpen. Zürich, 1780; Haller G. E. (Hrsg.) Bibliothek der Schweizer Gedichte und aller Theile, die darin Bezug haben. 6 Bde. Bern, 1785; von Matthisson F. Gedichte. Zürich, 1808; Keate G. The alps. A poem. By George Keate, Esq. London, 1763; von Bonstennen K.V. Briefe über ein schweizerisches Hirtenland. Basel, 1782; ders. Der Einsiedler, eine Alpengeschichte. Mannheim, 1788.

⁷⁰² Adisson J. Remarks on several parts of Italy etc. London, 1736; Hirschfeld C. C. Lorenz Briefe, die Schweiz betreffend. Leipzig, 1776; Andreae J. Briefe aus der Schweiz nach Hannover geschrieben, in dem Jahre 1763. Zürich und Winterthur, 1776; Küttner K. G. Briefe eines Sachsen aus der Schweiz an seinem Freund in Leipzig. Leipzig, 1785; Coxe W. Travels in Switzerland. V. 1-3. London, 1789; de la Platière R. Lettres écrites de Suisse, d'Italie, de Sicile et de Malthe par M. avocat au Parlement, à Mlle M. 6 vol. Paris, 1780; Nikolai F. Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781. 12 Bde., Berlin u. Stettin, 1783-1796; Martyn T. Sketch of a Tour through Switzerland. London, 1787; von La Roche S. Tagebuch einer Reise durch die Schweiz, von der Verfasserin von Rosaliens Briefen. Altenburg, 1787; von Goethe J. W. Briefe aus der Schweiz // Goethes Werke, Abth. 1, Bd.19. München, 1899; Robert de Vaugondy D. Voyage dans les Treize Cantons Suisses. 2 vol. Paris, 1789; Gray R. Letters during the Course of a Tour through Germany, Switzerland and Italy. London, 1794; и др.

известных в этом отношении метафор служит название «Лунной сонаты» Бетховена: как известно, его предложил в 1832 г. критик Людвиг Рейхштаб, говоря, что эта музыка напомнила ему отражения лунного света, которые он видел во время ночной прогулки на лодке по Фирвальдштетскому озеру.

Наиболее значимые описания путешествий по Швейцарии европейцев так или иначе проникали и в Россию: или в оригинале, или в качестве перевода. Так, к примеру, в 1791 г. Карамзин опубликовал рецензию на русский перевод сочинения англичанина У. Кокса «Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии; или письма Вильгельма Кокса»⁷⁰³. Приблизительно с 70-х гг. XVIII в. появляется большое число путеводителей по Швейцарии на разных языках, авторы которых стремятся дать всю необходимую информацию о путешествии, указать наиболее интересные и живописные маршруты⁷⁰⁴. Некоторые из этих путеводителей, как уже отмечалось в предыдущей главе, были хорошо известны русским путешественникам и использовались ими при подготовке к поездке в Швейцарию.

Образ Альп и образ Швейцарии в целом, который был сформирован многочисленными путеводителями и путевыми заметками европейцев, представлял собой продолжение «галлеровской» концепции «альпийской идиллии». Благодаря тому, что вопросы «швейцарской Аркадии» и «идеального мира» Альп затрагивали в своих работах представители различных сфер культуры и общественной жизни – историки, философы, поэты и драматурги, политики, ученые-геологи, географы и ботаники, первые «альпинисты» и художники, идеализированный образ Альп и

⁷⁰³ Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 108-111. Отметим, что в своей рецензии Карамзин упоминает, что прожил в Женеве около шести месяцев – с. 111.

⁷⁰⁴ Walser G. Atlas Novus Reipublicae Helveticae. Nürnberg, 1769; ders. Schweitzer-Geographie samt den Merkwürdigkeiten in den Alpen und hohen Bergen. Zürich, 1770; Wyttenbach J. S. Anleitung, für diejenigen, welche eine Reise durch einen Theil der merkwürdigen Alpenegegenden, des Lauterbrunnen-Thals, Grindelwaldes u. über Meyringen auf Bern machen wollen. 8. Bern. 1777; Reichard H. H. für Reisende aus allen Ständen. Leipzig, 1784; Besson W. Manuel pour les savants et les curieux qui voyagent en Suisse. Berne, 1786; Ebel J. G. Anleitung, auf die nützlichste und genußvollste Art die Schweiz zu bereisen. Zürich, 1793; ders. Schilderung der Gebirgsvölker der Schweiz. 2 Bde. Leipzig, 1798 und 1802; Heidegger H. Handbuch für Reisende durch die Schweiz. Zürich, 1799 (1. Aufl. 1791); Über die Schweiz und die Schweizer. 2 Bde. Berlin, 1795-1796 (mutmaßliche Verfasser oder

Швейцарии прочно вошел в европейскую культуру, а также получил многостороннее развитие и углубление. Так, постепенно в тематике швейцарских изысканий выделяются самостоятельные темы – такие, как фольклорная и мифолого-историческая сторона образа Альп, размышления о политической и моральной составляющей мифа об Альпах, и, конечно же, природный аспект этого мифа. С середины XVIII в. шли дискуссии об исторической достоверности преданий о Вильгельме Телле⁷⁰⁵, что, тем не менее, не помешало использованию образа Телля как внутри, так и вне Швейцарии (к примеру, в революционной Франции). Легенда о Телле была интегрирована в ставшие классическими работы по истории Швейцарии И. Мюллера и позже Г. Цшокке⁷⁰⁶. На сценах Франции и Швейцарии с большим успехом шли постановки, посвященные тираноборчеству Телля⁷⁰⁷, особенно после выхода в свет в 1804 г. драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль»⁷⁰⁸.

Идеалы свободной, ничем не стесненной жизни альпийских пастухов, с одной стороны, проецировались на Швейцарию в целом, но, с другой стороны, нельзя не признать, что основание для таких суждений в какой-то степени давало и реальное положение дел в Швейцарии⁷⁰⁹. Так, Соломон Геснер воспевал патриотизм и свободолюбие горных жителей в своей идиллии «Деревянная нога», которая будет переведена молодым Н.М. Карамзиным. Певцом швейцарских республиканских свобод стал Ж.-Ж. Руссо, нашедший в швейцарцах свой идеал «естественного человека». Понятию «естественного человека» Руссо уделяет внимание прежде всего в

Herausgeber - Lange, Karl Julius und Witte, Karl Heinrich Gottfried); Steinmüller J. R. Beschreibung der Schweizerischen Alpen und Landwirtschaft. 2 Bde. Winterthur, 1802-1804; и проч.

⁷⁰⁵ Freudenberger U. Der Wilhelm Tell. Ein dänisches Mährgen. 1760; von Balthasar J. A. F. Verteidigung des Wilhelm Tell. 1760.

⁷⁰⁶ Zschokke H. Der Schweizerlandes Geschichte für das Schweizervolk. 2 Aufl. Aarau, 1824.

⁷⁰⁷ См. имеющие швейцарскую тематику сюжеты многочисленных постановок: Riemann H. Opern-Handbuch : Repertorium d. dramatisch-musikalischen Literatur. Leipzig, 1887.

⁷⁰⁸ Schiller F. Wilhelm Tell. Tübingen, 1804.

⁷⁰⁹ Разумеется, не стоит преувеличивать степень благополучия швейцарских крестьян в целом и альпийских жителей в частности. Изучая действительное положение дел в горных регионах Швейцарии в данный период, исследователи отмечают экономическое неблагополучие крестьян. См., напр., Braun R. Das ausgehende Ancien Régime in der Schweiz: Aufriß einer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1984. S. 58-85, besond. s. 81-85; Maissen T. Als die armen Bergbauern vorbildlich wurden. Ausländische und schweizerische Voraussetzungen des internationalen Tugenddiskurses um 1700 // Reichtum und

сочинениях «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (1755) и «Эмиль, или о воспитании» (1762). В жителях Швейцарии философ видит простых и «естественных» людей, и эта простота, с его точки зрения, влечет за собой добродетель и «республиканские» свободы. Уже в «Рассуждении о науках и искусствах» (1750) он превозносит швейцарцев как «безыскусственный народ, столь восхваляемый за свое мужество»⁷¹⁰; в «Общественном договоре» (1762) Руссо характеризует их как счастливейший народ на земле и рисует идеализированную картину системы управления Швейцарии как прямой демократии, где крестьяне под сенью дуба решают государственные вопросы⁷¹¹.

Редкий путешественник или поднимавшийся в Альпы ученый не восхищался величием и красотой гор. Вдохновенные строки, посвященные швейцарским Альпам, присутствуют в путевых заметках путешественников из разных стран, в том числе и России. Среди ученых-естествоиспытателей второй половины XVIII в. назовем прежде всего Ораса-Бенедикта де Соссюра (1740-1799), автора «Путешествия в Альпы»⁷¹², общепризнанного «отца» альпинизма. О.Б. де Соссюр, геолог и натуралист, испытал научное влияние своего дяди философа и натуралиста Шарля Бонне (1720-1793) (корреспондента и швейцарского собеседника Карамзина), а также А. фон Галлера. Именно Соссюр стал вдохновителем первого восхождения на Монблан, совершенного Жаком Бальмой и Мишелем Паккардом в 1786 г., а в 1787 г. он сам покорил «Белую гору». Опыт и советы «первого альпиниста» пригодились юному Павлу Строганову в его альпийском путешествии, маршрут которого ему также разработал Соссюр; о «Путешествии в Альпы» Соссюра упоминает в «Письмах...» Н.М. Карамзин⁷¹³.

Armut in den schweizerischen Republiken des 18. Jahrhunderts. Akten des Kolloquiums vom 23.-25. November 2006 in Lausanne. Genève, 2010. S. 95-112.

⁷¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в 3 т. Т 1. М., 1961. С. 48.

⁷¹¹ Подробнее см.: Stutzer W. Jean-Jacques Rousseau und die Schweiz : Zur Geschichte des Helvetismus. Diss. Zürich, 1950; Jost F. Rousseau et la Suisse. Neuchâtel, 1962.

⁷¹² de Saussure H.-B. Voyages dans les Alpes : précédés d'un essai sur l'histoire naturelle des environs de Genève. Т. 1-4. Neuchâtel; Genève 1779 – 1796.

⁷¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 262.

Популярность горных путешествий оказала благоприятное влияние не только на развитие ботаники, геологии, картографии, но и живописи. Один за другим альпийские высоты и даже ледники покоряли художники, стремившиеся писать горные пейзажи с натуры. Поэтической настрой и тщательная оптически-световая проработка становятся неотъемлемым признаком пейзажных полотен и офортов ряда швейцарских художников: с 1740-гг. наблюдается резкий подъем интереса к изображению горных ландшафтов⁷¹⁴, двигателями которого были близкие к кругу Галлера художники, Иоганн Людвиг Аберли и Каспар Вольф⁷¹⁵.

Соединить же научный подход к изучению Альп, поэтическую образность и мастерство живописца удалось создателям «исключительного»⁷¹⁶ для своего времени издания, «Достопримечательные виды швейцарских гор и их описание»⁷¹⁷, - А. фон Галлеру, С. Виттенбаху и К. Вольфу. Галлеру, как «патриарху» швейцарских Альп, было предложено составить предисловие к сборнику офортов с видами Альп. Известный бернский издатель Авраам Вагнер (Abraham Wagner, 1734-1782) живо интересовался альпийскими горами. Вместе со швейцарским художником Каспаром Вольфом (1735-1783)⁷¹⁸ и ученым и проповедником Якобом Самуэлем Виттенбахом (1748-1830) Вагнер совершил несколько (порой

⁷¹⁴ См. Boerlin-Brodbeck Y. Die „Entdeckung“ der Alpen in der Landschaftsmalerei des 18. Jahrhunderts // Tagung der deutschen Gesellschaft für die Erforschung des 18. Jahrhunderts, Herzog-August Bibliothek Wolfenbüttel. Heidelberg, 1995. S. 253-270.

⁷¹⁵ Подробнее см. Pfeifer-Helke T. Albrecht von Hallers Einfluss auf die Landschaftsmalerei am Beispiel Johann Ludwig Aberlis // Mitteilungen, Naturforschende Gesellschaft in Bern. Band 66. Bern, 2009. S. 29-36 ; Zimbühl H. J. « Der Berge wachsend Eis... » Die Entdeckung der Alpen und ihrer Gletscher durch Albrecht von Haller und Caspar Wolf // Mitteilungen, Naturforschende Gesellschaft in Bern. Band 66. S. 105-132. Об Аберли см. ADB. Band 1, 1875. S.20. Среди последователей Аберли назовем Г. Ритера, Н. Кёнига, Й. Я. Бидермана. О Вольфе см.: ADB. Band 43, 1898. S. 777-778.

⁷¹⁶ Zimbühl H. J. « Der Berge wachsend Eis... ». S. 124.

⁷¹⁷ Merkwürdige Prospekte aus den Schweizer-Gebürgen und derselben Beschreibung. Bern, 1776. Датировка издания 1776 годом вызывает вопросы, само предисловие Галлера датировано 23 июня 1777 г., предисловие для французского издания 1777 г. датировано октябрём того же года. Возможно, речь идет о типографской неточности. Исследователи ссылаются на 1777 г. как год выхода книги (напр.: Lüps P. Hallers Gletscher damals // Mitteilungen, Naturforschende Gesellschaft in Bern. Band 66.S. 139-150). Подробнее о различных изданиях «швейцарских видов» см. Zimbühl, Heinz J. « Der Berge wachsend Eis... ».

⁷¹⁸ Помимо статьи Х. Цимбюля см. также, напр., Raeber W. Caspar Wolf: 1735–1783; sein Leben und sein Werk. Ein Beitrag zur Geschichte der Schweizer Malerei des 18. Jahrhunderts. Schweizerisches Institut für Kunstwissenschaft. Oeuvrekatalog Schweizer Künstler Bd.7. Aarau, 1979; Reichler C. Der Maler in seiner Landschaft. Die „Merkwürdigen Prospekte aus den Schweizer-Gebürgen“ von Caspar Wolf // Reichler C. Entdeckung einer Landschaft. Reisende, Schriftsteller, Künstler und ihre Alpen. Zürich, 2005. S. 37-76.

весьма рискованных) путешествий в Альпы. В 1774 г. Вагнер заказал Вольфу около двухсот полотен с альпийскими ландшафтами для издания. Вольф делал зарисовки с натуры для будущих офортов⁷¹⁹ с видами альпийских ледников, водопадов, скал и ущелий, которые должны были войти в «Достопримечательные виды...». В 1774 – 1778/79 гг. в ходе предположительно семи (или восьми⁷²⁰) путешествий в Альпы Вольф создает порядка двухсот рисунков маслом (в 1777 г. готовы были уже 177 полотен!⁷²¹). В издании офорты с альпийскими видами были сопровождаемы сочинением Виттенбаха с описанием его путешествия по Бернским Альпам⁷²² (отметим, что Виттенбах также принимал у себя в гостях Карамзина). В «Предисловии» Галлер отмечает, что швейцарские ледники «еще совсем неизвестны иностранцам»⁷²³, и дает их общее описание: они состоят из вечных снегов и ледяных долин, «достигающих иногда в длину нескольких миль». В Альпах, объясняет Галлер, «по разным причинам, особенно после грозы и когда весной нагревается находящийся под пустой ледяной броней воздух», с гор скатываются большие глыбы льда, и «эти огромные льдины низвергаются в долину». Поэтому в узких, зажатых между высокими горами долинах, «наполненных кусками льда», стоит «лютый», «режущий» холод», который «настигает путешественника». В долинах же этих, пишет Галлер, везде видно «беспорядочное смешение» голых скал, «ледяных» скал, а также снежных глыб, задержавшихся на крутых склонах. Из узких долин вырывается ледяной воздух. Галлер дает яркое сравнение альпийских долин с замерзшим морем: «растаявшая в течение дня вода», «вскоре вновь охваченная холодом», замерзает, становится льдом, и поэтому, пишет он,

⁷¹⁹ В парижском издании 1785 г. использовалась техника акватинты (*Vues Remarquables Des Montagnes De La Suisse: Dessinées Et Colorées D'Après Nature ; Avec Leur Description [Rudolf Henzi. Vorwort: De Haller]. Amsterdam, 1785*).

⁷²⁰ Х. Цимбюль говорит в своей статье о восьми путешествиях (*Zimbühl H. J. Op.cit. S. 112.*), Галлер в «Предисловии» перечисляет семь (*von Haller A. Vorrede // Merkwürdige Prospekte aus den Schweizer-Gebürgen und derselben Beschreibung. Bern, 1776. S. 3, далее в сносках - Vorrede*).

⁷²¹ *Zimbühl H. J. Op.cit. S. 123.*

⁷²² *Wytttenbach J. S. Beschreibung einer Reise, die im Jahr 1776 durch einen Theil der Bernischen Alpen gemacht worden von Jac.Sam.Wytttenbach, Prediger im grossen Spithal, und Mitglied der physicalisch-öconomischen Gesellschaft zu Bern.*

⁷²³ *Vorrede, S. 1.* Далее цитаты из предисловия Галлера: *Vorrede, S. 1-4.*

долина вскоре выгладит из-за постоянно тающей и вновь замерзающей воды подобно «морю, которое как будто бы замерзло вместе со всеми своими волнами». Там, где это возможно, ледники спускаются по склону прямо в долины – как, например, наиболее достигаемые и потому столь популярные среди путешественников XVIII в. ледники Гриндельвальда.

* * *

Образ Альп, окончательно сформировавшийся в европейской культуре во второй половине XVIII в., отразился в широком спектре источников - художественных произведений, исторических работ, этнографических и картографических описаний, дневников и журналов путешественников, путеводителей, произведений изобразительного искусства и музыкальных произведений, что стало результатом неуклонно возрастающего интереса к Альпийским горам, отразило впечатления, ощущения и мечты, размышления об исторических реалиях и философские раздумья путешественников – в большинстве своем, литераторов и ученых⁷²⁴. Главным содержанием этого образа стало т.н. *Alpenbegeisterung* («воодушевление Альпами»). Более того, можно утверждать, что резкий рост интереса европейцев к Швейцарии – так называемое «воодушевление Швейцарией» (*Schweizerbegeisterung*), иначе «филгельветизм» (*Philhelvetismus*), – в XVIII в. был не в последнюю очередь обусловлен интересом к красотам швейцарских Альп. Формирование образа альпийской республики у путешественников во многом зависело от их восприятия швейцарской природы, и на основании восхищения Альпами строился «миф» о Швейцарии. Однако этот «миф», это идеализированное представление о швейцарской жизни не было привнесено в Швейцарию европейцами – скорее европейцы усвоили и уже продолжили эту традицию. «Мифологический» образ Швейцарии и ее гор культивировался внутри

⁷²⁴ Frey J. Die Alpen im Lichte verschiedener Zeitalter // Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, 12. Serie, 274. Berlin, 1877; Dreyer A. Geschichte der alpinen Literatur : ein Abriss. München, 1938; Guignard A. « Impressions » ironiques du voyage en Suisse et dans les Alpes. Travail présenté à la Faculté des Lettres de l'Université de Lausanne pour obtenir le grade de docteur ès lettres par Adrien Guignard, sous la direction du Professeur Claude Reichler. Lausanne, 2008 ; von Greyerz O. Alpendichtung. Die Alpen in der schönen Literatur, besonders der Schweiz und der östlichen deutschen Alpenländer // von Greyerz O. Sprache-Dichtung-Heimat. Bern, 1933. Jenny H. E. Die Alpendichtung der deutschen Schweiz. Bern, 1905.

страны патриотически настроенной общественной элитой и с течением времени проникал во все социальные слои.

Как уже оговаривалось во Введении к работе, под понятием «*швейцарский миф*» понимается поликомпонентный культурно-политический идеологический конструкт, оформившийся в XVIII в. на территории современной Швейцарии и способствовавший культурно-политической консолидации швейцарцев, а также оказавший решающее влияние на восприятие европейцами Швейцарии. *Alpenbegeisterung* при этом является одной из составных частей «швейцарского мифа», а *Schweizerbegeisterung* и *Philhelvetismus* можно условно считать синонимами «швейцарского мифа». Как «вариант» «швейцарского мифа», присутствующий в некоторых произведениях художественной литературы, подразумевается «*альпийская идиллия*» («*швейцарская патриархальная идиллия*»), заключающая в себе идеализированный образ горной и сельской Швейцарии, созданный в XVIII в. швейцарской (а позже, европейской) литературой и проникший в европейское сознание как устойчивая форма восприятия швейцарской действительности.

Выше были перечислены различные стороны «мифологизированного» образа Швейцарии. Формализуя их, можно выделить пять основных аспектов «швейцарского мифа»: исторический, политический, природный, моральный и фольклорный. *Исторический аспект* подразумевает обращение к швейцарской истории – как древней, так и современной путешественникам, на основе чего они делают выводы о степени актуальности «швейцарского мифа». *Политический аспект* выражается в акцентировании внимания на политических свободах швейцарцев – как в героическом и мифологическом прошлом, так и в настоящем. *Природный аспект* соотносится с восторженными описаниями швейцарской природы, прежде всего пейзажа Альп, в котором путешественники видят преемственность с давней альпийской идилличностью. *Моральный аспект* включает в себя характеристики нравов и образа жизни швейцарцев – прежде всего,

альпийских жителей. И, наконец, *фольклорный аспект* неразрывно связан с обращением к мифологической истории Швейцарии, и, прежде всего, к образу Вильгельма Телля.

Российское увлечение Швейцарией и Альпами стало органичной частью европейского *Alpenbegeisterung* благодаря тому, что в основе обоих лежал целый пласт связанных со Швейцарией текстов как результат несомненного культурного единства России и Европы, которое можно наблюдать уже со второй половины XVIII в. Первые отзвуки *Alpenbegeisterung* и «швейцарского мифа» слышны в путешествиях наследника российского престола Павла Петровича и Павла Строганова, совершенных в 80-х гг. XVIII в. Однако по-настоящему полное выражение эти новые для российской традиции явления получили в путешествии по Швейцарии Николая Михайловича Карамзина. Созданный им образ этой страны полностью корреспондирует с европейскими тенденциями XVIII в.⁷²⁵ Почти все русские путешественники, посетившие Швейцарию после Карамзина, обращались к его наследию, и «карамзинское» «воодушевление Альпами» имело доминирующее звучание в путевых заметках россиян⁷²⁶. Более того, во многом благодаря Карамзину с конца XVIII в. Россия, наряду с Германией, Францией, Англией, Швецией, Польшей, а позже и США, становится одной из ведущих стран «альпийского воодушевления»⁷²⁷,

⁷²⁵ Kammerer F. Zur Geschichte des Landschaftsgefühls im frühen achtzehnten Jahrhundert. Berlin, 1909; Sehen und Beschreiben. Europäische Reisen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Eutin, 1990; Wolfzettel F. Le discours du voyageur. Pour une histoire littéraire du récit de voyage en France, du Moyen Age au XVIIIe siècle. Paris, 1996; Reichler C. Le voyage en Suisse : anthologie des voyageurs français et européens de la Renaissance au XXe siècle. Paris, 1998; Hentschel U. Mythos Schweiz: zum deutschen literarischen Philhelvetismus zwischen 1700 und 1850. Tübingen, 2002 ; La culture du voyage. Pratiques et discours de la Renaissance à l'aube du XX siècle. Sous la redaction de Gilles Bertrand. Paris, 2004 ; Relations savantes. Voyages et discours scientifiques. Paris, 2006.

⁷²⁶ Среди т.н. «карамзинистов» особенно отметим Д.П. Горихвостова, Н.И. Тургенева, Н.И. Греча, Д.Н. Свербеева, А.Г. Глаголева, а также В.А. Жуковского, давшего карамзинской традиции новый, романтический импульс. См. также, напр. Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М. Карамзин Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525-606.

⁷²⁷ Lunn A. The Englishman in the Alps. London, 1913 (1927); Schirmer G. Die Schweiz im Spiegel englischer und amerikanischer Literatur bis 1848. Zürich und Leipzig, 1929; Engel C.-E. La littérature alpestre en France et en Angleterre aux XVIII et XIX siècles. Chambéry, 1930 ; Spindler R. Die Alpen in der englischen Literatur und Kunst. Leipzig, 1932; Bernard P. Rush to the Alps. New York, 1978 ; Dirlinger H. Bergbilder. Die Wahrnehmung alpiner Wildnis am Beispiel der englischen Gesellschaft 1700-1850. Frankfurt-am-Main, 2000; Tissot L. Naissance d'une industrie touristique. Les Anglais et la Suisse au XIXe siècle. Lausanne, 2000 ; Ring J. How the English made the Alps. London, 2000; Studer P., Egger S. (eds.) From the Margins to the Centre: Irish Perspectives on Swiss Culture and Literature. Bern, 2007; Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und

давшей весомый вклад в копилку «альпийских» и «швейцарских» впечатлений европейских путешественников.

Отметим, что для русских путешественников 1) «миф» накладывается на представления о российской действительности и, таким образом, приобретает российский подтекст, оттенок сравнительности, а порой и противопоставления, во многом поскольку *посещение Швейцарии становится толчком к размышлениям о России* (см. последний параграф второй главы); 2) «миф» не статичен, он рассматривается в динамическом развитии, с учетом текущих исторических изменений; 3) размышления русских путешественников о Швейцарии и, соответственно, о «мифе» зачастую приобретают критическую направленность (пик этой тенденции можно видеть впоследствии во второй половине XIX в., например, у Достоевского и Толстого); 4) осмысление «мифа» порой переходит в область высоких материй и приобретает характер философских и историософских рассуждений.

II. Процесс усвоения «швейцарского мифа» в русской традиции путешествий конца XVIII в.

Задача данного раздела – на примере альпийских путешествий россиян показать первые проявления и окончательное закрепление *Alpenbegeisterung* в русской культуре.

II.1 Граф Северный: русский принц в стране «патриархальной идиллии»

Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt-am-Main, 1996; Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991; Gryzik A. La découverte des Alpes dans la poésie polonaise, dans : La haute montagne. Vision et représentations // Le monde alpin et rhodanien (Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Revue régionale d'ethnologie). N 1-2, Grenoble, 1988. P. 237-243; Ziehen E. Die deutsche Schweizerbegeisterung in den Jahren 1750-1815. Frankfurt-am-Main, 1922; Liebi A. Das Bild der Schweiz in der deutschen Romantik. Bern-Leipzig, 1946; Thomke H., Bircher M., Pross W. Helvetien und Deutschland: kulturelle Beziehungen zwischen der Schweiz und Deutschland in der Zeit von 1770-1830. Amsterdam; Atlanta, 1994 ; Hentschel U. Mythos Schweiz: zum deutschen literarischen Philhellenismus zwischen

В 1781-1782 гг. будущий император **Павел I** (1754-1801) совершил заграничное путешествие⁷²⁸ вместе с супругой **Марией Федоровной** (1759-1828; урожденной принцессой Софией Доротеей Вюртембергской), в ходе которого посетил Швейцарию. Намерение наследной четы отправиться в Европу совпало с политическими планами Екатерины II, желавшей, чтобы сын нанес визит императору Иосифу II в Вене. Но если императрицей руководили соображения политической выгоды, то наследник престола ставил во главу угла задачу познавательную. Целью Павла Петровича, по его собственному признанию, было «употребить все усилия, чтобы принести возможно больше пользы своему отечеству», а для этого, справедливо полагал он, «надо приобретать познания, а не сидеть на одном месте, сложа руки»⁷²⁹. Европейская поездка Павла продлилась 1 год и 2 месяца; супруги выехали из Петербурга 19 сентября 1781 г. и вернулись назад 20 ноября 1782 г.⁷³⁰. Согласно традициям того времени, Павел с женой путешествовали под чужим именем, представляясь как граф и графиня Северные (le Comte et la Comtesse du Nord). Хотя великий князь «лично не придавал политического значения своей поездке», его встречали повсюду как сына и наследника Екатерины, окружая постоянным вниманием и почестями, «какие только допускало его инкогнито», так что за границей Павел Петрович «вполне воспользовался преимуществами своего сана, в которых ему часто отказывали на родине»⁷³¹. За все время своей поездки супруги посетили Австрию, Италию, Францию, Нидерланды, Швейцарию и южную Германию. Прожив месяц в Монбельяре (Montbéliard) в семейном кругу, в окружении родных Марии Федоровны и насладившись там «спокойствием духа и тела»⁷³², наследник заехал в Швейцарию уже на обратном пути в Россию.

1700 und 1850. Tübingen, 2002; Naumann K. Utopien von Freiheit. Die Schweiz im Spiegel schwedischer Literatur. Basel und Frankfurt-am-Main, 1994.

⁷²⁸ См., напр., Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 144-173, Песков А.М. Павел I. М., 2005. С. 297-316.

⁷²⁹ Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., 1902. С. 28.

⁷³⁰ Там же. С. 28, 32.

⁷³¹ Там же. С. 29.

⁷³² Там же. С. 30.

Путешествие Павла Петровича по Швейцарии очень подробно, с привлечением новых архивных источников, освещено в статье Г. Риггенбаха⁷³³. Позволим себе, с опорой на указанную работу, лишь отметить важнейшие детали этого путешествия. Посещение альпийской республики входило в первоначальный план путешествия и казалось самому наследнику немаловажным (при этом оно не диктовалось «дорожной логикой», поскольку ради Швейцарии Павел сделал большой «крюк», существенно отклонившись от кратчайшего пути домой, что было в целом не характерно для его маршрута).

Павел с супругой въехали в Швейцарию со стороны французского Безансона и провели там десять дней (4.09/ 24.08.1782- 14.09/ 02.09.1782 гг.): побывали на Женевском озере, посетили Лозанну, Веве, Муртен, Авентикум, Тун, Берн (где присутствовали на данном в их честь балу), Гриндельвальд и горы бернского Оберланда, долину Лаутербруннена, Цюрих (ознаменованный встречей Павла со знаменитым Лафатером⁷³⁴) и Базель, откуда направились в Страсбург⁷³⁵. Несмотря на известную кратковременность, супруги остались «в высшей степени довольны»⁷³⁶ своим пребыванием в Швейцарии и приобрели даже несколько картин со швейцарскими видами местного художника Аберли. Н.А. Саблуков вспоминал, что после возвращения из путешествия Мария Федоровна велела построить в Павловске «шале, подобные тем, которые она видела в Швейцарии»⁷³⁷.

Сразу обращает на себя внимание совершенно не характерное для русских путешествий XVIII в. построение маршрута наследной четы. Это говорит о том, что разработчики маршрута швейцарского путешествия Павла

⁷³³ Riggenbach H. Die Reise des Compte du Nord von 1782 aufgrund neuer Archivfunde// Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S. 49-62.

⁷³⁴ См. об этом, напр., Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

⁷³⁵ Указание «мест пребывания и ночлега» наследника с супругой см.: Плещеев С.И. Начертание путешествия Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Марии Федоровны под именем Графа и Графини Северных [...]. СПб., 1783. С. 14-15.

⁷³⁶ Riggenbach H. Op.cit. S. 56.

были хорошо знакомы как с историческими, так и с природными достопримечательностями Швейцарии. И действительно, пребывание Павла в Швейцарии, так же как и его восприятие «счастливой альпийской страны», нельзя рассматривать без учета влияния Галлера – проводником которого был свояк Павла Петровича, принц Петр Голштинский⁷³⁸, сопровождавший великокняжескую чету⁷³⁹. Принц Голштинский провел годы своей юности в Берне (1764-1769) и воспитывался полковником русской службы Карлом Фридрихом фон Штаалем (Karl Friedrich von Staal, 1721-1789), другом Альбрехта фон Галлера, да и сам *Галлер* в свое время принимал активное участие в воспитании принца. Благодаря этому уже с юных лет в сознании принца под влиянием Галлера сформировался тот образ Швейцарии, который он передаст Павлу (который был к тому же с детства знаком с творениями Вольтера и Руссо)⁷⁴⁰.

Поэтому неудивительно, что в маршруте великого князя значилось посещение долины Лаутербруннена и ледников Гриндельвальда, а сам он априори имел самое восторженное представление о Швейцарии как счастливой и свободной стране. И Павел имел возможность утвердиться в этой мысли. Всюду он со своими спутниками встречал радушный прием – у магистратов ли или у крестьян, повсюду видел довольство и устроенность. Большое впечатление на наследника произвела поездка в Альпы через Тун и Тунское озеро: «на кораблях играла музыка», по пути его повсюду приветствовали «крестьяне в своем лучшем платье»⁷⁴¹. Как пишет очевидец, «эта часть Бернского кантона казалась волшебной страной», которая давала

⁷³⁷ Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: 1908. С. 59.

⁷³⁸ Петер Фридрих Людвиг Гольштейн-Готторпский (Peter Friedrich Ludwig von Holstein-Gottorf, 1755-1829), двоюродный брат императрицы Екатерины II. Был женат на принцессе Фридерике Вюртембергской, родной сестре супруги Павла Петровича. С 1823 г. великий герцог Ольденбургский под именем Петра I. Отец принца Георгия Петровича Ольденбургского (Peter Friedrich Georg von Oldenburg), мужа великой княжны Екатерины Павловны.

⁷³⁹ Riggenbach H. Die Reise des Compte du Nord von 1782 aufgrund neuer Archivfunde // Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S.58; Freivogel T. «auf einem hohen Felsen [...] und den Alpen in der Ferne». Hirschfelds Haller-Denkmal // Albrecht von Haller zum 300. Geburtstag. S. 123.

⁷⁴⁰ Riggenbach H. Op.cit. S. 58.

«наиболее выгодное представление о Швейцарии», а народ казался «самым счастливым на свете». Павел был «очарован» ледниками Гриндельвальда; он хвалил плодородие земель, чистоту улиц, превозносил «свободу швейцарских крестьян»⁷⁴² и даже выразил желание увидеть люцернского крестьянина в национальном костюме и при оружии - ему были представлены двое крестьян из Энтлебуха (Entlebuch, деревня в кантоне Люцерн)⁷⁴³. Наследник российского престола отметил, что в Швейцарии «повсюду видишь счастливый народ, живущий по мудрым законам»⁷⁴⁴ - не слышатся ли в этом отголоски галлеровских «Альп»?..

Если лейтмотивом пребывания Павла Петровича в Швейцарии можно назвать «воодушевление», то последующие события истории его правления, связанные с удивительной горной страной, можно охарактеризовать скорее как «разочарование»: крах планов Павла даровать благополучие жителям страны, ставшей театром военных действий для русской и французской армий, поражение корпуса Римского-Корсакова... Тем не менее для Павла Швейцария осталась страной-сказкой, прибежищем счастья и вдохновения, живым воплощением книжной «идиллии».

⁷⁴¹ Voyage en Suisse du Comte du Nord (Paul Petrowitsch, tsarewitsch). 1782. Communication de M.M. de Diesbach. In : Nouvelles étrennes fribourgeoises, V. XXIV, 1890, P. 85.

⁷⁴² Ibidem.

⁷⁴³ Riggenbach, H. Op.cit. S. 53.

⁷⁴⁴ Ibid. S.53-54.

II.2 Альпийское путешествие П.А. Строганова

Путешествие в Альпы графа П.А. Строганова было предпринято им из Женевы, где он учился, летом 1787 г., в перерыве между занятиями. В подготовке путешествия Строганова со спутниками – Ж. Роммом и А.Н. Воронихиным – принял участие прославленный женеvский ученый Орас Бенедикт де Соссюр. Соссюр помог россиянам составить маршрут, рассказал о наиболее интересных местах и посоветовал своего проводника – Пьера Бальму (Pierre Balmat). Строганов со спутниками отправились из Женевы в сторону Монблана 8 июля 1787 г. Там, где позволяла местность, они ехали в повозке, в горных долинах брали мулов или шли пешком.

Это горное путешествие было частично описано Павлом Строгановым на французском языке в «путевом дневнике» - «*Rélation de mon voyage en Suisse*»⁷⁴⁵. Строганов повествует о первых двух неделях пути – о переходе от Женевы через Саланш к Шамони, о савойских ледниках, о спуске в Мартиньи, об экскурсии в соляные шахты в Бе и подъеме на перевал Большой Сен-Бернар⁷⁴⁶. После (краткой) поездки великого князя Павла Петровича в Бернский Оберланд длительное горное путешествие Строганова, к тому же сопровождаемое его «путевым журналом», стало новой ступенью в истории альпийских путешествий россиян. Конечно же, часть пути Строганова пролегла по Савойским Альпам, путешествия в которые в настоящей работе не рассматриваются, однако в данном случае необходимо сделать исключение – не столько потому, что изучение швейцарских и Савойских Альп было исторически связано и данный маршрут Строганову посоветовал сам Соссюр, столько по причине того, что в описании путешествия Строганова – впервые у русских путешественников до Карамзина – присутствует эмоциональное восприятие Альп и их художественное описание. В тексте Строганова, безусловно, присутствуют

⁷⁴⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 348. Л. 174-199 об.

⁷⁴⁶ 8 июля они вышли из Женевы, а 17 июля были близ Мартиньи.

черты *Alpenbegeisterung*. Причиной тому послужило, прежде всего, общение с Соссюром, но, как кажется, также могло иметь место и знакомство Строганова с предшествующей литературой.

Отчет Строганова о горном путешествии содержит подробное описание всего увиденного; значительная часть повествования посвящена долине Шамони и вообще савойской стороне – горам, ледникам и горным потокам. Выйдя из Женевы и миновав горы Салев и Моль, путешественники увидели Монблан: «Облака, покрывавшие Монблан в течение нескольких дней, рассеялись, когда мы прибыли в Саланш, и мы смогли восхититься этим видом. Монблан представился нам во всем своем величии. Все окружающие его горы, которые нам казались очень высокими, когда Монблан был скрыт от взора, становятся ниже, когда он открывается. Смотреть на Монблан лучше всего в вечерние часы, когда сверкающая белизна его вершины прекрасно контрастирует с темной синевой неба» - в восхищении записывает Павел Строганов⁷⁴⁷. Путешественники продвигаются в сторону Шамони мимо озер и виноградников, горных ручьев и великолепных водопадов. Строганова, как любознательного естествоиспытателя, интересуют разного рода географические подробности – как питается река⁷⁴⁸, что с ней происходит во время засухи, как она приносит с ледников обломки скал... В своем путевом журнале Строганов неоднократно ссылается на Соссюра. Описывая обломки скал, вынесенных бурной рекой на равнину, он отмечает, что обычно это происходит весной, говорит о силе реки и характеризует данное явление как «прекрасные ужасы». Он упоминает, что «однажды господин Соссюр стал свидетелем этого прекрасного, но разрушительного феномена»⁷⁴⁹.

На всем пути взорам россиян представлялись зрелища страшные и одновременно красивые. Пятнадцатилетний путешественник приводит блестящее описание одного из них: «...Затем тропа поднимается в гору и

⁷⁴⁷ Л. 176 об. – 177.

⁷⁴⁸ Путешественники двигались вдоль притока Роны - реки Арв, которая берет свое начало в массиве Монблана.

идет вдоль очень глубокой пропасти, в низу которой пенится Арв. Горы убраны великолепными елями, и удивительно видеть, на каких крутых склонах растут эти огромные растения и как мало они имеют земли для своих корней. Скалы в этой местности почти все гранитные. Природа здесь настолько дикая, что кажется, что ты один на этой земле»⁷⁵⁰.

Достигнув подножия «Белой горы», путешественники поднимаются, чтобы осмотреть ледники массива Монблана. Альпийские ледники производят неизгладимое впечатление на Павла. Так, ледник Таконá (Taconnaz) кажется ему «великолепным»: «Этот ледник состоит, по крайней мере в той части, которую нам удалось увидеть, из ледяных пирамид самых разных форм. Среди них есть такие, которые как будто бы увенчаны ледяными шапками»⁷⁵¹. Строганов со спутниками забрались и на другой ледник Монтанвер (Montanvert), являющийся частью огромного ледника «Ледяное море» (Mer de Glace) и видели остатки каменной лавины. Напротив того места, куда они забрались, возвышался Пик Пти-Дрю (Aiguille du Dru⁷⁵²), «чрезвычайно высокий, тонкий и острый». «Невозможно описать величие этого пика. Он необычайно напоминает старинные постройки готов, и можно было бы подумать, что именно в Альпах готы научились своей архитектуре»⁷⁵³. Поразительно, но Павел Строганов – первый из русских путешественников, кому открывается «архитектура гор», кто сравнивает альпийские шпили со шпилями готических соборов. После Строганова такое же сравнение предложит С.П. Шевырев в 1831 г.

Путешественники поднимаются 15 июля на лежащий напротив Монблана хребет Плампра (Plampra), где Павел убеждается в том, что на таких высотах «все предметы кажутся расположенными намного ближе, чем они есть на самом деле», и предполагает, что это связано с особой чистотой и

⁷⁴⁹ Л. 178 об.

⁷⁵⁰ Л. 179 об.

⁷⁵¹ Л. 180.

⁷⁵² Aiguille – иголка (фр.).

⁷⁵³ Л. 183- 183 об.

прозрачностью здешнего воздуха⁷⁵⁴. Строганова завораживают виды диких острых скал и скачущих по ним диких горных коз, он отважно ступает на скользкие альпийские льды, а, спустившись, покупает на память горные минералы, кристаллы и рога серн. Внизу, в долине Шамони, глаз радовали мирные пастбища, а в горных шале россиян потчевали здешним сыром и маслом.

С сожалением покинув долину Шамони, Строганов со спутниками под предводительством Пьера Бальмы двигались в сторону долины Роны. По пути, пишет Строганов, он и Воронихин так изголодались, что не слишком обильная трапеза, состоявшая из сыра, молока и хлеба (который был испечен, говорит Строганов, год назад), показалась им превосходной⁷⁵⁵. 17 июля они поднялись на перевал Форкла (col de la Forclaz) и стали спускаться в сторону Мартиньи. По сравнению с ужасами природы, бурными потоками и пропастями и Шамуни кантон Вале показался им «богатым и достаточно возделанным»⁷⁵⁶. Из Мартиньи, мимо водопада Писваш, путешественники направились в Бе, где осмотрели соляные рудники, к директору которых, господину Вильду (Wild), им дал рекомендательное письмо Соссюр⁷⁵⁷. Затем они возвращаются назад в Мартиньи⁷⁵⁸, откуда поднимаются на перевал Сен-Бернар 25 июля 1787 г. – в письме отцу Строганов упоминает итальянских монахов и собак-сенбернаров, помогающих странникам⁷⁵⁹.

На упоминании Сен-Бернара путевой журнал Павла Строганова заканчивается, и можно лишь догадываться о деталях его дальнейшего маршрута. Уже 26 июля 1787 г. он пишет отцу из Туна, что значит, что путешественники достаточно быстро продвинулись на север из долины Роны по одной из долин Бернских Альп (вероятно, через перевал Гемми). Следующее из писем путешествующих, письмо Ромма А.С. Строганову,

⁷⁵⁴ Л. 186.

⁷⁵⁵ Л. 189. Хлеб в те времена был очень редким продуктом в горах.

⁷⁵⁶ Л. 191.

⁷⁵⁷ Л. 194.

⁷⁵⁸ Л. 198.

⁷⁵⁹ П.А. Строганов – А.С. Строганову, 26 июля 1787 г. – Л. 84-84 об.

было отправлено 7/18 августа из Люцерна⁷⁶⁰. Таким образом, у них было время, чтобы до отъезда в Люцерн совершить экскурсию в горы Бернского Оберланда – так ли это было, можно лишь догадываться. Но также неизвестно, по какому пути путешественники следовали из Туна в Люцерн – через озера и горы или же более длинным объездным северным путем через Берн. В Люцерне они встретились со знаменитым генералом Франсуа-Луи Пфиффером⁷⁶¹ (1716-1802), исследователем Альп и создателем «рельефа» - объемной карты швейцарских гор вокруг Люцерна, о котором позже напишет Карамзин⁷⁶².

1 сентября Строганов, Ромм и Воронихин были уже в Страсбурге⁷⁶³, где они встречаются с Григорием Строгановым и Демишелем. Но вскоре все вместе они вновь направились в Женеву через кантоны Базель, Невшатель и Во⁷⁶⁴. В начале октября Павел пишет отцу из Женевы, отмечая, что на всем пути по Швейцарии они могли без труда любоваться снежными вершинами Альп⁷⁶⁵. В октябре возобновляется учеба юношей, которая продлится до мая 1788 г. Последнее письмо Павла отцу из Женевы с сообщением о скором отъезде датировано 10/21 мая⁷⁶⁶. Из Женевы Строгановы отправляются в Париж, бурливший накануне революции...

Таким образом, пребывание Павла Строганова в Швейцарии сочетает черты «нового» и «старого» в истории «русских путешествий». С одной стороны, Строганов продолжает сложившиеся образовательные традиции русской аристократии (см. главу I), в буквальном смысле идет по стопам своего отца. Нет сомнений, что обучение в Женеве дало Строганову солидную базу знаний. С другой стороны, юный Строганов отправляется в

⁷⁶⁰ Ж. Ромм – А.С. Строганову, 7/18 августа 1787 г. – Л. 287.

⁷⁶¹ Franz Ludwig Pfyffers Relief der Urschweiz. Работа по изготовлению рельефа длилась с 1762 по 1786 г. (!). «Пфифферов рельеф» стал объектом внимания многочисленных путешественников, среди которых отметим А. Вольга, И.В. фон Гёте, У. Кокса и И.Г. Эбеля, автора одного из наиболее популярных путеводителей по Швейцарии. См. также: Bürgi A. Relief der Urschweiz. Entstehung und Bedeutung des Landschaftsmodells von Franz Ludwig Pfyffer. Zürich, 2007; Cavelti Hammer M. Herstellung und Auswirkungen des Reliefs der Urschweiz von Franz Ludwig Pfyffer. In: Cartographica Helvetica, Heft 18 (1998) S. 11–18.

⁷⁶² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 261.

⁷⁶³ Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. С. 234.

⁷⁶⁴ Ж. Ромм – А.С. Строганову, 17/28 сентября 1787 г. – Л. 87.

⁷⁶⁵ П.А. Строганов – А.С. Строганову. 6 октября 1787 г. – Л. 88.

достаточно продолжительное – особенно по меркам XVIII в. – путешествие по Альпам, видит чудеса и ужасы природы и имеет возможность составить собственное представление о жизни в Альпах. Как точны и выразительны строки пятнадцатилетнего юноши о мире Савойских Альп! Конечно, многие россияне в XIX в. совершат путешествие в долину Шамони к Монблану, однако с высоты XVIII в. Строганову удалось увидеть то, чего не увидит Карамзин.

⁷⁶⁶ П.А. Строганов – А.С. Строганову, 10/21 мая 1788 г. – Л. 112.

II.3 Н.М. Карамзин и перенос «швейцарского мифа» на русскую почву

1. «Литературное знакомство» Карамзина со Швейцарией и «швейцарским мифом»

Николай Михайлович Карамзин (1766-1826), без сомнения, сыграл ключевую роль в зарождении русского «паломничества» в Швейцарию и надолго определил парадигму восприятия этой страны русскими путешественниками. Путешествие Карамзина по Швейцарии было частью его полуторагодовой заграничной поездки, но, тем не менее, воспоминания о Швейцарии и интерес к швейцарской теме - как с литературной, так и с нравственно-политической точек зрения - будут сопровождать кумира просвещенной молодежи и придворного историографа всю жизнь. К посещению Швейцарии Карамзин был подготовлен всем предшествовавшим ходом своего личного и творческого развития, и потому необходимо обратиться сперва к некоторым фактам его биографии, углубляющим наше представление о степени его погруженности в швейцарскую тематику и заинтересованности в ней.

По завершении домашнего образования в Симбирске Карамзин переехал в Москву и поступил в пансион университетского профессора И.М. Шадена, где провел около трех лет. Юноша в совершенстве овладел немецким и французским, читал по-английски и по-итальянски и занимался древними языками, а также посещал лекции в Московском университете. Вскоре он оказывается в кругу масонов под начальством Николая Ивановича Новикова (1744-1818) и начинает активно сотрудничать в издаваемых Новиковым журналах. Журнальная и переводческая деятельность молодого Карамзина способствовала его погружению в мир европейской культуры, для которой и он не окажется чужим, когда на равных будет общаться с выдающимися ее представителями во время своего путешествия.

В эти годы Карамзин знакомится с литературой, проложившей дорогу «швейцарскому мифу»: с творениями Галлера, Геснера, Клопштока, а также Руссо, и из их произведений извлекает «ключ к оценке природных красот Швейцарии, достоинств ее республиканской системы и швейцарского национального характера»⁷⁶⁷. Несомненно, важнейшую роль в складывании у Карамзина образа Швейцарии сыграло творчество Галлера и Геснера. С сочинениями Геснера Карамзин, по собственному признанию, был знаком «с самых детских лет»⁷⁶⁸. В своей переводческой деятельности Карамзин нередко обращался к сочинениям, непосредственно или косвенно связанными с тематикой идиллии⁷⁶⁹. Не случайно самой первой публикацией молодого литератора стал перевод поздней идиллии Саломона Геснера «Деревянная нога»⁷⁷⁰ („Das hölzerne Bein“, 1772), напечатанный в России в 1783 г.⁷⁷¹ Среди идиллий Геснера «Деревянная нога» занимала особое место, поскольку в основу ее сюжета был положен эпизод из истории Швейцарии⁷⁷². Вслед за Геснером юный Карамзин подчеркивал в своем переводе патриотическую идею «дражайшей вольности»⁷⁷³ швейцарцев⁷⁷⁴. Карамзин и в дальнейшем занимался переводами идиллий Геснера⁷⁷⁵ и, по кончине последнего в 1788 г. не раз воздавал хвалу выдающемуся писателю своего времени (в том числе и неоднократно в «Письмах русского путешественника»)⁷⁷⁶.

⁷⁶⁷ Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 212.

⁷⁶⁸ Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. XVII. С. 200.

⁷⁶⁹ Подробнее см.: Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 319-337.

⁷⁷⁰ Gessner S. Das Hölzerne Bein, eine Schweizer-Idylle. V. Teil. Zürich, 1772.

⁷⁷¹ Геснер С. Деревянная нога, швейцарская идиллия гос. Геснера / Пер. с нем. Никол. Карамз. Спб., 1783.

⁷⁷² van Tieghem P. Les Idylles de Gessner et le rêve pastoral dans le préromantisme européen // Revue de littérature comparée, t. IV, Paris, 1924, P. 52.

⁷⁷³ Геснер С. Деревянная нога... / Пер. с нем. Никол. Карамз. С. 7.

⁷⁷⁴ Подробнее см.: Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 94; Виноградов В.В. О языке карамзинского перевода идиллии С. Геснера «Деревянная нога» // Проблемы теории и истории литературы: Сб. статей, посвященный памяти проф. А.Н. Соколова. М., 1971. С. 101-105.

⁷⁷⁵ Подробнее см. Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина. С. 210-228.

⁷⁷⁶ См., напр.: Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. XVII, с. 200 (перевод идиллии, посвященной памяти Геснера, с карамзинским послесловием в стихах и прозе, где приносилась дань покойному писателю); ч. XVIII, с. 110-112 (перевод идиллии «Идас и Микон»); в «Письмах» из Цюриха, вспоминая о Геснере, Карамзин, к примеру, восклицает, что слава его, «вечно юная, жить будет и тогда, когда трофеи завоевателей истлеют во прахе» // Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника // Н. Карамзин. Бедная Лиза: Автобиография. Повести. Письма русского путешественника. М., 2005. С. 257.

Карамзин переводит поэму Галлера «*О происхождении зла*» („Über den Ursprung des Übels, 1734), изданную Новиковым в 1786 г.⁷⁷⁷ Выбор именно этой морально-дидактической поэмы во многом определялся нравственными интересами просветительско-масонского круга, к которому в то время был близок Карамзин⁷⁷⁸, ибо она в полной мере отражала идеалы швейцарских просветителей⁷⁷⁹. К тому же, как и в случае с «Деревянной ногой» (и с поэмой Галлера «Альпы»), отвлеченные категории «добродетелей» получали в поэме *конкретных носителей в лице жителей Швейцарии*. О восторженном отношении Карамзина к Швейцарии и швейцарцам (уже тогда!) можно судить по его примечанию к тому месту поэмы «О происхождении зла», в котором говорилось о счастье «первобытных» людей. Карамзин писал: «Под сими счастливыми тварями разумеет Галлер альпийских пастухов. Все, слышанное мною от путешествовавших по Швейцарии о роде жизни их, в восхищение приводило меня. Размышление о сих счастливых часто побуждало меня восклицать: „О смертные! почто уклонились вы от начальной невинности своей! почто гордитесь мнимым просвещением своим!“»⁷⁸⁰. Безусловно, определяющей для карамзинского понимания «швейцарской идиллии» стала поэма Галлера «Альпы» («Die Alpen», 1729) (отрывок из которой он поместит в «Письмах русского путешественника»).

Стоит отметить также работу Карамзина по переводу⁷⁸¹ статей из «*Созерцания природы*» („Contemplation de la Nature“, 1764) женева Шарля Бонне, философского сочинения, проникнутого идеями мировой гармонии. И естественно, что молодой путешественник, оказавшись в Женеве, будет искать встречи с прославленным ученым, и ему посчастливится быть принятым и обласканным Бонне.

⁷⁷⁷ Галлер А. О происхождении зла, поэма великого Галлера (в 3-х песнях) / Пер. с нем. М. 1786.

⁷⁷⁸ См.: Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1803) // Ученые записки Тартуск. гос. ун-та, 1957, вып. 51. С. 124 и след.

⁷⁷⁹ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 95.

⁷⁸⁰ Галлер А. О происхождении зла... / Пер. с нем. С. 11.

⁷⁸¹ Детское чтение для сердца и разума. 1789, ч. XVII, с. 3-53; ч. XIX, с. 165-205.

Еще одним важным шагом к постижению мира сельской Швейцарии стала повесть «Пустынник»⁷⁸², происхождение которой связывают с работой над переводом из «Деревенских вечеров» французской писательницы сентиментального направления С.-Ф. Жанлис (1746-1830). В настоящее время невозможно утверждать, что эта повесть являлась именно переводом из Жанлис - возможно, это сочинение Карамзина «опиралось на какой-то пока неизвестный нам иностранный источник или же являлось вполне свободной, самостоятельной вариацией на мотивы, распространенные в литературе того времени»⁷⁸³. Интересно, что сюжет этой повести в какой-то мере предвосхитил путешествие самого Карамзина (и даже некоторые эпизоды из него). Карамзин продолжает линию воспринятого им «швейцарского мифа» и представляет Швейцарию в духе идиллии: в повести читатель находит добродушных альпийских пастухов, аркадские нравы, вечно прекрасную природу. Карамзин также привносит в это сочинение опыт художественной передачи эмоционального восприятия природы - «переживания пейзажа». Герой повести, англичанин господин Девис, путешествуя по Европе, заехал в Швейцарию и, полюбив эту землю, надолго в ней задержался. Ему нравились прекрасные места, «естественно добрый характер жителей» и их простота, он часто ходил по Альпийским горам, где не опасался разбойников, ибо там всякий, «не будучи богат, доволен своим состоянием». Пастухи угощали его «лучшим молоком, лучшим сыром, лучшим хлебом» и почитали за обиду, если он хотел «деньгами заплатить за угощение их». Англичанин созерцал Альпийские горы в грозу, когда молния освещала вершины гор, «вечным снегом и льдом покрытые», и его душа «возвышалась, возвеличивалась» от этого великолепного вида, ибо он имел «чувствительное сердце».⁷⁸⁴ Карамзин вводит в повесть также сюжеты встреч путешественников со швейцарскими знаменитостями – Бонне, Бодмером,

⁷⁸² Детское чтение для сердца и разума. 1788, ч. XV. С. 27-94.

⁷⁸³ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 96. Об авторстве Карамзина см.: Cross A. Karamzin's first short story? // Essays in Russian history and literature. Leiden, 1972. P. 38-55.

⁷⁸⁴ Детское чтение для сердца и разума. 1788, ч. XV. С. 30.

Геснером, Лафатером, а также Вольтером⁷⁸⁵. И этот своеобразный *itinerarium* молодого писателя свидетельствует о том, что уже до своей поездки в Швейцарию он пытался представить себе обстоятельства подобного путешествия и передавал читателю свои литературные впечатления *априори*, будучи лишь знаком с литературой «швейцарского мифа». Точность этих впечатлений подтверждается близкими по духу высказываниями в «Письмах» и говорит о недюжинном даре Карамзина столь правдоподобно и выразительно изображать то, о чем он имел представление лишь по описаниям. При этом не следует упрекать его в литературном плагиате, и, напротив, Карамзин не просто воспроизводит в «Письмах» уже знакомый ему материал, а обогащает его новыми красками, новыми мыслями и впечатлениями. Да и удивительно разве, что в швейцарских Альпах усталому путешественнику пастухи предложат чашку воды или кувшин молока?.. Совпадение бытовых сюжетов, как кажется нам, вызвано тем, что Карамзин действительно нашел в Швейцарии то, что стремился найти – страну воплощенной «идиллии».

Как указывалось во второй главе, именно Карамзиным была заложена традиция всесторонней подготовки к путешествию. В «Письмах русского путешественника» он неоднократно ссылается на известные ему сочинения по географии, истории Швейцарии, не считая литературных реминисценций. Назовем здесь лишь имена Пуфендорфа, Гюбнера, Бюшинга, Виттенбаха, Соссюра, Кокса и Галлера (на этот раз в качестве естествоиспытателя). Из литературных воспоминаний путешественника в Швейцарии отметим, помимо творений Галлера и Геснера, «Новую Элоизу» и «Исповедь» Руссо. Погружение в мир швейцарской литературы и литературы о Швейцарии повлияло на восприятие Карамзиным всех составных элементов «швейцарского мифа». Еще не побывав в Швейцарии, он имел вполне четкое представление о ней, основанное на литературе «швейцарского мифа» - и

⁷⁸⁵ Это говорит о том, что действие повести разворачивается до 1778 г., когда был еще жив Вольтер. Карамзин же посетит из перечисленных в повести знаменитостей Бонне и Лафатера.

этот образ Швейцарии он «возьмет» с собой в путешествие, его передаст читателю на страницах «Писем...», этот образ будет позднее эволюционировать вместе с философскими и социально-политическими воззрениями Карамзина. В Швейцарию Карамзин приедет со «своей Швейцарией», и будет «испытывать» ее на соответствие истинному положению вещей. И тем более замечательно, что соприкосновение путешественника с реальной Швейцарией, переданное на страницах «Писем...», будет столь близко «уже испытанному», заранее «прочувствованному» и изображенному Карамзиным. Впечатления молодого писателя совпадут с его ожиданиями.

2. Европейское путешествие Карамзина и место в нем Швейцарии

К путешествию по Европе, по европейскому культурному пространству Карамзин был подготовлен всей своей предшествовавшей литературной деятельностью. Карамзин ехал «знакомиться с окружающим обществом» и наблюдать «над чуждою России жизнью»⁷⁸⁶, дабы извлечь из нее уроки для своей родины (как он сам заметит в «Письмах...», «для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать»⁷⁸⁷).

Карамзина едва ли можно причислить к разряду русских аристократов, и потому столь необычной казалась современникам его поездка; ее почитали «явлением необыкновенным»⁷⁸⁸, ведь, чтобы совершить ее, он даже продал свое имение братьям и на эти деньги отправился в Европу (а там якобы сэкономил на ужинах и зато привез в Россию прекрасную библиотеку⁷⁸⁹). Новой, иной была сама концепция путешествия Карамзина – это была не только и не столько образовательная поездка, она по форме хотя и напоминала Grand Tour, но имела совершенно новое содержание. Путешествие Карамзина было познавательным в широком смысле этого

⁷⁸⁶ Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 503.

⁷⁸⁷ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 236.

⁷⁸⁸ Русский биографический словарь. Т. 8. С. 503.

слова. Его целью было не просто увидеть, но прочувствовать Европу, получить бесценный духовный опыт соприкосновения с другими культурами, а затем, извлекая уроки из него, поделиться этим опытом со своими соотечественниками. Карамзин всюду старается вступить в контакт с представителями иной культуры, он имеет массу рекомендательных писем и пользуется каждой возможностью, чтобы посетить ту или иную знаменитость (и к этим встречам он подходит как равный, европейски образованный собеседник), он «переживает» даже пейзаж. Путешествие дает Карамзину возможность реализации определенной просветительской концепции, и это имеет далеко идущие связи с программой «Писем» в целом. Карамзину было очень важно именно «прочувствовать» Европу (*нем. erleben*), и это играло определяющую роль в его просветительской установке – *просвещать через чувство*. В этом свете нельзя не согласиться с утверждением о «глубокой связи сентиментализма с идеологией Просвещения»⁷⁹⁰ и, не вдаваясь в споры о «двух путешественниках»⁷⁹¹, мы признаем, что с подобным подходом – просвещение публики через чувство – Карамзину были порой необходимы «литературные позы»⁷⁹², с помощью которых он мог, не меняя содержания, изменять форму подачи материала. Однако, применительно к «Письмам», кажется более обоснованной позиция тех исследователей, которые встают на позицию «презумпции

⁷⁸⁹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 162.

⁷⁹⁰ Кочеткова Н.Д. Проблемы изучения литературы русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 37.

⁷⁹¹ Идея о «двух путешественниках» и «сокрытии» Карамзиным части своего путешествия (еще одного пребывания в Париже вместо Женевы) была выдвинута Ю.М. Лотманом в его литературно-биографическом труде («Сотворение Карамзина»). Лотман поставил под сомнение возможность того, что Карамзин мог так долго – пять месяцев с начала октября 1789 по начало марта 1790 гг. - оставаться в Женеве. Предположение Лотмана о том, что Карамзин тайно ездил в Париж вместо того, чтобы жить в Женеве, было опровергнуто новейшими архивными изысканиями С. Геллерман, которая показала, что все это время Карамзин находился в Женеве (Gellerman, Svetlana Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe// Fakten und Fabeln... Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 73-90). Дополнительным аргументом в пользу абсолютной правдоподобности пятимесячного пребывания Карамзина в Женеве нам кажется тот факт, что (как это показано в I главе настоящей работы) длительное, полугодовое и даже годовое проживание в Женеве было обычным явлением для русских путешественников в XVIII в.

⁷⁹² Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-хх (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 103.

невиновности»⁷⁹³ Карамзина. «Письма русского путешественника», которые являются и памятником эпохи, и, безусловно, произведением художественной литературы, мы будем рассматривать как единое целое и не будем отделять «героя» сочинения - порой сентиментального «Путешественника» как действующего лица литературного произведения - от самого Карамзина.

Путешествие Карамзина по Европе продлилось **18 месяцев (с мая 1789 по сентябрь 1790 гг.)**. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию, проехал через Тверь – Санкт-Петербург – Ригу – Мемель – Кенигсберг – Берлин – Лейпциг – Дрезден – Веймар – Франкфурт – Страсбург – Женеву – Лион – Париж – Лондон и по морю вернулся в Санкт-Петербург. В Швейцарии же Карамзин побывал в Базеле, Арлесхайме, Рейнфельдене, Бругге, Цюрихе, Эглизау, Шафгаузене, Бадене, Аарау, Берне, Туне, Унтерзеене (Интерлакене), Лаутербруннене, Гриндельвальде, Мейрингене, Муртене, Лозанне, Веве, Кларане, Шильоне, Морже, Обони, Жанто и Женеве⁷⁹⁴.

Как видно из этого списка швейцарских городов, Карамзин совершил настоящую революцию в истории развития швейцарских маршрутов русских путешественников. Безусловно, столь богатый маршрут был выработан Карамзиным под влиянием и с использованием путеводителей по Швейцарии и описаний путешествий европейцев. Это маршрут хорошо осведомленного путешественника, который хочет увидеть и «ученую» Швейцарию, и сельскую, который стремится открыть для себя мир швейцарских Альп. Практически все описанные Карамзиным достопримечательности и природные красоты, а также его маршруты - все это вскоре станет «хрестоматийным» и в некотором роде обязательным для посещения россиянами, а его размышления и переживания превратятся для

⁷⁹³ Gellerman S. Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe// Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 74.

последовавших за ним путешественников в некий духовный *vademecum*, с которым они будут сверять свои впечатления.

В Швейцарии Карамзин пробыл около **7 месяцев – с начала августа 1789 г. до начала марта 1790 г.** Это практически половина всего времени, проведенного Карамзиным в европейском путешествии (из которого, к тому же, надо вычесть время на путь из России и назад)! Столь длительное пребывание в Швейцарии однозначно свидетельствует о том, что Швейцария занимала центральное место в путешествии Карамзина. Сравним: в Германии Карамзин провел от полутора до двух месяцев, во Франции около трех с половиной месяцев, в Англии около двух с половиной. То, что Карамзин задержался в Швейцарии на целых семь месяцев, нельзя объяснить ни чем иным как его теплым отношением к этой стране, тем, что ему было там комфортно и интересно. В «Письмах русского путешественника», ставших плодом европейской поездки Карамзина, главы о Швейцарии находятся в центре повествования, и именно швейцарские эпизоды можно назвать самыми светлыми и одухотворенными во всем сочинении, в них чувствуется несомненный эмоциональный подъем.

3. Образ Швейцарии на страницах «Писем русского путешественника»

Приступая к анализу образа альпийской республики в сочинении Карамзина, отметим, что в отечественной историографии до настоящего времени получила освещение преимущественно социально-политическая сторона данного вопроса⁷⁹⁵.

⁷⁹⁴ Basel, Arlesheim, Rheinfelden, Brugg, Zürich, Eglisau, Schaffhausen, Baden, Aarau, Bern, Thun, Unterseen (Interlaken), Grindelwald, Lauterbrunnen, Meiringen, Murten, Lausanne, Vevey, Bionay, Clarens, Chillon, Morges, Aubonne, Genthod, Genève.

⁷⁹⁵ См., напр.: Иванов М.В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника»// XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 296-302; Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина (1785-1803). М., 1976; Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария... С. 90-113; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

В описании путешествия Карамзиным впервые в русской общественной мысли (русской публицистике и литературе) были раскрыты все аспекты «швейцарского мифа». Особое звучание в «Письмах...» получает тема Альп, Карамзин не только восхищается снежными вершинами издали, но и совершает длительное пешее путешествие в самое сердце Швейцарии, в горы Бернского Оберланда.

Едва очутившись на швейцарской земле, «путешественник» восклицает: «Итак, я уже в Швейцарии, в стране живописной природы, в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве»⁷⁹⁶. Он замечает, что «счастливые швейцарцы» должны непрестанно благодарить «небо за свое счастье», ибо они живут «в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу»⁷⁹⁷.

Карамзин сравнивает швейцарские земли с территориями близлежащей Франции: если на савойской стороне он видит лишь «дичь, пустоту, бедность», то в Швейцарии глаз путешественника радуют «плодоносные сады, изобилие и богатство»⁷⁹⁸. Благополучие Швейцарии стало плодом усилий многих поколений швейцарцев, многие века боровшихся за свою независимость и добившихся ее, а затем упорным трудом превративших свою маленькую горную родину в «цветущий сад»⁷⁹⁹. Карамзин подчеркивает «цветущее состояние швейцарских земледельцев», и (памятуя о северной родине), объясняет, что швейцарское благополучие в основе своей имеет то, что крестьяне «не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости». «Не увидите вы здесь ничего

⁷⁹⁶ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 222.

⁷⁹⁷ Там же. С. 229.

⁷⁹⁸ Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 291.

⁷⁹⁹ Там же. С. 273.

гниющего, непочиненного; во всем соблюдена удобность и все необходимое в изобилии и совершенстве», - восторгается он⁸⁰⁰.

Жители Швейцарии, как кажется путешественнику, поистине подобны обитателям благословенной Аркадии, ибо их жизнь представляет собой не что иное как «приятное сновидение», и «свирепые страсти» не возмущают их сердца⁸⁰¹. Повсюду рассеяны красоты природы, и потому стоит ли удивляться (как сказал Карамзину один швейцарец), «что швейцары так привязаны к своему отечеству»⁸⁰². Карамзин отмечает трудолюбие и доброжелательность местных жителей, плодородие и ухоженность земель, и подчеркивает, что нигде «бывает так мало преступлений», как в Швейцарии, что «в счастливой Гельвеции» царствуют мир и тишина⁸⁰³. Причиной же тому – Альпы – естественная защита Швейцарии, «которую сама натура оградила высокими стенами, неприступными для пороков, - и где все, все забыть можно, кроме бога и природы»⁸⁰⁴. Именно Альпы становятся своего рода «декорацией» - и даже, скорее, неотъемлемой частью, более того – условием существования «швейцарской Аркадии», именно там путешественник встречает удивительных и простодушных «пастухов и пастушек» «золотого века», именно Альпы вызывают в нем мысли о смысле жизни и о Боге.

Первое «свидание» Карамзина со швейцарскими Альпами состоялось еще в Цюрихе - из окна гостиницы, расположенной на берегу Цюрихского озера, он, к своему удивлению, мог видеть снежные вершины: «прямо против нас, за озером, стоят высокие горы в утес; далее, в сторону, видны Швицкие, Унтервальденские и другие высочайшие и снегом покрытые горы, составляющие для меня совершенно новое зрелище: и все это я могу видеть вдруг, сидя под окном в своей комнате»⁸⁰⁵. Созерцание альпийских вершин составляет для Карамзина удивительную прелесть новизны, он наслаждается

⁸⁰⁰ Там же. С. 260.

⁸⁰¹ Там же.

⁸⁰² Там же. С. 238.

⁸⁰³ Там же. С. 230.

⁸⁰⁴ Там же. С. 239.

богатством красок и величием гор. Во время прогулки на лодке по Цюрихскому озеру ему доставляет удовольствие «видеть снежные горы, позлащаемые заходящим солнцем и наконец помраченные густыми тенями вечера»⁸⁰⁶.

Приехав в Берн, Карамзин готовится к путешествию в Альпы, которое займет у него шесть дней в конце августа – начале сентября 1789 г.⁸⁰⁷ Переночевав в Туне, путешественник переплывает на рассвете Тунское озеро на лодке и через Интерлакен направляется в Лаутербруннен. Переночевав в трактире, Карамзин в четыре часа утра начинает свое восхождение на гору Венгернальп (1873 м), переходит через перевал Кляйне Шайдек (2061 м) и к вечеру спускается в долину Гриндельвальда, где любуется знаменитыми ледниками. Проведя ночь в Гриндельвальде, в пять часов утра Карамзин начинает новое восхождение и поднимается на перевал Гроссе Шайдек (1961 м), осматривает ледник Розенлауи и спускается в долину Гасли, откуда через Бриенцское и Тунское озера возвращается в Тун и далее в Берн.

Карамзин первым в русской литературе дает поэтическое описание альпийских ледников – Розенлауи и Нижнего и Верхнего ледников Гриндельвальда (заметим, что именно Карамзину принадлежит неологизм «глетчер» - ледник, утвердившийся в русском языке после выхода в свет его описания путешествия): «Сии ледники суть магнит, влекущий путешественников в Гриндельвальд. Я пошел к нижнему, который был ко мне ближе. Вообразите себе между двух гор огромные кучи льду, или множество высоких ледяных пирамид, в которых хотя и не видал я ничего подобного хрустальным волшебным замкам, примеченным тут одним французским писателем, но которые, в самом деле, представляют для глаз нечто величественное. Не знаю, кто первый уподобил сии ледники бурному морю, которого валы от внезапного мороза в один миг превратились в лед, но могу сказать, что это сравнение прекрасно и справедливо и что сей

⁸⁰⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 233.

⁸⁰⁶ Там же. С. 249.

⁸⁰⁷ Карамзин отправился изерна в Тун 30 августа 1789 г. и вернулся назад в Берн 4 сентября.

путешественник или писатель имел пиитическое воображение»⁸⁰⁸. Карамзин отваживается даже взобраться на ледник, что было весьма рискованным: «Посмотрев на ледник с того места, где с страшным ревом вытекает из-под свода его мутная река Литтина, ворочая в волнах своих превеликие камни, решился я взойти выше. К несчастью, проводник мой не знал удобнейшего ко восходу места, но как мне не хотелось оставить своего намерения, то я прямо пошел вверх подле льду, по кучам маленьких камешков, которые рассыпались под моими ногами, так что я беспрестанно спотыкался и полз, хватаясь руками за большие камни. Проводник мой кричал, что он предает меня судьбе моей, но я, смотря на него с презрением и не отвечая ему ни слова, взбирался выше и выше и храбро преодолевал все трудности. Наконец открылась мне почти вся ледяная долина, усеянная в разных местах весьма высокими пирамидами, но далее к Валлиским горам пирамиды уменьшаются и почти все исчезают. Тут отдыхал я около часа и лежал на камне, висящем над пропастью...»⁸⁰⁹.

В горах Карамзина радушно принимали приветливо альпийские пастухи. Он замечает, что «сколь прекрасна здесь натура, столь прекрасны и люди», и восторгается: «Как нежно чувство в альпийских пастушках! Как хорошо понимают они язык сердца!»⁸¹⁰. Путешественник часто и с удовольствием беседует с обитателями, как начинает казаться, и не воображаемой, но действительно существующей «швейцарской Аркадии». Его описания альпийской жизни полны ярких красок, радости сопереживания; он восхищается этими простыми людьми, их близостью к природе и добротой, равенством и независимостью.

Даже самые простые бытовые моменты наводят путешественника на размышления о гармонии здешней жизни, порой в духе Руссо: «Я остановился подле одной хижины, на берегу чистого ручья, и, видя молодого пастуха, у дверей сидящего, попросил у него стакана. Он не скоро понял

⁸⁰⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Бедная Лиза: Автобиография. Повести. Письма русского путешественника. М., 2005. С. 269.

⁸⁰⁹ Там же. С. 270.

меня, но, поняв, тотчас бросился в свой домик и вынес чашку. "Она чиста", - сказал он худым немецким языком, показывая мне дно ее; побежал к ручью, зачерпнул воды и опять вылил ее назад - посмотрел на меня и улыбнулся, - зачерпнул в другой раз и опять вылил, - взглянул на меня и засмеялся, - почерпнул в третий раз и принес мне, говоря: "Пей, добрый человек, пей нашу воду!" Я взял чашку, - и если бы не побоялся пролить воды, то, конечно бы, обнял добродушного пастуха с таким чувством, с каким обнимает брат брата: столь любезен казался он мне в эту минуту! - Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями! Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека. ... Теперь жилище и одежда наша покойнее: но покойнее ли сердца?»⁸¹¹. Вершиной же восторженного описания пламенного патриотизма швейцарцев становится приведенная Карамзиным на память песня, которую пел один швейцарский юноша ночью в Цюрихе, – гимн и признание в любви своей Родине:

«Отечество мое! Любвию к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном. Отечество мое! Ты все в себе вмещаешь, чем смертный может наслаждаться в невинности своей. В тебе прекрасен вид природы; в тебе целителен и ясен воздух; в тебе земные блага рекою полною лиются... Мы все живем в союзе братском; друг друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает. На что нам блеск искусств, когда природа здесь сияет во всей своей красе, когда мы из груди ее тием блаженство и восторг?...»⁸¹².

В сельской Швейцарии Карамзин замечает однако также и неприглядные и тревожные явления – такие, как попрошайничество детей (не от бедности, подчеркивает «путешественник», но из-за легкости получения денег таким способом). В этом Карамзин видит склонность к безделью и алчность – «опасную нравственную болезнь, от которой рано или поздно умирает свобода в республиках»⁸¹³. «Тогда, любезные швейцары, - пишет

⁸¹⁰ Там же. С. 275.

⁸¹¹ Там же. С. 272-273.

⁸¹² Там же. С. 236.

⁸¹³ Там же. С. 258.

Карамзин, - не поможет вам бальзамический воздух гор и долин ваших - увянет красота нежной богини, и слезы ваши не оживят хладного трупа»⁸¹⁴. Тем самым он подчеркивает, что в основе идиллической жизни лежат нравственность и трудолюбие как главные ее условия. Еще одной «минорной» ноткой критики становятся размышления «путешественника», как «гражданина мира» и собеседника вселенной, когда он плыл в лодке по Тунскому озеру. Карамзин пишет о крестьянских домиках у подножия горы Св. Беата: «Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и, может быть, - спокойствия», однако приписывает существование неравенства замыслам провидения и «вечной премудрости»⁸¹⁵.

В тексте «Писем» неоднократно встречаются отсылки на Галлера. Как множество «русских путешественников» будет сверять свои мысли с карамзинскими, так и сам Карамзин соизмерял свои ощущения с опытом, почерпнутым из сочинений Галлера. В Берне, беседуя с проповедником Штапфером (родным дядей будущего министра народного образования в Гельветической республике!) и глядя на закат, он вспоминает строки Галлера: «Сидя в беседке на возвышенном месте, смотрели мы на горы, которых вершины пылали разноцветными огнями. Тут понял я Галлеров стих: „Und ein Gott ist's, der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!“ («Бог красит молниями венцы гор»))»⁸¹⁶. Карамзину довелось присутствовать на крестьянской свадьбе, молодоженам он подарил на память свой медальон⁸¹⁷ (который, по преданию, хранился у них после этого как семейная ценность). После описания празднования сговора молодой крестьянской пары Карамзин вводит обширную цитату из «Альп»: «Я радовался счастливою четою и в мыслях своих читал Галлеровы стихи...»⁸¹⁸. Он приводит отрывок из «Альп», в котором Галлер воспекает вольную жизнь альпийских пастухов и

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ Там же. С. 265.

⁸¹⁶ Там же. С. 262.

⁸¹⁷ Там же. С. 275-276.

⁸¹⁸ Там же.

«естественную» любовь «блаженной четы» («Die Liebe brennt hier frei...»⁸¹⁹) и дает свой перевод в прозе.

Карамзин подчеркивает свободолюбие и равенство жителей Швейцарии – в масштабе не только альпийских районов, но и всей страны, говорит о благах демократического правления в некоторых кантонах⁸²⁰. «Путешественник» отмечает и бросающиеся в глаза следы равного достатка граждан – так, например, в Берне дома «почти все одинакие: из белого камня, в три этажа, и представляют глазам образ равенства в состоянии жителей», в отличие от других европейских городов, «где часто низкая хижина преклоняется к земле под тенью колоссальных палат»⁸²¹.

Карамзин уделяет значительное внимание истории Швейцарского союза и, в особенности, ставшим легендарными историческим событиям. Он неоднократно употребляет другое название страны: «Гельвеция», стоящее у истоков ее истории и давшее чуть позже имя учрежденной Наполеоном Гельветической республике⁸²². Карамзин – первый «русский путешественник», обративший внимание на легенду о Вильгельме Телле и указавший на ее важность для кантональной истории Швейцарии и ее распространенность в народе. Будучи в Цюрихе, он записал, что видел в местном арсенале «стрелу, которою славный Вильгельм Телль сшиб яблоко с головы своего сына и застрелил императорского губернатора Гейслера, - что было знаком к общему бунту»⁸²³ и с чего швейцарцы вели начало истории своего государства. Подробное освещение получает и еще одно знаковое событие швейцарской истории – *Муртенская битва 1476 г.* с бургундским герцогом Карлом Смелым. «Путешественник» преклоняется перед мужественным подвигом «храбрых, непобедимых швейцаров», но не одобряет того, как они поступили с останками побежденных врагов.

⁸¹⁹ Там же. С. 276.

⁸²⁰ Там же. См., напр., с. 226.

⁸²¹ Там же. С. 261.

⁸²² Там же. См., напр., с. 230, 259.

⁸²³ Там же. С. 237.

4. Швейцария в творчестве Карамзина после путешествия по Европе

Вернувшись из европейского путешествия, Карамзин продолжал с интересом следить за судьбой альпийской республики. Швейцарская тема будет присутствовать как в его литературной, так и в публицистико-политической деятельности. Отчетливое и постоянное звучание в творчестве Карамзина обретет тема идиллии⁸²⁴ - как литературного «диалога», а порой и «соперничества»⁸²⁵ с Геснером⁸²⁶; пасторальный жанр и идиллия (пусть и в иной, воспитательной, а, порой, и политической интерпретации) займут прочное место в трудах писателя. Увлеченность Карамзина темой идиллии отражала его духовные искания и стремление найти идеальное общество, хотя к середине 1790-х гг. события в Европе заставили его отказаться «и от золотого века, и от надежды на Утопию для всех»⁸²⁷.

Карамзин внимательно отслеживал ход событий в Швейцарии, в 1790-х гг. раздираемой внутренними противоречиями и вынужденной к тому же бороться с внешним врагом – французами; статьи о Швейцарии регулярно появлялись на страницах карамзинского «Вестника Европы», а в 1802 г. политические новости из Швейцарии занимают даже «ведущее место во внешнеполитическом разделе „Вестника Европы“»⁸²⁸. Отметим важность швейцарской темы для выражения Карамзиным своей позиции относительно внутренней политики России: на примере Швейцарии он аллегорически критиковал ситуацию на родине.

Показательно, что Карамзин направляет свою критику и в адрес швейцарского общества: на страницах «Вестника» она звучит с завидным постоянством в целом ряде статей⁸²⁹ и венчается в некотором смысле

⁸²⁴ См.: Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина// XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 210-228.

⁸²⁵ Там же. С. 216.

⁸²⁶ О карамзинских переводах из Геснера см. также: Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 94.

⁸²⁷ Там же. С. 226.

⁸²⁸ Немировский И.В. Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина// XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 272.

⁸²⁹ Подробнее см.: Немировский И.В. Указ. соч. С. 271-280.

«разгромной» заметкой «Падение Швейцарии» в № 20 за 1802 г. Все эти годы пред взором Карамзина проходили картины подчинения Швейцарии Наполеоном, военных действий на ее территории, затем пятилетнего существования Гельветической республики и, наконец, периода ее распада и междуусобиц. «Падение Швейцарии» - это собой горькое раздумье Карамзина о судьбах швейцарской республики. Некогда восторженный путешественник констатирует, что Швейцарией утрачены черты народной нравственности, говорит о росте алчности и усвоении швейцарцами «злого духа Французской революции»⁸³⁰. «Сия несчастная земля представляет теперь все ужасы междоусобной войны, которая есть действие личных страстей, злобного и безумного эгоизма. Так исчезают народные добродетели! Они, подобно людям, отживают свой век в государствах; а без высокой народной добродетели республика стоять не может»⁸³¹ - пишет Карамзин, воспринимавший историю «сквозь призму нравственных категорий»⁸³². Нельзя, однако, не заметить, что он выступает здесь с консервативных позиций. Швейцария, сокрушается Карамзин, утратила независимость и идею народного единства, братского правления, а также воспетую и им самим, и Галлером идею «пастушеского нестяжания»: «Разврат швейцарских нравов начался с того времени, как Теллевы потомки вздумали за деньги служить другим державам... Яд действовал медленно в чистом горном воздухе; но благодетельное сопротивление природы уступило наконец зловердному влиянию. *Дух торговый* (курсив Карамзина – В.С.), в течение времени овладев швейцарцами, наполнил сундуки их золотом, но истощил в сердцах гордую, исключительную любовь к независимости. Богатство сделало граждан эгоистами и было второю причиною нравственного падения Гельветии»⁸³³. И, наконец, третьей причиною падения

⁸³⁰ Вестник Европы. 1802. № 20. С. 320.

⁸³¹ Там же. С. 319-320.

⁸³² Гулыга А. Подвиг Карамзина // Вопросы литературы. 1979. № 10. С. 227.

⁸³³ Вестник Европы. 1802. № 20. С. 320.

стала кара за утрату нравственности: Швейцария стала жертвой Французской революции, сорвавшей «некогда счастливую республику с ее основания»⁸³⁴.

Таким образом, исторические события, потрясшие Швейцарию на рубеже веков, сотрясли и представления Карамзина об идеальной жизни в Швейцарии, и он отказался от этого образа, наглядно рисуя пороки швейцарского общества. Этой тенденции не суждено было измениться, ибо с годами консерватор-монархист в Карамзине все больше перевешивал мечтателя-республиканца. Но необходимо отметить, что критика Карамзина не коснулась столь любимого им мира горной Швейцарии и не стала препятствием для усвоения следующими русскими путешественниками идеалов «швейцарского мифа».

⁸³⁴ Там же. С. 320.

III. «Швейцарский миф» у русских путешественников первой половины XIX в.

Вслед за Карамзиным русские путешественники первой половины XIX в. идут в русле европейской традиции изображения Швейцарии: на страницах их путевых заметок «швейцарский миф» получает ярко выраженное звучание. Причиной этому следует считать прежде всего влияние «Писем...» Карамзина, а также знакомство россиян с литературой европейского *Alpenbegeisterung*. Карамзин в «Письмах...» показал образец всесторонней подготовки к путешествию, которая подразумевала обстоятельное знакомство с историей, художественной литературой и фольклором страны, с важнейшими путеводителями, с описаниями путешествий европейцев. Этот пример стал императивом для последовавших за Карамзиным русских путешественников.

Большинство россиян, посетивших Швейцарию в первой половине XIX в., были убеждены в истинности и реальности «швейцарского мифа» как совокупности представлений об «альпийской республике». Именно «миф» становится определяющим фактором восприятия путешественниками Швейцарии в целом. Линию Карамзина в изображении швейцарской жизни продолжают Горихвостов, Данилевский, Греч, Жуковский, Свербеев, А. Тургенев, Печерин, Мещерский, Розен, Ковалевский... Русский путешественник первой половины XIX в. уже заранее знает все о «классических местах»⁸³⁵ Швейцарии, что, однако, не умаляет для него их очарования. Интересно, что Свербеев в своих воспоминаниях отказывается от подробного рассказа о своих поездках по Швейцарии. Он лишь кратко очерчивает маршрут своего путешествия и замечает, что все это осмотрено

⁸³⁵ Русские путешественники нередко говорят о существовании «классических», т.е. «обязательных» для посещения, мест в Швейцарии. Так, например, Мещерский пишет в таких выражениях о Фирвальдштетском (Люцернском) озере (Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. Из записок русского путешественника. М., 1844. С. 176).

уже многими тысячами путешественников, «а не бывавшие там знают или могут узнать через множество книг, описывающих Швейцарию»⁸³⁶.

К концу 1830-х гг. «швейцарский миф» стал уже настолько распространен в русском обществе, что даже был интерпретирован в юмористическом ключе Иваном Петровичем Мятлевым в его стихотворной поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»⁸³⁷. Мятлев, близкий знакомый Жуковского, Пушкина, Вяземского и Лермонтова, в 1836-1839 гг. путешествовал по Германии, Швейцарии, Италии и Франции и изложил свои впечатления в форме повествования тамбовской помещицы Курдюковой, которая колесит по городам и весям Европы. Сочинение Мятлева имело большой успех у русской публики и было даже удостоено постановки в Александринском театре⁸³⁸. Отличительной особенностью стиля Мятлева стало смешение русского языка с написанными русскими буквами французскими словами, что создавало беспроигрышный комический эффект. Устами Курдюковой Мятлев занимательно, искрометно и с доброй иронией рассказывает обо всем увиденном. При этом «швейцарские впечатления» Курдюковой полны ставшими клише элементами «мифа». В строках поэмы перечислено все то, что ассоциируется с «идиллической» картиной Швейцарии. Курдюкова описывает «горы вечно снеговые и озера голубые»⁸³⁹, пастухов и пастушек, упоминает имена Телля и Винкельрида и даже рассуждает о швейцарском нейтралитете, который, по ее мнению, пошел на пользу только лишь «вагабонди» (от франц. *vagabond* – бродяга, праздношатающийся): «Только им и *профите* // Здешняя *нейтралите*»⁸⁴⁰.

Тут я вышла на террасу
Посмотреть всю эту массу –
Этот ряд швейцарских гор,
Что у них, *ком эн* забор,

⁸³⁶ Свербеев Д.Н. Записки. Т. 1. С. 400.

⁸³⁷ Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб., 1907.

⁸³⁸ Энциклопедический словарь Брокгаузена и Ефрона. Т. XX. СПб., 1897. С. 389.

⁸³⁹ Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею... С. 238.

⁸⁴⁰ Там же. С. 226. Профите – извлекать пользу, быть выгодным (*profiter*), нейтралите – нейтралитет (*neutralité*) (фр.).

От всех прочих отделяет,
Как в Китае, сохраняет
Прежний их *эндепанданс!*⁸⁴¹

Саму «альпийскую республику» мадам Курдюкова лаконично характеризует как «*Ла патри де Гильом Телль*»⁸⁴². Оказавшись в Муртене, Курдюкова посещает памятник знаменитой битве:

Липа тут еще стоит,
Где сражался Винкельрид.
Свисы тут соорудили
Юн колон и поместили
Год и месяц *дю комба*.⁸⁴³

Совсем по-другому рисует Швейцарию в свете «швейцарского мифа» граф Федор Гаврилович Головкин в своих сочинениях и письмах (подробнее см. следующий параграф) – прежде всего как убежище от «бурь, накрывших Европу», дающее уединение философу-аристократу. Совершенно иной путь – путь от отрицания «мифа» до его признания – проходили читатели вместе с А.Г. Глаголевым на страницах его «Записок русского путешественника»⁸⁴⁴. Глаголев сравнивает Европу с Россией и, будучи «горячим приверженцем всего русского»⁸⁴⁵, находит состояние Запада упадочным по сравнению со своей родиной, спасительницей Европы. Глаголев высказывает в начале «швейцарского» раздела «дорожных заметок» свои априорные соображения о Швейцарии - исключительно негативного характера. Он усматривает «несчастное» положение жителей в стране и говорит о мнимости их свободы. Глаголев априори убежден, что Швейцария не может соответствовать своему литературному образу. Однако по мере того, как он открывает для себя «альпийскую республику» и ближе узнает быт и нравы ее жителей, меняются и интонации, и стиль его повествования. Появляются лиризм и одобрительные отзывы о швейцарцах. Окончательно же очаровали

⁸⁴¹ Там же. С. 225. Ком эн – как, подобно (*comme un*), эндепанданс - независимость (*indépendance*) (фр.).

⁸⁴² Там же. С. 184. «Родина Вильгельма Телля» (фр.)

⁸⁴³ Там же. С. 273. Свисы – швейцарцы (*les Suisses*), юн колон – колонна (*une colonne*), дю комба – битвы (*du combat*) (фр.).

⁸⁴⁴ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837.

взыскательного путешественника природные красоты Швейцарии, и от полного отрицания «идилличности» Швейцарии и «швейцарского мифа» Глаголев пришел фактически к полному его воспроизведению.

Мечты русских путешественников о жизни в Швейцарии

Некоторые из русских путешественников всерьез мечтали когда-нибудь обосноваться в альпийской республике. Император Александр I, посетивший Базель, Цюрих и Констанц в конце сентября 1815 г., был знаком со Швейцарией еще по рассказам своего наставника Ф.-С. де Лагарпа⁸⁴⁶. Переезжая во время своего краткого пребывания в Швейцарии (26-29 сентября 1815 г.) из Базеля в Цюрих, император часто выходил из экипажа, «много шел пешком, любовался богатством земли и неоднократно заходил в крестьянские дома»⁸⁴⁷. Мирная жизнь в Швейцарии давно привлекала монарха, отягощенного заботами престола: еще будучи великим князем, в феврале 1796 г. – даже до того, как в письме к В.П. Кочубею Александр озвучит свою знаменитую мечту о «домике на Рейне»⁸⁴⁸ – он писал своему наставнику в Женеву, что хотел бы когда-нибудь жить где-нибудь в тишине на швейцарской земле, по-соседству с самим Лагарпом⁸⁴⁹.

Александр Иванович Михайловский-Данилевский, сопровождавший императора в этой поездке, посещал Швейцарию уже во второй раз. Первое «швейцарское» путешествие Данилевского состоялось в 1809 или 1810 гг. во время его учебы в Гёттингенском университете (1808-1811)⁸⁵⁰. В 1815 г.,

⁸⁴⁵ Русский биографический словарь. Т. 5. СПб., 1916. С. 242.

⁸⁴⁶ Подробнее об этом и о первом посещении Александром I Швейцарии в январе 1813 г. см.: Андреев А.Ю. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35-40.

⁸⁴⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. С. 307. Ср.: его же, Воспоминания... С. 107; его же, Записки... С. 379.

⁸⁴⁸ «Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприятного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком», - размышлял он в письме от 10. 05. 1796 своему другу юности князю В.П. Кочубею // Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1897. С. 112-114.

⁸⁴⁹ Письмо великого князя Александра Павловича Ф.-С. де Лагарпу. Санкт-Петербург, 21 февраля 1796 // Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). Neuchâtel, 1978. T.1. P.158.

⁸⁵⁰ На данный момент мы не имеем точных сведений о том, когда именно в этот период Данилевский был в Швейцарии, однако в 1809 г. он совершил большое путешествие в Италию, чтобы ознакомиться с памятниками античности, и, возможно, что на пути в Италию или же из нее он задержался в Швейцарии,

подъезжая к Базелю, Данилевский описывает горы вдаль, которые «лежат в счастливых странах Швейцарии, где обитают просвещение, промышленность и свобода»⁸⁵¹. По дороге из Базеля в Цюрих через Рейнфельден и Бруг он любуется чудесными видами, которые «с каждым шагом становятся все красивее», множеством деревень и виноградных садов, отмечает плоды трудолюбия швейцарцев – «тучные стада, пасущиеся на богатых лугах»⁸⁵². Данилевский с любовью и умилением вспоминает эти незабвенные места, где он провел счастливые дни своей молодости: «где первые лучи солнца встречал я на горах, коих вершины возвышаются выше облаков, где целые дни проводил то при шуме водопадов, то посреди цветущих долин, то в дремучих лесах, то на краю ужасных пропастей...»⁸⁵³. А на берегах быстрой реки Аары Данилевский хотел бы поселиться, здесь он увидел «столько... лугов, которыми желал бы обладать»⁸⁵⁴. Для него, как и для Александра I, Швейцария была страной мечты, где он наслаждался бы уединением, покоем, творчеством и обществом друзей. Он восклицает: «Каким бы образом я устроил здесь мою жизнь! Тут, думал я, выстроил бы я себе дом, на этом месте расположил бы сад; под это дерево я приходил бы сочинять, на скате этого берега среди сих цветов я читал бы друзьям моим произведения моего пера. Конечно, это были мечты, но сколь они сладостны... Воображение мое более и более воспламенялось по мере, как я приближался к живописным берегам Лимматы»⁸⁵⁵.

Мечту императора Александра о швейцарском уединении разделял и Петр Яковлевич Чаадаев, более того – о «возможности удалиться в

ибо кратчайшая дорога из Германии в Италию ведет через Швейцарию. Во всяком случае, Николай Тургенев, будучи в Альтдорфе, в октябре 1811 г. «в книге иностранцев видел имя Данилевского» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 111). А их общий гёттингенский знакомый С.И. Михалков в 1810 г. вспоминал слова Данилевского, которые тот, видимо, произнес после своего швейцарского путешествия, - что, «не видав Швейцарии, нельзя иметь о ней подробное понятие по всем красивым описаниям». Михалков также упоминал, что Данилевский покорил перевал Сен-Готард (Письмо С.И. Михалкова Н.И. Тургеневу. Женева, 27 июля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 410).

⁸⁵¹ Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия... в 1815 году. С. 137.

⁸⁵² Там же. С. 135.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. С. 306.

⁸⁵⁵ Там же.

Швейцарию»⁸⁵⁶ он говорил в знаменитом «письме к тетушке» 2 января 1821 г., ознаменовавшем конец его блистательной карьеры. Чаадаев писал, что думает «обосноваться навсегда» в Швейцарии, поскольку ему «невозможно оставаться в России по многим основаниям», и потому, заключал он, «моей страной будет Швейцария»⁸⁵⁷. Вольнолюбивый философ стал одним из первых в длинном ряду россиян, которые будут искать в Швейцарии «второй родины» и политического убежища, особенно со второй половины XIX в. Чаадаев действительно прибыл в Швейцарию из Парижа в мае 1824 г. с намерением провести там лето и жил в Берне (где он вращался в кругу Д.Н. Свербеева), периодически бывая в Лозанне и Женеве⁸⁵⁸. Александр Иванович Герцен, вторя Чаадаеву, писал, что горная Швейцария – это «единственный клочок Европы, в который можно удалиться с миром»⁸⁵⁹. Стоит признать, что мечте Герцена в какой-то мере суждено будет сбыться – в 1849 и во второй половине 1860-х гг. он подолгу жил на берегах Женевского озера, окруженного величественными Альпами⁸⁶⁰, и даже получил в 1851 г. гражданство кантона Фрибур.

Известный дипломат и хозяин прославленного московского литературного салона Дмитрий Николаевич Свербеев бывал в Швейцарии неоднократно и провел 1824-1826 гг. в качестве сотрудника российской дипломатической миссии в Берне и Женеве. В своих мемуарах он достаточно кратко повествует о поездке по горам Швейцарии в 1821 г. Альпийская страна и ее природа получают у него вдохновенные поэтические описания: повествуя о путешествии по центральной части Швейцарии, Свербеев восхищается «величественными, нерукотворенными красотами страны, где

⁸⁵⁶ Письмо П.Я. Чаадаева А.М. Щербатовой, 2 января 1821 г. // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 14-15.

⁸⁵⁷ Там же. С. 15.

⁸⁵⁸ Письма П.Я. Чаадаева М.Я. Чаадаеву, 1 января 1824 г. (н.ст.), 1 апреля 1824 г., 1 августа 1824 г.; Письмо П.Я. Чаадаева И.Д. Якушкину, 8 января 1825 г. // Там же. С. 29-31, 33-39, 44-45, 50-52.

⁸⁵⁹ Герцен А.И. Былое и думы. Ч.5 // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. М., 1956. С. 130.

⁸⁶⁰ О пребывании Герцена на берегах Лемана см.: Амашер К. «Всё хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живётся туго...». Герцен и Достоевский в Женеве // Родина. 2014. № 1. С. 53-57.

все дышало поэзией, где все было поэма»⁸⁶¹. По его собственным словам, Швейцария стала для него «вторым отечеством»⁸⁶². Свербееву было суждено поселиться в местечке Веве уже на склоне лет, где он скончался в 1874 г.⁸⁶³

Критика швейцарских реалий

Разумеется, описание русскими путешественниками швейцарской жизни не обходилось и без критики отдельных ее сторон. Однако необходимо признать, что критические нотки звучат в путевых заметках всего лишь четырех россиян – Греча, Глаголева, Мещерского и Чижова. При этом для первых троих из них критика швейцарских реалий составляет незначительную часть рассказа о путешествии, и в целом они с большим воодушевлением повествуют обо всем увиденном в Швейцарии, более того, они полностью принимают концепцию «швейцарского мифа» (Глаголев – к концу своего путешествия, как уже отмечалось выше). Непримирым в своей критике Швейцарии лишь Чижов, который, однако, был в «альпийской республике» лишь проездом. После краткого пребывания в Женеве он отправился далее на пароходе через Вильнёв в Италию. Высказывания Чижова о Швейцарии и швейцарцах носят очень резкий характер и их можно было бы охарактеризовать не просто как критику, но как осуждение и пренебрежение. В этой связи стоит отметить, что, в отличие от Чижова, Греч, Глаголев и Мещерский совершили продолжительные путешествия с богатыми маршрутами и имели возможность получить представление о разных сферах швейцарской жизни.

Чижов утверждает, что Швейцария «не может иметь отдельное место в истории человечества», поскольку это страна «без искусства, без литературы» и она не имеет «ничего собственного, самостоятельного». Он говорит о грубости швейцарцев по отношению к бедным путешественникам и их жажде наживы, с неодобрением отзывается о службе швейцарцев в

⁸⁶¹ Свербеев Д.Н. Записки. Т. 1. С. 400.

⁸⁶² Там же. С. 397.

⁸⁶³ Русские писатели, 1800-1917: биографический словарь. Т. 5. П.-С. М., 2007. С. 504, 506.

качестве наемников в войсках других стран: по словам Чиждова, они «продажно служили». Жителей Швейцарии Чиждов характеризует как «народ без особого назначения», а существование самой страны называет «торгашным»⁸⁶⁴.

Критика же со стороны остальных трех путешественников касается преимущественно политического устройства Швейцарии, ее религиозной истории, а также подмеченных в отдельных уголках страны «недостатков» в характере жителей.

В «Путевых письмах», ставших плодом первой поездки Греча в Швейцарию в 1817 г., автор обличает религиозные разногласия в некоторых кантонах. Так, описывая кафедральный собор Лозанны, принадлежавший некогда католикам и затем переданный в ходе Реформации протестантам, Греч с горечью говорит о «фанатизме» последних, которые разрушили в нем «жертвенники, приделы, исповедные, статуи и образы», оставив после себя лишь «горестные для человечества напоминания»⁸⁶⁵. К тому же, ему показалось «странным, неприличным и даже смешным распределение мест в храме Божиим, где все люди должны быть равны»: на спинках скамеек в лозаннском соборе были прибиты таблички с именами особ, имевших исключительное право на них садиться⁸⁶⁶. По этому поводу Греч замечает, что даже в свободной Швейцарии невозможно совершенное равенство, ибо хотя швейцарцы и имеют равенство политическое, но даже в сфере духовной они не готовы отказаться от титулов и званий. «Равенство не совместно ни с каким в свете правлением: в Ваадтском кантоне правление демократическое, все граждане равны, все должны нести одни и те же повинности и отправлять по очереди военную службу. Казалось бы, вот совершенное равенство – а

⁸⁶⁴ Чиждов Ф.В. Прощание с Францией и Женева // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 547-549.

⁸⁶⁵ Греч Н.И. Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н.И. Сочинения, т. 4, СПб., 1838. С. 195.

⁸⁶⁶ Там же.

нет! найдено место чиниться – и где же?»⁸⁶⁷ - делает неутешительный вывод Греч.

Хотя Греч не бывал в Люцерне и не имел случая видеть знаменитого люцернского льва, можно с уверенностью сказать, что он не стал бы склонять голову перед памятником храбрым швейцарцам, ибо он считал наемничество «гнусным обычаем»⁸⁶⁸. Греч также критикует деспотизм Бернской республики, доминировавшей в свое время в Швейцарском союзе, и бернское «иго» над другими землями, особенно над Во, с жителями которого бернцы обращались «как с завоеванными рабами»⁸⁶⁹. Берн его в описании предстает городом «скуки и единообразия», где властвуют «гордые и необходимые патриции»⁸⁷⁰. Рассказывая об оссуарии, бывшем некогда печальным напоминанием о Муртенской битве, Греч делает акцент на своеобразном, нелюбезном историческом возмездии, ибо в начале Французской революции один французский полк, набранный в Бургундии, разрушил оссуарий и предал земле кости своих предков. За это швейцарцы, замечает Греч, в 1814 году «истребили надгробный памятник, сооруженный близ Базеля Французскому Генералу Аббатуччи»⁸⁷¹. Греч резюмирует, что история Швейцарии богата «чертами геройства и великодушного патриотизма», «но где в мире найдем совершенство? – восклицает он. - Храбрые Швейцары не умели возвыситься над предрассудками и варварскими обычаями веков средних... кантоны ослабили себя междуусобием, спорами за Веру, и наконец, жестоким деспотизмом»⁸⁷².

Если в 1817 г. Греч еще придерживался достаточно либеральных взглядов, то в описании второго своего швейцарского путешествия (1839 г.) он открыто являет себя консерватором и противником республик. Вспоминая свой визит к Генриху Цшокке, Греч записал: «Я откровенно признался ему, что не люблю демократии, что предпочитаю твердое монархическое

⁸⁶⁷ Там же.

⁸⁶⁸ Там же. С. 192.

⁸⁶⁹ Там же. С. 196.

⁸⁷⁰ Там же. С. 207.

⁸⁷¹ Там же. С. 194.

правление, основанное на законах и исторических событиях страны»⁸⁷³. С этих позиций Греч высказывает свое мнение относительно особенностей республиканского устройства в целом: «В республиках всегда бывают две партии: одна владычествует, другая ищет владычества; они преследуют и терзают одна другую, осыпают себя взаимно бранью и клеветами, и часто меняются ролями»⁸⁷⁴.

Алексей Мещерский, оказавшись в Туне близ снежных вершин Оберланда, сожалеет о том, что «эта привлекательная сторона много пострадала в моральном отношении» по причине «непомерного числа путешественников», странствовать здесь стало очень дорого. «Эта Швейцарская *Аркадия* имела своих пастухов и пастушек, с которых Геснер брал съемки, одевая их на свой лад, а теперь - пастухи, сделавшись вралями и обманщиками, заставляют путешественника дорого платить за гостеприимство; милые пастушки требуют тройную цену за стакан молока...»⁸⁷⁵ - сокрушается Мещерский.

Освещение различных сторон «швейцарского мифа» в сочинениях русских путешественников

В сочинениях русских путешественников получают подробное освещение все аспекты «швейцарского мифа». Их соотношение варьируется, однако в целом в путевых записках большинства россиян «швейцарский миф» гармонично раскрывается со всех сторон. К примеру, значительную роль в «швейцарском» повествовании Карамзина, Горихвостова, Греча, Мещерского, Герсеванова и Розена занимает описание и разбор швейцарской истории – как реальной, так и легендарной ее сторон. Не исключено, что некоторые путешественники могли при этом делать выдержки из сочинений по истории Швейцарии или из путеводителей. Многие россияне обращают внимание на текущую политическую ситуацию в стране. Практически все

⁸⁷² Там же. С. 192.

⁸⁷³ Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. В 3 т. Т.1. СПб., 1843. С. 237.

⁸⁷⁴ Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. Т.1. С. 239.

описывают нравы и образ жизни швейцарцев, любят порядок и изобилием. Пожалуй, подавляющее большинство русских путешественников считает своим долгом выразить свое отношение к фигуре легендарного Вильгельма Телля; в классических маршрутах россиян обязательно значится посещение примечательных мест, связанных с историей Телля. Более того, то, как характеризуется Телль, становится своего рода лакмусовой бумажкой для определения политических предпочтений некоторых путешественников.

Горихвостов посетил Швейцарию вскоре после принятия Посреднического акта и крушения Гельветической республики. Он отмечает признаки некоторого нестроения, связанные с наполеоновскими войнами и распрями периода Гельветической республики. Однако в целом путешественник рисует картину достатка и благополучия. Как и Карамзин, он видит в швейцарцах трудолюбивых и смиренных жителей благословенной Аркадии, живущих в гармонии с природой, бережно хранящих свою историю и сокрушающихся о своей ущемленной французами свободе.

История Швейцарии получает у Горихвостова освещение как на уровне «мифологическом», так и в контексте современных ему швейцарских реалий. С одной стороны, Горихвостов упоминает о заключении лесными кантонами союза в 1315 г.⁸⁷⁶ и о победе швейцарцев над войском Карла Смелого в 1476 г.⁸⁷⁷, при этом он характеризует оссуарий как памятник отваге швейцарцев (в отличие от Карамзина, писавшего о «костях мертвых врагов» как о «печальном *трофее*»⁸⁷⁸). Однако уже здесь происходит переход от описания славных деяний прошедших веков, связанных с «мифом», к событиям недавнего прошлого: Горихвостов замечает, что оссуарий, этот «монумент древней Швейцарской храбрости», был разрушен французами – пала швейцарская вольность, и теперь «едва заметно» его место «с

⁸⁷⁵ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцария. М., 1844. С. 308.

⁸⁷⁶ Горихвостов Д.П. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 год. Кн. 3. М., 1808. С. 103.

⁸⁷⁷ Там же. С. 147-148.

⁸⁷⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 282.

разбросанными костями»⁸⁷⁹. Швейцарцы неуважительно обошлись с поверженными врагами – и вот, через столетия, кара настигла и их: пришли французы. И следы их присутствия Горихвостов замечает прежде всего в городах, видит «бедственные знаки войны» на домах в Цюрихе. А в Берне, пишет он, французы повсюду оставили «прискорбное напоминание» о своем присутствии, и даже увезли знаменитых бернских медведей и заставили их маршировать в Париже. Полиция кантона Берн потребовала у Горихвостова паспорт для проверки, который недоверчивый жандарм долго и придирчиво изучал, подозревая в русском проезжем «шпиона». «О времена! – восклицает по этому поводу Горихвостов. – Я вздохнул, и пожалел о бедных Швейцарцах: у них не было жандармов в счастливые дни». Несмотря на это, повсюду сельской местности и в горах он видит «следы трудолюбия». В «прекрасных долинах» пасутся богатые стада, а «деревенские красивые рассеянные домики, осененные деревьями», населены удивительными людьми. Горихвостов отмечает, что жители Швейцарии трудолюбивы и смиренны, исполнены благоговения к святыням и любви к отечеству и что дома их представляют собой «жилище блаженства». Он запишет, что «видел счастливых жителей благотворной страны, превозносил их жребий, - и не завидовал их счастью»⁸⁸⁰.

В дневниках Николая Тургенева история Швейцарии получает освещение в большей степени с позиций наблюдателя-современника, «мифологизированная» же сторона швейцарского прошлого остается вне рамок его записей. Тем не менее Тургенев рисует яркую картину швейцарских реалий в период между Посредническим Актом и Венским конгрессом, особенно обращая внимание на взаимодействие страны с Францией и французами. Со своим случайным попутчиком-французом Тургенев много говорит о Наполеоне, о революции и о бесчинствах французской армии. Они становятся свидетелями наложенной французами на

⁸⁷⁹ Горихвостов Д.П. Письма россиянина... С. 148.

⁸⁸⁰ Горихвостов Д.П. Письма россиянина... Там же. С. 88, 96-97, 128-129, 131, 138-141, 143, 150.

Швейцарию конскрипции – видят вербовщиков с цветами в руках, кокардами и «цветущими лицами», а француз добавляет, что якобы недавно за два месяца было набрано 3000 человек «и более, нежели сколько нужно», в чем сам Тургенев сомневается. Его забавляет хвастовство представителя страны-«победительницы»; сам же Тургенев видит в войне величайшее из зол, что он наглядно иллюстрирует примером истории странноприимного дома, некогда воздвигнутого на вершине Сен-Готарда. Это здание было разрушено французами, и от него остались одни стены как «свидетельство буйства человеческого и доказательство зол, сопряженных с войною». «И в эти высокие места, в которых обитало истинное христианское человеколюбие и гостеприимство, и в эти места проник всеразрушающий меч», - сокрушается Тургенев. Он не уделяет большого внимания рассмотрению политической системы Швейцарии, однако интересно его замечание в связи с конскрипцией. В цюрихских газетах было опубликовано постановление люцернского правительства о рекрутировании на французскую службу, и Тургенева поразило то, что позволялось «брать с принуждением в сию службу людей дурного поведения и между прочим тех, которые делают незаконных детей»: «Республиканская строгость!!!» - восклицает он. Тургенев пишет также, однако, и о существовании практики покупки прав швейцарского гражданства, о чем ему рассказывал один купец, что, имея гражданство, он не платит никаких налогов, «но имеет еще доход»⁸⁸¹. Таким образом, мы узнаем о двух совершенно противоположных свойствах швейцарской республики того времени: с одной стороны, это строгость нравов, с другой же – возможность покупать право гражданства.

Жуковский в полной мере продолжает карамзинскую традицию представления «швейцарского мифа», быть может, в более лаконичном и метафоричном варианте. Особенности восприятия им швейцарской действительности связаны прежде всего с его мироощущением поэта-романтика, с его тонким чувством прекрасного и особым видением природы.

⁸⁸¹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 106-107, 110, 114.

«Швейцарская концепция» Жуковского – многосоставная, но при этом и цельная; в отношении поэта к маленькой горной стране неразрывно сливаются как общественно-политический, философский, религиозный аспекты, так и его восхищение природой, интерес к самим швейцарцам, их истории и культуре. В записях 1821 г. Жуковский иногда вскользь упоминает об осмотре памятных мест, связанных с «мифом» о швейцарской свободе. Он называет Моргартен, «где была одержана первая победа свободы швейцарской», Люцернского льва; знаменитый луг Рютли представляется ему всего лишь как «маленькая, покрытая зеленым дерном площадка», на которой даже нет памятника, однако, отмечает Жуковский, «свобода Швейцарии еще существует»; он пишет о Муртенской липе, о Теллевой часовне и Hohle Gasse. Поэта занимает и текущее положение дел на европейской арене: вместе со своими спутниками он ведет беседы «о нынешней свободе Швейцарии, о турках и греках»⁸⁸².

В восприятии Швейцарии Свербеевым не удастся выделить четких указаний на «швейцарский миф», однако некоторые важные его черты – карамзинская характеристика Швейцарии как «земли свободы и благополучия»⁸⁸³, богатой прекрасной природой и славной историей – все же присутствуют в его «Записках». Свербеев рассуждает о чертах швейцарской государственности и особенностях политической позиции страны в первую половину 1820-х гг. Он высоко оценивает «республиканский дух», царящий в Швейцарии, описывает разного рода праздничные шествия швейцарцев с государственными знаменами и говорит о «древней простоте и искренности» швейцарской присяги, при которой ему довелось присутствовать⁸⁸⁴. Рассуждая о позиции Швейцарии в связи с наплывом многочисленных «политических выходцев» и посольской корреспонденции по этому поводу, Свербеев замечает, что он ничуть не сомневается, что швейцарские «правители-аристократы нисколько не сочувствовали разнородным

⁸⁸² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. М., 2004. С. 195, 198-199, 213, 221-222.

⁸⁸³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника... С. 222.

⁸⁸⁴ Свербеев Д.Н. Записки. Т. 2. С. 296, 250-251.

политическим бродягам», однако они были вынуждены отстаивать – «и то по приличию, а не по доброй воле» - «древнее право убежища, с давних времен присвоенное Швейцарии». Свербеев относит данную проблему к категории вопросов морали, и полагает, что Швейцарский союз должен воздавать Европе за свой нейтралитет «отречением от права убежища и выдачею политических преступников»⁸⁸⁵. Заметим, что Свербеев поднимает тем самым вопрос, который, в более общей его формулировке, и в последующие эпохи оставался одним из наиболее болезненных для Швейцарии.

В «колыбели Швейцарии»⁸⁸⁶ - городке Швиц, спрятанном в горах центральной части страны - довелось побывать Александру Тургеневу в 1833 г. Отсюда был родом выдающийся военный и политический деятель времен Гельветической республики Алоизий Рединг (1765-1818), с сыном которого Тургенева имел случай познакомиться. Тургенев отмечает, что предок Редингов – Рудольф Рединг фон Биберегг отличился в битве при Моргартене. Тургенев размышляет о неизменном и преходящем в жизни: «Все здесь как-то напоминает швейцарскую старину: и дома, и одежда жителей, и какая-то тишина, пустынность в самом городе переносит мысль к векам минувшим. Звон колокола погружает душу в уныние. Из окон ратгауза⁸⁸⁷ виды прелестные; но натура также не переменилась; из старообразного, по четырем сторонам деревянными башнями обнесенного, дома Рединга смотрят дети детей его на те же поля и вдаль на то же озеро Четырех кантонов, коим любовались их праотцы». Тургенев отмечает любопытную особенность кантона Швиц, в котором нет ни одного города, и даже «главное местечко Швиц, давшее имя всей Швейцарии, не город, а местечко или деревня». Его привлекают демократические традиции кантона: «Здесь все равны, и мужики на совете с Редингами; совершенное равенство в гражданской иерархии». Уважение швейцарцев к личности и ценность человеческой жизни в глазах государства восхищают Тургенева в Берне, где

⁸⁸⁵ Там же. С. 223.

⁸⁸⁶ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 33.

⁸⁸⁷ Rathaus (нем.) – ратуша.

он осматривает городскую тюрьму: «Тут жизнь и здоровье преступников так же драгоценны, как и добрых граждан», - отмечает он⁸⁸⁸.

Многие русские путешественники, несмотря на неприятие отдельных сторон швейцарской жизни или на некоторые нестроения в политической или экономической системе страны, действительно воспринимают ее как «Аркадию наших времен»⁸⁸⁹, по выражению Е.Ф. Розена. Любопытный рассказ о том, как он вдруг ощутил себя в «швейцарской Аркадии», оставил нам Алексей Мещерский. Он поднимался по скальной дороге, ведущей через селение Андерматт к Сен-Готарду. Перейдя Чертов мост, Мещерский оказался в темном каменном «мешке» или туннеле (Urnerloch), ведущем к долине Урзерн, в которой лежит Андерматт. Когда наконец утомленный путешественник смог перевести взор от диких скал - «предметов ужасных» - на зеленую долину, он почувствовал в душе «какое-то упоение», «переход от страданий к наслаждению, от несносного замирания сердца к жизни идеальной, пастушеской - к одному из дней золотого века!»⁸⁹⁰ Егор Розен отмечает, что в Швейцарии путешественник чувствует себя «отрешенным от хлопотливой суматохи общественного быта, из всех искусственных отношений житейских возвращенным к простым, чистым, теплым чувствам природным». Розена привлекает мирная сельская жизнь Швейцарии: вид «милой, разнообразной природы» и трудолюбивых селян, работающих в поле или в саду вызывают у него «какое-то тихое, светлое умиление». Швейцария, пишет Розен, это «чудесный край, где никто не запомнит дорожного грабежа; где путешественник, один среди гор, странствует также безопасно, как будто бы гуляет по саду родительского дома»⁸⁹¹.

Даже склонный к критике швейцарской жизни Греч восторженно описывает бернскую округу с «восхитительными», «прелестными» домиками крестьян и признается: «Вы знаете, какой я прозаик, знаете, что идиллии не скоро доходят до души моей; но здесь понял я, что можно писать идиллии,

⁸⁸⁸ Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 28, 34.

⁸⁸⁹ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии // Сын Отечества. Спб., 1849, кн. 9, ч. III. С. 6.

⁸⁹⁰ Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. С. 220.

понял, отчего лучшие буколки новых времен (Геснер и Броннер) образовались в Швейцарии». Поэтому Греч уделяет особое внимание рассказу об одной из известнейших народных песен Швейцарии, считающейся даже неофициальным гимном Suisse romande (франкоязычной части Швейцарии) – «Ranz des vaches» (нем. «Kuhreihen»). Греч приводит в своих «письмах» текст одного из куплетов этой пастушеской альпийской мелодии на романском наречии и замечает, что она так любима жителями Швейцарии, что «швейцарские солдаты, услышав ее, бросают ружья и бегут к горам своим». Во французских полках же, набранных в Швейцарии в период наполеоновских войн, эту мелодию нельзя было под страхом смертной казни «не только играть, но и насвистывать»⁸⁹².

Образ Вильгельма Телля в путевых заметках россиян

Практически все русские путешественники первой половины XIX в. в более или менее развернутой форме касаются в своих сочинениях фигуры Вильгельма Телля, легенда о котором является неотъемлемой частью «швейцарского мифа». В «дорожных заметках» россиян проглядывают как симпатии, так и антипатии к народному герою Швейцарии. Действительно ли верят некоторые из них в народные предания, судить сложно. Однако отношение к образу Вильгельма Телля становится для многих русских путешественников синонимом их отношения к устройству швейцарской жизни в целом.

Подробные экскурсии в легендарную историю Телля делают в своих записках Горихвостов и Глаголев. К истории Телля довольно часто обращается Греч; Константин Аксаков при расставании дарит хозяевам домика на Люцернском озере, где он жил, «Вильгельма Телля с надписью» (по всей видимости, изображение Телля)⁸⁹³. Глаголев, несмотря на свои сомнения в исторической истинности легенды о Телле, тем не менее

⁸⁹¹ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии. С. 6, 19.

⁸⁹² Греч Н.И. Путевые письма... С. 186, 198.

вкладывает в уста одного швейцарского офицера детальный рассказ народного предания о Телле, а также красочное описание сражений при Моргартене и Земпахе⁸⁹⁴. В описании своего пребывания на Тунском озере Федор Головкин указывает на то важное значение, которое придавали швейцарцы истории Вильгельма Телля в воспитании детей. Мимо фигуры Телля не проходит и мадам Курдюкова:

Знают все, что *Гильом Тель*
Подстрелил *мусье эн тель*;
Но кого? – тут разноречье!⁸⁹⁵

В маршрутах русских путешественников часто значится посещение мест, связанных с легендой о Телле. Особым вниманием россиян пользуется украшенная росписями часовня, построенная близ Флюелена в память о Телле на берегу Фирвальдштетского озера на месте, где, по преданию, Телль выскочил из лодки в бурю и скрылся от преследователей. Так, к примеру, Печерин пишет, что очень ждал, когда, наконец, он увидит часовню Телля и луг Рютли⁸⁹⁶.

Горихвостов также посещает места, связанные с историей Телля, которого он называет «восстановителем вольности Швейцарцев»⁸⁹⁷. Путешественник отправляется в «старые кантоны» и проходит пешком расстояние от Швица до Бруннена. Он проплывает по окруженному горами Фирвальдштетскому озеру, и его лодка пристает к часовне Вильгельма Телля. Там Горихвостов вспоминает «подвиги Героя»⁸⁹⁸, изображенные на стенах этой часовни, и говорит о Телле как о реальном историческом персонаже. «На сие место, - пишет он, - Телль выскочил из лодки, предав Геслера суровости грозы и волн». Замечательно, что путешественник имел

⁸⁹³ Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1917. Т.1. № 4/5. С. 636.

⁸⁹⁴ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837. С. 84, 91-98.

⁸⁹⁵ Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею... С. 199. Мусье эн тель – такогото господина (*monsieur un tel* – фр.).

⁸⁹⁶ Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера // Московский наблюдатель, 1835, декабрь, книга 1 (или по новой нумерации ч.5, №19). С. 344.

⁸⁹⁷ Горихвостов Д.П. Письма россиянина... С. 107.

⁸⁹⁸ Там же. С. 106. Написание слова «герой» с большой буквы – так у Горихвостова.

возможность услышать легенду о Телле из уст самих швейцарцев такой, какой они знали ее у себя на родине: «Тут представился приличный случай моим гребцам рассказать мне повесть сего происшествия так, как она дошла до них по преданию». В Альтдорфе Горихвостов сокрушается, что недавний пожар в городе не пощадил и ратуши, на которой «история Телля была искусно изображена», и добавляет, что «теперь некоторую часть оной можно видеть в живописи на башне», воздвигнутой в честь легендарного героя. Он посещает деревеньку Бюрглен недалеко от Альтдорфа и осматривает еще одну часовню, «поставленную в память Телля на том месте, на котором стоял его дом». Записки Горихвостова создают у читателя впечатление, что их автор считает данные легендарные события исторической правдой. Интересно, что он сумел уловить критические настроения внутри самой Швейцарии в нелегкое для страны время ликвидации Гельветической республики. Горихвостов приводит в своих заметках тексты двух стихотворений со стен часовни Телля в Бюрглене, посвященных подвигам Телля: «Посещавшие... оставили там и свою память в некоторых надписях, которыми расписаны ее стены. На внутренних за темнотою не мог разобрать ни одного стиха; с наружных выписал следующие, которые мне замечательнейшими показались»⁸⁹⁹. Вот эти стихотворения⁹⁰⁰:

Illustre Tell, dont le courage Sut briser le joug odieux, Helas! Ton ombre fuit des lieux, Où l'on a detruit ton ouvrage, Envain ta ligue a résisté, Elle cède, elle est asservie; Elle a perdu ton Helvétie, Ses lauriers et sa liberté.	Прославленный Телль, чья храбрость Сумела сокрушить ненавистный гнет, Увы! Твоя тень бежала из мест, Где уничтожено было дело рук твоих, Напрасно сопротивлялся твой союз, Он погиб, он поработен; Он потерял твою Гельвецию, Свои лавры и свою свободу.
Il en existe encore des Tells en Helvétie, Qui sauroient délivrer leur patrie asservie; Mais il n'existe plus cet esprit national; L'on sait bien admirer, mais l'imiter!	Еще есть в Гельвеции Телли, Которые сумели бы освободить свою поработенную родину, Но больше не существует этого народного духа, Которым восхищаются, но только имитируют его!

⁸⁹⁹ Там же. С. 107-109.

⁹⁰⁰ Дословный перевод наш.

Общий настрой этих стихотворений противоречит идиллическому образу Швейцарии, доминирующему на страницах сочинения Горихвостова. И заметим, что в этих надписях речь о Телле идет также как о реальном историческом персонаже, объединителе и спасителе народа. Это подчеркивает ту убедительность и правдоподобие, которые обретает сказание о Телле на рубеже веков, об этом же свидетельствует и манера представления его Горихвостовым. Трудно судить, насколько случаен был выбор Горихвостовым именно этих стихотворений, однако он показателен как для тогдашней ситуации в Швейцарии, так и для восприятия ее россиянином. Мы не знаем, были ли создатели данных стихотворений швейцарцами, однако эти строки передают общественно-политические настроения того времени и говорят об общей критической направленности авторов по отношению к тогдашнему положению Швейцарии и их искренней вере в реальность истории Телля.

Особенно глубокие размышления, связанные с ролью образа Телля в политической и нравственной жизни Швейцарии, присутствуют у Александра Тургенева и В.А. Жуковского. И это не удивительно, поскольку давние друзья Тургенев и Жуковский, бывшие очень близкими духовно, многие вещи видят практически в одном свете, мыслят схожими категориями, что отчетливо проявляется на примере анализа их «швейцарских» впечатлений.

Жуковский усматривает глубинную, духовную составляющую в окружающих его произведениях рук человеческих и в природе. Следующие строки Жуковского можно назвать гимном поэта Швейцарии и квинтэссенцией его восприятия страны: «Место, где жил Вильгельм Телль, означено часовнею. Этот обычай строить, вместо великолепных памятников, скромные алтари благодарности Богу на местах славы отечественной, трогает и возвышает душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцарии; в пустынях Египта можно было бы дивиться пирамидам и

обелискам – что бы они были у подножия Альпов? Зато на вершине Риги стоит простой деревянный крест, и маленькая часовня Телля таится между огромными утесами: но они не исчезают посреди этих громад, ибо говорят не о бедном могуществе человека, здесь столь ничтожном, но о величии души человеческой, о вере, которая возносит ее туда, куда не смогут достигнуть горы своими вершинами»⁹⁰¹.

Жуковскому вторит Александр Тургенев: говоря о часовне, построенной на месте предполагаемого дома Телля, он замечает, что «такие места приличнее всего освящать верою». Как Жуковский, так и Тургенев обращает внимание на то, как сами швейцарцы обходятся со своим легендарным героем. В представлении Жуковского и Тургенева образ Телля, или, точнее, сохранение памяти о нем в Швейцарии, становится положительным примером нравственного воспитания народа и улучшения нравов. «Христианство не исключает патриотизма», - пишет Тургенев: места, связанные с преданиями о Телле, становятся не только местами воспоминаний о его (предполагаемых) славных подвигах, но и местами для – пусть и краткой – молитвы. Тургенев посещает развалины замка Геслера, ущелье « hohle Gasse », «дом» Телля в Бюрглене, площадь в Альтдорфе, где, согласно преданию, Телль стрелял в яблоко на голове своего сына... Путешественник размышляет о связи событий и образов прошлого с настоящим и о важности сохранения таких патриотических символов, как образ Телля: «Телль еще и теперь ангел-хранитель Швейцарии, тень его носится на грозных высотах Аргорна и в мирных долинах и в годы испытания, и в минуты решительные для отечества. Дух его еще оживляет швейцар, соединяет разноплеменные кантоны в одно святое, народное чувство».⁹⁰²

Однако в сочинениях россиян звучат и противоположные мнения о Вильгельме Телле. Критические нотки особенно заметны в записках

⁹⁰¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 199.

⁹⁰² Тургенев А.И. Письмо из Флоренции в Симбирск. С. 35-36.

Погодина и Розена. Критика обоих касается не столько истинности или неправдоподобия предания о Телле, сколько характера самого поступка Телля (убийства Геслера). Погодин и Розен порицают Телля как государственного преступника⁹⁰³. «Пора бы понять, что Телль не кто иной, как бежавший преступник политический, подлым образом убивший Геслера. Смерть Геслера была в пользу Швейцарии: вот она и внесла скандинавскую сказку в биографию Телля – и ну прославлять его народным героем, и этот *пустой* говор народный мог обольстить поэзию – и самую историю! Не верьте гласу народа, когда народ злорадствует гибели того, кто держал его в повиновении!» - восклицает Розен⁹⁰⁴.

⁹⁰³ Погодин М.П. Год в чужих краях. Т. 4. М., 1844. С. 115.

⁹⁰⁴ Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии. С. 47.

IV. Пространство природы и Просвещения: «аристократическая идиллия» Ф.Г. Головкина

На примере **графа Федора Гавриловича Головкина** (1766 - 1823) разобран один частный, но важный пример, связывающий воедино две эпохи русских путешествий в Швейцарию: Головкин, прямой потомок русских аристократов, освоивших берега Женевского озера в середине XVIII в., в своих развернутых текстах отстаивает действенность ценностей «швейцарского мифа», соединяя их с чертами дворянской идиллии.

Пребывание Ф.Г. Головкина в Швейцарии приходится на **1804-1806, 1813-1816, 1817-1823** гг. Он бывал в Женеве, Веве, Ролле, Базеле, на Тунском озере, в замках Коппе, Вюльеран и Монна, однако большую часть времени проводил в Лозанне⁹⁰⁵. Окрестности Женевского озера были для Головкина своеобразным «прибежищем», куда известный светский лев удалялся, наскучив блеском монарших дворов. Головкина влекли в Швейцарию как дружеские, так и фамильные связи: родственниками по линии отца ему приходились знатные семейства де Местраль д'Арюффан (les de Mestrals d'Aruffens) и Фройденрайх (les Freudenreich), владевшие, соответственно, замками Вюльеран (Vullierens) и Монна (Monnaz) около Лозанны⁹⁰⁶. Именно в Монна сохранилась часть архива Головкина, в том числе и его воспоминания и дневники.

Головкин, племянник известного нам Александра Александровича Головкина, правнук канцлера Г.И. Головкина, принадлежал к заграничной ветви своего рода и также унаследовал склонность Головкиных к дипломатической деятельности. Его отец Гавриил Александрович, или Габриэль-Мари-Эрнест (Gabriel-Marie-Ernst; 1731-1800) начинал свою карьеру в рядах швейцарской гвардии французского короля под именем

⁹⁰⁵ Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 91, также Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain. (avec une préface par William Reymond et «Notice» par N. Chatelain) // Revue Suisse. T. XXIV. Neuchâtel, 1861. P. 630, 632, 639, 665 и др.

⁹⁰⁶ Подробнее см. статью про А.А. Головкина в настоящей главе.

маркиза де Феррасьера (marquis de Ferrassières)⁹⁰⁷, а затем в чине генерал-лейтенанта состоял на службе в Голландии в качестве коменданта одной из ее провинций. Мать графа Федора, Аполлония Эртенг (1743-1785), происходила из знатного голландского рода баронов де Маркетт⁹⁰⁸. Таким образом, Федор Головкин был «русским по крови» лишь на одну четверть и не мог не стать «космополитом»⁹⁰⁹. Образование Головкин получил в Берлине, где он также имел возможность изучить законы высшего света и приобрести придворные навыки в салоне своей тетушки графини Камеке, дочери А.Г. Головкина⁹¹⁰. Но разросшаяся за границей семья не забывала о своих русских корнях, и когда для них наступили времена не столь легкие, именно в Россию в 1783 г. были отправлены трое юных отпрысков Головкиных с целью поправить пошатнувшееся состояние рода, пользуясь древностью и славой своего имени. Это были сам Федор, его брат Пьер-Луи-Фредерик (1768-1821) и сын А.А. Головкина Юрий Александрович (1762-1841)⁹¹¹. Нельзя исключать, что к этому предприятию могла иметь отношение и упоминавшаяся выше графиня Камеке, урожденная Головкина⁹¹².

Оказавшись в России, Федор Головкин был приближен к Екатерине II и в течение некоторого времени находился при ней камер-юнкером, затем принял участие в русско-шведской войне 1788-1790 гг. Вершиной же придворной «карьеры» Головкина стал фавор у всемогущего Платона Зубова⁹¹³. Головкин «прекрасно развлекался при дворе»⁹¹⁴, был «неизменным участником больших и малых приемов»⁹¹⁵. Однако за короткое время он сумел нажить себе массу врагов: его «тщеславие, самонадеянность, острый ум и колкий язык, страсть критиковать все и вся скоро сделали его общество

⁹⁰⁷ Ibid. P. 66.

⁹⁰⁸ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I...С. 12.

⁹⁰⁹ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 66.

⁹¹⁰ Ibid. P. 67, 70.

⁹¹¹ Ibid. P. 49.

⁹¹² Ibid. P. 53.

⁹¹³ Ср.: Архив Кн. Воронцова. Кн. 8. С. 99.

⁹¹⁴ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 73.

⁹¹⁵ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I...С. 13.

труднопереносимым»⁹¹⁶. Головкин сам же и положил конец своим успехам при российском дворе, «позволяя себе вмешиваться в придворные интриги, ... совершая бездумные и неосмотрительные поступки»⁹¹⁷, чем изрядно надоел императрице и за что попал в немилость. В 1794 г. Екатерина отправляет его посланником в Неаполь, где он, однако, не нашел ничего лучшего, как напечатать сатирические стихи с критикой королевы Каролины, а затем принял участие в редактировании крайне резкого памфлета, также направленного против королевы. В ответ на это в 1795 г. последовало приказание удалить его из Неаполя. По возвращении в Россию Головкин был по повелению императрицы арестован и отправлен в изгнание в лифляндскую крепость Пернов, где и оставался до кончины Екатерины. После воцарения Павла I Головкин был возвращен ко двору, женился и получил должность церемониймейстера - со строжайшим запретом острить. Однако вскоре за нарушение запрета он был изгнан из столицы с обязательством жить в своих имениях, где на досуге обучал деревенских детей азбуке, составлял всемирную историю и покрывал лаком свои экипажи⁹¹⁸.

Через несколько месяцев⁹¹⁹ после восшествия на престол Александра I Головкин вернулся в Европу и провел остаток жизни космополитом, «дипломатом-любителем»⁹²⁰ между Дрезденом⁹²¹, Парижем, Флоренцией, Веной и Берлином⁹²², регулярно бывая в Швейцарии и лишь изредка приезжая в Петербург. «Принимаемый всюду с раскрытыми объятиями до тех пор, пока, наконец, его злой язык не создавал вокруг него пустоты, он вращался постоянно в высших светских и политических сферах того времени, по-видимому считая себя необычайным государственным и

⁹¹⁶ Там же.

⁹¹⁷ Там же.

⁹¹⁸ Там же.

⁹¹⁹ «По воцарении императора Александра Головкин оставался при дворе не дольше нескольких месяцев» - *Lettres du Comte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 102.

⁹²⁰ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 91.

⁹²¹ *Lettres du Comte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* Loc. cit.

⁹²² Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I... С. 14

дипломатическим умом»⁹²³, - писал Н.К. Шильдер. Когда же его утомляло одно место – он с легкостью переезжал в другое, однако главным его «убежищем» была Швейцария, где он «не рисковал найти ни двора, ни дипломатов, ни интриганов»⁹²⁴ (в отличие, например, от наскучившей ему Франции).

Если говорить о степени «русскости» Головкина (хотя по крови он на $\frac{3}{4}$ был иностранцем), то следует отметить, что в Россию он приехал в возрасте около 18 лет и прожил там еще по меньшей мере 17 лет, после чего вернулся в Европу, и большую часть времени до своей кончины провел в Швейцарии. Немаловажно, что сами швейцарцы воспринимали графа именно как русского: Головкина назовут «остроумным русским вельможей»⁹²⁵ в кратком предисловии к публикации его писем к одному из самых близких своих друзей в Швейцарии - Николя Шателену (Nicolas Chatelain), литератору, жившему в г. Ролле. Неизвестно, каковы были источники дохода Головкина в Европе, однако не подлежит сомнению тот факт, что своим благосостоянием граф был обязан и средствам, которые он получал из России. Осыпанный милостями еще в свою бытность в фаворе у Зубова, благодетельствованный Павлом, он также имел право на доход от родовых поместий – «незначительных владений»⁹²⁶, как он их характеризует, повествуя о своем возвращении с братьями на историческую родину.

Таким образом, в жизни Головкина мы можем условно выделить три основных периода: **1)** от рождения до приезда в Россию – до 1783 г., **2)** пребывание в России 1783-1801 г., **3)** возвращение за границу - с начала XIX в. до его смерти в 1823 г.

Швейцария же стала основным местом жительства Головкина в *последний период* его жизни: он провел там не менее **14** лет из 23. Далее на

⁹²³ Головкин Ф.Г. Из записок графа Ф.Г. Головкина [Отрывки] / Сообщ. Н. Шильдер // Русская старина, 1896. Т. 88. № 11. С. 368.

⁹²⁴ Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 321.

⁹²⁵ Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain... P. 92. Ср.: Cart J. L. Histoire de mouvement religieux et ecclésiastique dans le canton de Vaud pendant la première moitié du dix-neuvième siècle. T. 1. Lausanne, 1870. P. 101. Там Головкина называют «поляком или русским», однозначно определяя его славянское происхождение.

основании публикаций воспоминаний и писем Головкина мы попытаемся восстановить хронологическую канву пребывания Головкина в Швейцарии.

Одно из ранних свидетельств тому имеется в Архиве князя Воронцова: так, из письма барона П.А. Николаи к графу С.Р. Воронцову мы узнаем, что осенью 1805 г. Головкин был в Лозанне: 17 сентября 1805 г. барон сообщал из Мангейма, что последний, проехав через Штутгарт, направляется в Швейцарию⁹²⁷.

В **1804 - 1806 г.**⁹²⁸ Головкин живет на берегах Женевского озера⁹²⁹ и часто бывает в обществе, собиравшемся в замке Коппе⁹³⁰ у знаменитой мадам де Сталь, которая высоко отзывалась о графе и неустанно искала встреч с ним⁹³¹. Вот отрывки из одного из писем знаменитой писательницы Головкину от 22 октября 1805 г.: «Дорогой граф, Ваше отсутствие – большое горе не для сердца, а для ума. Где Вы – там движение и жизнь, которые исчезают вместе с Вами... Прощайте, дорогой граф, я Вас люблю так, как Вы заслуживаете быть любимым, т.е. Вы мне очень нравитесь»⁹³². Из писем де Сталь к Головкину и писем Головкина к Николаю Шателену⁹³³ следует, что он регулярно бывал в Швейцарии и в **1807 - 1809 гг.**, хотя большую часть времени в указанные годы проводил, по всей видимости, в Париже.

После подписания Тильзитского мира Головкин переезжает во Францию, в 1811 г. он в Париже⁹³⁴, а марте **1813** Головкин вновь оказывается

⁹²⁶ *Compte Féodor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 51.

⁹²⁷ Архив Кн. Воронцова. Кн. 22. С. 232.

⁹²⁸ Известно, что 14 июня 1806 г. Головкин был еще в Ролле (*Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 411).

⁹²⁹ *Compte Féodor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 89.

⁹³⁰ «Группа Коппе», куда в свое время входили такие деятели, как Б. Констан, В. фон Гумбольдт, Бонштеттен, Шатобриан и пр. вплоть до лорда Байрона, стала колыбелью европейской либеральной мысли. О «кружке Коппе» см., напр.: Hofmann E., Rosset F. *Le Groupe de Coppet. Une constellation d'intellectuels européens*, Presses polytechniques et universitaires romandes (coll. Le Savoir Suisse). Lausanne, 2005; Jaume L. (dir.) *Coppet, creuset de l'esprit libéral*. Paris; Aix-en-Provence, 2000; Kloocke K. (dir.) *Le groupe de Coppet et l'Europe: 1789-1830*, Lausanne, 1994; *Coppet et la revolution de Suisse 1797-1805*. Forum europeen de Coppet. Vaud, 2003.

⁹³¹ Сохранились письма де Сталь к Головкину (*Compte Féodor Golovkine. La cour et le règne du Paul I...* P. 391-398), как и его «Разные письма, собранные в Швейцарии» (*Lettres diverses recueillies en Suisse par le C-te Féodor Golowkin. Genève - Paris, 1821*).

⁹³² *Compte Féodor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 391-392.

⁹³³ Так, например, в местечке Сешерон (Sécheron) близ Женевы были написаны письма, датированные 8 декабря 1807 г., 7 января 1808 г. // *Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 414 - 416.

⁹³⁴ *Ibid.* P. 102.

в Швейцарии, где проводит весну и лето⁹³⁵. Сперва он отправляется в Женеву, в апреле - сентябре 1813 он в Лозанне⁹³⁶. В октябре 1813 г. Головкин уже на своей шикарной вилле «Монталлегре» («Montallègre»; букв.: «гора веселья») в местечке Эпинеи во Франции, близ Парижа⁹³⁷, однако вскоре в том же году он возвращается в Швейцарию. В 1814 г. Головкин опять в Лозанне⁹³⁸. Он живет то там, то на «восхитительном маленьком острове в устье реки Аары на Тунском озере»⁹³⁹.

Оттуда 27 июля 1814 г., выполняя просьбу друга описать «свой кантон», Головкин с одушевлением повествует о красотах Тунской округи⁹⁴⁰. С острова, пишет он, открывается чудесный вид на реку Аару, парк Хоффштедт (Hoffstedt) и замок Шадау (Schadau), отсюда граф созерцает «Абендберг и начало всех прекрасных долин, окружающих Низен, затем Низен, Штокхорн и Ральтиген-Флю и Швальмерен и наконец, освещенную солнцем, всю цепь гигантских Альп от Финстераархорна до Дольденхорна. Но кажется, - продолжает он, - что сейчас покажется Бог, что ему больше нечего от меня таить и что все секреты природы - мои»⁹⁴¹. Знаменательно, что остролова-Головкина, как и многих путешественников, вид альпийских гор наводит на мысли о Боге. Он вдохновенно описывает вечер праздника св. Жака (св. Якова) 25 июля 1814 г., когда с наступлением темноты пастухи развели на склонах гор – везде, где только было возможно – громадные костры. «Никогда не видел я ничего более торжественного и необычного»⁹⁴², - замечает Головкин. Ему казалось, что в этих кострах на фоне темноты неба и гор наяву он увидел «звезды, падающие на землю»⁹⁴³, – как когда-то рассматривал их на иллюстрации к библейскому повествованию об

⁹³⁵ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* P. 91.

⁹³⁶ Так, письма к Шателену из Лозанны датированы 6 апреля, 9 июля, 9 сентября, 10 октября 1813 г. В конце апреля 1813 г. он собирался посетить г. Ролль (Rolles) (*Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 102, 632- 635).

⁹³⁷ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* Loc. cit.

⁹³⁸ *Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 102.

⁹³⁹ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* Loc. cit.

⁹⁴⁰ *Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 635-638.

⁹⁴¹ *Ibid.* P. 637.

⁹⁴² *Ibidem.*

⁹⁴³ *Ibidem.*

Апокалипсисе, так поразило его величие происходящего. «В течение этого времени, - продолжает он, - из различных мест равнины запускали ракеты, и так, шагая с томиками Данте и Мильтона в руках, я верил, что вот-вот начнется битва между землей и небесами. Но показалась луна, огни погасли, ракеты умолкли, и на землю спустились мир, сон и покой»⁹⁴⁴.

Имея возможность «изнутри» прочувствовать швейцарскую жизнь, Головкин выборочен в описании своих впечатлений. И тем более замечательно, что от его взгляда не ускользнуло то внимание, которое в Швейцарии – уже начиная по меньшей мере с обучения в школе – придавалось истории подвигов Вильгельма Телля. Будучи в Туне, граф имел случай наблюдать одну из «невинных забав» швейцарских школьников – их военные игры, или «военный поход» бернских старшеклассников к тунским. Они торжественно прибыли с развевающимися знаменами, «пушками» и барабанами. Тунские школьники вышли навстречу бернским, «вооруженные арбалетами, с городскими знаменами и музыкой, во главе их шли Вильгельм Телль и его сын»⁹⁴⁵. Праздник, от которого Головкин остался в восторге, продлился три дня⁹⁴⁶.

И в Туне, и в Лозанне, куда к сентябрю 1814 он уже вернулся⁹⁴⁷, Головкин «неустанно посвящал свое время литературе и искусству»⁹⁴⁸. Он очень любил свой островок на Тунском озере и охотно проводил там время: так, известно, что он пробыл там несколько дней в конце мая до 1 июня 1815 г., а в письме от 19 мая 1815 г. он обещал Шателену, что в своем уединении будет «беседовать» с Альпами⁹⁴⁹.

Тем не менее Лозанна, где Головкин было хотел обосноваться ввиду «некоторых родственных и дружеских связей», оказалась для него «чересчур маленьким городом»⁹⁵⁰. Еще в 1809 г. в одном из писем Шателену из

⁹⁴⁴ Ibidem.

⁹⁴⁵ Ibidem-

⁹⁴⁶ Ibid. P. 638.

⁹⁴⁷ Первое письмо к Шателену по возвращении в Лозанну датировано 19 сентября 1814 г. (Ibid. P. 637-639).

⁹⁴⁸ Ibid. P. 102.

⁹⁴⁹ Ibid. P. 640-641.

⁹⁵⁰ Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 321.

Монталлегре он жаловался на недостаток внимания к своей персоне: «Швейцария пренебрегает мною самым ужасным образом. Я полагал, что имею там родственников, друзей, однако мой почтовый ящик уведомил меня о моей ошибке»⁹⁵¹, ибо, писал Головкин, в течение двух месяцев он не получил ни одного письма из Швейцарии. «Но я иначе судил о сердцах живущих на берегах Лемана; я думал, что основательно устроился в Веве, Лозанне, Ролле, Женеве; моя гордость говорила мне: эти города, они ваши! Да! Полагайтесь на видимость. Увы! Кроме мадам де Сталь, на которую я не рассчитываю, никого не интересует мое существование; лишь она, чтобы довершить мое разочарование, помнит обо мне и проявляет интерес ко мне»⁹⁵² - сокрушался он. Конечно же, нельзя забывать о склонности Головкина к преувеличениям, к тому же он был о себе весьма и весьма высокого мнения. Несмотря на подобные жалобы, Головкин вновь и вновь возвращался в горный край, где он мог удалиться на свой прелестный остров на Тунском озере, окруженном Альпами, - в Швейцарию, где им восхищались в кружке Коппе, как указывалось выше, и где он имел массу связей. Для сравнения, в 1813 г. Головкин упивался тем, что нашел в Швейцарии столь «приятное» и «милое сердцу» убежище⁹⁵³. Когда же, наконец, он пресытился Швейцарией, то, «утомленный однообразной жизнью» в скромной столице кантона Во, **в конце мая 1816 г.**⁹⁵⁴ Головкин отправляется во Флоренцию, чтобы одновременно поменять обстановку и развеяться. Там он «блистает, развлекается сам и развлекает других»⁹⁵⁵.

Что же так тяготило графа в Лозанне? Незадолго до своего отъезда во Флоренцию Головкин увяз, по его собственным же словам, в типичной мелочной бюргерской среде. Вот как Головкин характеризует лозаннское общество своего времени: «Много неуместных претензий на знатность происхождения и богатство, отсталость в вопросах просвещения, казавшаяся

⁹⁵¹ Lettres du Comte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain... P. 630.

⁹⁵² Ibidem.

⁹⁵³ Ibid. P. 639.

⁹⁵⁴ Ibid. P. 654.

⁹⁵⁵ Comte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 91.

непоправимой, мелочность взглядов, возведенная в принципы, революционное правительство, которое вечно жалующиеся на него землевладельцы не могли ни перенести, ни свергнуть» - все эти «мелкие волнения» вселяли в него страх за собственное положение и душевное спокойствие⁹⁵⁶. Отъезд Головкина в Италию отмечен для нас известием о еще одном россияине, оказавшемся в Лозанне. Это был адмирал **Павел Васильевич Чичагов**⁹⁵⁷ (1767-1849), печально известный тем, что «Бонапарту дал прорваться у Березины»⁹⁵⁸. С 1813 г. Чичагов жил во Франции и Италии⁹⁵⁹. В письме своей двоюродной сестре г-же Местраль д'Арюффан Головкин сообщает, что он решительно отказался от настойчивых предложений адмирала ехать вместе с ним в Италию, и любопытно, что их пятичасовой разговор, «замечательный по своим подробностям», убедил Головкина, что история – «первая из наук цивилизованных людей»⁹⁶⁰.

Итак, граф уехал во Флоренцию. Однако проходит год – и Головкин опять в Лозанне. По своем возвращении (не позднее 4 октября 1817⁹⁶¹) он ведет «уединенный и праздный» образ жизни, среди «обломков прошлого и рассуждений о будущем»⁹⁶², и живет в этом городе вплоть до своей кончины. Граф имел репутацию человека остроумного, «очень веселого и приятного»⁹⁶³. Он часто бывал в салоне своей двоюродной сестры г-жи Местраль д'Арюффан на собраниях «библейского» общества «де Бург» (по имени улицы – rue de Bourg - на которой жила хозяйка салона), где зачитывал порой свои сочинения⁹⁶⁴. Круг его общения составляют семейства Местраль в Вюльеране, Фройденрайх в Монна, Ван Мюйден (les Van Muysden) в Лозанне, Ноаль (les Noailles), Эйнард (les Eynard), а также Николя Шателен,

⁹⁵⁶ Ibid. P. 321-322.

⁹⁵⁷ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I...С. 471.

⁹⁵⁸ Compte Féodor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 324.

⁹⁵⁹ Русский биографический словарь . Т. 22. СПб., 1905. С. 426.

⁹⁶⁰ Ibidem.

⁹⁶¹ Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain... P. 656.

⁹⁶² Compte Féodor Golovkine La cour et le règne du Paul I... P. 92.

⁹⁶³ Ibid. P. 92.

⁹⁶⁴ Cart, Jack Louis Loc. cit.

его близкий друг и многолетний корреспондент в Ролле. Еще в 1813 г. Николя Шателен спросил у Головкина в письме, почему бы тому не стать гражданином кантона Во и испросить общественную (*publique*) должность, и граф отвечал на это, что он в своих поступках руководствуется представлениями о «действительной выгоде» вещей; он гордится тем, что любит кантон Во, но что и так уже слишком много людей хотят разделить этот «маленький, тощий и не сладкий пирог»⁹⁶⁵.

Состояние здоровья Головкина год от года ухудшалось, и в 1823 г. он скончался⁹⁶⁶, и в связи с его кончиной «Лозаннская газета» (*la «Gazette de Lausanne»*) опубликовала «помпезный некролог»⁹⁶⁷, превознося вкус, таланты, дарования и благодеяния графа: «Граф Федор Головкин окончил свой жизненный путь в Лозанне в возрасте 57 лет. На долгие годы обосновавшись в нашей стране, куда его влекли семейные связи, он вел жизнь частного лица и с давних пор отказался от блестящей карьеры политика, которая была ему с юности открыта благодаря его талантам, его происхождению и той милости, которой он пользовался при дворе Екатерины II. С тех пор он был волен следовать своим вкусам и преданся развитию всех тех даров духа и гения, которыми его щедро наделила природа. Его обширные познания, его манеры, оригинальность его разговора и его стиля и его успех во всех жанрах литературы стяжали ему справедливо заслуженную известность. Все классы общества сожалеют об этой потере. Одни оплакивают родственника, друга, человека в высшей степени приятного, другие скорбят о просвещенном благодетеле, никогда не отказывавшем в помощи в несчастье. Граф Головкин скончался после продолжительной болезни, которую он, по своему исключительному мужеству, не считал опасной»⁹⁶⁸.

Выше мы приводили выдержки из писем Головкина, по которым можно судить о его отношении к Швейцарии. Обратимся теперь к еще

⁹⁶⁵ *Lettres du Comte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain...* P. 633.

⁹⁶⁶ *Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I...* Loc. cit.

⁹⁶⁷ Cart, Jack Louis Op. cit. P. 102.

одному важному источнику, а именно предисловию Головкина к «Письмам из Швейцарии» («Lettres diverses recueillies en Suisse...»), сборнику переписки именитых швейцарцев, включая Вольтера и Галлера, опубликованном еще при жизни графа в 1821 г. Не надо забывать, что взгляд Головкина априори не совсем «русский», ибо он получил европейское воспитание и образование и воспринимал действительность – в том числе и факты и клише, касающиеся Швейцарии, - сквозь призму сознания европейца. Тем более интересно, что и в его – сугубо субъективной – характеристике альпийской республики мы встречаем отголоски «швейцарского мифа». Впрочем, это и неудивительно, ведь этот «миф» возник именно на базе европейской литературы, проник в европейское общественное сознание и был затем воспринят россиянами. Поэтому впечатления Головкина как «гражданина мира» еще раз демонстрируют общеевропейское присутствие «мифа» в разных его интерпретациях. Отметим также, что в восприятии Головкина (прежде всего в его письмах к Шателену, ибо в «Предисловии» это было бы вряд ли уместно) отсутствует важная черта пока еще только зарождающегося «русского» варианта «мифа»: сопоставление Швейцарии с Россией (но это, признаем, вполне естественно ввиду «космополитизма» графа). С другой стороны, у Головкина можно найти и критические замечания, и философские размышления, и отступления исторического характера.

В «Предисловии» Головкин дает общую картину восприятия европейцами Швейцарии и повествует о том, почему он избрал для себя эту страну. Интересно, что Головкин задается мыслью об истории «открытия» Швейцарии путешественниками. Он замечает, что «вплоть до середины XVIII века Швейцария была известна лишь мужеством своих воинов и доблестями своих магистратов», на всю Европу гремели лишь подвиги швейцарцев, «совершаемые во имя свободы», однако эта «свобода еще не

⁹⁶⁸ Gazette de Lausanne, 23.05.1823. P. 3.

была в моде»⁹⁶⁹. И поскольку «живописный и романтический жанры» также не были еще распространены, «никто и не помышлял делать эту страну предметом своих исследований»⁹⁷⁰. Всем казалось, что Швейцария - «очень сельская и очень бедная», что она не имеет ничего, кроме неприступных гор и бурных рек⁹⁷¹. За исключением Рейнского водопада никто ничего не знал о Швейцарии, кроме Подджио и Монтеня никто здесь не бывал, и, наконец, за исключением военных времен никто и не собирался говорить об этом прекрасном крае. Однако внезапно на краю этой «неизвестной сцены» одновременно появилось «несколько гениев» - пришли просветители: «Пылкие просветители оказались рядом с великолепными объектами, которые природа с удовольствием украсила, и обратили свои взоры на них»,⁹⁷² - пишет Головкин. Некоторые вояжеры стали сворачивать со своих наезженных маршрутов в Германии и Италии, и вскоре путешествие по Швейцарии «стало главной целью в планах тех, кто, имея стремление к обучению, чувствовали себя в состоянии испытывать наслаждение и восхищение вне стен салона или театрального зала»⁹⁷³. Читателей Головкина не могли не увлекать его вдохновенные строки: «Величественные Альпы и их вечные снега, скромная Юра и ее долины, населенные художниками, Бернулли, Эйлерами, Галлерами, Гесснерами, Троншенгом, Тиссо, Бонне, горным доктором с его травами, Лафатером с его невинными мечтами, Дрозом и его чудесами, и, в особенности, Ж.Ж. Руссо с его упоительными описаниями и блестящими софизмами, собрали под безвестными стягами (окруженными памятниками из всех веков) любопытных из всех стран, всех рангов, всех полов и всех возрастов. Одни шли взывать со своих жертвенников к теням героев и основателей, другие отправлялись изучать историю на руинах Виндониссы, Авентикума и Октодурума. Какой прекрасной казалась им Швейцария! Какими счастливыми казались им ее

⁹⁶⁹ Lettres diverses recueillies en Suisse... P. 1.

⁹⁷⁰ Ibid. P. 2.

⁹⁷¹ Ibidem.

⁹⁷² Ibidem.

⁹⁷³ Ibid. P. 3.

обитатели! Сколь долгодействующим оказалось это впечатление, и что поэтому видно из количества людей, который отправлялись поприветствовать эту образцовую страну и обосноваться в ней...»⁹⁷⁴. Очевидно, что и Головкин поддался очарованию «идиллических» описаний Швейцарии, и хотя его «идиллия» более рассудочна и более «аристократична», он все же отмечает неперенные черты ее: граф пишет, что именно Швейцария может дать человеку столь необходимые для счастья «чистые наслаждения», которые делают возможными спокойные занятия наукой, философией, созерцание и размышление⁹⁷⁵. Только здесь можно в полной мере испытывать «приятные чувства и спокойные удовольствия»⁹⁷⁶. Памятуя о швейцарской истории, Головкин отмечал, что «пришельцев» привлекала также «справедливая надежда», что в Швейцарии религия и наслаждение «примирятся на лоне природы»⁹⁷⁷. Мятущиеся и возвышенные умы стали искать новое прибежище, требуя покоя и справедливости – «Швейцария располагала всем этим»; многие заметили «преимущества свободы», покоящейся в красоте бесчисленных очаровательных местечек, характере и нравах жителей и «самых благородных воспоминаниях»⁹⁷⁸ (имеется в виду легендарная история создания Швейцарского союза – В.С.). Еще раз подчеркнем «аристократичность» «идиллии» Головкина, для которого на первом месте стоят не простота и «пастушеское нестяжание», а хороший вкус и изысканная компания себе равных – «*Bonne Compagnie*», ибо прелести природы и свободы привлекут хорошо воспитанного человека, такого, который «считает себя достаточно сведущим, чтобы между прочим приводить имена Телля, Винкельрида, Эрлаха»⁹⁷⁹. Головкин отмечает роль в истории страны швейцарской знати, которая «в наиболее героические эпохи способствовала славе и поддержанию древней Конфедерации»⁹⁸⁰.

⁹⁷⁴ Ibidem.

⁹⁷⁵ Ibid. P. 4.

⁹⁷⁶ Ibidem.

⁹⁷⁷ Ibidem.

⁹⁷⁸ Ibid. P. 4-5.

⁹⁷⁹ Ibid. P. 5-6.

⁹⁸⁰ Ibid. P. 6.

Таким образом, Головкин отмечает основные черты *«швейцарского мифа»* - говорит о славной древней истории швейцарцев, об их свободе, о смелых подвигах, неоднократно (также и в письмах к Шателену) упоминает имя Вильгельма Телля, который приобретает у графа черты реального исторического персонажа, а также Винкельрида, рисует идиллические картины швейцарской природы и спокойной жизни в блаженной Швейцарии. И удивительно, что этот «миф», дополненный *«аристократической идиллией»* Головкина – образом безмятежного, уединенного существования аристократа-философа на лоне прекрасной горной природы – обретает временную протяженность, а также сильную субъективную привязку: теплое отношение графа к Швейцарии неотделимо от его привязанности к самим швейцарцам, к своим тамошним друзьям, к событиям прошлого, к культурному пространству страны. Головкин пишет об крушении прежнего порядка в Европе и о потрясениях, связанных с наполеоновскими войнами. Хотя и Швейцарию коснулись плачевные изменения, затронувшие даже швейцарское единение и нравственность, сам Головкин только в этой стране смог найти успокоение, и, хотя его «миф» пошатнулся, но во всем своем разнообразии он все же живет в душе графа, который извлекает из него бесценные воспоминания: «Устав от бурь, накрывших Европу в начале сего века, я, в свою очередь, отправился в Швейцарию на поиски покоя, который нигде больше невозможно найти, и хотя наша эпоха менее способствует философской безмятежности, чем предшествовавшие, дух нововведений и эгоизм, которые в других местах уничтожили бы все вплоть до надежд, здесь не задушили еще элементов общественного благополучия. Скалы Гельвеции не имеют больше, это правда, репутации славных неприступных стен, в ее долинах больше не живут полученная по наследству невинность и нерушимый мир, и знаменитые жители ее исчезли; однако между развалинами прошлого и рассуждениями о будущем я вновь обрел многочисленные, прекрасные, милые воспоминания»⁹⁸¹.

⁹⁸¹ Ibid. P. 8.

V. Итоги: «воодушевление Альпами» как квинтэссенция швейцарских впечатлений в путевых заметках русских путешественников

Как это было показано выше, большинство русских путешественников вполне единодушны в тех своих высказываниях, которые можно отнести к первым четырем аспектам «швейцарского мифа» - историческому, политическому, моральному и фольклорному. Не менее единодушны россияне и в своем отношении к швейцарским Альпам, за тем лишь исключением, что в тема Альп обретает в путевых заметках русских путешественников необычайно эмоциональное и многогранное, порой философское звучание.

Наибольшей популярностью среди россиян пользовались горы Бернского Оберланда⁹⁸², Центральная Швейцария и Сен-Готардский перевал, Симплонский перевал, а также переход из долины Шамони к городку Мартиньи в долине р. Роны. В распоряжении путешественников XIX в. имелись как существовавшие к тому времени многочисленные описания путешествий по швейцарским горам (как российских, так и иностранных авторов), так и не менее многочисленные путеводители по Швейцарии, в которых давались подробные советы относительно подготовки и маршрутов горного путешествия, необходимого снаряжения.

Пионерами альпийских пейзажей среди русских путешественников стали Павел Струганов и Николай Карамзин. Карамзин соединил в своем сочинении точность горных описаний с эмоциональностью повествования. Отметим, что именно Карамзину принадлежала заслуга переноса на русскую почву веяний сентиментализма, ставившего во главу угла чувственное восприятие человеком прочитанного и увиденного. В отношении европейской «литературы путешествий» влияние сентиментализма

⁹⁸² Рассказу воображаемой «госпожи Курдюковой» о поездке по Бернскому Оберланду даже посвятил целую главу своей юмористической поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (1840-1844) И.П. Мятлев.

выразилось в более подробном и художественном описании путешествия, в акценте на его личностном восприятии. Это коснулось и изображения Карамзиным мира швейцарских Альп. Описание нескольких дней, проведенных Карамзиным в Альпах в начале сентября (н.ст.) 1789 г., представляет собой кульминацию всего путешествия, смысловой и эмоциональный центр как швейцарского, так и всего «европейского» путевого журнала Карамзина. Главное же, что отличает изображение альпийского мира в «Письмах русского путешественника» - это *включение швейцарских Альп в систему ценностей* автора. В философской картине мира, предлагаемой Карамзиным, горы получают свое четко определенное место, становятся своего рода онтологической, этической и эстетической константой, мерилем добродетели и нравственности.

Для многих из последовавших за Карамзиным русских путешественников швейцарские горы становятся элементом философской системы ценностей, а отношение к Альпам оказывает влияние на их восприятие Швейцарии в целом. Главное в Альпах для русских путешественников – это их *красота* в различных интерпретациях этого понятия, в зависимости от чего «русский» образ Альп приобретает различные аспекты, а каждый из россиян по-своему определяет конкретное содержание «альпийской составляющей» «швейцарского мифа».

Близость к горным красотам становится весомым аргументом для выбора места занятий *наукой или искусствами*, для творчества и поэзии – не даром, ибо, как в 1833 г. писал В.А. Жуковский, с «ужасающей взоры огромностью» «великанов»-Альп может «без страха» соперничать лишь «другой великан»: «этот великан – есть *мысль*»⁹⁸³. Еще Г.К. Разумовский выбрал уголок у озера и гор и в течение нескольких лет в 1770е - 1790е гг. занимался географией и минералогией. Ф.Г. Головкин превозносил в своих воспоминаниях Лозанну как культурную столицу своего времени. Близ Альп, в Веве на берегу Женевского озера, Жуковский начинает перевод поэмы

⁹⁸³ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. С. 344. (Курсив Жуковского – В.С.)

Дж.Г. Байрона «Шильонский узник»; в Швейцарии раскрывается его талант как художника – он рисует швейцарские горы, долины и озёра. Там же, в Веве, Гоголь ищет вдохновения для работы над «Мертвыми душами».

В изображении швейцарских Альп в путевых заметках россиян выделяются две, с одной стороны, противоположные, но с другой стороны, взаимосвязанные черты: путешественники говорят о непостижимой *красоте* Альп и об их *ужасах* и дикости. Преодолев в 1810 г. Сен-Готардский перевал, С.И. Михалков, товарищ Н.И. Тургенева и А.И. Михайловского-Данилевского по Гёттингенскому университету, писал своему другу, что природа там «совершенно мертва, не видно никаких растений, кроме ужасных скал и их вершин, покрытых вечным снегом»⁹⁸⁴. В 1849 г. А.И. Герцен поднимался на одну из гор близ знаменитого четырехтысячника Маттерхорн. Достигнув пределов «ледяного снежного моря» на значительной высоте, он почувствовал себя как будто у «пограничных... пределов планеты» и был оглушен «мёртвой, прозрачной» тишиной⁹⁸⁵. С.П. Шевырев, сопровождавший сына З.А. Волконской Александра в путешествии по Европе, в декабре 1831 г. совершил переход из Италии в Швейцарию по Симплонской дороге, построенной по приказу Наполеона. В своем дневнике Шевырев вспоминает об этом трудном пути, сравнивая Альпы с готическими соборами и бастионами: «Наконец стало светлее: можно было различать предметы. Мы были сжаты Альпами, огромными, мрачными. Альпы после Апеннин как готические соборы, начиная с флорентийского, после храма Св. Петра. Они неприступны, круты, черны, иногда принимают цвет собора Флорентийского, черный с белым. Дорога бежит по краю горы и пропасти, в которой шумит поток, неизбежный путеводитель в горах, часто скатывающийся водопадами. Над дорогою висят и грозят огромные камни, друг на друга наваленные и малым чем поддержанные. Где упрямые горы мешали дороге, там проточили галереи: страшно думать, что едешь в недрах

⁹⁸⁴ Письмо С.И. Михалкова Н.И. Тургеневу. Женева, 27 июля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Т. 1. СПб., 1911. С. 410.

земли. Ужасен ее Альпийский осто́в, эти ребра земли, прободенные человеком». Альпийские снега напомнили Шевыреву о родине: около деревушки Симплон ему предстала «совершенная наружность России»⁹⁸⁶.

Редкий русский путешественник XIX в. не восхищается красотами альпийских вершин. Особенно впечатляющими моментами созерцания Альп для многих становились закатные минуты, когда солнце каждый раз по-особенному окрашивает белые снега гор. Николай Иванович Тургенев наблюдал в 1811 г. закат в Берне: «Солнце уже закатилось. На одной стороне вершины гор были позлащены лучами солнечными. На другой – Альпы блистали в вечных льдах своих». Однако для Тургенева немыслима жизнь в горах – «нет чистого поля!»⁹⁸⁷. В своих заметках из Женевы (1823) А.Г. Глаголев рисует впечатляющую картину заката, игравшего на «ярусах Альпийских гор с их снежною кровлею и с великолепным куполом Монблана»: «Догоравшие на них лучи вечернего солнца, - пишет он, - принимали попеременно цвет огненный, розовый, палевый и синий»⁹⁸⁸. Но самые удивительные и вдохновенные описания магии гор принадлежат, без сомнения, перу Жуковского. Оказавшись в 1821 г. во время своего швейцарского путешествия в городке Интерлакене, зажатом между двух озер – Тунским и Бриенцским, поэт наблюдал игру заходящего солнца и на горах, и в водах двух озер, о чем записал в своем дневнике: «Посинелые горы; на них золотые облака; солнечный свет мешал; облака синие и озеро синее; но просветы полосами; по всем горам облака как кудри; Юнгфрау изредка из облаков. Удивительное действие облаков: в Тунском озере солнце, а по горам легкие золотистые струи; озеро Бриенцское темно, и Лиматт и горы все открыты, только по краям облака амфитеатром, как взбитая пена (или как

⁹⁸⁵ Герцен А.И. Былое и думы. Ч.5 // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. М., 1956. С. 114.

⁹⁸⁶ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб., 2006.С. 364.

⁹⁸⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. СПб., 1913. С. 103.

⁹⁸⁸ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837. С. 182.

вата по высоте их). Небо разорванное, осеннее. Над Тунским озером оссиановская картина: точно группы воинов с дымящимися головами»⁹⁸⁹.

Представления о красоте Альп неразрывно связаны в заметках россиян с идеей об *идилличности и гармонии* жизни альпийских пастухов, их *свободе и патриотизме*. Заметим, что в значительной мере русские путешественники воспринимают Альпы не просто как часть природы, но как «*населенную природу*»: альпийские пейзажи неотделимы от живущих в горах людей. Именно жители Альп являются для россиян наследниками былого «золотого века», а также воплощают в себе добродетели героев древней Швейцарии. Карамзин в «Письмах русского путешественника» описывает «пастушью жизнь во всей простоте ее». Он с теплотой и восторгом вспоминает о своей первой встрече с пастухами на склонах Венгернальпа близ гор Юнгфрау, Мёнх и Айгер: «Сии простодушные люди зазвали меня к себе в гости и принесли мне сливок, творогу и сыру. Хлеба у них нет, но проводник мой взял его с собою. Таким образом я обедал у них, сидя на бревне, - потому что в их хижинах нет ни столов, ни стульев. Две молодые веселые пастушки, смотря на меня, беспрестанно смеялись. Я говорил им, что простая и беспечная жизнь их мне весьма нравится и что я хочу остаться у них и вместе с ними доить коров. Они отвечали мне одним смехом»⁹⁹⁰. Николай Тургенев восхищается альпийскими жителями, которые, как ему кажется, ближе всех в Швейцарии находятся к природе. А Александр Михайловский-Данилевский, сопровождая императора Александра I в поездке по Швейцарии в 1815 г., вспоминал о своих прежних путешествиях в Альпы. Данилевский замечает, что во времена своей юности он бывал в «шалашах *Альпийских пастухов*», где живут добрые, простодушные, приветливые люди, где находится «отечество невинных простых нравов, и древние обычаи праотцев почитаются с набожностью»⁹⁹¹. Именно здесь, среди обитателей Альп, мятущиеся души ищут – и находят – вожделенную свободу, восклицает

⁹⁸⁹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. С. 216.

⁹⁹⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 272, 269.

Данилевский, и его слова обретают также и особый политический подтекст, ибо он сравнивает вольное состояние альпийских пастухов с европейским «рабством»: там, пишет он, в высокогорье Альп находятся «страны, куда стремятся мысли людей, которые в утесненной рабством Европе возносятся духом и отыскивают в воображении убежище для свободы; коль часто в таковые минуты мечтаний произносят они с восхищением имя ваше, о цветущие долины Альпийские!»⁹⁹² Глаголев вслед за Галлером и Карамзиным провозглашает Альпы главной защитой Швейцарии не только от врагов, но и от дурного влияния извне. Он пишет, что Альпы, Рейн и Юрские горы – это «твердые оплоты» швейцарцев, и «если к сим трем присоединить еще четвертую, то есть грудь, окованную любовью к отечеству и мужеством их предков», то жители маленькой альпийской республики будут «непобедимы»⁹⁹³.

Наконец, одна из важнейших сторон образа швейцарских гор у русских путешественников – это восприятие Альп через призму таких категорий, как *философия и внутренняя свобода* человека. Подобно тому, как все прекрасное, по мысли Жуковского, можно охарактеризовать как «невыразимое», так на горных вершинах это «невыразимое» все чаще выливается в *размышления о Боге и смысле жизни*. Швейцарские Альпы превращают каждого, одолевшего их высоты, в философа.

Карамзин относится к Альпам с трепетом и благоговением, полагая, что альпийские высоты приближают человека к Богу: «здесь конец земного творения!...» - восклицает он, глядя на снежные пики Юнгфрау. Немало строк в «Письмах...» посвящены описанию восхождения на гору Венгернальп в Бернском Оберланде. Ступив на вершину после четырех часов напряженного пути, путешественник вдруг почувствовал, как с ним произошла «удивительная перемена»: «Чувство усталости исчезло, силы мои возобновились, дыхание мое стало легко и свободно, необыкновенное

⁹⁹¹ Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году // Сын Отечества. 1817. № 10. С. 136. (Курсив Данилевского. – В.С.)

⁹⁹² Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. С. 306.

спокойствие и радость разлились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо и принес жертву сердечного моления - тому, кто в сих гранитах и снегах напечатлел столь явственно свое всемогущество, свое величие, свою вечность!.. Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова, но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту». Горы для Карамзина являются свидетельством и доказательством величия и всемогущества Творца; они возносят человека на небывалые доселе духовные высоты – на «высочайшую ступень» - и заставляют его думать о своем высоком предназначении: «Здесь смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное отечество и делается гражданином вселенной; здесь, смотря на хребты каменных твердынь, ледяными цепями скованных и осыпанных снегом, на котором столетия оставляют едва приметные следы, забывает он время и мыслию своею в вечность углубляется; здесь в благоговейном ужасе трепещет сердце его, когда он помышляет о той всемогущей руке, которая вознесла к небесам сии громады и повергнет их некогда в бездну морскую»⁹⁹⁴.

Николай Тургенев, описывая закат на Женевском озере, золото и серебро лучей и «пурпуровый туман» вдали, восхищается: «Ах, нет! Приведите злодея, приведите безбожника – покажите ему эту картину природы, дайте им время подумать: первый сделается добрее, второй воскликнет: “Велий еси, Боже, и чудны дела Твоя!”»⁹⁹⁵. Глядя издали на огни, зажигаемые высоко в горах пастухами, он размышляет о том, что на альпийских высотах возвышается дух человеческий: «Там, высоко, там довольство духа. Это непустая мечта»⁹⁹⁶. Созерцая великолепную картину Альп близ Цюриха, покрытых снегом и окутанных лучами утреннего солнца, Тургенев записывает: «Туман покрывает большую часть гор; одни вершины

⁹⁹³ Глаголев А. Г. Записки русского путешественника... С. 89.

⁹⁹⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 267-268.

⁹⁹⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 98.

⁹⁹⁶ Там же. С. 99.

освещаются небесным светом. Горы можно назвать эмблемою величества Божия»⁹⁹⁷.

Для Жуковского жизнь альпийского мира – это своего рода таинство, священнодействие. В горах, как и в природе, все говорит ему о Боге, о «величии души человеческой, о вере, которая возносит ее туда, куда не смогут достигнуть горы своими вершинами». В Швейцарии рождается знаменитая «горная философия» поэта, он размышляет о закономерностях исторической судьбы человечества, о созидании и разрушении. В непредсказуемости гор и неумолимости дикой природы Жуковский видит «историю всех революций». В истории гор он усматривает прямые параллели с потрясениями человеческого существования: «Какое сходство в истории этих божественных великанов с историей живого человеческого рода», - пишет он⁹⁹⁸. Печерин в своих мемуарах замечает, что главное, что чувствует человек, оказавшись в горах – это полнота жизни, безграничная свобода и отрешение от всех земных тягот: «Подымаясь в гору, сначала чувствуешь усталость, но достигнув снежных вершин, тут вдруг как будто рукою сняло, как будто сбросил с себя какую-то старую чешую, чувствуешь себя легким, обновленным, вечно юным; кажется, готов опериться – того и гляди, что вырастут крылья и вдруг понесешься в лазурную даль! Какое блаженство – дышать на этих высотах!»⁹⁹⁹ - восклицает он.

* * *

В настоящей главе были прослежены основные этапы складывания *Alpenbegeisterung* и *Schweizerbegeisterung* - «воодушевления Альпами» и «воодушевления Швейцарией» - как явлений европейской культуры и науки, которые оказали значительное влияние на традицию «русских путешествий» в Швейцарию в конце XVIII – первой половине XIX в. Были показаны

⁹⁹⁷ Там же. С. 110.

⁹⁹⁸ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. С. 199, 345-347.

⁹⁹⁹ Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера. С. 301.

усвоение и интерпретация этих явлений в русской культуре на примере анализа русской литературы путешествий в Швейцарию конца XVIII - первой половины XIX в.

Формирование «швейцарского мифа» и *Alpenbegeisterung* начинается приблизительно в 30-е гг. XVIII в. на стыке литературы и науки и продолжается по меньшей мере до конца 60-х гг. XVIII в. Практически сразу эти новые течения были подхвачены путешественниками, отправлявшимися в Швейцарию со всей Европы. В 80-е гг. XVIII в. эти веяния проникают и в «русские путешествия» и получают выражение, частично, в путешествиях великого князя Павла Петровича и Павла Строганова, и в полной мере – в поездке Николая Михайловича Карамзина и в его «Письмах русского путешественника».

Представляется уместным вопрос, почему и через какие каналы веяния *Alpenbegeisterung* смогло проникнуть в русские умы до Карамзина – именно потому, что Карамзин «целенаправленно» знакомился с литературой *Alpenbegeisterung*, он интересовался ею, как и возможностью познакомиться с ее творцами (например, С.Я. Виттенбахом). Великий князь Павел Петрович же и Строганов, как кажется, в силу своего происхождения и образования, имели счастливую возможность попасть в европеизированную среду, а также общались с непосредственными «носителями» идей *Alpenbegeisterung*; путешествие в Альпы укрепило эти их представления.

Карамзин, ставший одним из важнейших проводников культурного влияния Европы в России, открыл новую страницу в истории путешествий россиян в Швейцарию. С самого начала своей творческой деятельности он испытывал живой интерес к швейцарской культуре и литературе, в особенности, к сочинениям Галлера и Геснера. Также он был хорошо знаком с европейской литературой путешествий по Швейцарии. Карамзин органично влился в культурное течение европейских путешественников, приезжавших искать в швейцарских Альпах «золотой век» человечества. Посетив Швейцарию в рамках своей поездки по Европе, Карамзин сравнивает свои

впечатления от швейцарской действительности с априорными установками, унаследованными от швейцарских авторов, и находит, что они совпадают. Поэтому ему удастся столь живо и правдоподобно изобразить Швейцарию в «Письмах русского путешественника», с доминантным звучанием «швейцарского мифа». Карамзин впервые в русской культуре смог дать русскому читателю полное и подлинное представление о «воодушевлении Альпами». В «Письмах» он рисует широкую картину альпийской жизни как мира, в котором царствуют нравы «золотого века», где люди – братья, где царят равенство и свобода, где жители приветливы и трудолюбивы, и все это великолепие заключено в рамки прекрасной природы, обрамлено высокими и дикими горами, ограждающими народ от пороков и пробуждающими в человеке мысли о красоте, вечности и Боге. В полной мере эта «идиллия» царит на альпийских высотах, однако черты ее Карамзин отмечает и в сельской, и порой даже в городской Швейцарии. Интерес к альпийской республике Карамзин пронесет через всю жизнь и будет уделять теме Швейцарии значительное внимание на страницах своего популярнейшего издания – «Вестника Европы», закладывая тем самым традицию, которая будет поддержана в русской культуре и, в частности, в периодической печати и публицистике.

Анализ совокупности российских «швейцарских» текстов – сочинений путешественников конца XVIII - XIX в. – показывает, что «швейцарский миф» в полной мере присутствует в русской мысли на протяжении изучаемого периода. «Миф» априорно известен практически всем русским путешественникам, а поездка в Швейцарию, как правило, укрепляет их в справедливости этих представлений. На отношение путешественников к Швейцарии (связанное во многом с принятием или непринятием ими «швейцарского мифа») влияют их общественно-политические взгляды, что наиболее ярко проявляется на примере Глаголева, Погодина, Чижова и Розена. Как правило, критиковать «швейцарский миф» и швейцарскую действительность склонны путешественники-консерваторы или

славянофилы. В заметках путешественников «миф» звучит с разной интенсивностью, однако об «угасании» его к середине века говорить не приходится.

Подавляющее большинство русских путешественников первой половины XIX в. видят в Швейцарии во многих отношениях благополучную и, быть может, даже образцовую страну. Россияне отмечают порядок и чистоту в городах и деревнях и устроенность швейцарского быта, в целом очень доброжелательно высказываются о жителях Швейцарии. Давая оценку швейцарской действительности, путешественники принимают во внимание и текущую политическую ситуацию в стране. В большинстве случаев даже некоторые неурядицы в швейцарской государственной жизни (которые можно признать относительными в европейском масштабе) не препятствуют тому, чтобы россияне могли видеть в Швейцарии черты идиллии.

Фольклорный аспект «швейцарского мифа» играет существенную роль в восприятии россиянами Швейцарии и выражается прежде всего во внимании к образу Вильгельма Телля. В целом русские путешественники (большинство из которых настроены либерально) рисуют Телля как положительного персонажа, борца за свободу против тирании. Критика в адрес народного героя звучит лишь из уст консерваторов. В изображении же Жуковского и А. Тургенева образ Телля предстает как неотъемлемая часть исторической памяти и морали жителей Швейцарии, как элемент «позитивной» государственной идеологии, символ свободы, патриотизма и нравственности.

Ключевым же фактором восприятия Швейцарии является природный аспект «швейцарского мифа». Наличие (или отсутствие) в маршруте путешественника экскурсии в Альпы становится порой определяющим для его представлений о Швейцарии (как, например, для Чижова). Как правило, россияне, побывавшие в Альпах, более склонны видеть в швейцарской жизни черты идиллии и в большей степени привержены «швейцарскому мифу».

Анализ образа швейцарских Альп в путевых заметках русских путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. показывает, что россияне рассматривали мир Альп как некий духовно-эстетический абсолют, соединяющий в себе красоту природы с внутренней красотой человека как части природы. Колыбель Швейцарии, Альпы становятся местом практического воплощения идеальных концепций, воочию свидетельствуя в пользу существования «Аркадии» и истинности «швейцарского мифа». Отметим поэтизированность восприятия швейцарских гор русскими путешественниками, оставившими после себя ряд блестящих текстов, которые доказывают, сколь важную роль сыграли Альпы в увлечении Швейцарией в русской культуре XIX в. Таким образом, русская традиция путешествий в Швейцарию внесла свой существенный вклад в европейское *Alpenbegeisterung* - «воодушевление Альпами».

Заключение

Путешествия русских людей в Швейцарию были одной из важнейших форм культурного обмена России и Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в., охватывая не только сферы непосредственных межличностных контактов россиян и швейцарцев во время путешествия, но также и области научного и литературного взаимодействия в целом. Благодаря публикациям описаний «русских путешествий» в Швейцарию, появлявшимся, как правило, непосредственно после совершения путешествия, русская публика имела возможность ближе познакомиться с альпийской республикой, чему также способствовало внимание к Швейцарии на внешнеполитической арене и дипломатический диалог. Сложившаяся с конца XVIII в. традиция путешествий россиян в Швейцарию как часть традиции европейских путешествий в Швейцарию стала результатом культурного единства России и Европы благодаря общности лежавших в их основе текстов и предполагала знакомство со швейцарской и европейской литературой «воодушевления Альпами» и «швейцарским мифом». В этом смысле настоящее исследование представляет собой пример изучения этого культурного единства России и Европы на частном примере.

Бывшая первоначально в маршрутах россиян одной из «ступеней» классического европейского образовательного путешествия, Grand Tour, Швейцария за достаточно короткий срок – менее, чем за пятьдесят лет, – стала страной «классических» путешествий *par excellence*. Во второй половине XVIII в. источники свидетельствуют о 34 русских путешественниках, посетивших Швейцарию (не считая детей и прислуги). В первой половине XIX в. число путешественников из России, сведения о пребывании которых в Швейцарии удалось выявить, достигает 55, не считая обучавшихся там студентов, а также членов русской дипломатической миссии, прислуги (свиты) и членов семей (в обоих случаях также не

учитываются временно или постоянно проживавшие в Швейцарии россияне). Эти цифры кажутся достаточно внушительными для эпохи, в которой путешествия русских в Европу были еще не столь массовым явлением (как, например, во второй половине XIX в.), а практически каждое путешествие влекло за собой создание литературного «отчета» о поездке и становилось достоянием российской публики.

Неизбежно встает вопрос о специфике «русских путешествий» в русле европейской традиции. Ответ на него связан с национальной историей и реалиями российской жизни того времени. Особенностью восприятия русскими путешественниками Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в. является активное сопоставление швейцарской и российской действительности, а также наличие элементов христианской философии, возникающих в связи с альпийскими впечатлениями россиян.

Как важную особенность «мифа» отметим тот факт, что он был известен не только приезжим европейцам, но имел широкое распространение и в общественном мнении Швейцарии того времени. «Швейцарский миф» с некоторыми видоизменениями и дополнениями существует и до сих пор как в самой Швейцарии, так и вне ее, являясь своего рода элементом государственной идеологии.

Неоднозначной является проблема исторической объективности в описаниях свободной и гармоничной жизни альпийских пастухов как у русских, так и у европейских путешественников. Зачастую природные красоты затмевали в глазах россиян не всегда благополучную реальность (которая, впрочем, как правило не уступала положению вещей на их родине). Тем не менее, единозвучие характеристик швейцарской действительности, которые дают русские путешественники, свидетельствует, с одной стороны, о прочной укорененности идей «швейцарского мифа» в системе представлений россиян о Швейцарии в конце XVIII – первой половине XIX в., и, с другой стороны, дает основание сделать вывод о том, что в этот

период черты «мифа» все же имели под собой некоторую историческую основу.

Почему же, при безусловном признании богатства и многогранности традиции «русских путешествий» и множественности путевых впечатлений, именно концепции *Alpenbegeisterung* («воодушевления Альпами») и «швейцарского мифа» стали главным содержанием «русских путешествий» в Швейцарию в конце XVIII – первой половине XIX в.? В своей сути «швейцарская философия» русских путешественников оптимистична и идеалистична. До некоторой степени в представлении россиян «швейцарский миф» является воплощением идеального общественного устройства, а *Alpenbegeisterung* («воодушевление Альпами») отражает личное стремление к гармонии, счастью и единению с природой (Богом). Обладая созидающим началом, а также с учетом российского контекста, «швейцарский миф» становится тем «инструментом», с помощью которого кажется возможным преобразование существующей действительности.

Надо сказать, что уже во второй половине XIX в. данный опыт постепенно видоизменяется: в сложившийся в русской культуре образ Швейцарии вливаются новые, совсем другие тенденции, порой несовместимые с существовавшими идеальными представлениями об этой стране. «Швейцария действительно становится раем, но для подготовки русского террора»¹⁰⁰⁰, - пишет М. Шишкин. Альпийская республика дает пристанище членам народнических организаций, «Земли и воли» и «Народной воли», за которыми следуют анархисты и социал-демократы, большевики и эсеры. Тихомиров и Нечаев, Бакунин и Фигнер, Аксельрод и Плеханов, и, наконец, Ленин. Приверженцы революционной мысли, как и русские путешественники конца XVIII – первой половины XIX в., ищут «инструменты» преобразования российской действительности. Однако то, что они находят, окажется бесконечно далеким от идеальных концепций русских путешественников первой половины столетия. Тем не менее

¹⁰⁰⁰ Шишкин М.П. Русская Швейцария. С. 23.

идиллические представления о Швейцарии продолжают жить в умах русских путешественников и эмигрантов, о чем свидетельствуют такие проявления массового туризма, как, например, существование «русского Давоса» в начале XX в.

Таким образом, «швейцарский миф» как целая система представлений о Швейцарии, в том числе и в ее соотношении с Россией, становится тем новым элементом, который обогащает русскую культуру в целом. Сам же опыт первого «проникновения» россиян в Швейцарию дает русской культуре новые точки соприкосновения с иной культурой и тем самым расширяет границы действия русской культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

**Таблица русских путешественников в Швейцарии во второй половине XVIII -
первой половине XIX в.**

№	Имя	Пребывание в Швейцарии ¹⁰⁰¹	Возраст (на момент прибытия в Швейцарию)	Длительность пребывания в Швейцарии	Посещенные места (по имеющимся данным)
1.	Строганов Александр Сергеевич, барон (1733-1811)	конец сентября/ начало октября 1752- конец сентября 1754, декабрь 1755	19 лет	2 года	Женева
2.	Голицын Андрей Михайлович, князь (1729-1770)	не позже апреля 1754	25 лет	?	Женева
3.	Демидов Александр Григорьевич (1737-1803)	конец октября 1756 – август 1757	19 лет	9 месяцев	Женева
4.	Демидов Павел Григорьевич, барон (1738-1821)		18 лет		
5.	Демидов Петр Григорьевич (1740-1826)		16 лет		
6.	Собакин Михаил Григорьевич (1720-1772/3?)	ноябрь 1756; приблизительно конец 1772 г.	36 лет	несколько дней	Женева
7.	Салтыков Борис Михайлович (1739-1808)	апрель-ноябрь 1759, конец марта 1760 – до начала марта 1762	20 лет	около 2 лет и 7 месяцев	Женева
8.	Воронцов Александр Романович, граф (1741-1805)	июнь 1760	19 лет	несколько дней/ недель?	Женева
9.	Шувалов Андрей Петрович, граф (1744-1789)	1764	20 лет	?	Женева
10.	Ковалинский Михаил Иванович (1745-1807)	конец 1760-х – осень 1773	не более 25 лет	не менее 4 лет	Женева, Лозанна
11.	Разумовский Лев Кириллович, граф (1757-1818)		не более 13 лет		

¹⁰⁰¹ Даты приведены по новому стилю.

12.	Разумовский Григорий Кириллович, граф (1759-1837)		не более 11 лет		
13.	Воронцова-Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (1743-1810)	1770	27 лет	несколько дней	Женева
14.	Орлов Владимир Григорьевич, граф (1743-1831)				
15.	с супругой Елизаветой Ивановной (1741-1817), детьми Александром и Екатериной и фрейлиной Роткирх	конец сентября/начало октября 1771 – 17 марта 1772	ему 28 лет, ей 30 лет	более пяти месяцев	Базель, Берн, Веве
16.	Голицын Федор Николаевич, князь (1751-1827)	1772-1773	21 год	около года	Женева
17.	Демидов Никита Акинфиевич (1724-1789), с супругой	29 апреля – не раньше 4 мая 1773	49 лет	около недели	Женева
18.	Александрой Евтихиевной (1745-1778)				
19.	Шувалов Иван Иванович (1727-1797)	Ноябрь 1773	46 лет	?	Женева
20.	Петров Василий Петрович (1736—1799)	май 1774	38 лет	не менее пяти дней	Женева
21.	Орлов Григорий Григорьевич (1734-1783) с супругой Зиновьевой	весна 1781 – июнь 1782	ему 47 лет, ей 23 года	менее года	Лозанна
22.	Екатериной Николаевной (1758-1781), со свитой из 22 человек				
23.	Ланской Яков Дмитриевич (1764-1790-е)				
24.	Ланской Василий Сергеевич (1753-1831)	конец 1781 – начало 1782	17 лет, 28 лет	?	Женева, Лозанна

25.	Великий князь Павел Петрович (1754-1801) с супругой	4 – 14 сентября 1782	ему 28 лет, ей 23 года	около 10 дней	Лозанна, Веве, Муртен, Авентикум, Тун, Берн,
26.	Марией Федоровной (1759-1828)				Гриндельвальд и горы бернского Оберланда, долина Лаутербруннена, Цюрих, Базель
27.	Разумовский Иван Кириллович, граф (1761-1802)	1785	24 года	?	Лозанна
28.	Бобринский Алексей Григорьевич (1762-1813)	1785	23 года	?	Женева
29.	Строганов Павел Александрович, граф (1772-1817)	27 октября 1786 - конец мая 1788	14 лет, 27 лет	полтора года	Женева, (путешествие в долину Шамуни) ¹⁰⁰² ,
30.	Воронихин Андрей Никифорович (1759-1814)	(за исключением промежутка времени приблизительно с середины августа до начала сентября 1787 г.)			Мартиньи, Бе, перевал Сен-Бернар, Тун, Люцерн, кантоны Базель, Невшатель и Во
31.	Строганов Григорий Александрович, барон (1770-1857)	начало сентября 1787 – конец мая 1788	17 лет	чуть более 8 месяцев	Женева, кантоны Базель, Невшатель и Во
32.	Карамзин Николай Михайлович (1766-1826)	август 1789 – март 1790	23/ 24 года	около 7 месяцев	Базель, Арлесхейм, Рейнфельден, Бругг, Цюрих, Эглизау, Шафгаузен и Рейнский водопад, Баден, Аарау, Берн, Тун, Унтерзеен (Интерлакен), Лаутербруннен, Гриндельвальд, Мейринген, Муртен, Лозанна, Веве, Бийон, Кларан, Шильон, Морж, Обонь, Жанто, Женева

¹⁰⁰² Долина Шамуни и Монблан не относятся к швейцарским территориям, и в случае посещения их последующими русскими путешественниками этот факт не указывается в перечне посещенных ими мест в Швейцарии. Однако для данного случая сделано исключение, как для первого большого горного путешествия россиян, к тому же вскоре перешедшего в путешествие по горам Швейцарии.

33.	Кочубей Виктор Павлович (1768-1834)	начало марта 1791 – осень 1791	23 года	не менее полугода	Женева
34.	Горихвостов Дмитрий Петрович (1769-1846)	сентябрь- октябрь 1804	35 лет	чуть более месяца	Шафгаузен и Рейнский водопад, Цюрих, Эйнзидельн, Альтдорф, Флюелен, Фирвальдштетское озеро, Сен-Готард, Бернский Оберланд, Тун, Лозанна, Кларан, Ве́ве, остров Св. Петра, Муртен, Авентикум (Аванш), Берн, Базель, Констанц
35.	Михайловский- Данилевский Александр Иванович (1790-1848)	1я поездка – 1809/1810	19/20 лет	?	по имеющимся данным - Бернский Оберланд и Фирвальдштетское озеро
36.	Михалков Сергей Иванович	1810	?	?	Люцерн, Сен- Готард, Бернский Оберланд, Мейринген, Гриндельвальд, Лаутербруннен, Берн, Мудон, Лозанна, Ве́ве, Кларан, Шильон, Женева
37.	Тургенев Николай Иванович (1789 - 1871)	1я поездка – 9 октября – конец октября 1811	22 года	около трех недель	Женева, Ферней, Лозанна, Ивердон, Паерн, Аванш, Муртен, Баден, Берн, Шафгаузен и Рейнский водопад, Цюрих, Фирвальдштетское озеро, Бруннен, Флюелен, Альтдорф, Сен- Готард
38.	Император Александр I (1777-1825)	1я поездка – 7-14 января 1814	37 лет	около недели	Шафгаузен, Рейнский водопад, Базель

39.	Великая княгиня Екатерина Павловна (1788-1819)	1я поездка – не позже 7 января – не ранее 10 января 1814	26 лет	не менее трех дней	Шафгаузен, Рейнский водопад
	Михайловский-Данилевский Александр Иванович	2я поездка для обоих 26-29 сентября 1815	25 лет	около 4 дней	Базель, Цюрих, Констанц
	Император Александр I		38 лет		
	Великая княгиня Екатерина Павловна	2я поездка – не позднее 30 июля – после 17 августа 1816	28 лет	около трех недель	Берн, горы Бернского Оберланда, Лозанна, Веве, Бе, долина Роны, Женева, Ферней, Ролль, Ивердон, Базель
40.	Греч Николай Иванович (1787-1867)	(1я поездка Греча) 1817	30 лет	две недели	Шафгаузен и Рейнский водопад, Эглизау, Цюрих, Берн, Женева, Муртен, Лозанна, Коппе, Ферней, Морж, Ролль, Нион, Золотурн, Базель
41.	Борн Иван Мартынович (1778-1851)		39 лет		
42.	Великий князь Михаил Павлович (1798-1849)	конец 1818/ начало 1819 г.	20 лет/ 21 год	?	Лозанна
43.	Жуковский Василий Андреевич (1783-1852)	1я поездка – 25 июля – 1 октября 1821	38 лет	более трех месяцев	Констанц, Цюрих, Швиц, гора Риги, Гольдау, Моргартен, Цуг, Бруннен, Альтдорф, Андерматт, Сен-Готард, Женева, Ферней, Коппе, Лозанна, Веве, Шильон, Фрибур, Берн, Муртен, Гофвиль, Тун, Интерлакен,

					Бернский Оберланд, Лаутербруннен, Станц, Люцерн, Цюрих, Шафгаузен и Рейнский водопад
44.	Свербеев Дмитрий Николаевич (1799 - 1874)	1я поездка – 1821	22 года	около 4 месяцев	Женева, Веве, Горн, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, Гриндельвальд (т.е. Бернский Оберланд), Мейринген, Шафгаузен и Рейнский водопад, Люцерн, Констанц, Невшатель, Лозанна
45.	Шувалов Павел Андреевич, граф (1776-1823) с супругой				
46.	Варварой Петровной (1796-1870/71), урожд. Шаховской	1821	ему 45 лет, ей 25 лет	?	Лозанна
47.	Глаголев Андрей Гаврилович (1793/99 - 1844)	13 июня – вторая половина сентября 1823	30 лет	более 3 месяцев	Констанц, Рейнский водопад, Кайзерштуль, Баден, Ленцбург, Арбург, Гиндельбанк, Берн, Фрибур, Муртен, Авентикум, Паерн, Мудон, Нион, Женева, Гофвиль
48.	Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856)	1824	30 лет	предполагал провести в Швейцарии летние месяцы	Берн, Лозанна, Женева
49.	Илличевский Александр Демьянович (1798-1837)	август 1824	26 лет	?	Мартиньи, перевал Большой Сен- Бернар
50.	Тургенев Сергей Иванович (1790-1827)	1825-1826	35-36 лет	около двух лет	Лозанна

51.	Тургенев Александр Иванович (1784-1846)	1я поездка – осень 1827	43 года	?	Цюрих, Берн, Эльфенау, Гофвиль, Лозанна, Женева
52.	Нибберг Рейнгольд	1828/1829	?	?	Женева, Лозанна, Шинцнах, Баден, Цюрих, Шафгаузен и Рейнский водопад
53.	Глинка Михаил Иванович (1804-1857)	1830	26 лет	?	Базель, Золотурн, Берн, Лозанна, Женева
	Тургенев Александр Иванович	2я поездка – вторая половина августа 1830	46 лет	?	Женева
54.	Шевырев Степан Петрович (1806-1864)	(1я поездка Шевырева)	25 лет,	около полугода	Бриг, Сьер, Мартиньи, Шильон, Веве, Женева, Ферней
55.	Волконский Александр Никитич, князь (1811-1878)	с декабря 1831 до лета 1832	20 лет		
56.	Кошелев Александр Иванович (1806-1883)	1я поездка – осень 1831 – конец зимы 1832	25 лет	несколько месяцев	Шафгаузен и Рейнский водопад, Бернский Оберланд, Лозанна, Женева
57.	Соболевский Сергей Александрович (1803-1870)	зима 1831/1832	28 лет	?	Женева
58.	Нарышкина Мария Антоновна (1779-1854)	зима 1831/1832	52 года	?	Женева
	Жуковский Василий Андреевич	2я поездка – 16 сентября 1832 – 15 апреля 1833	49 лет	7 месяцев	Шафгаузен, Цюрих, Арт, Цуг, Люцерн, Гольдау, Лангнау, Интерлакен, Лаутербруннен, Берн, Эльфенау, Муртен, Пайерн, Веве, Кларан, Монтрё, Шильон, Лозанна, Женева
	Тургенев Николай Иванович	2я поездка – 1833	44 года	?	Женева

	Тургенев Александр Иванович	3я поездка – июль – ноябрь 1833	49 лет	5 месяцев, из них последние 3 недели – путешествие по Швейцарии	Женева, Лозанна, Мудон, Пайерн, Муртен, Берн, Моргенталь, Аарбург, Ольтен, Баден, Аарау, Цюрих, Люцерн, Кюснахт, Арт, Гольдау, Швиц, Брунегг, Флюелен, Альтдорф, Бюрглен, Сен-Готард
59.	Печерин Владимир Сергеевич (1807-1885)	(1я поездка Печерина)	26 лет,		Шафгаузен и Рейнский водопад, Цюрих, Цуг, Гольдау, Риги, Люцерн, Сарнен, Флюелен, Альтдорф, Сен-Готард, Фурка, Реальп, ледник Роны, Гримзель, Интерлакен, Берн, Лозанна, Шильон
60.	Редкин Петр Григорьевич (1808-1891)	вторая половина сентября – начало октября 1833	25 лет		
	Тургенев Александр Иванович	4я поездка – начало марта 1834	50 лет	?	Женева
	Печерин Владимир Сергеевич	2я поездка – 1834	27 лет	?	?
61.	Мещерский Петр Иванович, князь (1802-1876) с супругой	1834/1835	32/33 года,	?	?
62.	Екатериной Николаевной (1806-1867) и сыном Николаем, в сопровождении		28/29 лет,		
63.	Софьи Николаевны Карамзиной (1802-1856)		32/33 года		
64.	Погодин Михаил Петрович (1800-1875)	1я поездка – 1835	35 лет	?	Берн
65.	Гоголь Николай Васильевич (1809-1852)	середина августа – конец октября/начало ноября 1836	27 лет	Около 2,5 месяцев	Базель, Берн, Лозанна, Женева, Веве, Монтрё, Шильон

66.	Стурдза Александр Скарлатович (1791-1854)	1836	45 лет	?	Берн
67.	Мятлев Иван Петрович (1796-1844)	между 1836 и 1839	между 40 и 43 годами	?	<i>Маршрут «мадам Курдюковой»:</i> Базель, Шафгаузен и Рейнский водопад, Берн, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, Муртен, Пайерн, Лозанна, Женева, Ферней, Шильон, Мартиньи, Бриг Симплон
68. 69.	Репнин-Волконский Николай Григорьевич, князь (1778-1845) с супругой Варварой Алексеевной (1778-1864), урожд. графиней Разумовской	между 1836 и 1840	обоим между 58 и 62 годами	?	?
70.	Зилов Алексей Михайлович (1798-1865)	12 – 27 (28) мая 1837	39 лет	чуть более двух недель	Женева, Ферней, Мартиньи, Вильнёв, Шильон, Веве, Бюльль, Фрибур, Берн, Гофвиль, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, Люцерн, Цюрих, Шафгаузен и Рейнский водопад
71.	Аксаков Константин Сергеевич (1817-1860)	начало августа – 30 августа 1838	21 год	чуть менее месяца	Базель, Люцерн, Риги, Берн, Женева, Вильнёв, Мартиньи, Цюрих
72.	Розен Егор Федорович, барон (1800-1860)	1838	38 лет	?	Шафгаузен и Рейнский водопад, Берн, Муртен, Аванш, Женева, Коппе, Лозанна, Веве, Кларан, Шильон
	Погодин Михаил Петрович	2я поездка – 5 августа – 1 сентября 1839	39 лет	2 недели	Роршах, Цюрих, Арт, Гольдау, Риги, Кюснахт, Люцерн, Альтдорф, Флюелен, Андерматт, Станс, Лунгерн, водопад

					Рейхенбах, Бриенц, Интерлакен, Лаутербруннен, Тун, Берн, Фрибур, Лозанна, Женева, Вильнёв, Сен-Морис, Мартиньи, Сион, Бриг
73.	Станкевич Николай Владимирович (1813-1840)	сентябрь 1839	26 лет	?	Базель, Берн, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, Лозанна, Женева
	Греч Николай Иванович	2я поездка – 1839	52 года	?	Эглизау, Цюрих, Аарау, Цуг, Люцерн, Альтдорф, Флюелен, Андерматт, Сен-Готард
	Шевырев Степан Петрович	2я поездка – 1839	33 года	?	Шильон
	Кошелев Александр Иванович	2я поездка – 1839	33 года	?	горные регионы Швейцарии (предполож. Бернский Оберланд)
74.	Тютчев Федор Иванович (1803-1873)	1я поездка – конец июля – первая половина августа 1839	36 лет	Около 2 недель	Берн, Цюрих, Констанц
75.	Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912)		25 лет,	20 дней	Рейнский водопад, Констанц, Роршах, Санкт-Галлен, Цюрих, Цуг, Арт, Гольдау, Риги, Люцерн, Флюелен, Андерматт, Реальп, Фурка, ледник Роны, Гримзель, долина Гасли, ущелье Аары, Меринген, водопад Рейхенбах, Бриенц, Интерлакен, Тун, Берн, Фрибур, Лозанна, Женева, Ферней, Мартиньи, Бриг
76.	Теслев Александр Петрович (1778-1847)	1-20 августа 1841	63 года		

77.	Мещерский Алексей Павлович, князь (ок. 1795-1858)	1843 (?)	ок. 48 лет	?	Шафгаузен, Роршах, Санкт-Галлен, Аппенцель, Цюрих, Риги, Гольдау, Кюснахт, Альтдорф, Сен-Готард, Люцерн, Берн, Фрибур, Женева, Веве, Мартиньи, Сен-Бернар, Сион, перевал Гемми, Фрутиген, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, Гриндельвальд, долина Гасли, Мейринген, водопад Рейхенбах, ущелье Аары, Гримзель
78.	Чижов Федор Васильевич (1811-1877)	первая половина августа 1844	33 года	несколько дней	Женева, Вильнёв, Сен-Морис
79.	Герсеванов Николай Борисович (1809-1871)	между 1844 и 1848	между 35 и 39 годами	?	Женева, Вильнёв, Сен-Морис, Мартиньи
80.	Волков Матвей Степанович (1802-1878)	конец июня – октябрь 1846	44 года	чуть более 3 месяцев	Шафгаузен и Рейнский водопад, Цюрих, Люцерн, Берн, Тун, Веве, Кларан, Монтрё, Шильон, Лозанна, Женева
81.	Великая княгиня Анна Павловна (1795-1765)	начало сентября 1846	51 год	?	Веве
	Тютчев Федор Иванович	2я поездка – 13-14 июля 1847	44 года	2 дня	Цюрих
82.	Герцен Александр Иванович (1812-1870)	Июнь–декабрь 1849	37 лет	7 месяцев	Женева, Ферней, Монтрё, Церматт
83.	Михайлов Михаил Михайлович (1827-1891)	лето 1852	25 лет	?	Базель, Берн, Тун, Интерлакен, Лаутербруннен, окрестности Бриенцкого озера

84.	Ковалевский Павел Михайлович (1823-1907)	Предыдущие поездки (даты неизвестны)	?	?	кантоны Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн, долина Роны, Сен-Бернар, Шильон, Бернский Оберланд
		1853	30 лет	?	Женева
85.	Боголюбов Алексей Петрович (1824-1896)	1854	30 лет	?	Базель, Интерлакен, Тун, Женева, Веве, Монтрё, Шильон
86.	Максутов Василий Николаевич, князь (1826-1886)		28 лет	?	Женева, Веве, Монтрё, Шильон
87.	Вяземский Петр Андреевич, князь (1792-1878)	4 октября 1854– середина/конец марта 1855 (кроме недели с 12 по 21 декабря 1854)	62 года	более 5 месяцев	Интерлакен, Гриндельвальд, Веве, Кларан, Шильон, Берн, Базель, Женева, Лозанна
88.	Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812-1881) с семьей и окружением	не позднее 17 октября 1854 – конец февраля/начало марта 1855		Около 5 месяцев	Веве, ?

89.* В таблицу не включен **Семен Кириллович Нарышкин** (1710 - 1775), поскольку мы не имеем точных сведений о времени его пребывания в Швейцарии

Россияне, постоянно или временно проживавшие в Швейцарии в XVIII – первой половине XIX в.¹⁰⁰³

Имя	Пребывание в Швейцарии	Длительность пребывания в Швейцарии	Место проживания; посещенные места в Швейцарии
Веселовский Авраам Павлович (1685-1783)	Конец 1730-х	более 40 лет	Женева
Веселовский Федор Павлович (1690 – после 1762)	Конец 1730-х – до конца 1742; Октябрь 1756- конец января 1757	не менее 4 лет	Женева
Головкин Александр Александрович, граф (1732-1781)	1760/61 - 1765	около 5 лет	Лозанна, замок Монна
Разумовский Григорий Кириллович, граф (1759-1837)	конец 1770-х/ начало 1780-х до 1793 гг., за исключением года в 1789-1790 гг.	не более 21 года	Лозанна, Женева, Юрские горы
Головкин Федор Гаврилович, граф (1766-1823)	1804-1806, 1813-1816, 1817-1823	в сумме около 14 лет	Лозанна; замки Монна, Вюльеран и Коппе, Женева, Веве, Ролль, Базель, Тун
Великая княгиня Анна Федоровна (1781-1860), урожденная принцесса Юлианна-Генриетта-Ульрика Саксен-Кобург-Заальфельдская	1813-1860	47 лет	Эльфенау близ Берна; Берн, Женева
Печерин Владимир Сергеевич (1807-1885)	1836-1838	2 года	Базель, Лугано, Цюрих
Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1770/72-1857)	1837-1857	20 лет	Женева
Герцен Александр Иванович (1812-1870)	1865-1870	5 лет	Женева

¹⁰⁰³ Несмотря на то, что пребывание в Швейцарии Д.Н. Свербеева и И.А. Герцена на «постоянной» основе относится уже ко второй половине XIX в., они включены в данную таблицу.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799 - 1874)	не позднее 1869 – до 1874	не менее пяти лет	Веце
---	------------------------------	-------------------	------

Русские студенты в Женевской Академии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹⁰⁰⁴

1753 – барон Александр Строганов с гувернером Антуаном, князь Андрей Голицын

1830 – Василий Уткин, Адольф (Александр) Исаков

1831 – Степан Шевырев, Иван Галахов, князь Василий Голицын, Дмитрий Меншиков, Платон Ободовский, Степан Сафонов, князь Александр Волконский

1844 – генерал-майор Саблуков

Русская дипломатическая миссия в Швейцарии в первой половине XIX в.

(до учреждения русской миссии России в Швейцарии)

12.08.1799 – 1.01.1802 – **Густав Оттонович Штакельберг** (1755-1850), чрезвычайный и полномочный посланник в Цюрихе

1814 – учреждение русской миссии в Швейцарии (первоначально располагалась в Цюрихе, в 1815 перенесена в Берн)

1814–1815 – **Иоанн Каподистрия** (1776-1831), посланник

1815–1826 – **Павел Алексеевич Криденер** (1784-1858), поверенный в делах

1824–1826 – *Дмитрий Николаевич Свербеев* (1799 - 1874), сотрудник миссии

1826- 1836 – **Северин Дмитрий Петрович** (1792-1865), поверенный в делах

1836-1837 – **Северин Дмитрий Петрович**, посланник

1837-1858 – **Павел Алексеевич Криденер**, посланник

¹⁰⁰⁴ Список студентов (год указывает на момент зачисления) приводится по данным матрикул Женевской Академии (Le livre du recteur de l'Académie de Genève (1559-1878), publié par Suzanne Stelling-Michaud. 6 vol. Genève, 1959-1980).

Список обработанных архивных фондов

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

- Ф. 1261 – Воронцовы, гр., кн.
- Ф. 1263 – Голицыны, кн.
- Ф. 1267 – Демидовы
- Ф. 1271 – Мятлевы
- Ф. 1272 – Нарышкины
- Ф. 1278 – Строгановы, гр.
- Ф. 1288 – Шуваловы, гр.
- Ф. 1412 – Бобринские, гр.
- Ф. 1634 – Тургеневы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. 1094 – И.П., А.И., Н.И. Тургеневы

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

- Ф. 10 – С.Т., К.С., Г.С., И.С. Аксаковы
- Ф. 156 – Н.И. Греч
- Ф. 198 – В.А. Жуковский
- Ф. 372 – В.С. Печерин
- Ф. 373 – М.П. Погодин
- Ф. 472 – Д.Н., Е.А., А.Д. Свербеевы
- Ф. 501 – И.П., А.И., Н.И. Тургеневы
- Ф. 546 – П.Я., М.Я. Чаадаевы
- Ф. 1241 – Е.Р. Дашкова, кн.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

- Ф. 70 – В.И., Е.В. Герье, Н.В., А.В., М.В. Станкевичи
- Ф. 104 – В.А. Жуковский
- Ф. 231 – М.П. Погодин
- Ф. 218 – В.С. Печерин
- Ф. 332 – В.Ф. Чижов
- Ф. 432 – Воронцовы, гр.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 53 – Разумовские, гр.
- Ф. 241 – А.И. Михайловский-Данилевский
- Ф. 224 – Д.А. Милютин

Список источников

- Аксаков К.С. Поездка в чужие края К.С. Аксакова (Письма к родным) // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 9. С. 9-40; 1916. Т.1. № ¼ С. 516-536; 1916. Т. 2. № 5. С. 95-132; 1916. Т. 2. № 9. С. 27-58; 1917. Т.1. № 4/5. С. 619-646.
- Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 1. За 1806-1811 годы. СПб., 1911; Вып. 3. Т. 2. Дневники Николая Ивановича Тургенева. За 1811-1816 годы. СПб., 1913.
- Архив кн. Воронцова. Кн. 3. М., 1871; Кн. 4. М., 1872; Кн. 5. М., 1872; Кн. 6. М., 1873; Кн. 8. М., 1876; Кн. 22. М., 1881; Кн. 27. М., 1883.
- Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Самара, 1996.
- Введение в историю европейскую, чрез С. Пуфендорфия на немецком языке сложенное, также чрез И.Ф. Крамера на латинский преложенное. СПб., 1718.
- Веселовский А.П. - Строганову С. Г., Женева, апрель 1754 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. XIV, М., 2005, С. 64-65.
- Волков М.С. Отрывки из заграничных писем (1844-1848). СПб., 1857.
- Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1880; Т. 10. СПб., 1886.
- Галлер А. О происхождении зла, поэма великого Галлера (в 3-х песнях) / Пер. с нем. М. 1786.
- Генш В. План предпринимаемого путешествия в чужие края. СПб., 1777.
- Геснер С. Деревянная нога, швейцарская идиллия гос. Геснера / Пер. с нем. Никол. Карамз. СПб., 1783.
- Герсеванов Н.Б. Из путевых впечатлений туриста. Переезд через Симплон // Отечественные записки. 1848. Т. 57 № 3. Отд. 8. С. 1-21.
- Герцен А.И. Былое и думы. Ч.5 // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. М., 1956.
- Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, сочинение А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Часть II. СПб., 1837.
- Глаголев А.Г. Письмо об игре г-жи Дюшенуа, первой трагической актрисы Парижской (окончание) // Вестник Европы. 1823. № 20. С. 265-267.
- Глинка М.И. Записки. М., 1953.
- Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1988.
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 11. Письма, 1836-1841. М.-Л., 1952.
- Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Т. 5. СПб., 1857.
- Голицын Н. Н. Род князей Голицыных: Материалы родословные. СПб., 1892. Т. 1.
- Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. №6, март, отд. 4. С. 87-98.

- Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.
- Головкин Ф.Г. Из записок графа Ф.Г. Головкина [Отрывки] / Сообщ. Н. Шильдер // Русская старина, 1896. Т. 88. № 11. С. 367-379.
- Горихвостов Д.П. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 год. Кн. 3. М., 1808.
- Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. В 3 т. Т. 1. СПб., 1843.
- Греч Н.И. Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году // Греч Н.И. Сочинения. Т. 4, СПб., 1838.
- Дашкова Е. Р. О смысле слова "воспитание". Сочинения, письма, документы/ Составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб., 2001.
- Дашкова Е. Р. Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий. Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102-108.
- Дашкова Е. Р. Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.
- Дашкова Е. Р. «Путешествующие» // Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120-132.
- Два письма графа А.Р. Воронцова к Вольтеру // Русский архив. 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 152-155.
- Делакроа, Иван Швейцария, или галерея классических мест сего живописного и романтического края, изображенных 72 гравюрами на стали. С описаниями в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. Изданная Иваном Делакроа. Часть первая, содержащая 24 гравюры. Рига. В Типографии Мюллера. 1837.
- Демидов Н.А. Журнал путешествия... Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращении в Россию ноября 22 дня 1773 года. М., 1786.
- Державин Г.Р. На выздоровление мецената // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 94-97.
- Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1864. Т. 1.
- Детское чтение для сердца и разума. 1788, Ч. XV ; 1789. Ч. XVII, XIX.
- Дмитриев И.И. Надпись к портрету лирика // Дмитриев И.И. Сочинения. Т.2. СПб., 1895. С. 11.
- Живописная картина Швейцарии. Перевод с французского Степана Петровского. Владимир, 1798.
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13. М., 2004.
- Жуковский В.А. Шильонский узник. Повесть // Жуковский В.А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. Баллады, поэмы и повести. С.269-281.
- Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное издание – М., 1990. Земноводного круга краткое описание, из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Леипцике напечатано. М., 1719.
- Зилов А.М. Дневник русского путешественника по Европе. Москва, 1845.
- Илличевский А.Д. Путешествие на Сен-Бернар // Северные цветы, 1826. С. 145-181.
- Карамзин Н.М. Падение Швейцарии // Вестник Европы. 1802. № 20. С. 319-321.

- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Н. Карамзин. Бедная Лиза: Автобиография. Повести. Письма русского путешественника. М., 2005. С. 105- 581.
- Ковалевский П.М. Этюды путешественника. Италия, Швейцария, путешественники и путешествие. СПб., 1864.
- Кокс, У. «Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии; или письма Вильгельма Кокса» / Предисловие и перевод Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 108-111.
- Кошелев А.И. Записки А.И. Кошелева // Русское общество 40-50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. 1.
- Крамер А. Авраам Веселовский, † 16-го января 1783 г. Заметка из дневника Августа Крамера // Русская старина, 1884, №10. С. 188-190.
- Мещерский А.П. Очерки берегов Рейна и Швейцарии. Из записок русского путешественника. М., 1844.
- Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816-1843. М., 1997.
- Михайлов М.М. Поездка в Швейцарию летом 1852 года // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. СПб., 1852. № 11 (ноябрь). С. 49-71.
- Михайловский-Данилевский А. И. Воспоминания. Из записок 1815 года. СПб., 1831г.
- Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814-1815 годов. СПб., 1836.
- Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. СПб., 2001.
- Данилевский А. Отрывки из Журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 году // Сын Отечества. 1817. № 10. С. 121-140.
- Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже. СПб., 1907.
- Ниберг, Рейнгольд Путешествие по Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии и Нидерландам в 1828 и 1829 годах доктора Р. Ниберга, содержащее описание главных городов Европы, учебных, богоугодных и лечебных заведений, увеселительных мест, и других достопримечательностей. СПб., 1831. Т. 2.
- Печерин В.С. Замогильные записки (Aprologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 148-311.
- Печерин В.С. Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера // Московский наблюдатель, 1835, декабрь, книга 1 (или по новой нумерации ч.5, №19). С.330–359.
- Письма А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.
- Письма В.А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 году // Русская старина. 1902. № 5. С. 337-358.
- Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- Письмо Ф.П. Веселовского М.П. Бестужеву-Рюмину // Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897. Т.2. С.32.
- Письмо С.И. Михалкова Н.И. Тургеневу. Женева, 27 июля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. СПб., 1913. С. 410-411.

- Письмо В.П. Петрова А.А. Самборскому. Женева, 17 мая 1774 г. // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 243.
- Письмо Б.М. Салтыкова И.И. Шувалову // Костышин Д.Н. Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 117-119.
- Письмо графа А. П. Шувалова к Вольтеру // Русский архив, 1886. Кн. 2. Вып. 5. С. 148-151.
- Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
- Плещеев С.И. Начертание путешествия Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Марии Федоровны под именем Графа и Графини Северных [...]. СПб., 1783.
- Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): Дорожный дневник. Т. 4. М., 1844.
- Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006.
- Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986.
- Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л. 1938. Т. 1.
- Розен Е.Ф. Путешествие по Швейцарии // Сын Отечества. СПб., 1849, кн. 9, ч. III. С. 1-74.
- Рот Р. Достопамятное в Европе, то есть описание того, что для любопытного смотрения света, также за нужду или по случаю путешествующему в знатнейших местах Европы знать надлежит. СПб., 1761.
- Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в 3 т. Т 1. М., 1961.
- Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 1-105.
- Путешествие на гору Юру // Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. 3. С. 434-439.
- Свербеев Д.Н. Записки (1799-1826). Т. 1, 2. М., 1899.
- Соч. имп. Екатерины II. СПб., 1907., Т. XII.
- Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. М., 1914.
- Строганов А.С. Письма Строганова А.С. к Строганову С.Г. (за период сентября / октября 1752-сентября 1754, декабря 1755) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. XIV, М., 2005. С. 17-37, 54-57.
- Стурдза А.С. Дань памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20 (октябрь). Отд. 1. С. 213-228.
- Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.). М., 1964.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 2. М., 1991.
- Чижов Ф.В. Прощание с Францией и Женева // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 485-589.
- Швейцария с присоединенными к ней землями, из Бишинговой Географии / Пер. с нем. яз. Петр Ковалев. СПб., 1778.

- Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб., 2006.
- Шляпкин И. Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II. (1736-1799). (По новым данным) // Исторический вестник, 1885. Т. 23. № 11. С. 381-405.
- L'abeille ou les veillées de village, pour servir de suite aux entretiens de Maître Pierre. T. 1. Lausanne, 1836.
- Adisson J. Remarks on several parts of Italy etc. London, 1736.
- Altmann J. G. Versuch einer historischen und physischen Beschreibung der helvetischen Eisberge, 1751.
- Am Bühl J. L. Neue Schweizerlieder nebst einigen anderen Gedichten. Bern, 1776.
- Am Bühl J. L. Die Briefftasche aus den Alpen. Zürich, 1780.
- Andreae J. Briefe aus der Schweiz nach Hannover geschrieben, in dem Jahre 1763. Zürich und Winterthur, 1776.
- von Balthasar J. A. F. Lobrede auf Herrn Albrecht von Haller von... von Balthasar. Basel, 1778.
- von Balthasar J. A. F. Verteidigung des Wilhelm Tell. 1760.
- Besson W. Manuel pour les savants et les curieux qui voyagent en Suisse. Berne, 1786.
- Haller G. E. (Hrsg.) Bibliothek der Schweizer Gedichte und aller Theile, die darin Bezug haben. 6 Bde. Bern, 1785.
- von Bonstennen K. V. Briefe über ein schweizerisches Hirtenland. Basel, 1782.
- von Bonstennen K. V. Der Einsiedler, eine Alpengeschichte. Mannheim, 1788.
- Bourrit M.-T. Description des glaciers de Savoye. Genève, 1773.
- Bourrit M.-T. Description des Alpes pennines et rhétiennes. 2 vol. Genève, 1791.
- Bourrit M.-T. Descriptions des cols ou passages des Alpes. 2 vol. Genève, 1803
- Bulletin des sciences médicales. T. XVI. Paris, 1829.
- Bürkli J. (Hrsg.) Gedichte über die Schweiz und über Schweizer. 2 Bde. Bern, 1793.
- Bürkli J. (Hrsg.) Schweizerische Blumenlese. 3 Bde. Zürich, 1780-1783.
- Büsching A. F. Erdbeschreibung. 10 Theil, welcher die vereinigten Niederlande, Helvetien, Schlesien und Glatz enthält. Hamburg, 1792.
- Büsching A. F. Neue Erdbeschreibung. 4 Theil, welcher die vereinigten Niederlande, Helvetien, Schlesien und Glatz, enthält. Dritte Auflage. Hamburg, 1767.
- Cart J. L. Histoire de mouvement religieux et ecclésiastique dans le canton de Vaud pendant la première moitié du dix-neuvième siècle. T. 1. Lausanne, 1870.
- Chansons des Sociétés des Belles-Lettres de Lausanne, Genève et Neuchâtel. Lausanne, 1864.
- Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre Ier (publiée par J. Ch. Biaudet et F. Nicod). T.1. Neuchâtel, 1978; T.3. Neuchâtel, 1980.
- Coxe W. Briefe über den natürlichen bürgerlichen und politischen Zustand der Schweiz an Wilhelm Melmoth. Zürich, 1781.
- Coxe W. Travels in Switzerland. V. 1-3. London, 1789.
- Ebel J. G. Anleitung, auf die nützlichste und genussvollste Art die Schweiz zu

bereisen. Zürich, 1843.
 Ebel J. G. Manuel de voyageur en Suisse... par J-G- Ebel. Zürich, 1810-11. T. 1-4.
 Ebel J. G. Schilderung der Gebirgsvölker der Schweiz. 2 Bde. Leipzig, 1798 und 1802.
 Fäsi J. C. Genaue und vollständige Staats- und Erdbeschreibung der ganzen Helvetischen Eidgenossenschaft, derselben gemeinen Herrschaften und zugewandten Orten. 4 Bde. Zürich, 1765-1768.
 La princesse Catherine Orloff // Feuille d'Avis de Lausanne, 7.11.1936. P.2.
 Freudenberger U. Der Wilhelm Tell. Ein dänisches Mährgen. 1760.
 Gazette de Lausanne, 23.05.1823.
 German evenings. London, 1869.
 Gessner C. Descriptio Montis Fracti sive Montis Pilati. 1555.
 Gessner S. Das Hölzerne Bein, eine Schweizer-Idylle. V. Teil. Zürich, 1772.
 Gessner S. Idyllen. Stuttgart, 1988.
 Gilliard C. Trois lettres de F.-C. De Laharpe // Revue historique vaudoise. Lausanne, V.32, 1924. № 6. P. 173-179 ; № 7. P. 205-211.
 von Goethe J. W. Briefe aus der Schweiz // Goethes Werke, Abth. 1, Bd.19. München, 1899.
 Compte Fédor Golovkine La cour et le règne du Paul I. Portraits, souvenirs et anecdotes. Paris, 1905.
 Lettres diverses recueillies en Suisse par le C-te Fédor Golowkin. Genève - Paris, 1821.
 Lettres du Compte de Golowkin à M. Nicolas Chatelain. (avec une préface par William Reymond et«Notice» par N. Chatelain) // Revue Suisse. T. XXIV. Neuchâtel, 1861.
 Grasser J. J. Itinerarium... per celebriores regiones Helvetiae. Basel, 1624.
 Gray R. Letters during the Course of a Tour through Germany, Switzerland and Italy. London, 1794.
 Grinfield T. A century of original sacred songs; composed for favorite airs. London, 1838.
 Gruner G. S. Die Eisgebirge des Schweizerlandes. 3 Bde. Bern, 1760.
 Guttinguer U. Mélanges poétiques. Paris, 1824.
 von Haller A. Des Herrn Albrecht von Hallers Alpengedicht. Nebst einer Naturhistorischen Beschreibung der Alpen von ebendemselben. Les Alpes. Poème de M. Haller, avec une description physique des Alpes par le même. Bern, 1795.
 von Haller A. Versuch Schweizerischer Gedichten. Bern, 1732.
 von Haller A. Vorrede // Merkwürdige Prospekte aus den Schweizer-Gebürgen und derselben Beschreibung. Bern, 1776.
 Heidegger H. Handbuch für Reisende durch die Schweiz. Zürich, 1799 (1. Aufl. 1791).
 Herrliberger D. Neue und vollständige Topographie der Eydgenossenschaft... 2 Teile. Zürich, 1754-1758.
 Hirschfeld C. C. L. Briefe, die Schweiz betreffend. Leipzig, 1776.
 Hübner J. Johann Hübners vollständige Geographie. 8 Aufl. Hamburg, 1756.
 Keate G. The alps. A poem. By George Keate, Esq. London, 1763.
 Küttner K.G. Briefe eines Sachsen aus der Schweiz an seinem Freund in Leipzig. Leipzig, 1785.
 de Laborde J.-B. et ZurLauben B. F. Tableaux topographiques, pittoresques, physiques, historiques, moraux, politiques, littéraires, de la Suisse. Paris, 1780-1788.

de Langle J.-M.-J. F. Tableau pittoresque de la Suisse. Paris, 1790.

de Lantier E.-F. Les voyageurs en Suisse. T.1-3. Paris, 1803.

Lavater J. C. Schweizerlieder. Von einem Mitgliede der helvetischen Gesellschaft zu Schinznach. Bern, 1767.

Lescarbot M. Le Tableau de la Suisse et autres alliez de la France és hautes Allemagnes. Paris, 1618.

Le livre du recteur de l'Académie de Genève (1559-1878), publié par Suzanne Stelling-Michaud. 6 vol. Genève, 1959-1980.

von Matthisson F. Gedichte. Zürich, 1808.

Marti B. (Benedictus Aretius) Stockhorni et Nessi Descriptio (Beschreibung von Stockhorn und Niesen). Strassburg, 1561.

Martyn T. Sketch of a Tour through Switzerland. London, 1787.

Merkwürdige Prospekte aus den Schweizer-Gebürgen und derselben Beschreibung. Bern, 1776.

de Montaigne M. Journal de voyage de Michel de Montaigne en Italie, par la Suisse & l'Allemagne, en 1580 & 1581. Rome; Paris, 1774.

Müller J. Stockhornias (auf Latein). 1537.

Münster S. Cosmographie oder Beschreibung Aller Länder herrschafftenn vnd fürnemesten Stetten des gantzen Erdbodens... Basel, 1588. (erste Ausgabe 1544).

Nikolai F. Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781. 12 Bde., Berlin u. Stettin, 1783–1796

Nugent T. The Grand Tour. London, 1743. T. 1-4.

de la Platière R. Lettres écrites de Suisse, d'Italie, de Sicile et de Malthe par M. avocat au Parlement, à Mlle M. 6 vol. Paris, 1780.

Prévost A. F. Histoire générale des Voyages. Paris, 1746-1759. T. 1-15.

von Puffendorf S. Zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten... Frankfurt-am-Main, 1718. (erste Ausgabe 1684).

de Rasoumowsky G. Compte Essai de système de la transition de la nature dans le règne mineral. Lausanne, 1785.

Histoire naturelle du Jorat et de ses environs; et celle de trois lacs: de Neufchâtel, Morat et Bienne; précédées d'un Essai sur le Climat, les Productions, le Commerce, les Animaux de la partie du Pays de Vaud ou de la Suisse Romande, qui entre dans le plan de cet Ouvrage. Par M. Le C-te G. De Rasoumowski. En 2 t. Lausanne, 1789.

Oeuvres de M. Le Comte Grégoire de Rasoumowski, membre de la société des Sciences physiques de Lausanne, contenant: Tome I-er: Le Comte de Rasoumowski G. Voyage minéralogique et physique de Bruxelles à Lausanne, par une partie de Luxembourg, de la Lorraine, de la Champagne, et de la Franche-Comté; Tome II: Voyages minéralogiques dans le gouvernement de l'Aigle et dans le Vallois, suivis de la relation d'une excursion sur le Lac de Lucerne, ou Lac de quatre Cantons. Lausanne. 1784.

Premier voyage dans les Alpes et autres textes, 1728-1732 / Albrecht von Haller ; éd. établie, annotée et présentée par Aurélie Luther ; sous la dir. de Claire Jaquier. Genève; Paris. 2008.

- de Rasoumowsky G. *Compte Voyage aux environs de Vevay et une partie de Vallois // Mémoires de la société des sciences physiques de Lausanne*. T. 1. Lausanne, 1784.
- Rebmann H. R. *Ein Lustig und ernsthaft poetisch gastmal, und Gespräch zweyer Bergen, in der Loblichen Eydgnößschaft, und im Berner Gebiet gelegen...* Bern, 1620.
- Reichard H. *Handbuch für Reisende aus allen Ständen*. Leipzig, 1784.
- Robert de Vaugondy D. *Voyage dans les Treize Cantons Suisses*. 2 vol. Paris, 1789.
- von La Roche S. *Tagebuch einer Reise durch die Schweiz, von der Verfasserin von Rosaliens Briefen*. Altenburg, 1787.
- Roth E. R. *Memorabilia Europæ, Oder Denckwürdigste Sachen, Welche Ein Curioser Reysender in den fürnehmsten Städten, Schlössern, etc. Europæ heutiges Tages zu observiren hat; und sich dessen gar füglich statt eines kleinen Zeitungs-Lexici bedienen kann. Zum zwölfften mahl herausß gegeben*. Ulm, 1712.
- Rousseau J.-J. *Julie, ou la nouvelle Héloïse (Lettres de deux amans habitans d'une petite ville au pied des Alpes)*. Amsterdam, 1761.
- Ruchat A. *Les délices de la Suisse, Une des principales Républiques de l'Europe: Où l'on peut voir tout ce qu'il y a de plus rémarquable dans son Pays & dans celui de ses Alliez...* / Par le Sr. Gottlieb Kypselier De Munster... 4 vol. Leyde, 1714.
- de Saussure H.-B. *Voyages dans les Alpes : précédés d'un essai sur l'histoire naturelle des environs de Genève*. Neuchâtel; Genève 1779 – 1796. T. 1-4.
- Scheuchzer J. J. *Beschreibung der Natur-Geschichten Des Schweizerlands. Seltsamer Naturgeschichten des Schweizer-lands Wochentliche Erzählung. In drei Teilen*. Zürich, 1706-1708.
- Scheuchzer J. J. *Johann Jacob Scheuchzers Naturgeschichte des Schweizerlandes sammt seinen Reisen über die Schweitzerische Gebürge. Aufs neue herausgegeben und mit einigen Anmerkungen versehen von J.G. Sulzern*. Zürich, 1746.
- Schiller F. *Wilhelm Tell*. Tübingen, 1804.
- von Schlözer A. L. *August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privatleben*. Göttingen, 1802.
- Simler J. *Vallesiae Descriptio; De Alpibus Commentariis*. Zürich, 1574.
- Stanyan A. *An account of Switzerland. Written in the year 1714*. London, 1714.
- Steinmüller J. R. *Beschreibung der Schweizerischen Alpen und Landwirtschaft*. 2 Bde. Winterthur, 1802-1804.
- Sulzer J. G. *Beschreibung der Merkwürdigkeiten einzelner Orte des Schweizer Landes (Joh. Geo. Sulzers Beschreibung der Merckwürdigkeiten, welche er in einer Ao. 1742 gemachten Reise durch einige Orte des Schweitzerlandes beobachtet hat)*. Zürich, 1743.
- Sulzer J. G. *Johann Georg Sulzers Untersuchung von dem Ursprung der Berge, und andrer damit verknüpften Dinge*. Zürich, 1746.
- The night watch, or Tales of the sea*. Vol. 2. London, 1828.
- Tscherner V. B. *Historische, geographische und physikalische Beschreibung des Schweizerlandes. In alphabetischer Ordnung abgehandelt...* Bern, 1782-1783.

- Über die Schweiz und die Schweizer. 2 Bde. Berlin, 1795-1796 (mutmaßliche Verfasser oder Herausgeber - Lange K. J. und Witte K. H. Gottfried).
- Voltaire's Correspondence, ed. by Th. Besterman. Genève, 1953-1965. V.31.
- Oeuvres complètes de Voltaire (V. 1-52). Paris, 1877—1885. V. 40.
- Voyage en Suisse du Comte du Nord (Paul Petrowitsch, tsarewitsch). 1782. Communication de M.M. de Diesbach. In : Nouvelles étrennes fribourgeoises, V. XXIV, 1890, P. 85.
- Vues Remarquables Des Montagnes De La Suisse: Dessinées Et Colorées D'Après Nature ; Avec Leur Description [Rudolf Henzi. Vorwort: De Haller]. Amsterdam, 1785.
- Walser G. Atlas Novus Reipublicae Helveticae. Nürnberg, 1769.
- Walser G. Schweitzer-Geographie samt den Merkwürdigkeiten in den Alpen und hohen Bergen. Zürich, 1770.
- Wyss J. R. Hand Atlas für Reisende in das Berner Oberland. Bern, 1816.
- Wytttenbach J. S. Anleitung, für diejenigen, welche eine Reise durch einen Theil der merkwürdigen Alpengegenden, des Lauterbrunnen-Thals, Grindelwaldes u. über Meyringen auf Bern machen wollen. 8. Bern. 1777.

Список литературы

- Айзикова И.А. Передача национально-исторического колорита в ранних прозаических переводах В.А. Жуковского (из Коцебу и Флориана) // Вестник Томского государственного университета. 2007, № 1. С. 30-44.
- Амашер К. «Всё хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живётся туго...». Герцен и Достоевский в Женеве // Родина. 2014. № 1. С. 53-57.
- Андреев А.Ю. Александр I и Швейцария // Родина. 2014. № 1. С. 35-40.
- Андреев А.Ю. Швейцарский ландшафт русской культуры // Родина. 2014. № 1. С. 48-52.
- Афиани В.Ю., Хорошилова Л.Б. Познание России (путешествие как факт культуры и исторический источник) // Русская провинция. Культура XVIII-XX вв.: сб.ст. М., 1992. С.120-124.
- Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Т.1. М., 1836.
- Бартенев П.И. Предисловие к изданию «Записок» Ф.Н. Голицына // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 5. Стлб. 1271.
- Бекасова А.В. «Фарос молодых вельмож»: И.И. Шувалов и образовательные путешествия российских дворян // Философский век. Альманах. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории. СПб., 1998, С. 24-33.
- Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века // XVIII век. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 327-376.
- Ван-Мюйден Б. История швейцарского народа. Т. 2.Спб., 1900.

- Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880; Т. 5. СПб., 1894.
- Виноградов В.В. О языке карамзинского перевода идиллии С. Геснера «Деревянная нога» // Проблемы теории и истории литературы: Сб. статей, посвященный памяти проф. А.Н. Соколова. М., 1971. С. 101-105.
- Гиллерсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // А.И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.). С. 441-504.
- Голицын Н. (Предисл., публикация) И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты // Литературное наследство, М., 1937. Т.29/30. С. 259-342.
- Грезин И.И. Из истории строительства русских храмов в Швейцарии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 1(56). С. 137-144.
- Гулыга А. Подвиг Карамзина// Вопросы литературы. 1979. № 10. С. 211-230.
- Гумилинский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX вв. Л., 1984.
- Данилевский Р.Ю. Русские миражи в швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 237-280.
- Иванов М.В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 296-302.
- Канунников А.В. «Счастливым смертным, которого провидение ниспослало...» // Дворец и архив: 300-летие Лефортовского дворца. М., 2001. С. 45-55.
- Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 319-337.
- Кислягина Л.Г. Н.М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения // Человек эпохи просвещения. М., 1999. С. 48-61.
- Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина (1785-1803). М., 1976.
- Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. В 3 т. СПб., 2003.
- Копанев Н.А. Как Вольтер стал «русским»// Петровское время в лицах - 2002: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002.
- Копанев Н.А. Франц Лефорт, Вольтер, А.П. Веселовский // Швейцарцы в Петербурге. Сб. ст. СПб., 2002. С. 440-447.
- Костышин Д.Н. Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 100-131.
- Кочеткова Н.Д. Проблемы изучения литературы русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 32-43.

- Кросс А.Г. Василий Петров в Англии (1772-1774) (пер. Р.А. Зерновой) // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 229-246.
- Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776-1780 гг.) и ее "Небольшое путешествие в Горную Шотландию" (пер. Ю.Д. Левина)// XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 223-238.
- Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 210-228.
- Куприянов П.С. Русское заграничное путешествие начала 19 века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. №1-2 С. 59-73; 2005, №1.
- Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005.
- Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: 1839 // Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1. 1803-1844. Мураново, 1999.
- Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: 1847 // Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 2. 1844-1860. Мураново, 2003.
- Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.
- Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М. Карамзин Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525-606.
- Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
- Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 102 -131.
- Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1803) // Ученые записки Тартуск. гос. ун-та, 1957, вып. 51. С. 122-166.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Н.М.Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 523.
- Марченко Н.А. История текста «Писем русского путешественника» // Н.М.Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 607-612.
- Михайлова К.В. Картина С.Ф. Щедрина «Александр I у Шафгаузенского водопада» (к вопросу о петербургском периоде творчества художника) // Государственный Русский музей. Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980. С. 99-110.
- Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974.
- Михельсон В.А. Русский путевой очерк XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972.
- Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.,1986.
- Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1877.
- Немировский И.В. Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 271-280.
- Огарков В.В. Воронцовы: Их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. СПб., 1892.

- Орлов Л. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина как произведение русской просветительской литературы XVIII в. // Вести. МГУ. Филология. 1977. № 2. С. 16—29.
- Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова // Русский архив. 1908. Т. 127. № 7-8, Т. 128 № 9-12.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002. Т. 3. М., 2002.
- Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
- Павленко Н.И. Лефортово. М., 2009.
- Песков А.М. Павел I. М., 2005.
- Петров И. А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006.
- Платонова Н. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство, М., 1939. Т. 33-34. С. 12-24.
- Победимова Г.А. «К великой пользе России...» (Образовательные путешествия дворян Демидовых по Европе в 1751-1761 гг.) // Путешествие братьев Демидовых по Европе: Письма и подневные Журналы, 1750-1761 гг. М., 2006. С.7-50.
- Поэты XVIII века. Т. 1.Л., 1972.
- Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История Российской Империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век, Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 170-186.
- Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2.
- Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007.
- Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.
- Симонова И.А. Федор Чижов. М., 2002.
- Сиповский В.В. Николай Михайлович Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
- Смекалина В.В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184-188.
- Смекалина В.В. (сост., коммент.) Шильонский замок: литературный путеводитель. Вейто / Монтрё: Фонд Шильонского замка, 2013.
- Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн.8. М., 1993.
- Строев А.Ф. «Выбор гувернера»: Фридрих Цезарь Лагарп, Фридрих Мельхиор Гримм и Карл Фридрих Тиманн // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII-XIX вв. (под ред. А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого). М., 2011. С.218-232.
- Топчян А. О том, как Россия помогала голодающей Швейцарии// Русская мысль. 1998. № 4229 (2-8 июля). С. 10-22.
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.6. СПб., 1859.
- Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, М., 2003.
- Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.
- Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1897.

- Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1996.
- Шишкин М.П. Русская Швейцария. М., 2006.
- Юркин И.Н. Демидовы - ученые инженеры организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001.
- Albrecht von Haller: Leben-Werk-Epoche. Hg. von Hubert Steinke, Urs Boschung u. Wolfgang Proß. Göttingen, 2008.
- Alville (Watteville A. de) La vie en Suisse de S.A.I. la Grande-duchesse Anna Feodorovna née princesse de Saxe-Cobourg-Saalfeld. Lausanne, 1942.
- Barkhoff J., Heffernan V. Schweiz schreiben: Zu Konstruktion und Dekonstruktion des Mythos Schweiz in der Gegenwartsliteratur. Berlin; New-York, 2010.
- Becker-Cantarino B. German literature of the eighteenth century: the enlightenment and sensibility. N. - Y., 2005.
- Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et sovetique, XXXIV, (1-2), janvier – juin 1993. P.193-209.
- Bibliographia Halleriana. Verzeichnis der Schriften von und über Albrecht von Haller. Herausgegeben von Hubert Steinke und Claudia Profos. Basel, 2004.
- Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt-am-Main, 1996.
- Berger R., Linder J.-G. La côte vaudoise. Morges, 1988.
- Bernard P. Rush to the Alps. New York, 1978.
- Bertrand G. Le grand tour revisité: pour une archéologie du tourisme: Le voyage des français en Italie ; (milieu XVIIIe siècle-début XIXe siècle). Rome, 2008.
- Binz L. Brève histoire de Genève. Genève, 2000.
- Black J. The British and the Grand Tour. London, 1985.
- Boerlin-Brodbeck Y. Die „Entdeckung“ der Alpen in der Landschaftsmalerei des 18. Jahrhunderts // Tagung der deutschen Gesellschaft für die Erforschung des 18. Jahrhunderts, Herzog-August Bibliothek Wolfenbüttel. Heidelberg, 1995. S. 253-270.
- Bory J.-R. Histoire de la Russie et de ses relations avec la Suisse. Genève, 1999.
- Boschung U. Johannes Gessner (1709-1790). Der Gründer der Naturforschenden Gesellschaft in Zürich. Zürich, 1996.
- Bourdon É. Le voyage et la découverte des Alpes. Histoire de la construction d'un savoir (1492-1713). Paris, 2011.
- Brang P. Ein Dichter-Maler in der Schweiz. Žukovskijs Reisen von 1821, 1832/33 und 1849 // Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S. 91- 120.
- Brang P. Les russes et le mythe suisse. In: Alexandre Herzen (1812–1870) - Russe de coeur, Européen d'esprit, Suisse d'adoption. L'errance d'un témoin prophétique. Fribourg 1996. S. 85-88.

- Brang P. „Mein Erstaunen schwand...“. Zum Schweiz-Mythos in der russischen Literatur. In: Neue Zürcher Zeitung, Zürich., 206. Jg., 1985, 9./10.3.(N. 57), S.66 (Wiederabdr. In: Schweiz-Russland. Beziehungen und Begegnungen. Zürich. 1989. S. 127-133).
- Braun R. Das ausgehende Ancien Régime in der Schweiz: Aufriß einer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1984.
- Brauer G. C. The Education of a Gentleman. Theories of Gentlemanly Education in England, 1660 - 1775. N. -Y., 1959.
- Brilli A. Quand voyager était un art. Le roman du Grand Tour. Paris, 2001.
- Claudon F. Le voyage romantique. Des itinéraires pour aujourd'hui. Paris, 1986.
- Chard C. Pleasure and guilt of the Grand Tour. Travel writing and imaginative geography 1600-1830. Manchester and New Yourk, 1999.
- Coppet et la revolution de Suisse 1797-1805. Forum europeen de Coppet. Vaud, 2003.
- Cross A. Karamzin's first short story? // Essays in Russian history and literature. Leiden, 1972. P. 38-55.
- La culture du voyage. Pratiques et discours de la Renaissance à l'aube du XX siècle. Sous la redaction de Gilles Bertrand. Paris 2004.
- Cunche G. La renommée de A. de Haller en France. L'influence du poème des Alpes sur la littérature descriptive du XVIII siècle. Neuchâtel, 1921.
- Danilevsky R. Ju. Eine Bergphilosophie. Russische Schriftsteller in den Alpen. In: Fakten und Fabeln... Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S. 69.
- Debrunner A.M. Das güldene schwäbische Alter. Johann Jacob Bodmer und das Mittelalter als Vorbildzeit im 18. Jahrhundert. Würzburg, 1996.
- Dirlinger H. Bergbilder. Die Wahrnehmung alpiner Wildnis am Beispiel der englischen Gesellschaft 1700-1850. Frankfurt-am-Main, 2000.
- Dreyer, Alois Geschichte der alpinen Literatur : ein Abriss. München, 1938.
- Ecrire le voyage. Textes réunis par György Tverdota. Cordon Art-Baarn – Holland, 1994.
- Engel C.-E. La littérature alpestre en France et en Angleterre aux XVIII et XIX siècles. Chambéry, 1930.
- L'Europe littéraire et l'ailleurs. Paris, 1998.
- Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt-am-Main, 1991.
- Francillon R. The Enlightenment in Switzerland // Reconceptualizing Nature, Science and Aesthetics. Genève, Paris. 1998. P.13-27.
- Freivogel T. «auf einem hohen Felsen [...] und den Alpen in der Ferne». Hirschfelds Haller-Denkmal // Albrecht von Haller zum 300. Geburtstag. S. 123.
- Frey A. Albrecht von Haller und seine Bedeutung für die deutsche Literatur. Leipzig, 1879.
- Frey J. Die Alpen im Lichte verschiedener Zeitalter // Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, 12. Serie, 274. Berlin, 1877.
- Ganz W. Die Tobler aus Zürich, 1626-1926. Zürich, 1928.

- Gargett G. JACOB VERNET: THEOLOGIAN and ANTI-PHILOSOPHE // *Journal for Eighteenth-Century Studies*, Volume 16, Issue 1, March 1993, pp. 35–52.
- Gellerman S. Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe// *Fakten und Fabeln...* Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 73-90.
- Grand-Carteret J. La montagne à travers les âges. 2 vol. Grenoble, 1903, 1904.
- von Greyerz O. Sprache – Dichtung – Heimat. Bern, 1933.
- Gryzik A. La découverte des Alpes dans la poésie polonaise, dans : La haute montagne. Vision et représentations // *Le monde alpin et rhodanien (Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Revue régionale d'ethnologie)*. No 1-2, Grenoble, 1988. P. 237-243.
- Gsteiger M. Nationales Selbstverständnis in den Literaturen der Schweiz. In: *Europa und das nationale Selbstverständnis. Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts*. Bonn, 1988, S. 119-134.
- Guignard A. « Impressions » ironiques du voyage en Suisse et dans les Alpes. Travail présenté à la Faculté des Lettres de l'Université de Lausanne pour obtenir le grade de docteur ès lettres par Adrien Guignard, sous la direction du Professeur Claude Reichler. Lausanne, 2008.
- Hafid-Martin N. Voyage et connaissance au tournant des Lumières (1780-1820). Oxford, 1995.
- The natural philosophy of Albrecht von Haller. Ed. Shirley A. Roe. N.-Y., 1981.
- La haute montagne. Vision et représentations // *Le monde alpin et rhodanien*, N 1-2, 1988. Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Grenoble, 1988. *Revue régionale d'ethnologie*.
- Hentschel U. Mythos Schweiz: zum deutschen literarischen Philhelvetismus zwischen 1700 und 1850. Tübingen, 2002.
- Herking M.-L. Ch. -V. de Bonstetten, 1745-1832: Sa vie, ses oeuvres. Lausanne, 1921.
- Herrmann Palmieri I. Les « Extraits de lettres de l'étranger » de Matthieu Wolkoff, un récit de voyage banal ?, Mémoire de licence (sous la direction du Prof. Georges Nivat), Genève, 1992.
- Herrmann Palmieri I. A la découverte des sensations et réflexions de Madame Kurdjukova Dan Zeneve. Extraits d'un récit de voyage macaronique // *Revue du Vieux Genève*. 1994, pp. 57-65.
- Hibbert Ch. The Grand Tour. London, 1969.
- Histoire et Civilisations des Alpes. I. Destin historique. II. Destin humain. Lausanne, 1980. Publié sous la direction de Paul Guichonnet.
- Hofmann E., Rosset F. Le Groupe de Coppet. Une constellation d'intellectuels européens. Presses polytechniques et universitaires romandes (coll. Le Savoir Suisse). Lausanne, 2005.
- Im Hof U. Das gesellige Jahrhundert. Gesellschaft und Gesellschaften im Zeitalter der Aufklärung. München, 1982.
- Im Hof U. Die Entstehung einer politischen Öffentlichkeit in der Schweiz. Frauenfeld, 1983.
- Im Hof U. Mythos Schweiz. Zürich, 1991.
- Jaume L. (dir.) Coppet, creuset de l'esprit libéral. Paris; Aix-en-Provence, 2000.
- Jenny H. E. Die Alpendichtung der deutschen Schweiz. Bern, 1905.
- Jost F. Rousseau et la Suisse. Neuchâtel, 1962.

- Joutard P. La montagne, une invention protestante, dans : La haute montagne. Vision et représentations // Le monde alpin et rhodanien (Centre alpin et rhodanien d'ethnologie, Revue régionale d'ethnologie). N 1-2, Grenoble, 1988. P. 123-124
- Kamber U. Für wen ist die Schweiz merkwürdig? Basel, 1972.
- Kammerer F. Zur Geschichte des Landschaftsgefühls im frühen achtzehnten Jahrhundert. Berlin, 1909.
- Kempf F. R. Albrecht von Hallers Ruhm als Dichter. New York; Bern; Frankfurt-am-Main, 1986.
- Kloocke K. (dir.) Le groupe de Coppet et l'Europe: 1789-1830, Lausanne, 1994.
- Kuenen E. Schillers Wilhelm Tell: Erlautert und Gewürdigt für höhere Lehranstalten sowie zum Selbststudium. Leipzig, 1905.
- Lacoste-Veysseyre C. Les Alpes romantiques. Le thème des Alpes dans la littérature française de 1800 à 1850. Genève, 1981.
- Landes- und Reisebeschreibungen: Ein Beitrag zur Bibliographie der schweizerischen Reiseliteratur. Bern, 1899.
- Leibetseder M. Die Kavalierstour: adlige Erziehungsreisen im 17. und 18. Jahrhundert. Köln [u.a.]: Böhlau, 2004.
- Liebi A. Das Bild der Schweiz in der deutschen Romantik. Bern-Leipzig, 1946.
- Lunn A. The Englishman in the Alps. London, 1913.
- Maisons paysannes suisses. Texte et photos de Pierre Debrot. Neuchâtel, 1979.
- Maissen T. Als die armen Bergbauern vorbildlich wurden. Ausländische und schweizerische Voraussetzungen des internationalen Tugenddiskurses um 1700 // Reichtum und Armut in den schweizerischen Republiken des 18. Jahrhunderts. Akten des Kolloquiums vom 23.-25. November 2006 in Lausanne. Genève, 2010. S. 95-112.
- Mead W. E. The Grand Tour in the Eighteenth Century. N.- Y., 1914.
- Meister F. Kultur- und Wanderwege. Die andere Schweiz. Thun, 2003.
- Mer et montagne dans la culture européenne (XVIe – XIXe siècle). Rennes, 2011.
- Miroirs de textes. Récits de voyage et intertextualité. Nice, 1998.
- Mitteilungen, Neue Folge / Naturforschende Gesellschaft in Bern. Band 66. Bern, 2009.
- Naumann K. Utopien von Freiheit. Die Schweiz im Spiegel schwedischer Literatur. Basel und Frankfurt-am-Main, 1994.
- Netscheporuk J. (Hrsg.) Die russische Entdeckung der Schweiz: Ein Land, in dem nur gute und Ehrbare Leute leben. Zürich, 1989.
- Pageaux D.-H. Une perspective d'étude en Littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis, VIII. Bucarest, 1981.
- Pasquali A. Le tour des horizons. Critique et récits des voyages. Paris, 1994.
- Peyer G. Geschichte des Reisens in der Schweiz. Basel. 1885.
- Raeber W. Caspar Wolf: 1735–1783; sein Leben und sein Werk. Ein Beitrag zur Geschichte der Schweizer Malerei des 18. Jahrhunderts. Schweizerisches Institut für Kunstwissenschaft. Oeuvrekatalog Schweizer Künstler Bd.7. Aarau, 1979.

- Rajotte P. Le récit de voyage au XIX siècle. Aux frontières du littéraire. Montréal (Quebec), 1997.
- Raymond P. Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache : die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen und die Literarisierung des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit. Tübingen, 1993.
- Reichler C. Entdeckung einer Landschaft. Reisende, Schriftsteller, Künstler und ihre Alpen. Zürich, 2005.
- Reichler C. Le voyage en Suisse : anthologie des voyageurs français et européens de la Renaissance au XXe siècle. Paris, 1998.
- Relations savantes. Voyages et discours scientifiques. Paris, 2006.
- Reymond, Evelyne L'Alpe romantique. Grenoble, 1988.
- de Reynold G. Histoire littéraire de la Suisse au XVIIIe siècle : Le doyen Bridel (1757-1845) et les origins de la littérature Suisse romande. Lausanne, 1909.
- Riemann H. Opern-Handbuch : Repertorium d. dramatisch-musikalischen Literatur. Leipzig, 1887.
- Riggenbach H. Die Reise des Compté du Nord von 1782 aufgrund neuer Archivfunde // Fakten und Fabeln... Basel; Frankfurt-am-Main, 1991. S. 49-62.
- Ring J. How the English made the Alps. London, 2000.
- Schirmer G. Die Schweiz im Spiegel englischer und amerikanischer Literatur bis 1848. Zürich und Leipzig, 1929.
- Schmidt A. Die Alpen: eine schweizer Mentalitätsgeschichte. Frauenfeld, 2011.
- Schneider F. Im Brennpunkt der Schrift. Die Topographie der Deutschen Idylle in Texten des 18. Jahrhunderts. Würzburg, 2004.
- Schweiz - Russland: Beziehungen und Begegnungen. Zürich, 1989.
- Sehen und Beschreiben. Europäische Reisen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Eutin, 1990.
- Siegrist C. Albrecht von Haller. Stuttgart, 1967.
- Siegrist R. L'essor de la science moderne à Genève. Lausanne, 2004.
- Spindler R. Die Alpen in der englischen Literatur und Kunst. Leipzig, 1932.
- Stadler H. Mythos Gotthard. Was der Pass bedeutet. Zürich, 2003.
- Stoye J. W. English Travellers Abroad, 1604–1667: Their Influence in English Society and Politics. London, 1952.
- Studer P., Egger S. From the Margins to the Centre: Irish Perspectives on Swiss Culture and Literature. Bern, 2007.
- Stunzi L. Tell. Werden und wandern eines Mythos. Bern u. Stuttgart, 1973.
- Stutzer W. Jean-Jacques Rousseau und die Schweiz : Zur Geschichte des Helvetismus. Diss. Zürich, 1950.
- Thomke H., Bircher M., Pross W. Helvetien und Deutschland: kulturelle Beziehungen zwischen der Schweiz und Deutschland in der Zeit von 1770-1830. Amsterdam; Atlanta, 1994.
- van Tieghem P. Les Idylles de Geßner et le rêve pastoral dans le préromantisme européen // Revue de littérature comparée. T. IV, Paris, 1924.
- Tissot L. Naissance d'une industrie touristique. Les Anglais et la Suisse au XIXe siècle. Lausanne, 2000.

- Tosato-Rigo D. Nobles russes en terre républicaine: les Golowkin // Deux siècles de présence russe en Pays de Vaud. Genève, 2012. P. 69-80.
- Trease G. The Grand Tour. London, 1967.
- Umgang mit der Schweiz. Nichtschweizer über die Schweiz und ihre Erfahrungen mit ihr. Frankfurt-am-Main, 1990.
- Wackernagel H. G. Altes Volkstum der Schweiz. Basel, 1956.
- Wahl H. Goethes Schweizerreisen: Tagebücher, Briefe, Gedichte, Handzeichnungen. Gotha, 1920.
- Weishaupt M. Bauern, Hirten und „frume edle puren“. Basel u. Frankfurt-am-Main, 1992.
- Weiss R. Das Alpenerlebnis in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts // Wege zur Dichtung, XVII, 1933.
- Wetzel A. Partir sans partir. Le récit de voyage littéraire au XIX siècle. Toronto, 1992.
- Wissenschaft - Berge - Ideologien : Johann Jakob Scheuchzer (1672 - 1733) und die frühneuzeitliche Naturforschung. Basel, 2009.
- Wolfzettel F. Le discours du voyageur. Pour une histoire littéraire du récit du voyage en France, du Moyen Age au 18 siècle. Paris, 1996.
- Ziehen, Eduard Die deutsche Schweizerbegeisterung in den Jahren 1750-1815. Frankfurt-am-Main, 1922.
- Ziehen, Eduard Philhelvetism. Marburg, 1925.
- Zschokke, Heinrich Der Schweizerlandes Geschichte für das Schweizervolk. 2 Aufl. Aarau, 1824.
- Zschokke, Heinrich Die klassischen Stellen der Schweiz. Karlsruhe und Leipzig, 1836.

Справочная литература

- Лобанов–Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т.1. Спб, 1895.
- Русские писатели, 1800-1917: биографический словарь. Т. 1: А-Г. М., 1989; Т. 5: П-С. М., 2007.
- Русский биографический словарь. В 25 т. СПб., 1896 - 1913.
- Русский биографический словарь. Дополнительные материалы в 8 т. Т. 2. «Гоголь - Гюне». М., 1997; Т. 3. «Маак - Мятлева». М., 1999.
- Энциклопедический словарь Брокгаузена и Ефрона. Т. XX. СПб., 1897.
- Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1875-1912. Band 1, 1875; Band 9, 1879; Band 34, 1892; Band 43, 1898.
- Dictionnaire historique et biographique de la Suisse. Т. 6. Neufchatel, 1932.